RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

RUSSIA:
SUBJECTIVE AND OBJECTIVE FACTORS IN OVERCOMING CRISIS

SOCIAL AND SOCIO-POLITICAL SITUATION IN RUSSIA - 2009 year

Edited by
G.V.Osipov, V.V.Lokosov

MOSCOW
2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РОССИЯ:
СУБЪЕКТИВНЫЕ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА

СОЦИАЛЬНАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ в 2009 году

Под редакцией
Г.В.Осипова, В.В.Локосова

МОСКВА
2010

УДК 323/ 324(470+571)
ББК 66.3(2Рос)3
Р76
ISBN 978-5-7556-0431-4

Россия: субъективные и объективные факторы в преодолении кризиса. *Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2009 году: анализ и прогноз.* – М.: ИСПИ РАН, 2010. – 376 с.

Под редакцией
Г.В.Осипова, В.В.Локосова

Настоящая коллективная монография является продолжением реализации фундаментального научно-исследовательского проекта ИСПИ РАН комплексного изучения основных тенденций и закономерностей изменения социальной и социально-политической ситуации в постсоветской России. В рамках проекта издано 18 монографий, в которых собран и систематизирован уникальный концептуальный, статистический, эмпирический материал, раскрывающий подлинную сложность *социальных последствий* трансформации российского общества в 1991–2009 гг. Тексты монографий позволяют из фрагментарности меняющихся событий и мозаичности общественного мнения создать целостную научную картину поворотных для истории России преобразований.

Авторы рассматривают широкий круг вопросов социального и социально-политического развития российского общества в 2009 г., создания субъективных и объективных условий для инновационного выхода из системного кризиса, проблем консолидации российской нации. Работа построена на базе материалов прикладных исследований, проведенных подразделениями ИСПИ в 2009 г., большинство из которых публикуются впервые.

Тенденции, выводы, прогнозы, изложенные в монографии, могут быть использованы учеными, политиками дипломатами, специалистами, чьей областью деятельности является выработка конкретных управленческих решений и выбор социальных технологий. Книга также рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся развитием российского общества и судьбой России.

ISBN 978-5-7556-0431-4

© Институт социально-политических исследований РАН, 2010

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Акад. РАН Осипов Г.В. – Введение. Становление общества знания как условие развития России; **д.с.н. В.К.Левашов, В.А.Афанасьев, О.П.Новоженина, к.с.н. И.С.Шушпанова** – Динамика массового сознания; **д.с.н. В.В.Локосов** – Потенциал социальной активности и протеста населения; **д.с.н. Ю.А.Зубок, д.с.н., проф. В.И.Чупров** – Изменение механизма социальной регуляции развития молодежи; **к.ф.н. М.С.Савин** – Законодательство как фактор обеспечения прав человека; **д.ф.н., проф. В.И.Староверов** – Факторы преодоления кризиса в сельском хозяйстве; **к.с.н. В.В.Староверов** – Преодоление коррупционной среды рейдерства; **к.ф.н. Н.В.Мерзликин, к.с.н. А.В.Иванов** – Движущие силы инновационного развития России; **д.э.н., проф. Л.Л.Рыбаковский, к.э.н. Н.И.Кожевникова** – Оценки миграционного потенциала населения стран ближнего зарубежья; **д.э.н. С.В.Рязанцев, к.п.н. Е.Е.Письменная, к.э.н. Р.В.Маньшин** – Современная российская диаспора: особенности формирования и потенциал; **к.э.н. Н.В.Тарасова, к.э.н. А.Г.Гришанова, к.э.н. Т.И.Борзунова, к.э.н. Г.Ф.Морозова, к.э.н. Л.В.Макарова, Е.Б.Оберемок-Якубова** – Стационарные миграции как фактор формирования трудоспособного населения; **к.э.н. Е.П.Сигарева, д.э.н., проф. А.Е.Иванова** – Региональные вариации воспроизводства населения; **д.с.н., проф. В.В.Касьянов, к.с.н. С.В.Трошенок** – Миграционные процессы в Краснодарском крае; **к.и.н. Я.Н.Стрельцова –** Европейский и российский опыт адаптации иммигрантов; **д.с.н., проф. Х.В.Дзуцев** – Социальная ситуация в Республике Северная Осетия-Алания; **д.с.н., проф. А.Р.Тузиков** – Субъективные факторы инновационного развития в Республике Татарстан; **к.и.н. К.А.Гулин** – Социальная ситуация в Вологодской области; **д.с.н.В.В.Локосов** – Социальная ситуация в городе Рязани; **д.с.н. О.В.Остроухов** – Социальная ситуация в городе Березники Пермского края; **д.ф..н., проф. И.Б.Орлова** – Социальное конструирование исторического знания; **д.х.н., проф. С.Г.Кара-Мурза** – Социокультурные общности кризисной России; **к.ф.н. Т.В.Ковалева, к.с.н. И.А.Селезнёв** – Ценности образования и науки в жизненных стратегиях студенческой молодёжи; **к.ф.н. Е.А.Кублицкая** – Изменения религиозности и этнической толерантности; **д.п.н. М.М.Назаров** – Ценностные ориентации в обществе периода трансформаций.

Введение

СТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Социологическое изучение процессов глобализации позволяет выделить несколько принципиально новых социальных форм их проявления.

Во-первых, технический прогресс привел к изменению коммуникационных возможностей человека и общества в пространстве и времени. Медленно, в течение тысячелетий шел процесс коммуникационного сжатия мира, превращения его в «мировую деревню», где все знакомы друг с другом и составляют единое сообщество. Пространственно-временное сжатие мира «уменьшило» не только физические, но и социальные дистанции, поставило людей многих слоев и классов на планете в относительно одинаковые условия жизни.

Во-вторых, исследователи отмечают резко возросшие масштабы взаимосвязей и степень взаимозависимостей современного общества. В нем, по мнению известного социолога Мануэля Кастельса, в качестве ядра возникает и развивается глобальная экономика, которая, в отличие от иерархически выстроенной модели мировой экономики Фернана Броделя и Иммануила Валлерстайна, работает как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты.

Третьей сущностной социальной характеристикой глобализации стал усиливающийся процесс взаимодействия различных материальных и духовных культур. Люди все больше проникаются сознанием, что живут в едином мультикультурном мире, в котором доминирует западная социокультурная традиция с ее стандартами массового потребления.

В-четвертых, ускоренное формирование глобальных социальных отношений как основы процесса глобализации стало возможным в силу «разгосударствления» международных отношений и резко возросшего значения транснациональных корпораций (ТНК), которые контролируют 70% мировой торговли и почти половину мирового производства.

Что в условиях глобализации является целеполагающим условием для успешного социального развития человечества? Некоторые называют либеральный рынок, который якобы способен сам, за счет своих внутренних ресурсов отрегулировать накопившиеся за века экономические и социальные проблемы человечества. Однако рынок или его антагонист – командно-распределительная система в реальности, не более чем один из инструментов регуляции общественного бытия. Притом, инструмент в большей мере технический, нуждающийся в смысловом наполнении, содержащем одновременно и задачу и магистральные пути ее реализации. На наш взгляд, основой для социального развития человечества является **знание,** понимаемое как комплексная и динамически-переменная величина. Эта область исключительно человеческой деятельности неисчерпаема по определению.

Постиндустриальное общество и общество знания. *Постиндустриальное общество – это общество, экономика которого функционирует на базе мощной индустрии, но во все большей мере обеспечивает себе экономический рост и устойчивость развития путем принципиально нового отношения к информации, знаниям и человеку как их потребителю, носителю и создателю.* Индустрия и закономерности, специфические для «индустриального общества» в его классическом понимании, тем самым отнюдь не отменяются – индустрия подлежит структурным преобразованиям в направлении «общества знания»; специфические же закономерности индустриального общества локализируются, частично преобразуясь в закономерности, свойственные обществу знания.

Общество знания – это общество, высшей ценностью которого является *человек* одновременно как *живое* существо (элемент органического мира и, следовательно, биосферы), как совокупность всех *общественных отношений* (элемент социума, или социального мира, в том числе производитель и потребитель) и как *уникальная духовно-нравственная индивидуальность, личность* (элемент духовного мира, в том числе религиозного).

Такой аксиологический подход к обществу, при котором человек, а не господствующие формы собственности или технические средства производства являются самоцелью, служит «мерой всех вещей», знаменует собой новый исторический этап социально-исторического развития. На нем формируется общественный идеал с *конкретным гуманистическим содержанием.* Исторический опыт свидетельствует о том, что люди всегда испытывали духовную потребность в идеальном образе будущего общества. Такие представления

существуют и сегодня, они оказывают реальное воздействие на повседневную социальную практику миллионов людей во всех странах мира.

Переход к постиндустриальному обществу знания означает эпохальную смену высших ценностных приоритетов человеческого жизнеустройства. Он предполагает **изменение базисных ценностей** и, следовательно, жизненных ценностных установок не только у «капитанов индустрии», но и миллионов «простых людей». Он затрагивает всех, кто пользуется продуктами современного промышленного производства и производит их.

На основе производства и потребления знаний – научных, философских, религиозных, нравственных и др., осуществляется переход к информационной фазе развития мирового сообщества. Идет интенсивный процесс разрушения традиционных для индустриального общества экономических и социальных институтов. Формируется новая социальная реальность, основанная на интеллекте, знании, социальном капитале. Изменение ценностей – это не революция, не «переворот в ценностях», а поэтапное эволюционное смещение высших ценностных приоритетов с природных богатств, технических средств производства, вообще всего неживого в направлении живого.

Исторически такой сдвиг в ценностном сознании человечества начинается с изменения отношения к биосфере: сначала в виду усугубляющегося экологического кризиса пересматривается ее ценность как среды обитания людей, затем осознается самоценность сферы живого как таковой.

В обществе меняется отношение и к самому человеку: сегодня он уже не рассматривается одномерно – как исключительно социальное существо («совокупность всех общественных отношений»). **Человек** предстает уже не только в виде строительного «материала» для общества будущего, средства для достижения неких социальных целей и потому лишь в качестве объекта властно-политических манипуляций – сегодня он понимается скорей *как высшая цель и субъект социального развития,* как существо многомерное: с одной стороны, витальное, укорененное в мире живой природы, с другой, – как духовное, стремящееся к понятию Бога, абсолютной реальности священного.

Социальность человека во всем многообразии ее форм является тем космически уникальным феноменом, который возник на стыке этих двух миров и существует в действительности лишь как проявление их взаимодействия. О том, что между органически-телесным и духовно-нравственным измерениями человека имеется глубочайшая необходимая связь *и эта связь всегда социально опосредствована (обусловлена),* писали классики социологии знания М.Шелер и К.Мангейм.

Идеология экономоцентризма и технологического детерминизма, прагматизма и крайнего индивидуализма отжила свой век. На смену ей приходит идеология *антропоцентризма* в качественно новом понимании этого термина. Реальный социальный мир предстает в *человеческом измерении*.

Экономика и техника являются средством, а человек, его материальное, физическое и нравственное состояние, возможность и потребность проявлять свою индивидуальность становятся основным социальным индикатором прогрессивности или реакционности явлений и процессов современного мира.

«Господство» человека над природой неминуемо обернется необратимой катастрофой для земной цивилизации. Гуманизация экономики, науки и технологии – важнейшая социальная проблема, решать которую предстоит человечеству в XXI веке. Соответственно и социальная наука должна совершить качественный поворот: от противостоящего природе человека – к человеку, являющемуся ее органической частью.

Необходимость переосмысления наследия. Переосмысливая идейное наследие классической «политической экономии», прежде всего К.Маркса, М.Шелер утверждал, что на определенной стадии социально-исторического развития человек необходимо придет к осознанию самого себя как высшей ценности и цели мироздания и, следовательно, постигнет себя не только в Боге, но и в качестве Его «соратника», благодаря которому Бог открыл *мир как историю*.

Переосмысливая, в свою очередь, классическое наследие социологии знания, можно сказать: теоретическая социально-экономическая мысль, известная под названием «политической экономии», сегодня должна называться **«гуманистической»,** или **«человеческой экономией».** Сознательное отвлечение от философско-атропологической проблематики, т.е. реальной сложности, многомерности человеческого существа, от вопросов о природе его социальности (историчности), его положении в космосе, месте в иерархии ценностей, о смысле истории и предназначении человека в мироздании и т.п., привело гениальных экономистов прошлого (прежде всего А.Смита, Д.Рикардо, К.Маркса) к созданию узкодисциплинарных научных абстракций homo economicus и homo sociologicus. Последние теоретически удобны из-за их смысловой простоты: *первое* легко соотносится с производством либо рынком; второе так же легко соотносится с социальной структурой общества либо комплексом ожиданий, мотивов, предпочтений, установок и т.п., якобы позволяющих объяснить поведение человека в обществе. За долгие годы своего господства в социально-

экономической мысли эти одномерные абстракции человека вытеснили собой реального человека. В действительности человек одновременно (как минимум) – субъект экономического действия, конструирования хозяйства *и* субъект социального действия, конструирования общества на основе приобретенных им знаний. Именно из такой предпосылки исходит новая дисциплина, получившая название «экономика знания».

Экономика и социология знания – двуединая научная дисциплина. Существует несколько различных концепций постиндустриального общества и, соответственно, пониманий того, что такое экономика знания. Первая, вульгарная концепция отстаивается укоренившимися в российском истеблишменте радикальными неолибералами. Ее отличительная особенность – неадекватное представление о том, что такое наука как главный социальный институт производства нового технологически ориентированного знания. По мнению этой группы теоретиков и практиков государственного управления, экономика знания заключается в том, чтобы торговать знанием и получать за это прибыль. Причем получать прибыль не от продажи «умных» машин, продуктов наукоемкого производства, стало быть, не за счет развития новейших производственных технологий и, в конечном счете, научного знания, необходимого для их развития. Имеется в виду прибыль от продажи различного рода инновационных проектов, которые, с точки зрения целостного производственно-технологического цикла – полуфабрикаты. Образно выражаясь, это еще даже не «ноу-хау», а интеллектуальное сырье.

Вторая концепция различает в основе общества знания: во-первых, знание традиционное, устоявшееся, обобщающее мировой опыт; и, во-вторых, знание новое, инновационное, эвристическое. Главным образом на основе второго типа знания и посредством него должна перестраиваться экономика. Понятая в этом смысле, *экономика знания* включает в себя два необходимо взаимосвязанных и взаимодополняющих аспекта. С одной стороны, это создание благодаря прогрессу фундаментальных и прикладных наук инновационных наукоемких технологий («ноу-хау») с их немедленным внедрением в производство и другие сферы жизнедеятельности общества. В свою очередь, производство должно быть нацелено на выпуск наукоемкой продукции, востребованной рынком, в том числе самой прикладной наукой. С другой стороны, это продажа «ноу-хау» на мировом рынке в форме готового продукта, применяемого в отечественной экономике, а не в виде интеллектуальных «заготовок», инновационный потенциал и, следовательно, потенциальная стоимость которых неизвестны.

Речь идет о том, чтобы развитие экономики, а значит, и общества определялось не волюнтаристски, как это происходит сейчас. Конкретный пример: предлагается вдвое увеличить ВВП. Возникает вопрос: за счет чего? За счет увеличения продажи сырья? Но это приведет к быстрому истощению невосполняемых природных ресурсов. Более того, такой путь недальновиден и по другой причине. Американцы сейчас форсируют переход на водородное топливо. Лет через десять они будут продавать моторы, работающие на водородном топливе. В результате цены на нефтепродукты упадут в 10 и 20 раз – и наша экономика разорится. Поэтому крайне важно, чтобы в основе процедуры принятия судьбоносных для страны экономических решений лежал научно обоснованный подход.

Задача состоит в том, чтобы экономика строилась, с одной стороны, на базе обобщенного мирового опыта, с другой – на основе научного новаторского знания. Последнее должно развиваться не только ради самого себя – научное знание должно оцениваться с точки зрения его возможного перспективного использования. Например, открытие Ж.Алферовым полупроводников было сделано как чисто научное открытие. Это была, так сказать, наука ради самой науки. Алферов и многие другие наши ученые полагали, что их открытия как таковые и есть конечный результат. Между тем в условиях экономики знания необходимо прогнозировать возможный эффект – экономический, политический, социальный – от использования нового знания, открытия и изобретения. Для этого нужно создавать *институциональные экспертные структуры нового типа, компактные и мобильные, на выборной и междисциплинарной основе.* Их задачей должна быть *прагматически ориентированная стратегическая оценка инновационного потенциала научных разработок и выдача рекомендаций по их государственной поддержке.* Подвергать экспертизе следует не только уже сделанные открытия и изобретения, но и перспективные направления научного поиска.

Еще важный момент. Наряду с рыночным сложился, так сказать, внерыночный фундаментализм, делающий односторонний акцент на внерыночных факторах экономики, прежде всего – на роли государства.

Например, использование внерыночных рычагов экономического развития дает транснациональным корпорациям, находящимся под контролем США, примерно в 2 раза больше прибыли, чем рынок. Ее извлекают от продажи высоких производственных технологий, оружия, биотехнологий, т.е. всего, что находится под контролем государства, развитие чего государство стимулирует. Американские корпорации получают за счет этого в год примерно 1,8 трлн долл. прибыли, в то время как с рынка – 0,8 трлн.

С экономикой знания неразрывно связана *социология знания.* Если экономика знания ставит перед собой вопрос о перестройке на базе научного знания способов и форм хозяйствования, то в социологии знания речь идет, прежде всего, о том, чтобы **на основе научного знания, синтезирующего мировой опыт и позволяющего делать прогнозы, перестроить управление обществом, его структурными изменениями, социальными процессами, внешнеполитической деятельностью.** Социология знания в «обществе знания» ориентирована на решение актуальных социальных проблем. **Ее главные задачи – выявлять и исследовать факторы, способствующие либо препятствующие приросту и распространению нового знания; разрабатывать методы научного обоснования принимаемых решений и прогнозирования их возможных социокультурных последствий.**

Сегодня управление обществом в нашей стране осуществляется методом проб и ошибок. Такая управленческая «методология» пришла из экономической сферы. Некоторые даже пытаются возвести ее в абсолют, доказывают: ошибок, мол, все равно не избежать, а раз они совершаются, то из них надо извлекать уроки. Но это наносит обществу колоссальный ущерб. Социология знания должна создавать теоретически необходимые условия, чтобы любое государственное решение – будь то экономическое, социальное, политическое – принималось на основе четкого, желательно, математически обоснованного расчета. Необходимо предвидеть, каковы будут последствия этого решения, какое значение они будут иметь для каждого человека и общества в целом. Эта спокойная, методичная, целенаправленная работа должна, наконец, заменить широковещательные декларации.

В научном аспекте **экономика и социология знания** – это дисциплина, которая переходит от простоты научно-дисциплинарных абстракций к интегральному видению социально-экономических реалий посредством создания новых теоретических синтезов и конструирования на их основе формализованных моделей, стремящихся к реальной сложности изучаемых объектов действительности. Сдвиг в ценностном сознании человечества явился результатом всей предшествующей исторической эволюции человечества. Оно постепенно осознало, что пределы экономического роста заложены в самом индустриальном способе хозяйствования. А именно – в том классическом виде, в каком оно сложилось на Западе в Новое время по образцу: «человек – покоритель и господин природы». *Объяснительная сила традиционных экономических и социологических доктрин стала ослабевать, когда в результате массового распространения информационно-коммуникационной техники челове-*

ческие знания стали играть всё более важную роль в социальном и экономическом поведении людей, а покорение природы натолкнулось на ограниченность ее ресурсов и негативные последствия от их эксплуатации. Стало ясно, что узкодисциплинарное, абстрактное видение общества само лишило себя без достаточных на то оснований продуктивной сложности, полноты и глубины объяснения реальности. Затянувшийся кризис теоретической социальной мысли как в нашей стране, так и за рубежом не в последнюю очередь обусловлен инерционной силой устаревших теоретических абстракций, которые продолжает воспроизводить система образования.

На основе развития – к обществу знания. В значительной мере современная международная ситуация определяется попытками мировых держав выйти из кризиса, который разразился в 2008 г. как «кризис ипотечных неплатежей», и стремительно развился в глобальный финансовый, экономический, социально-политический кризис. Кризисы подобного рода имели место и ранее, они свойственны природе капитализма, но нынешний кризис по своей глубине и всеохватности превзошел все случавшиеся до него, в том числе и Великую депрессию середины 30-х гг. в США. По оценкам многих ведущих экономистов, социологов, политиков мир подошел к критической черте. Если в процессе преодоления кризиса мы кардинально не изменим финансовую систему, не перестроим экономику, нас накроет новая волна кризиса. Обойтись дежурными мерами накачки экономики деньгами и тем самым стимулировать ее рост, на сей раз не удастся; деньги более не являются «кровью» экономики, они потеряли связь с производственной сферой, служат инструментом спекуляций на рынке ценных бумаг и долговых расписок, лишь условно выполняя роль всеобщего эквивалента. Вывод ясен: страны, желающие продолжить успешное развитие, должны озаботиться созданием качественно новой экономики. При всех возможных и неизбежных национальных и региональных особенностях в основу ее будет положена **экономика знания.**

Сейчас в мире сложилась уникальная ситуация: к руководству великими странами, ядерными сверхдержавами Россией и США пришли молодые, образованные, по-хорошему амбициозные лидеры, которые продемонстрировали расположенность к традиционным морально-нравственным ценностям, к справедливому социальному мироустройству. В ближайшее время им необходимо договориться о продолжении переговоров о сокращении ядерных вооружений. Следует также на существенно более высокий уровень перевести стратегическое сотрудничество между двумя нашими государствами. Ни США, ни Россия не

должны участвовать в союзах, коалициях, разовых акциях, которые могли бы осложнить ситуацию для партнера. И, наконец, прекратить практику шантажа со стороны третьих стран. Важно не опоздать с этими договоренностями.

Не менее важно решиться не воспроизводить в России траекторию индустриального развития стран Запада. Недостатки в таком случае можно превратить в достоинства, если структурные преобразования в российской экономике осуществлять сразу на пути перехода к обществу знания, а не путем подражания западным образцам хозяйствования с ложной целью догнать Запад. Нам следует решительным усилием «переступить» через ряд «черных дыр» в уже совершенной другими странами индустриальной модернизации.

Речь идет о том, чтобы развитие экономики, а значит, в большой мере и общества прогнозировалось и планировалось, чтобы это делалось целенаправленно и системно – на базе стратегий, выработанных специалистами и по большей части утвержденных публично. Пока наше экономическое развитие определяется скорее волюнтаристски, от случая к случаю, по мере актуализации или обострения назревших проблем.

Чтобы процесс перехода к обществу знания для нашей страны оказался успешным, необходимо отказаться от ряда все еще довлеющих над нами мифов. В частности, это относится к избыточной «всемирности» русского сознания, к чрезмерному мессианству. Ситуация требует от нас большего прагматизма. Например, предоставлять финансовую помощь другим странам, в том числе и партнерам по СНГ, только на основе реального залогового обеспечения. Наверняка такая перспектива дисциплинирует заемщиков, а наша страна перестанет нести ничем не обоснованные убытки.

Возникает закономерный вопрос: возможен ли переход современной Российской Федерации к обществу знания в ситуации, когда страна далеко не в полной мере решила задачи и проблемы индустриального развития своей экономики, прежде всего, в структурном плане? Такой переход не только возможен, но и необходим. Несмотря на глобальный кризис, российское общество сохранило экономическую, а вслед за ней и социальную стабильность. Окрепло униженное реформами неолибералов национальное сознание граждан России, возрождается патриотизм, более весомо заявляет о себе стремление людей к упорному созидательному труду на благо Отечества. Все эти факторы – надежный фундамент для сложного социально-экономического перехода, необходимая ресурсная база нового вектора развития страны.

I Российское общество: переход через кризис

ДИНАМИКА МАССОВОГО СОЗНАНИЯ[1]

Социальные последствия кризиса: тревоги и надежды граждан. Социальное самочувствие граждан РФ напрямую связано с позитивными и негативными изменениями их жизни. Респондентам была предложена шкала 19 актуальных проблем, из которых нужно было выбрать пять наиболее беспокоящих их в последнее время. Среди проблем, наиболее часто беспокоящих российских граждан доминировали проблемы материальной жизни (см. табл. 1).

Первое место, как и в прошлые годы, заняла проблема дороговизны жизни (50%). Тревога по этому поводу не снижается на всем протяжении исследования с 1993 г. По сравнению с замерами 2008 г. ее уровень снизился на 8 процентных пунктов. На прежнем уровне остались индикаторы «повышение тарифов на услуги ЖКХ» (36%) и «повышение цен на продукты питания» (34%), занявшие второе-третье места в иерархии тревожностей граждан РФ.

Социальным явлением, которое тревожит граждан в первую очередь, становится безработица (32%). Причем доля обеспокоенных ростом безработицы респондентов резко выросла: прирост составил за полгода 9 п.п., за год – 16 п.п. И эта тревога не беспочвенна.

[1] В тексте использованы результаты 30-го этапа социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», проведенного в июне 2009 г. в 14 регионах РФ. Объем выборочной совокупности составил 1852 респондентов (N=1852). Рук. иссл. – д.с.н. В.К.Левашов. Исследования проводились при финансовой поддержке РФФИ (проект №07-06-00126-а «Устойчивость социально-политического развития и консолидация современного российского общества») и РГНФ (проект №08-03-00143 «Гражданское общество в современной России: социологическое измерение»).

Таблица 1

Динамика тревожности респондентов

РФ, % от числа опрошенных

	1992, август	1993, ноябрь	1994, февраль	1995, январь	1995, ноябрь	1997, январь	2001, декабрь	2002, декабрь	2003, октябрь	2005, сентябрь	2006, январь	2006, июнь	2007, январь	2007, июль	2008, февраль	2008, июнь	2008, ноябрь	2009, июнь
Дороговизна жизни	-	70	58	60	56	41	66	67	60	60	55	62	58	50	57	58	58	50
Повышение тарифов на услуги ЖКХ	-	-	-	-	-	-	-	-	44	46	43	45	46	39	48	42	35	36
Повышение цен на продукты питания																40	36	34
Безработица	-	24	24	21	14	14	31	29	25	22	25	27	22	21	18	16	23	32
Экологическая обстановка	22	26	34	31	21	24	33	32	33	29	31	36	37	42	38	38	32	31
Преступность	44	51	50	43	32	28	51	49	44	32	36	40	36	41	36	32	32	28
Произвол чиновников	-	-	-	-	-	-	32	27	29	29	31	32	32	29	31	29	28	28
Падение нравов, культуры	13	-	-	-	-	-	32	27	25	26	25	30	29	33	27	27	29	26
Наркомания	-	-	-	-	-	-	42	26	32	29	30	31	31	34	30	27	26	22
Безопасность Ваша и Ваших близких	-	-	-	-	-	-	-	-	31	33	28	32	29	28	26	27	24	22
Алкоголизм	-	-	-	-	-	-	17	17	18	20	20	23	25	28	27	22	19	22
Разделение общества на богатых и бедных	-	22	20	17	13	-	33	33	22	23	27	30	27	26	27	22	22	20
Высокая инфляция																25	26	19
Мировой экономический кризис	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	16
Закрытие, простой предприятий	-	-	32	30	19	22	28	19	16	14	13	14	14	10	13	8	12	15
Задержка выплаты зарплаты, пенсий	-	-	-	-	-	39	19	21	11	11	9	9	9	7	7	5	7	11
Терроризм	-	-	-	-	3	-	27	29	31	26	24	20	17	21	15	12	16	9
Обострение межнациональных отношений	26	11	10	10	6	7	21	15	8	8	10	11	11	10	8	9	10	9
Монетизация льгот	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13	6	4	4	4	3	2	3	3

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

По данным Росстата, рост общей численности безработных в июне 2009 г. составила 49,2% по сравнению с июнем 2008 г., а рост численности официально зарегистрированных безработных – 60,9%[1]. В конце июня 2009 г., по

[1] http://www.gks.ru/bgd/free/B09_00/IssWWW.exe/Stg/d08/7-0.htm

оценке в соответствии с методологией МОТ, 6,3 млн человек, или 8,3% экономически активного населения, классифицировались как безработные. Уровень безработицы, равный 10%, считается критическим для воспроизводства социально-экономической системы. Безработица, являясь социальным последствием мирового экономического кризиса, может оказать прямое и быстрое воздействие на каждого человека. Потеря работы для большинства людей означает снижение жизненного уровня, часто вплоть до полной нищеты, и наносит серьезную психологическую травму. Поэтому прогнозируемый рост безработицы на 2–4% будет иметь негативные последствия по всему спектру социальных отношений.

Значительный прирост уровня тревожности наблюдался еще по двум чувствительным в кризис индикаторам: «закрытие, простой предприятий» (15%) и «задержка выплаты зарплаты, пенсий» (11%). По первому наблюдается прирост за год 7 п.п., по второму – 6 п.п.

По большинству остальных индикаторов динамика отсутствовала или наблюдалась тенденция снижения уровня тревожности на 1–4 п.п. От четверти до трети опрошенных граждан озабочены экологической обстановкой (31%), преступностью (28%), произволом чиновников (28%), падением нравов, культуры (26%). Примерно каждый пятый встревожен наркоманией, уровнем безопасности своих близких, алкоголизмом (по 22%), растущим делением общества на богатых и бедных (20%). Уровень обеспокоенности высокой инфляцией снизился с 26% в ноябре 2008 г. до 19% июне 2009 г. Собственно мировым экономическим кризисом, как одной из проблем, тревожащих российских граждан были озабочены всего 16% респондентов. Проблем, которые тревожили бы менее 10% респондентов, три: терроризм (9%), обострение межнациональных отношений (9%) и монетизация льгот (3%).

Полученные данные свидетельствует о наличии существенного структурно сложного потенциала социальной неустойчивости российского общества и государства. «Привычные» проблемы материального благополучия, оставаясь доминирующими, дополнились инициированными мировым экономическим кризисом источниками тревожности. Есть все основания полагать, что тревоги, связанные с рынком труда: безработица, закрытие, простой предприятий, задержка выплаты зарплаты, пенсий сместились с периферии тревожности массового сознания к центру.

Как же, по мнению граждан, мировой экономический кризис отразился на материальном положении? И насколько совпали их ожидания и опасения с реальной действительностью? В следующей таблице представлены

оценки ожидаемого изменения своего материального положения российских граждан в связи с кризисом в ноябре 2008 г. и оценки изменения материального положения, данные гражданами РФ «по факту» в июне 2009 г. (см. табл. 2).

Таблица 2

Мнение респондентов о том, как мировой экономический[1] кризис отразился на материальном положении их семьи

РФ, % от числа опрошенных

Как мировой финансовый кризис отразится на материальном положении Вашей семьи?		Как мировой экономический кризис отразился на материальном положении Вашей семьи?	
Варианты ответов	**2008, ноябрь**	**Варианты ответов**	**2009, июнь**
Материальное положение улучшится	2	Материальное положение улучшилось	3
Материальное положение ухудшится	46	Материальное положение ухудшилось	58
Материальное положение не изменится	29	Материальное положение не изменилось	33
Затруднились ответить	23	Затруднились ответить	6

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

В ноябре 2008 г. по мнению большинства респондентов, экономический кризис должен был отразиться на их материальном благополучии отрицательно. **Действительность, как видно из данных таблицы, даже превзошла пессимистические ожидания. В июне 2009 г. большинство респондентов (58%) отметили, что в результате экономического кризиса их материальное положение ухудшилось.** При этом улучшение ощутили 3%, у трети россиян материальное положение в связи с кризисом не изменилось.

Негативная тенденция ухудшения материального положения подтверждается самооценкой денежных доходов граждан РФ (см. табл. 3).

Если к концу 2008 г. массив «обеспеченных» граждан сравнялся по численности с массивом «бедных» (по 22%), то к июню 2009 г. доля «обеспеченных» упала на 8 процентных пунктов, с 22% до 14%, вернувшись к уровню 2004 года. Массив «бедных» увеличился при этом на 5 процентных пунктов. **Таким образом, треть «обеспеченных» граждан ноября 2008 г. пополнила к июню 2009 г. массивы «бедных», «ограниченных в средствах» и возможно, даже «нищих».**

Представления граждан о причинах финансово-экономического кризиса претерпели существенные изменения (см. табл. 4).

[1] В исследовании 2008 г. – «мировой финансовый кризис».

Таблица 3

Самооценка денежных доходов респондентов

РФ, % от числа опрошенных

Какая из нижеприведенных оценок наиболее точно характеризует Ваши доходы?	1993, ноябрь	1994, февраль	1995, январь	1996, январь	1997, январь	1998, декабрь	1999, ноябрь	2000, май	2000, декабрь	2001, декабрь	2002, декабрь	2003, октябрь	2004, июнь	2004, декабрь	2005, сентябрь	2006, январь	2006, июнь	2007, январь	2007, июль	2008, февраль	2008, июнь	2008, ноябрь	2009, июнь
«Богатые» – денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	1	1	1	2	2	1	2	3	3	3	2	2	2	2	2	2	2	3	3	3	3	4	2
«Обеспеченные» – покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей	3	4	5	6	5	4	6	9	8	12	16	11	13	14	16	16	16	16	19	18	19	22	14
«Ограниченные в средствах» – денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды	34	28	33	34	36	29	32	35	39	39	40	39	43	44	45	46	43	48	45	46	51	47	50
«Бедные» – денег хватает только на приобретение продуктов питания	46	50	43	40	38	40	39	38	33	29	28	36	31	29	29	29	30	26	27	26	21	22	27
«Нищие» – денег не хватает даже на приобретение продуктов питания	16	16	17	17	19	26	22	15	18	17	14	12	11	11	9	7	9	7	5	7	7	5	7

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Таблица 4

Мнение респондентов о том, каковы главные причины разразившегося в России экономического кризиса[1]

РФ, % от числа опрошенных

Варианты ответов	2008, ноябрь	2009, июнь
Слабость российской экономики	34	47
Кризис мировой финансовой системы	44	41
Последствия кризиса финансовой системы США	44	32
Ошибки и неправильные действия высшего российского политического руководства	21	26
Результат экономической стратегии осуществляемой руководством страны	16	18
Действия российского финансового капитала	15	14
Месть Америки за действия России на Кавказе	12	6
Затруднились ответить	13	10

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

[1] В исследовании 2008 г. – «мирового финансового кризиса».

В ноябре 2008 г. главными причинами разразившегося в России финансового кризиса респонденты считали последствия кризиса финансовой системы США и кризис мировой финансовой системы (по 44%). Слабость российской экономики занимала в иерархии причин лишь третье место (34% граждан). Ошибки и неправильные действия высшего российского политического руководства назвали в ноябре 2008 г. в качестве причины разразившегося в России экономического кризиса 21% опрошенных. В июне 2009 г. акценты изменились. На первое место в иерархии причин кризиса почти половина респондентов уверенно вывели слабость российской экономики (47%), и уже каждый четвертый – ошибки и неправильные действия высшего российского политического руководства (26%). Кризис мировой финансовой системы и особенно кризис финансовой системы США собрали меньшее число мнений, нежели полгода назад (41% и 32%, соответственно). **В целом, в сознании граждан кризис корректно связывается с дисфункциями финансовой системы и слабостью российской экономики.**

Чем же объясняется такое изменение оценок причин экономического кризиса, поразившего Россию? Мнение респондентов об эффективности программы антикризисных мер правительства России представлено в табл. 5.

Таблица 5

Мнение респондентов о том, является ли достаточно эффективной программа антикризисных мер правительства России

РФ, июнь 2009. N=1852, % от числа опрошенных

Варианты ответов	%
Да, является эффективной	12
Нет, не является эффективной	48
Затруднились ответить	40

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

В июне 2009 г. только 12% респондентов считали программу антикризисных мер эффективной. Почти половина опрошенных (48%) полагали, что эта программа не является эффективной. Иными словами, каждый второй гражданин в стране считал, что правительство РФ не справляется с задачей скорейшего вывода страны из кризиса и минимизации его последствий для экономической и социальной сфер жизнедеятельности. Высокая доля затруднившихся ответить (40%) свидетельствует по крайней мере о двух обстоятельствах: во-первых, о незнании программы антикризисных мер значительной

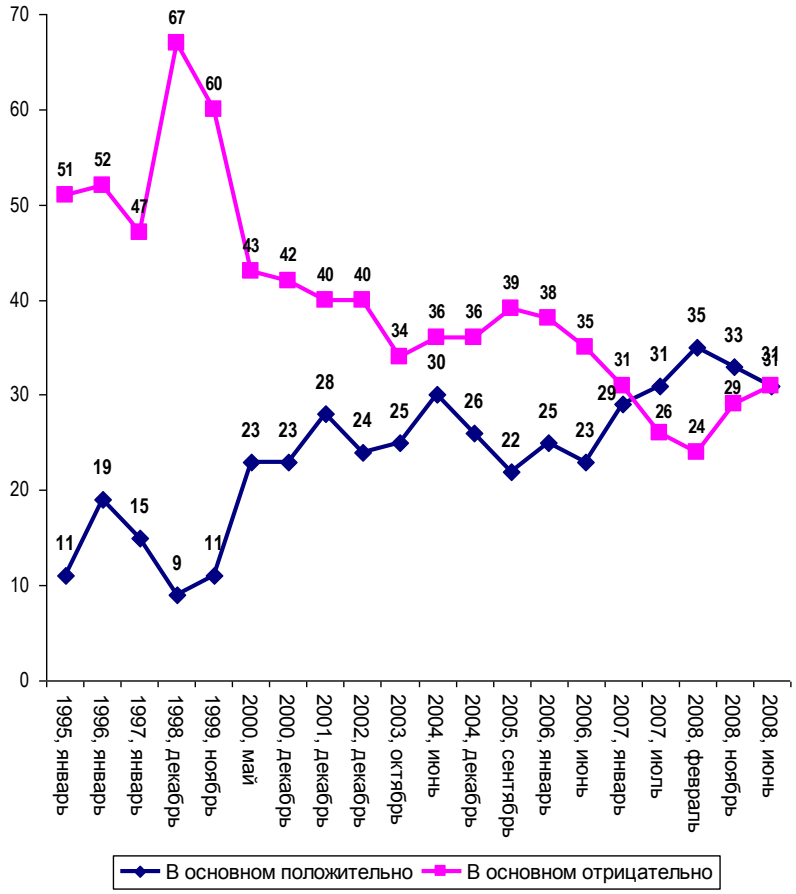
долей жителей России, во-вторых, о неубедительности и слабой эффективности пропагандистской кампании антикризисных мер Правительства РФ.

Одним из индикаторов социального самочувствия является уровень отношения населения к курсу проводимых экономических реформ (см. график 1).

График 1

Динамика отношения респондентов к курсу проводимых экономических реформ

РФ, % от числа опрошенных



Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

К февралю 2008 г. поддержка обществом курса реформ достигла максимального значения за весь период наблюдений. Больше трети граждан страны (35%) относились к курсу проводимых экономических реформ в основном положительно, четверть (24%) – в основном отрицательно. Доля граждан, поддерживавших курс реформ, превосходила долю их оппонентов на 11 процентных пунктов. По мере развития кризисных явлений в экономике России этот разрыв сокращался, и в ноябре 2008 г. он составлял лишь 4 п.п. К июню 2009 г. число сторонников и противников курса проводимых в стране экономических реформ сравнялось. **Структура этого индикатора вновь отражает характерную для современного российского общества модель «трех третей»: одобряющих результаты реформ (31%), отрицательно относящихся к курсу реформ (31%), безразличных и затруднившихся ответить (38%).**

Значения индикатора поддержки обществом курса реформ коррелируют с динамикой индикатора мнений респондентов о соответствии проводимых в обществе экономических преобразований интересам большинства населения (см. табл. 6).

Таблица 6

Мнение респондентов о том, отвечают или нет проводимые экономические преобразования интересам большинства населения

РФ, % от числа опрошенных

	1992, август	2004, декабрь	2005, сентябрь	2006, январь	2006, июнь	2007, январь	2008, февраль	2008, ноябрь	2009, июнь
Да, отвечают	11	10	11	12	12	15	22	19	16
Нет	66	63	66	64	62	61	53	52	61
Затруднились ответить	22	27	24	24	26	24	25	29	23

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Пиковые положительные значения были получены к моменту выборов Президента РФ Д.А.Медведева в марте 2008 г. В то время 22% респондентов считали, что проводимые экономические преобразования отвечают интересам большинства населения. Противоположного мнения придерживались 53% опрошенных. К июню 2009 г. картина резко изменилась. Доля считающих проводимые экономические преобразования отвечающими интересам большинства населения (16%) сократилась на 6 процентных пунктов, доля их оппонентов выросла на 8 п.п. и составила 61% опрошенных. Отметим, что если в ноябре 2008 г. доля затруднившихся ответить респондентов достигло максимальной за время наблюдений величины 29%, то к июню 2009 г. затруднив-

шиеся с ответом составили 23%. **Общественное сознание, судя по динамике этого индикатора, вернулось к состоянию начала 2007 г. Социальная база проводимого курса реформ сузилась.**

Таким образом, результаты исследования показывают ухудшение социального самочувствия граждан РФ по большинству индикаторов. Основными факторами ухудшения социального самочувствия послужили последствия поразившего Россию мирового экономического кризиса, проявившиеся в ухудшении материального положения, снижении уровня денежных доходов, обострении проблем, связанных с рынком труда. **Усугубляющими социально-политическую ситуацию причинами являются факторы субъективного характера – неверие граждан в эффективность принимаемых антикризисных мер, рост отрицательного отношения к курсу экономических реформ, убежденность большинства населения страны в том, что проводимые экономические преобразования не отвечают интересам большинства населения.**

Об этих же тенденциях свидетельствует сложный индикатор социально-политического отчуждения, который отражает мнения граждан РФ о наличии у государства стремления и способности решить тревожащие их социально-политические проблемы (см. табл. 7).

По мнению 69% опрошенных граждан, «людям у власти нет никакого дела до простых людей». Почти половина респондентов (48%) считают, что «главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счет областей и республик России». Противоположных взглядов придерживаются лишь 9 и 13% респондентов, соответственно. **Как видим, общество по-прежнему в значительной своей части отчуждено от власти, что полностью коррелирует со значениями индикаторов отношения к реформам и оценки программы антикризисных мер правительства России.** Это отчуждение общества от государства в еще большей степени проявляется в сфере политической жизни: 72% респондентов считают, что «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране». Причем, судя по данным мониторинга, за период наблюдений доля отверженных по тем или иным причинам от политического процесса по самооценкам выросла с 41–45% до 72–75%.

В июне 2008 г. впервые за весь период наблюдений тенденция оздоровления отношений в сфере трудовой мотивации результировалась в преобладании доли респондентов, считающих, что «сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие» (46%), над долей тех, по мнению которых «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь» (40%).

Таблица 7

Суждения респондентов о жизни в стране

РФ, % от числа опрошенных

	Сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие	Сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь	Власти заботятся о жизни простых людей	Людям у власти нет никакого дела до простых людей	Главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счет областей и республик России	Центр проводит политику в интересах регионов	Большинство из нас могут повлиять на политические процессы в стране	Большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране
1994, февраль	20	70	1	66	33	2	0	47
1995, январь	15	69	1	56	28	1	2	41
1995, ноябрь	15	61	1	50	24	0	3	45
1996, май	24	68	3	64	35	2	4	52
1997, август	27	66	4	57	36	5	13	48
1998, декабрь	13	68	2	65	35	4	9	52
1999, ноябрь	18	65	4	63	36	4	10	45
2000, май	26	55	2	53	27	3	8	50
2000, декабрь	26	58	2	56	26	3	11	50
2001, декабрь	26	57	3	60	30	4	10	58
2002, декабрь	30	42	2	64	35	3	12	65
2003, октябрь	40	39	5	73	52	7	10	69
2004, июнь	40	48	7	77	58	9	12	75
2004, декабрь	40	45	5	80	60	9	11	73
2005, сентябрь	38	43	5	80	57	7	9	74
2006, январь	37	45	6	77	53	8	10	70
2006, июнь	40	45	4	80	56	7	11	72
2007, январь	40	42	6	79	49	13	12	74
2007, июль	38	45	6	75	50	14	11	70
2008, февраль	42	45	9	72	46	14	11	73
2008, июнь	46	40	7	72	52	9	11	75
2008, ноябрь	41	44	9	69	52	11	14	71
2009, июнь	35	48	9	69	48	13	11	72

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Однако, в 2009 г. в обществе снова стало преобладать мнение, согласно которому честным трудом в нашей стране прожить невозможно**. Остальные показатели сложного индикатора социополитической отчужденности наглядно иллюстрируют тенденцию к значительному отчуждению граждан от власти и проводимой ею политики**.

Социально-политическая консолидация общества. В условиях проявившегося в России мирового экономического кризиса государственные структуры и институты гражданского общества не только не смогли завоевать авторитет у граждан, но и постепенно начинают терять их доверие. Результаты измерения индикатора «отношение россиян к действующим в стране общественным структурам и институтам власти» в целом показали неустойчивость сложившихся ранее отношений, а по некоторым институтам и снижение уровня доверия (см. табл. 8).

Существенного роста значений показателей по сравнению с ноябрем 2008 г. не наблюдалось. Большинство государственных и общественных институтов вернулись к значениям доверия граждан, достигнутым годом ранее (июнь 2008 г.). По-прежнему большинство россиян доверяли Президенту (56%). Остальные политические и социальные структуры вызывали у граждан меньше доверия и оптимизма. Так, 47% россиян доверяли церкви, 42% – Правительству РФ, 40% – армии, 30% – Администрации Президента РФ, 29% – Совету Безопасности, 24% – руководителям регионов, 23% – средствам массовой информации. По данным мониторинга, проведенного в июне 2009 г., наименьшее доверие россиян наблюдалось к банковским и предпринимательским кругам (10% доверяющих, снижение на 5 п.п.).

Для получения более детальной картины динамики отношений респондентов к политическим и социальным институтам и структурам рассмотрим вариант ответа «не доверяю» (см. табл. 9).

Лидер общественного мнения, Президент РФ утратил за год экономического кризиса 7 п.п. уровня доверия (доля не доверяющих ему увеличилась с 18% в июне 2008 до 25% в июне 2009 г.). Недоверие Администрации Президента РФ выросло на 5 п.п., руководителям регионов – на 7 п.п., банковским, предпринимательским кругам – на 6 процентных пунктов. Сократилось число не доверяющих милиции, суду, прокуратуре (на 6 п.п.) и профсоюзам (на 4 п.п.). Таким образом, **за период с момента проявления последствий мирового экономического кризиса в России наблюдалась регрессивная тенденция по критерию доверия населения политическим и социальным институтам.**

Таблица 8

Динамика отношений респондентов к политическим и социальным институтам и структурам (вариант ответа «доверяю»)

РФ, % от числа опрошенных

	Президент РФ	Правительство РФ	Совет Федерации	Государственная Дума	Администрация Президента РФ	Совет Безопасности	Общественной палате	Милиция, суд, прокуратура	Армия	Профсоюзы	Церковь	Партии, политические движения	Общественным организациям	Руководители регионов	Средства массовой информации	Банковские, предпринимательские круги	*Никому не доверяют*
1995, январь	9	8	7	10	-	-	-	16	35	18	-	6	-	11	21	6	**25**
1997, январь	17	14	10	14	9	10	-	10	36	11	33	11	-	28	20	8	**35**
1998, декабрь	6	11	8	13	3	9	-	11	27	17	33	13	-	23	18	5	**27**
1999, ноябрь	4	18	14	14	3	14	-	12	38	15	26	7	-	23	12	5	**32**
2000, май	41	20	13	12	14	17	-	13	43	21	35	16	-	20	17	8	**23**
2000, декабрь	43	23	9	12	10	19	-	15	41	19	28	17	-	21	16	11	**27**
2001, декабрь	49	23	15	12	16	21	-	12	39	17	33	12	-	17	12	10	**19**
2002, декабрь	44	18	10	10	15	17	-	10	31	13	33	15	-	23	17	11	**17**
2003, октябрь	57	20	13	9	19	22	-	11	36	15	36	8	-	20	17	12	**19**
2004, июнь	53	23	13	10	20	23	-	9	30	17	38	9	-	16	20	10	**18**
2004, декабрь	49	17	11	6	19	21	-	9	27	16	35	5	-	15	19	12	**21**
2005, сентябрь	48	20	14	10	19	23	-	12	31	12	35	7	-	21	23	12	**23**
2006, январь	46	20	13	10	20	20	-	11	30	14	35	9	-	19	22	11	**22**
2006, июнь	51	18	12	10	20	21	-	11	30	15	37	8	-	18	23	10	**18**
2007, январь	63	26	15	12	26	31	17	11	39	19	46	9	20	17	21	16	**15**
2007, июль	63	28	17	13	26	29	16	9	30	17	42	13	20	22	20	12	**18**
2008, февраль	70	39	25	18	34	30	20	11	41	20	43	13	20	24	22	15	**17**
2008, июнь	57	38	21	16	31	28	21	11	47	23	51	10	20	24	22	15	**5**
2008, ноябрь	60	46	22	17	35	34	18	13	43	18	47	13	22	26	23	13	**3**
2009, июнь	56	42	20	19	30	29	17	15	40	18	47	11	20	24	23	10	**3**

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии.

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Таблица 9

Динамика отношений респондентов к политическим и социальным институтам и структурам (вариант ответа «не доверяю»)

РФ, % от числа опрошенных

	Президент РФ	Правительство РФ	Совет Федерации	Государственная Дума	Администрация Президента РФ	Совет Безопасности	Общественной палате	Милиция, суд, прокуратура	Армия	Профсоюзы	Церковь	Партии, политические движения	Общественным организациям	Руководители регионов	Средства массовой информации	Банковские, предпринимательские круги	*Никому не доверяют*
1995, январь	74	69	60	61	*	*	-	59	40	52	-	63	-	59	53	65	**25**
1997, январь	73	72	65	64	74	66	-	66	50	62	48	65	-	62	60	74	**35**
1998, декабрь	85	66	67	69	83	65	-	74	46	62	39	61	-	39	62	78	**27**
1999, ноябрь	88	60	54	62	82	58	-	70	44	61	48	64	-	51	66	78	**32**
2000, май	39	48	52	62	57	51	-	72	37	54	41	60	-	54	59	70	**23**
2000, декабрь	42	57	60	66	59	47	-	70	44	55	46	57	-	57	63	70	**27**
2001, декабрь	35	53	51	63	57	43	-	70	39	56	38	58	-	55	66	68	**19**
2002, декабрь	36	57	53	67	50	45	-	68	39	53	38	57	-	52	56	58	**17**
2003, октябрь	28	55	52	66	49	43	-	73	43	56	36	71	-	56	60	63	**19**
2004, июнь	31	51	52	63	46	42	-	72	47	55	34	63	-	57	55	64	**18**
2004, декабрь	33	59	55	69	50	48	-	72	48	56	37	68	-	60	57	62	**21**
2005, сентябрь	28	49	41	57	42	34	-	64	39	45	26	58	-	47	45	52	**23**
2006, январь	36	56	49	65	48	44	-	71	46	56	37	65	-	53	56	62	**22**
2006, июнь	34	57	48	68	46	40	-	76	49	54	36	68	-	54	56	59	**18**
2007, январь	23	52	47	65	38	34	42	75	43	49	29	64	47	56	53	58	**15**
2007, июнь	28	51	48	61	42	40	45	75	48	54	35	63	46	55	56	64	**18**
2008, февраль	21	41	41	59	36	38	42	73	41	52	31	60	45	52	56	58	**17**
2008, июнь	18	34	37	51	28	27	32	74	31	44	21	58	41	44	47	54	**5**
2008, ноябрь	17	31	35	52	27	24	33	69	34	45	21	56	36	44	49	52	**3**
2009, июнь	25	35	35	51	33	30	33	68	34	40	22	58	38	51	48	60	**3**

Примечание: (-) - отсутствие позиции в инструментарии.

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Среди положительных изменений за кризисный период можно отметить увеличение числа россиян, доверяющих Правительству РФ (с 38 до 42%) и милиции, суду, прокуратуре (с 11 до 15%).

Очевидно, что противоречия между обществом и государством в условиях кризиса постепенно нарастают. Об этом свидетельствует и структура индикатора оценки гражданами курса экономических реформ, проводимых руководством страны, и ухудшение, по самооценке, материального положения более половины россиян. Большинство респондентов по-прежнему полностью не удовлетворены политической системой российского общества (см. табл. 10).

Таблица 10

Отношение респондентов к политической системе общества

РФ, % от числа опрошенных

	Меня полностью устраивает политическая система нашего общества	Много недостатков, но их можно устранить реформами	Политическую систему необходимо изменить радикальным образом	Затруднились ответить
1994, май	3	45	43	9
1995, январь	3	25	43	29
1995, ноябрь	1	34	40	25
1996, январь	2	37	40	21
1997, январь	3	35	43	19
1997, август	4	40	38	18
1998, декабрь	2	32	49	17
1999, ноябрь	3	37	42	18
2000, май	10	43	31	16
2000, декабрь	7	42	35	17
2001, декабрь	7	43	33	17
2002, декабрь	6	41	33	19
2003, октябрь	6	47	29	18
2004, июль	7	46	32	15
2004, декабрь	5	47	34	14
2005, сентябрь	11	41	29	18
2006, январь	13	43	25	19
2006, июнь	8	46	29	17
2007, январь	9	51	24	16
2007, июль	9	52	21	18
2008, февраль	16	50	19	15
2008, ноябрь	11	51	21	17
2009, июнь	8	49	26	17

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Только 8% респондентов полностью устраивала политическая система нашего общества. Устранение недостатков политической системы путем постепенных реформ выбрали 49% россиян, 26% граждан высказались за ее радикальное изменение. За год резко снизилась доля граждан, которых полностью устраивает политическая система российского общества (уменьшение на 8 п.п.). При этом существенно увеличилось как число респондентов, считающих необходимым проведение радикальных перемен в политической системе (рост на 7 п.п.), так и доля граждан, отрицательно относящихся к проводимым в стране экономическим реформам (рост на 9 п.п.).

Примечательно, что количество россиян, считающих, что власть выражает и защищает интересы богатых, в кризисной ситуации стало меньше на 6 п.п., хотя такое мнение в российском обществе продолжает доминировать (см. табл. 11).

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос: «Чьи интересы, по Вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?»

РФ, % от числа опрошенных

	Бедных слоев	Средних слоев	Богатых	Всех граждан России	Государственной бюрократии	Затруднились ответить
2000, декабрь	1	8	46	9	44	9
2001, декабрь	0	6	40	9	38	21
2002, декабрь	1	7	61	6	54	10
2003, октябрь	1	8	53	9	54	13
2004, июнь	1	8	50	9	52	15
2005, сентябрь	1	8	54	8	52	15
2006, январь	0	8	50	10	51	12
2006, июнь	1	11	62	7	55	11
2007, январь	2	10	52	8	51	14
2008, февраль	2	11	49	12	42	14
2008, июнь	2	9	53	11	46	15
2009, июнь	2	9	47	12	44	18

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Около 47% респондентов в июне 2009 г. посчитали, что сегодня российское государство выражает и защищает интересы богатых, а 44% – государственной бюрократии. За последние 9 лет во второй раз максимального значения достиг процент россиян, считающих, что власти защищают интересы всех граждан. В июне 2009 г. 12% опрошенных высказывали такую точку зрения. Не изменилось мнение граждан относительно выражения государством интересов средних слоев и бедных (соответственно 9% и 2% по состоянию на июнь 2009 г.). Процесс консолидации общества и государства, судя по значениям этого индикатора, не получил существенного позитивного развития. Тем не менее, пропагандистская активность СМИ по созданию образа власти, работающей в интересах всех граждан, судя по данным, стабилизирует развитие негативных тенденций в этой сфере массового сознания.

Существенного роста противоречий между обществом и государством за время кризиса не произошло (см. табл. 12).

Таблица 12

Мнение респондентов о том, насколько значительны сегодня противоречия и неприязнь в современном российском обществе

РФ, % от числа опрошенных

Противоречия между:	Значительны				
	2005	2006, июнь	2008, июнь	2008, ноябрь	2009, июнь
Бедными и богатыми	72	84	77	76	70
Низшими и высшими классами	63	76	69	70	65
Народом и властью	62	69	57	56	54
Работодателями и работниками	44	53	40	48	50
Начальниками и подчиненными	37	47	35	43	47
Людьми различных национальностей	*	*	44	42	42
Младшим и старшим поколениями	27	40	36	39	37
Предпринимателями и чиновниками	36	37	31	34	32
Верующими различных религий	25	32	26	28	25
Верующими и неверующими	13	19	16	16	16

Противоречия между:	Не значительны				
	2005	2006, июнь	2008, июнь	2008, ноябрь	2009, июнь
Верующими и неверующими	64	54	59	61	60
Младшим и старшим поколениями	59	47	51	50	52
Верующими различных религий	44	35	40	40	43
Работодателями и работниками	39	30	43	36	34
Начальниками и подчиненными	45	35	45	40	34
Предпринимателями и чиновниками	32	32	36	30	33
Народом и властью	22	18	32	31	33
Людьми различных национальностей	*	*	29	32	32
Бедными и богатыми	18	10	16	15	19
Низшими и высшими классами	19	13	18	14	19

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Противоречия между народом и властью не вызвали дальнейшего обострения, хотя, по данным мониторинга, большинство россиян считают их значительными (54%). Неприязнь между бедными и богатыми волнует около 70% опрошенных. Это наиболее значимая проблема, по мнению россиян. Но условия кризиса ее не обострили. Противоречия между низшими и высшими классами также не обострились. Около 65% респондентов выразили озабоченность данной проблемой, в то время как, по данным замеров, в ноябре 2008 г. 70% граждан имели такое мнение, т.е. отмечалось снижение на 5 п.п.

По мнению респондентов, возросли противоречия между работодателями и работниками, а также начальниками и подчиненными. Соответственно с 40% в июне 2008 г. до 50% в июне 2009 г., на 10 п.п., и с 35% до 47%, на 12 п.п. Основной удар в кризисной ситуации пришелся на сферу труда и занятости. Таким образом, **антикризисные меры государства в первую очередь должны быть направлены на недопущение развития неприязни между работодателями и работниками, а также начальниками и подчиненными**. Дальнейший конфликт в сфере труда приведет к расслоению общества, усугубит социально-психологический климат в трудовых коллективах и может существенно снизить эффективность их работы.

За год не произошло обострения противоречия между людьми различных национальностей. Около 42% респондентов по-прежнему считают,

что противоречия в сфере межнациональных отношений являются значительными. Кризис не обострил эти отношения. Не наблюдалось роста противоречий между младшим и старшим поколениями, предпринимателями и чиновниками, верующими различных религий, а также верующими и неверующими.

Кризис отразился на мнении граждан об обеспечении российским государством основных норм жизни демократического общества (см. табл. 13).

Таблица 13

Мнение респондентов об обеспечении государством основных норм жизни демократического общества, Конституции России (вариант ответа «обеспечиваются»)

РФ, % от числа опрошенных

	Равенство всех граждан перед законом	Личная безопасность	Соблюдение прав человека	Социальные гарантии	Свобода политического выбора	Терпимость к чужому мнению	Свобода слова
1995, январь	11	4	12	12	59	35	52
1995, ноябрь	8	3	9	7	59	34	53
1997, август	9	6	13	8	65	41	54
1998, декабрь	9	6	8	4	55	32	49
1999, ноябрь	7	3	4	3	37	15	35
2000, май	11	11	14	12	62	40	52
2000, декабрь	11	10	13	11	57	38	47
2001, декабрь	9	7	13	12	61	40	48
2002, декабрь	10	9	13	11	65	40	51
2003, октябрь	11	6	10	15	58	39	57
2004, июль	11	9	15	14	61	39	52
2004, декабрь	9	7	10	11	47	26	39
2005, сентябрь	13	11	15	16	56	38	50
2006, январь	14	12	19	20	58	40	54
2006, июнь	12	10	17	22	59	44	55
2007, январь	12	14	17	21	61	39	56
2007, июль	15	14	16	21	61	45	57
2008, февраль	18	18	21	25	58	40	56
2008, июнь	13	14	21	27	63	46	59
2008, ноябрь	13	17	22	30	66	48	57

	Равенство всех граждан перед законом	Личная безопасность	Соблюдение прав человека	Социальные гарантии	Свобода политического выбора	Терпимость к чужому мнению	Свобода слова
2009, июнь	14	20	21	32	58	37	52

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Большинство россиян по-прежнему считали, что государством обеспечиваются свобода политического выбора (58%) и свобода слова (52%). Отчасти обеспечиваются терпимость к чужому мнению (37%), социальные гарантии (32%). Менее четверти опрошенных заявили об обеспечении государством соблюдения прав человека (21%), личной безопасности (20%). Хуже всего обстоит дело с равенством граждан перед законом. Только 14% респондентов считали, что государство обеспечивает равенство всех граждан перед законом.

В числе заметных позитивных тенденций можно выделить две. В условиях негативного воздействия последствий мирового кризиса на 6 п.п. (с 14% в июне 2008 г. до 20% в июне 2009 г.) выросло число россиян, считающих, что государством обеспечивается личная безопасность граждан. Кроме того, по мнению граждан, государству удалось эффективно применить меры по улучшению обеспечения социальных гарантий. За последний год число респондентов, считающих, что власти выполняют обязательства по предоставлению социальных гарантий, выросло с 27% до 32%. Граждане отмечают эти обстоятельства как успех государственной политики.

Однако кризис выявил и латентные проблемы, препятствующие процессу консолидации общества и государства. Значение показателя «обеспечения государством терпимости к чужому мнению» уменьшилось за прошедший год с 46% до 37%, т.е. на 9 п.п. На 7 п.п. уменьшилось количество россиян, имеющих мнение об обеспечении государством такой нормы демократического общества, как свобода слова. Кризис наложил отпечаток и на значение индикатора «обеспечения государством свободы политического выбора», что привело к его снижению на 5 п.п. Таким образом, **сущностные признаки демократического общества оказались наиболее уязвимыми во время кризиса.**

Кризис пока не побуждает граждан заявлять о том, что они собираются быть более активными в защите своих социальных интересов (см. табл. 14).

Доля респондентов, предпочитающих ничего не делать в защиту своих интересов, уменьшилась с 27% до 23%, однако сколько-нибудь выраженной динамики поддержки различных форм защиты социальных интересов не наблюдалось. Около 10% граждан по-прежнему посчитали, что их интересы до-

статочно защищены. Все это говорит о политической пассивности граждан, которая пока в целом определяет социально-политическую атмосферу в стране. Но эта пассивность является осознанно выбранной и существует на фоне социально-политического отчуждения, роста недоверия к институтам гражданского общества, неверия граждан в стремление и способность властных структур решить тревожащие их проблемы.

Таблица 14

Динамика поддержки различных форм защиты социальных интересов

РФ, % от числа опрошенных

	Мои интересы достаточно защищены	Подпишу обращение к властям	Выйду на митинг, демонстрацию	Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	Если надо, возьму оружие	Ничего из перечисленного не буду делать	Затруднились ответить
1994, февраль	3	13	9	11	13	19	31
1995, ноябрь	1	13	7	6	9	28	35
1997, январь	5	10	10	10	15	17	32
1998, декабрь	3	10	11	13	15	21	26
1999, ноябрь	4	14	16	13	12	18	22
2000, май	9	10	9	9	13	17	30
2000, декабрь	8	13	12	8	11	24	23
2001, декабрь	7	18	9	11	13	16	26
2002, декабрь	10	9	7	12	13	29	18
2003, октябрь	9	11	9	8	13	27	21
2004, июнь	5	12	11	11	15	25	20
2005, сентябрь	7	9	9	11	13	27	22
2006, июнь	7	13	10	13	13	26	19
2007, январь	6	20	16	12	11	18	17
2007, июль	7	20	16	11	10	21	15
2008, февраль	9	14	11	12	10	27	17
2008, июль	9	14	12	11	11	27	15
2009, июнь	10	15	12	12	13	23	14

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Большинство граждан (51%) считали, что В.В.Путин является тем лидером, который способен вывести Россию из кризиса. Второе место в этом рейтинге политиков и партийных лидеров занимает Д.А.Медведев (28%) (см. табл. 15).

Другие российские политические лидеры имеют более скромные показатели. Мнения граждан распределились следующим образом. В качестве национального лидера В.Жириновского видят 9% респондентов, С.Шойгу – 8%, Г.Зюганову отдали предпочтение 7%. Далее А.Лукашенко – 6%, Ю.Лужков – 5%, С.Миронов – 3%, М.Ходорковский – 3%. Более четверти опрошенных (27%) заявили, что лидера, который был бы способен вывести Россию из кризиса, нет.

Таблица 15

Рейтинг политиков и партийных лидеров РФ

РФ, % от числа опрошенных

Кто из перечисленных лидеров, по Вашему мнению, способен вывести Россию из кризиса?	2000, декабрь	2001, декабрь	2002, декабрь	2003, октябрь	2004, июнь	2004, декабрь	2005, сентябрь	2006, январь	2006, июнь	2007, январь	2007, июль	2008, февраль	2008, ноябрь	2009, июнь
Владимир Путин	34	42	31	41	*42*	38	31	33	36	42	46	45	58	51
Дмитрий Медведев	-	-	-	-	-	-	-	1	4	11	9	29	36	28
нет такого лидера	39	31	48	37	*38*	35	42	32	33	27	32	24	20	27
Владимир Жириновский	3	6	4	9	*8*	8	8	11	9	11	11	11	9	9
Сергей Шойгу	6	9	7	10	*10*	12	8	10	11	10	11	11	11	8
Геннадий Зюганов	16	18	8	7	*4*	4	6	6	6	8	6	11	7	7
Александр Лукашенко	9	11	5	3	*2*	4	5	7	8	7	5	4	8	6
Юрий Лужков	6	7	6	7	*5*	5	8	7	7	4	6	5	5	5
Сергей Миронов	-	-	-	1	*1*	1	1	1	2	3	6	4	5	3
Михаил Ходорковский	-	-	-	2	*2*	3	3	2	4	3	3	3	2	3
Борис Грызлов	-	-	-	7	*6*	7	3	5	4	4	5	7	3	2
Григорий Явлинский	8	4	6	5	*3*	3	2	4	2	2	2	3	2	2
Сергей Собянин	-	-	-	-	-	-	-	5	5	4	2	0	3	1
Гарри Каспаров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	1
Михаил Касьянов	2	5	5	3	-	-	2	1	2	1	1	1	1	1
Алексей Кудрин	-	-	-	-	-	1	0	1	1	0	-			1
Анатолий Чубайс	5	2	3	1	*1*	1	2	1	1	1	-		1	0

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Уровень поддержки гражданами политических партий и движений также оказался предсказуем. На протяжении нескольких лет лидирующее положение занимает «Единая Россия» (38%). Следующей по значимости точкой зрения

оказалось мнение об отсутствии поддерживаемой партии. Его выразили в июне 2009 г. 29% опрошенных (см. табл. 16).

КПРФ поддерживают около 9% респондентов, ЛДПР – 7%, «Справедливую Россию» – 4%. При соотнесении уровня поддержки партий и соответствующих им лидеров, которые способны вывести Россию из кризиса, можно сделать вывод, что **сторонники КПРФ наиболее едины во мнении и последовательны в поддержке своих лидеров**.

Таблица 16

Уровень поддержки респондентами политических партий, движений, блоков

РФ, % от числа опрошенных

Партии, движения, блоки	1997, январь	1998, декабрь	1999, ноябрь	2000, май	2000, декабрь	2001, декабрь	2002, декабрь	2003, октябрь	2004, июнь	2004, декабрь	2005, сентябрь	2006, январь	2006, июнь	2007, январь	2007, июль	2008, февраль	2008, ноябрь	2009, июнь
«Единая Россия» (Путин В.)	-	-	5	18	13	13	11	16	22	21	15	15	17	22	18	33	41	38
КПРФ (Зюганов Г.)	19	17	20	15	16	18	11	10	6	5	7	8	9	9	7	11	8	9
ЛДПР (Жириновский В.)	6	3	3	2,1	2	4	4	7	7	5	5	6	7	9	10	9	6	7
«Справедливая Россия» (Миронов С.)															6	7	4	4
«Союз правых сил»	-	-	6	8	6	6	6	7	3	3	3	2	2	3	2	1	2	1
«Яблоко» (Митрохин С.)	8	11	9	6	7	3	5	4	4	3	3	3	3	3	2	3	1	1
«Аграрная партия России» Плотников)	1	2	-	2	1	1	2	2	1	2	1	1	1	1	1	2	1	
«Гражданская сила» (Барщевский М.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	1	1	1
«Патриоты России» (Семигин Г.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	0	0
Другую партию, движение	0,4	0,7	3	1	2	1	1	2	2	1	1	2	2	2	0	1	1	0
Никого из них	26	25		30	33	33	40	32	37	35	36	37	37	34	34	22	25	29
Затруднились ответить	20	18	31	12	14	18	18	17	15	16	20	17	14	14	16	9	9	9

Примечание: (-) - отсутствие позиции в инструментарии.

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Более 83% респондентов из числа сторонников данной партии заявили, что Г.Зюганов может вывести Россию из кризиса. Далее, 65% опрошенных, отдавая предпочтение В.Путину, разделяют доктрину партии «Единая Россия». Только 56%, видя в лидере В.Жириновского, встают на сторону

ЛДПР, а более четверти сторонников В.Жириновского поддерживают «Единую Россию» (29%).

Оценка гражданами деятельности Д.А.Медведева на посту Президента РФ и В.В.Путина на посту Председателя Правительства России по десятибалльной шкале показала следующую картину (см. табл. 17).

По мнению граждан, в среднем по 10-балльной шкале деятельность Д.А.Медведева на посту Президента РФ получила оценку 5,6 баллов, а деятельность В.В.Путина на посту Председателя Правительства РФ – 6,8 баллов.

Таблица 17

Оценка деятельности Медведева Д.А. на посту президента и деятельности Путина В.В. на посту председателя правительства России

РФ, баллы по десятибалльной шкале

Оценка деятельности	10 баллов	
	2008, ноябрь	2009, июнь
Медведев Д.А.	5,7	5,6
Путин В.В.	7,2	6,8

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Деятельность В.В.Путина оценивается гражданами РФ выше, чем деятельность Президента РФ Д.А.Медведева.

Прошлое, настоящее и будущее России. Время идет, и представления российских граждан о прошлом, настоящем и будущем нашей страны постепенно меняются. Результаты исследования в июне 2009 г. показывают, что от трети до половины респондентов характерными для социализма по-прежнему считают следующие понятия: «коллективизм» (50%), «патриотизм» (45%), «порядок» (38%), «справедливость» (32%), «нравственность» (24%), «народовластие» (18%), «права человека» (18%) (см. табл. 18).

Коллективизм остается доминирующим признаком социализма в массовом сознании. Почти каждый четвертый (24%) относит к сущностным для социализма понятиям также нравственность. Негативно окрашенная характеристика социализма появляется лишь у каждого шестого респондента – это подавление личности (18%).

Приоритетные представления о сущности капитализма распределились следующим образом: частная собственность (61%, доминирующее качество), социальная незащищенность (40%), власть узкой группы людей (37%), преступность (34%), бедность (29%), технический прогресс (26%), свобода (25%) (см. табл. 19).

Для представлений о капитализме характерны, во-первых, преобладание негативных социальных характеристик (четырёх в первых семи) и, во-вторых, больший «вес» приоритетных качеств: для социализма в диапазоне от 25% до 50% респондентов отметили 5 характеристик, для капитализма в диапазоне 25%–61% – 7 характеристик.

По-прежнему в социалистическом обществе хотели бы жить большее количество респондентов – 34%, против 20%, желающих жить при капитализме. Но и доля затруднившихся ответить на вопрос существенна – 36% (см. табл. 20).

Таблица 18

Динамика мнений респондентов о том, что означает для них понятие «социализм»

РФ, % от числа опрошенных

	Коллективизм	Патриотизм	Порядок	Справедливость	Нравственность	Народовластие	Права человека	Подавление личности	Духовность	Власть узкой группы людей	Бедность	Гуманизм	Экономическая отсталость	Высокий уровень жизни	Технический прогресс	Свобода	Социальная незащищенность	Частная собственность	Преступность
1998, декабрь	58	40	43	29	23	23	13	23	16	25	18	12	21	11	15	10	9	2	5
1999, ноябрь	58	38	44	28	*	28	16	22	21	19	19	16	19	10	17	12	8	4	5
2000, май	55	40	39	25	20	22	13	23	14	19	25	11	20	10	13	8	10	3	6
2000, декабрь	52	47	48	28	16	18	10	23	14	20	28	7	15	9	13	5	13	2	5
2002, декабрь	56	47	42	25	16	15	12	24	17	21	23	11	18	12	14	8	9	5	4
2003, октябрь	53	48	45	30	21	21	17	22	13	22	18	11	16	11	10	12	10	1	3
2004, июнь	53	38	41	34	21	18	20	20	17	19	18	9	14	13	15	14	12	1	3
2006, январь	42	39	37	26	16	15	17	21	12	16	17	9	13	11	14	8	7	2	3
2008, февраль	44	36	38	34	25	20	18	13	17	10	14	10	10	11	15	15	6	3	3
2009, июнь	50	45	38	32	24	18	18	18	16	16	15	13	13	12	11	10	9	2	2

Таблица 19

Динамика мнений респондентов о том, что означает для них понятие «капитализм»

РФ, % от числа опрошенных

	Частная собственность	Социальная незащищенность	Власть узкой группы людей	Преступность	Бедность	Технический прогресс	Свобода	Подавление личности	Высокий уровень жизни	Права человека	Экономическая отсталость	Порядок	Справедливость	Коллективизм	Гуманизм	Народовластие	Духовность	Нравственность	Патриотизм
1998, декабрь	62	40	36	48	32	37	30	17	35	19	7	17	7	0	2	2	3	1	2
1999, ноябрь	64	32	31	40	25	30	29	20	27	16	9	15	4	1	2	3	2	*	3
2000, май	68	36	32	44	28	33	28	20	31	17	7	13	4	2	2	3	2	2	4
2000, декабрь	65	38	36	52	32	30	28	18	28	16	7	11	3	1	2	2	2	1	2

	Частная собственность	Социальная незащищенность	Власть узкой группы людей	Преступность	Бедность	Технический прогресс	Свобода	Подавление личности	Высокий уровень жизни	Права человека	Экономическая отсталость	Порядок	Справедливость	Коллективизм	Гуманизм	Народовластие	Духовность	Нравственность	Патриотизм
2002, декабрь	68	44	39	48	31	26	24	19	23	14	11	9	4	1	2	2	1	1	3
2003, октябрь	63	41	41	42	33	29	26	19	23	16	9	11	5	1	2	2	3	2	3
2004, июнь	67	37	42	39	31	29	29	23	24	17	7	13	4	2	3	2	3	1	2
2006, январь	52	40	38	37	28	25	22	18	19	11	8	7	4	2	2	2	2	1	2
2008, февраль	57	37	37	36	34	23	24	18	15	13	7	7	3	2	4	3	3	3	2
2009, июнь	61	40	37	34	29	26	25	19	18	12	8	7	5	4	3	3	3	3	3

Примечание: (-) – альтернатива не входила в шкалу индикатора; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Таблица 20

Распределение ответов на вопрос, в каком обществе хотели бы жить респонденты

РФ, % от числа опрошенных

	В социалистическом	В капиталистическом	В каком-то другом	Затруднились ответить
1998, декабрь	38	22	10	30
2000, май	31	21	12	36
2000, декабрь	31	21	18	31
2002, декабрь	29	19	14	38
2003, октябрь	31	23	11	35
2004, июнь	34	22	8	36
2006, январь	32	19	10	39
2008, февраль	33	18	10	39
2009, июнь	34	20	10	36

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Полученное распределение ответов не только представляет баланс мнений и представлений о социализме и капитализме сложившийся в массовом сознании, но и отражает многолетний опыт жизни граждан в условиях либеральных реформ.

Значительное число граждан живет не только в условиях экономической дискомфортности, но и политической неопределенности по отношению к событиям прошлых лет. Такой вывод следует из анализа ответов респондентов на вопрос о причинах распада СССР (см. табл. 21).

Таблица 21

Распределение ответов на вопрос:
«Прошло почти двадцать лет с момента исчезновения с карты мира государства СССР. Какие из нижеприведенных широко распространенных суждений наиболее полно соответствуют Вашим мыслям и чувствам?»
РФ, % от числа опрошенных

	2004, ноябрь	2009, июнь
Распад СССР – это продуманная политика, проводимая из-за рубежа, с целью захвата отечественных источников сырья и рынков	46	43
Распад СССР – результат ошибочной недальновидной политики Центра	40	37
Распад СССР – следствие политических амбиций лидеров в Центре и на местах	34	34
Распад СССР закономерен – это распад нежизнеспособного государства	16	18
Распад СССР закономерен, т.к. Его сохранение противоречило жизненным устремлениям, воле народов	14	14
Другое мнение	3	2

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Точка зрения граждан РФ на причины распада СССР не изменилась за годы прошедшие с момента первого опроса. Более трети респондентов считают произошедшее результатом ошибочной недальновидной политики Центра, примерно столько же – плодом амбиций прежних политических лидеров, 43% граждан склонны считать распад СССР намеренным развалом в результате продуманной политики, проводимой из-за рубежа. Посчитали распад СССР закономерным, соответствующим воле народов, составлявших СССР, 14% респондентов; что распад СССР состоялся в силу его нежизнеспособности – 18% респондентов. Распределение трех первых альтернатив индикатора свидетельствует о том, что значительное число российских граждан вряд ли доверяют официально декларируемым версиям исчезновения СССР с политической карты современности.

Распределение ответов на вопрос, в каком обществе хотели бы жить респонденты, показало, что 36% опрошенных затруднились с ответом, и еще 10% предпочли «какое-то другое» общество. По всей вероятности, дилемма «капитализм–социализм» в силу своей традиционной идеологической заданности не дает общественному сознанию всего богатства выбора вариантов социального развития. Какой же тип общества, какой путь экономического развития, по мнению респондентов, наиболее приемлем для России? Ответ на этот вопрос отчасти дает следующий индикатор (см. табл. 22).

Таблица 22

Мнение респондентов о том, какой путь экономического развития

наиболее приемлем для России

РФ, % от числа опрошенных

	1992, август	1996, май	2004, июль	2009, июнь
У России должен быть свой особый путь развития, основанный на традиционных представлениях россиян об отношениях людей и земной справедливости	52	53	44	48
Социально-ориентированная экономика наподобие Швеции	8	11	14	13
Свободная рыночная экономика, как в США, Великобритании, ФРГ, Франции	11	7	9	11
Экономика с преобладанием государственных форм собственности по образцу Китая	5	8	9	11
Другое мнение	2	1	1	1
Затруднились ответить	22	20	23	17

Источник: Отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Около половины граждан считают, что у России должен быть свой особый путь развития. Число придерживающихся такого мнения в июне 2009 г. (48%), как и ранее, превышает суммарное число представителей всех остальных точек зрения. На втором месте (13%) выбор в пользу социально ориентированной экономики наподобие Швеции. На третьем месте – свободная рыночная экономика, как в США, Великобритании, ФРГ, либо путь развития по образцу Китая (по 11%). Значимо сократилась (на 6 п.п.) за прошедшие 5 лет доля затруднившихся ответить. Очевидно, россияне постепенно все увереннее и определеннее формируют свои представления о том, какой путь экономического развития наиболее приемлем для России.

Мировой экономический кризис создал момент истины, который позволяет судить о корректности выбранного курса социально-экономического развития и эффективности проводимой политики. Сравнение нынешнего положения России по макроэкономическим показателям с другими странами явно складывается не в нашу пользу. И суть заключается даже не в значениях конкретных экономических показателей, которые по сравнению со странами ОЭСР и БРИК у нашей страны плачевны. Сегодня речь должна идти даже не о выборе режима «ручного» или «институционального» управления и регулирования экономикой. В критических ситуациях эти режимы не должны абсолютизироваться, а дополнять друг друга в зависимости от характера и масштаба решаемых социально-политических и социально-экономических задач. В конечном итоге проблемы падения ВВП или выбор режима управления государством и обществом являются проблемами инструментального, подчиненного значения. Суть структуры и качества момен-

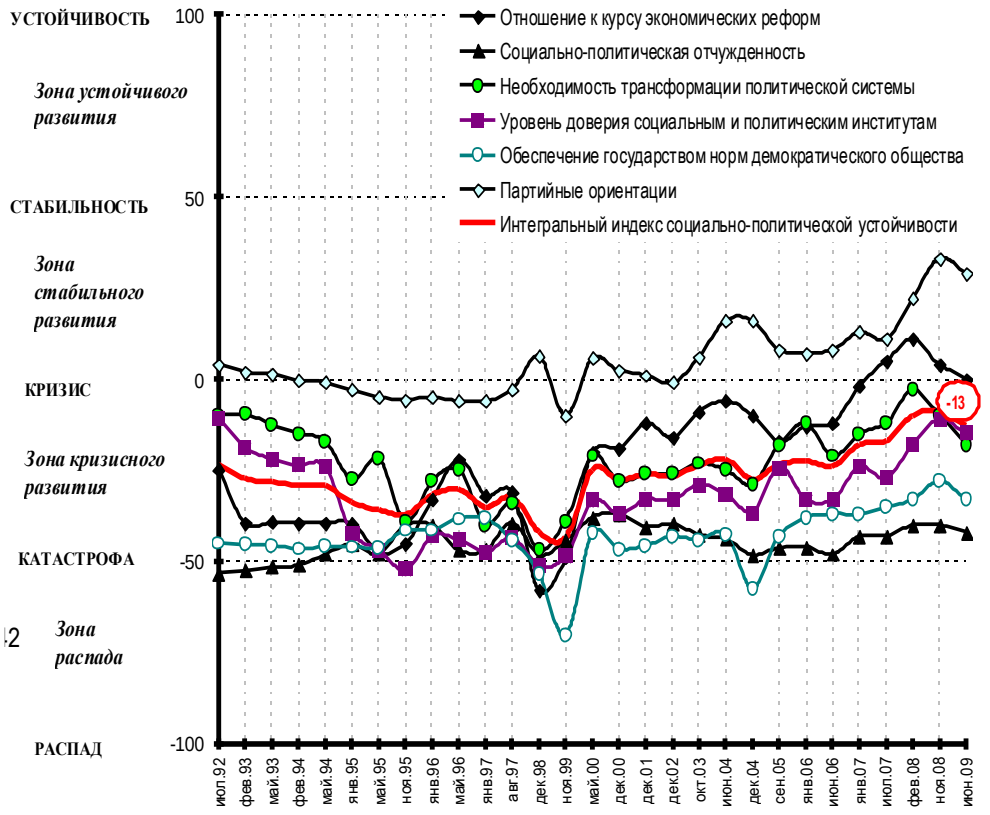
та истины заключается в том, что в очередной раз на крутом повороте истории возник вопрос о доверии общества существующему государству. Эта проблема носит фундаментальный социально-политический характер.

Как показывают результаты социологического мониторинга «Как живешь Россия?» мировой экономический кризис и его проявившиеся последствия в России вновь возвращают большую часть российского общество на траекторию депрессивного развития. Негативные подвижки общественного сознания нашли свое отражение в динамике интегрального индекса социально-политической устойчивости (ИСПУ), рассчитываемого по 6 индикаторам (см. график 2).

Исследование, проведенное в июне 2009 г., показало снижение величин всех индикаторов социально-политической устойчивости общества. Особенно снизились за полгода (с ноября 2008 г.) показатели обеспечения государством норм жизни демократического общества (с [-28] до [-33]) и отношения к курсу экономических реформ (с 4 до 0).

График 2

Динамика интегрального индекса и индикаторов социально-политической устойчивости



Но в большей или меньшей мере отрицательную динамику показали все индикаторы, что результировалось в падении величины ИСПУ с [-8,6] в ноябре 2008 г. до [-13,2] в июне 2009 г.

В российском обществе под воздействием мирового кризиса сформировался структурно сложный потенциал социальной неустойчивости. Традиционные для нашего общества проблемы материального благополучия, оставаясь доминирующими, дополнились привнесенными мировым экономическим кризисом источниками тревожности. У значительной части населения вновь актуализировались тревоги, связанные со сферой труда: безработица, закрытие, простой предприятий, задержка выплаты зарплаты, пенсий.

В своих негативных ожиданиях российское общество оказалось не готово к разразившемуся кризису. Он оказался глубже и материально затронул большую часть российских граждан. Пострадал средний класс, который значительно и чувствительно потерял в денежных доходах.

При объяснении причин кризиса граждане в первую очередь связывают его со слабостью российской экономики и кризисом мировой финансовой системы. Такая точка зрения стала результатом коррекции, которая произошла в последние месяцы. Российское общество в своем отношении к курсу проводимых реформ под воздействием негативных факторов кризиса вновь разбилось на три приблизительно равные группы: сторонники, противники курса реформ и не затрудняющиеся сделать выбор. Такая социальная база реформ не является в своей структуре устойчивой и в значительной степени будет зависеть от успешности действий Правительства РФ и складывающеи внешнеи и внутреннеи политическои конъюнктуры. Особенностью складывающейся социально-политической ситуации является наложение негативных конъюнктурных и фундаментальных политических и социальных факторов друг на друга с возможностью создания кумулятивного эффекта.

Положение усугубляется тем, что в условиях проявившегося в России мирового экономического кризиса государственные структуры и институты гражданского общества не только не смогли укрепить свой авторитет своевременными и социально эффективными действиями, но и постепенно начинают терять доверие граждан. Почти половина респондентов признали, что программа антикризисных мер правительства России является неэффектив-

ной. В кризисной ситуации российские власти продолжают проводить социально малоэффективную политику.

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И ПРОТЕСТА НАСЕЛЕНИЯ

Использование кризиса как условия модернизации является общей чертой всех антикризисных программ. Конкурентоспособность общества определяет не только экономика, но и его социальная жизнеспособность. Топливно-энергетический комплекс (ТЭК), оборонно-промышленный (ОПК), агропромышленный (АПК) или какие-то другие экономические комплексы не выведут Россию из кризиса без социально-энергетического комплекса (СЭК), в котором производится и распределяется социальная энергия, формируется человеческий потенциал.

Для инновационной экономики нужны адекватные социальные практики, ценностно-смысловые установки, которым зачастую людей надо обучать. Системная модернизация общества предполагает создание условий для позитивной самореализации граждан, подъема их творческой инициативы, повышения ответственности. Новая модель социализации массового сознания и поведения будет формировать высокий уровень индивидуализации общества, расчет людей на собственные силы, и как следствие – высокий уровень социальной активности, а значит и потенциала социального протеста и критических выступлений. Проблемное поле, связанное с изменением социальной деятельности, лежит в организации эффективного управленческого аудита «расходов» социальной энергии, избегая ошибок использования ложной мобилизационной идеологии, и одновременно, не допуская чрезмерного, властного контроля или подавления социальной активности.

Социальное самочувствие населения в условиях кризиса. Абсолютное большинство россиян (63%) весной 2009 г. указывали, что они или члены их семей пострадали от кризиса[1]. Ухудшение своего материального по-

[1] В тексте анализируются данные всероссийских опросов, проведенных в 2007 г. (N=7119) и в апреле–мае 2009 г. (N=2110). (Рук. иссл. – акад. РАН Г.В.Осипов, член-корреспондент РАН В.Л.Шульц, д.с.н. В.В.Локосов). Исследование проводилось при финансовой поддержке РФФИ (проект № 08-06-12019-офи) и РГНФ (проект № 09-02-95650).

ложения за последний год отметили 60% респондентов, т.е. негативные последствия кризиса на момент опроса затронули около двух третей населения. По данным ВЦИОМ, в начале 2009 г. кризис обсуждали 76% россиян[1]. Негативные последствия кризиса проявились, прежде всего, в снижении зарплаты (32% респондентов), отказе от покупок и поездок (17%), потере работы (16%) и вновь ставшими актуальными задержками выплаты зарплаты (12%).

По итогам первого полугодия 2009 г., Россия стала лидером среди крупных стран по относительным темпам падения экономики по сравнению с докризисным периодом[2]. Перечень проблем, наиболее часто и сильно беспокоящих российских граждан, не претерпел существенных изменений (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «С какими явлениями, по Вашему мнению, нужно в первую очередь вести борьбу?»

РФ, население от 18 лет и старше, % от числа опрошенных

В первую очередь с:	2007	2009
Загрязнением окружающей среды	40,0	36,7
Ростом цен	48,7	55,3
Наркоманией	52,5	43,8
Безработицей	30,9	44,0
Бедностью	40,5	34,4
Преступностью	46,0	43,4
Повышением тарифов на услуги ЖКХ	32,1	37,6
Произволом чиновников	27,5	28,5
Алкоголизмом	26,1	28,9
Падением нравов, культуры	23,0	23,3
Притоком мигрантов, переселенцев	8,9	9,3
Коррупцией	34,1	31,9
Нарушением прав человека	14,9	17,7
Поляризацией на богатых и бедных	13,0	13,2
Другое (напишите)	0,9	0,9

Примечание: сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.
Источник: ИСПИ РАН.

[1] http://www.beenergy.ru/life/43792-pochti-polovina-rossijan-razgljadela-krizis-v.html
[2] Экономика России подыграла Байдену // «Независимая газета». 2009, 28 июля.

Самое значительное изменение касается проблемы безработицы, которая в условиях кризиса стала беспокоить 44% россиян, поднявшись в ранговом ряду проблем с 8-го на 2-е место. Согласно опросам, проведенным компанией Headhunter, более половины россиян были согласны работать больше и получать меньше, лишь бы сохранить рабочее место[1].

Уровень безработицы равный 10% считается предельно критическим для воспроизводства социально-экономической системы. Негативная тенденция роста безработицы имеет мультисоциальные последствия: рост уровня безработицы на 1% приводит, по оценке американских специалистов, к росту числа самоубийств – на 4,1%, обращений в психиатрические лечебницы на 3,3%, убийств – 5,7%, заключенных в тюрьмах – 4%, смертности – на 1,9% и т.д. Поэтому рост безработицы может иметь негативные последствия по всему спектру социальных отношений, причем эти последствия сохраняются в течение пяти лет.

Сужение рынка труда и рост безработицы носят структурный характер, связанный с уязвимостью в условиях кризиса определенных отраслей экономики, регионов и социальных групп. Помимо традиционных в условиях кризиса «групп риска» – работающих пенсионеров и молодежи, не имеющей производственного опыта (в том числе, выпускников ВУЗов), жителей «моногородов», безработными стали многочисленные представители офисного персонала, работающие в таких сферах, как финансы, масс-медиа, недвижимость, туризм, розничная торговля, где в последние годы наблюдался рост занятости. Вместе с ними лишними на рынке труда оказались люди, занятые в малом и среднем бизнесе. Это новые социальные группы, которые, как правило, включают в средний класс. Другая новая социальная группа, которая также уязвима на рынке труда - иностранные наемные работники, занятые, прежде всего, в строительстве, кустарном производстве и розничной торговле.

Рост безработицы, наряду с негативными последствиями, имеет ряд позитивных возможностей, стимулирующих эффективность экономики. Во-первых, угроза потери рабочего места является для работника мотивацией изменения отношения к труду как важнейшей социальной ценности. Во-вторых, предприятия могут избавиться от раздутых штатов. Кроме того, рост безработицы «помогает» навести порядок в иммиграционной политике, избавиться от нелегальной миграции и неразберихи в определении квот на иностранную рабочую силу. Возможно, что часть вакансий, которые интересовали только трудовых ми-

[1] http://www.gazeta.ru/business/2009/09/10/3258909.shtml

грантов, теперь представляют интерес и для российских граждан. Безработица среди выпускников ВУЗов поможет «избавиться» от большого числа коммерческих псевдоВУЗов и лучше понять потребности экономики в специалистах.

Низкий уровень удовлетворенности условиями жизни было и осталось важной характеристикой массового сознания россиян (см. табл. 2).

Таблица 2

Уровень удовлетворенности условиями жизни по 5-балльной шкале

РФ, население от 18 лет и старше, баллы

	2007	2009
Возможность приобретения продуктов питания	3,3	3,7
Возможность приобретения товаров (одежды и др.)	3,2	3,7
Жилищные условия	2,8	3,2
Условия для отдыха	2,8	2,9
Работа транспорта	3,1	3,2
Медицинское обслуживание	2,5	2,5
Возможность получения образования	2,8	3,1
Условия для воспитания детей	2,8	3,0
Работа коммунальных служб	2,3	2,5
Работа правоохранительных органов	2,6	2,7

Источник: ИСПИ РАН.

Наибольшее нарекание у населения вызывает работа медицинских учреждений, коммунальных служб и правоохранительных органов. Вместе с тем, в целом, уровень удовлетворенности населения условиями жизни повысился. Никаких негативных последствий кризис не внес и в социально-психологическое состояние населения. Соотношение «оптимистов» и «пессимистов» в 2007 г. составляло 1,24:1; а в 2009 г. – 1,42:1. Иными словами, доля людей с радостным, спокойным, стабильным настроением увеличилась.

В этом случае происходит разновекторное изменение социальных представлений россиян: **уровень жизни снижается, а субъективные оценки социального самочувствия растут.** Возможно, разновекторность снижающихся объективных индикаторов уровня жизни и повышающихся субъективных оценок социального самочувствия связана с психологическими защитными свойствами людей «собираться» в условиях кризиса, с творческим потенциалом самореализации, который заложен в кризисе. Возможно, что негативные последствия кризиса носят инерционный характер и на момент опроса они

лишь формально затронули людей, оставив у них уверенность в краткосрочности этих последствий. Доля респондентов, кто посчитал, что терпеть бедственное положение уже невозможно, увеличилась с 7 до 10%, но по-прежнему в массовом сознании доминирует терпеливое отношение к жизненной ситуации.

По данным ИСПИ РАН, для улучшения своего благосостояния большинство россиян (37%) готовы заняться подработкой (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Что Вы готовы сделать, чтобы улучшить свое благосостояние, социальное положение?»

РФ, население от 18 лет и старше, % от числа опрошенных

	2007	2009
Мое положение меня устраивает	13,2	16,8
Повысить образование	23,3	18,4
Сменить профессию	14,5	12,8
Сменить работу	28,0	23,5
Заняться подработкой	30,2	37,2
Открыть свое дело	18,9	25,1
Уехать в другой регион	7,1	9,9
Уехать за границу	7,4	11,3
Выгодно жениться (выйти замуж)	6,4	6,9
Использовать связи с нужными людьми	21,4	22,3
Ничего не готов сделать	16,8	13,9

Источник: ИСПИ РАН.

Уровень готовности россиян что-то сделать для улучшения своего положения остался высоким и почти без изменений: 70% респондентов не хотят сидеть, сложа руки. Среди самых молодых респондентов (от 18 до 24 лет) эта переменная составила 89%. Отметим рост готовности людей открыть свое дело: величина этой переменной выросла с 19 до 25%, а среди молодежи – до 41% (I место среди способов улучшить социальное положение).

Социально-политические ориентации населения. Обычно вместе с массовым снижением уровня жизни идет обострение внут-

риполитической ситуации. В данном случае эта зависимость лишь отчасти получила эмпирическое подтверждение (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

Коэффициент стабильности отношений между различными социальными «группами» (сумма положительных оценок – «доброжелательные», «нормальные» и отрицательных оценок – «напряженные», «взрывоопасные»)

РФ, население от 18 лет и старше, 2007 г., N=7119; 2009 г., N=2110, процентные пункты

Источник: ИСПИ РАН.

Ранговая иерархия отношений между различными социальными «группами» по коэффициенту стабильности за последние два года осталась почти прежней, что говорит о ее устойчивости в массовом сознании. Но оценки населением этих отношений снизились по всем восьми индикаторам, что свидетельствует об усилении социальной напряженности, по крайней мере, на уровне субъективных ощущений. Особенно тревожно выглядит оценка взаимоотношений местной власти и населения, коэффициент стабильности которых впервые за последние годы получил отрицательное значение. Отчуждение власти от народа осталось на высоком уровне и прослеживается по многим показателям, но если ранее основным виновником возникающих социально-бытовых трудностей респонденты на-

зывали федеральные органы власти, то теперь эта роль отводится местной власти. Происходит **локализация политических противоречий на местном уровне.**

В течение последних лет на местный уровень были переданы многие основополагающие социальные функции, например, образования, здравоохранения. Но у местной власти нет ресурсов для решения этих задач. В практике экономически развитых стран, для обеспечения организационной и финансовой самостоятельности органов местной власти доля их собственных ресурсов, прежде всего, собственных доходов, должна составлять порядка 75%. Таким уровнем самостоятельности у нас обладают около 5% муниципальных образований. **В результате растут противоречия между местной властью и населением и сегодня эти противоречия становятся одним из главных рисков для внутриполитической сферы.** Местные социальные отношения самые сложные – ведь они в буквальном смысле реально, непосредственно касаются прямого взаимодействия людей.

Данный риск тем более значим, поскольку территориальный аспект идентичности россиян сосредоточен сегодня не на федеральном или региональном, а местном уровне. Произошла локализация территориальной идентичности россиян: именно общность с людьми, проживающими с респондентом в одном городе, районе, ощущали 26% респондентов, «региональную» общность – 12% и общероссийскую – 19%. Полученный низкий уровень общегражданской идентичности отражает важную для внутриполитической сферы проблему формирования единой российской гражданской нации.

По ряду других показателей внутриполитическая ситуация не ухудшалась. Массовое сознание россиян долгие годы характеризует дефицит доверия многим ведущим политическим, общественным структурам. Ситуация осталась почти прежней, но при одном существенном изменении, связанном с переходом В.Путина на пост председателя правительства (см. диаграмму 2).

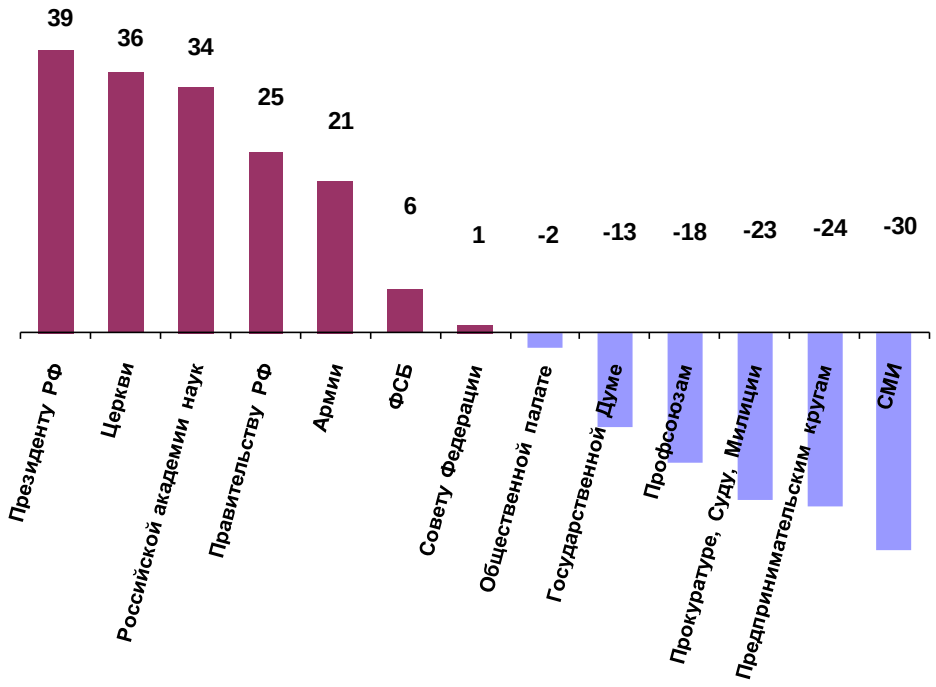
В 2007 г. положительно к деятельности В.Путина на посту президента относились 62% россиян. Два года спустя к его деятельности в качестве премьер-министра позитивно относились 49% респондентов. При этом его личный авторитет кардинально изменил коэффициент доверия населения правительству: в 2007 г. этот индикатор составлял [-1] процентный пункт, в 2009 – [+25] п.п., т.е. В. Путин как бы часть своего персонального доверия передал правительству, и оно получило один из самых высоких уровней доверия граждан. Показательно, что большинство россиян (44%) считали, что правительство способно найти выход из кризиса (23% думали иначе). Такая вера

граждан в дееспособность правительства в условиях кризиса является важным фактором сохранения стабильности внутриполитической ситуации.

Диаграмма 2

Коэффициент доверия
(сумма положительных («доверяю») и отрицательных («не доверяю») ответов) к политическим, общественным структурам российского общества

РФ, население от 18 лет и старше, 2009 г., N=2110, процентные пункты



Источник: ИСПИ РАН.

Коэффициент доверия новому президенту Д.Медведеву уступал аналогичному индикатору В.Путина двухлетней давности, но он равен 39 п.п., и это была наибольшая величина коэффициента на момент опроса. Два политических лидера страны, несмотря на кризис, пользовались широкой социальной поддержкой. Рейтинг Медведева ниже, чем рейтинг Путина в бытность его президентом. Рейтинг Путина-премьер-министра ниже, чем рейтинг Путина как президента. Но перераспределение между ними электоральной под-

держки привело в целом к укреплению легитимности политической системы за счет образования второго центра доверия – правительства РФ.

Вместе с тем сохраняющийся дефицит доверия к органам внутренних дел, профсоюзам, предпринимательским кругам, Государственной Думе, СМИ, политическим партиям серьезно осложняет внутриполитическую ситуацию. По-прежнему ее устойчивость скорее зависит от персональной расстановки сил, чем от институциональной легитимности.

По эмпирическим данным, большинство граждан не доверяют институтам судебно-правовой системы. В этом же ключе сложилось общественное мнение и по другим вопросам правосознания. Большинство респондентов (37%) считали, что выборы сегодня – «политический спектакль с заранее предрешенным финалом». На 2-м месте была не менее негативная оценка выборов как напрасной траты денег и сил (21%). В честность избирательных комиссий верили лишь 7% респондентов. Абсолютное большинство избирателей считали, что избирательные комиссии иногда подтасовывают результаты выборов (34%) или занимаются подтасовкой всегда (29%). Исходя из анализа полученных эмпирических данных, **в массовом сознании россиян сложилось стереотипное представление о выборах, как формальной процедуре с заранее известными результатами, которые зачастую получают путем подтасовки голосов избирателей.** Столь же удручающе, с точки зрения правовой культуры, выглядит распределение ответов на вопрос: «Можно ли сегодня в России не нарушая закон, вести свой бизнес?» Отрицательно ответили 54% респондентов, 25% – положительно.

Правовой нигилизм был одним из самых эффективных и широко используемых средств реализации неолиберальной трансформации в 90-е гг. Естественно, что в результате его активного использования существенно ослабла правовая консолидация социума, и сформировались стереотипы массового сознания о беззаконии власти, праве сильного, жизни по понятиям, и эти стереотипы представляют серьезную угрозу нормальному развитию внутриполитической сферы и конструктивной реализации социальной активности.

Социальная активность и социальный протест. Уровень готовности россиян защищать свои интересы в условиях кризиса не возрос, а, наоборот, несколько снизился (см. табл. 4).

Объяснение этой на первый взгляд странной тенденции массового сознания следует искать в особенностях российской социальной системы, в которой слабая защищенность прав личности сочетается с привычным административным произволом.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Готовы ли Вы активно защищать свои интересы?»

РФ, население старше 18 лет; % от числа опрошенных

	2007	2009
Да	67	59
Нет	11	17
Затруднились ответить	22	24

Источник: ИСПИ РАН.

В прессе и Интернете широко представлены факты давления, оказываемого руководителями предприятий, вузов, а также органами государственной власти на граждан с целью не допустить их участия в акциях протеста и даже элементарных формах защиты собственных прав. Формы этого давления могут варьировать от угроз увольнения, отчисления из вуза до организации уголовного преследования лидеров независимых профсоюзов, активистов протестных движений и правозащитников. Вместе с тем только треть респондентов затруднившихся ответить на вопрос о готовности активно защищать свои интересы были последовательны в своих ответах и по другим индикаторам. Это значит, что более 70% граждан были готовы что-то предпринять, чтобы улучшить свое положение. Отдавая себе отчет, что прожективная готовность респондентов к защите своих интересов завышена, по сравнению с готовностью реально что-то сделать, тем не менее, следует признать **наличие высокого уровня социальной активности россиян. Утверждения об апатии граждан, ощущении их беспомощности перед бюрократическим аппаратом не находят эмпирического подтверждения.**

Среди тех, к кому граждане намерены обратиться для защиты своих интересов, на первых местах находятся суд и друзья, родственники, земляки (см. табл. 5).

Популярность суда, который воспринимается россиянами как главный защитник их интересов явление относительно новое для нашей страны. Деятельность судебной системы в целом не пользуется доверием у населения. Но ежегодно растет количество обращений граждан в суд, что имеет ряд позитивных со-

циальных последствий, связанных с формированием правовой культуры граждан и нахождения ими легальных способов отстаивать свои интересы в новых условиях. Выбор суда в качестве главного защитника интересов граждан надо интерпретировать, понимая масштабы криминализации общественных отношений.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Куда бы Вы обратились для защиты своих интересов?

РФ, население старше 18 лет; % от числа опрошенных

	2007	2009
В суд	41,7	44,9
В милицию	23,5	30,2
В органы власти	22,5	28,7
В средства массовой информации	22,2	24,8
В общественные, правозащитные организации	17,6	21,9
В профсоюз	5,8	8,3
В международные организации	6,6	8,9
К друзьям, родственникам, землякам	42,0	45,3
К криминальным структурам	5,0	3,3
К частным охранным структурам	5,0	5,2
Никуда бы не обратился	12,9	11,3
Затрудняюсь ответить	12,9	9,0

Примечание: сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.
Источник: ИСПИ РАН.

Неэффективность многих форм защиты интересов граждан призвано компенсировать обращение за помощью к родственникам, знакомым, землякам, так как эффективность сетевой, неформальной защиты своих интересов возрастает в кризисный период. Приоритет, отдаваемый неформальным отношениям перед формальными, характерен для переходных обществ, в которых сохраняется значительный традиционный элемент. Он также свидетельствует о разочаровании значительной части россиян в способности формальных социальных структур что-то сделать для них. Особенно важным, в данном контексте, выглядит дефицит доверия к профсоюзам и низкий уровень готовности респондентов обращаться к ним за помощью.

В целом, в период кризиса россияне демонстрируют рост готовности обращаться для защиты своих прав ко всем социальным структурам, как государственным, так и общественным (за исключением криминальных), что

может являться косвенным указанием на рост чувства социальной тревоги и незащищенности. Эта тенденция может увести социальный протест в слабо контролируемую сферу личных отношений, откуда он часто выплескивается в непредсказуемых, в том числе насильственных, формах. В первой половине 2009 г. начались массовые акции протеста. На нескольких автомобилестроительных (ВАЗ, ИЖ) и оборонных (в Северодвинске, Приморском крае) предприятиях прошли предупредительные забастовки по поводу планируемых увольнений и сокращения зарплаты. Наиболее тяжелая ситуация сложилась в «моногородах» в связи с банкротством и закрытием градообразующих предприятий. Особую известность благодаря размаху событий и личному вмешательству В.В.Путина приобрел случай в городе Пикалево Ленинградской области, где оставленные без работы и горячей воды жители, отчаявшись добиться помощи от власти, решились на штурм здания местной администрации.

В целом, обращение россиян к жестким мерам для защиты своих интересов не стало более интенсивным в условиях кризиса (см. табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «В какой форме Вы готовы защищать свои интересы?

РФ, население старше 18 лет; % от числа опрошенных

	2007	2009
Подписать обращение, воззвание	40,8	40,9
Выйти на митинг, демонстрацию	25,4	25,1
Участвовать в забастовке	12,4	11,0
Участвовать в марше протеста	13,2	13,9
Участвовать в насильственных действиях	3,3	5,5
«Идти на баррикады»	4,7	4,3
Участвовать в других акциях протеста	14,6	15,8
Ничего не буду делать	16,6	18,4
Затрудняюсь ответить	27,1	25,5

Источник: ИСПИ РАН.

На самые радикальные меры – участие в насильственных действиях, готовность «идти на баррикады» – согласны были в 2007 г. и 2009 г. по 8% респондентов. Разница в готовности применять другие жесткие меры находится в рамках допустимой статистической погрешности. Наиболее склонны

к применению насильственных мер молодые респонденты, но и среди них величина этой переменной составляла около 10%.

Предпочтение россиянами «мягких» форм протеста и их относительное нежелание участвовать даже в таких легальных акциях, как марши протеста и забастовки, объясняется, прежде всего, двумя факторами. С одной стороны, это административное давление, которое побуждает граждан к чрезмерной осторожности в выборе форм протеста. Разгон милицией мирных и даже санкционированных акций протеста и «профилактическая работа» с их потенциальными участниками, конечно, влияют на решение граждан участвовать в этих акциях. К этому следует добавить дефицит доверия граждан к таким «организаторам» социального протеста, как профсоюзы и политические партии.

С другой стороны, в исторической памяти большинства россиян массовые протестные выступления 1991 и 1993 гг. ассоциируются с политическим хаосом, разгулом преступности. Иначе говоря, люди предпочитают слишком сильно не «раскачивать лодку», чтобы не было хуже. Присущая населению «боязнь смуты» дает определенный козырь власти, которая может позиционировать себя как «оплот стабильности» и рассчитывать на поддержку обществом своих усилий по наведению порядка, в том числе и достаточно жесткими методами. Однако ситуация может драматическим образом измениться в случае неэффективных действий власти по ослаблению последствий кризиса для населения. В этом случае люди могут сделать вывод, что хуже уже не будет, и перейти к более активным протестным действиям.

Оценки вероятности массовых выступлений остались на прежнем уровне (см. табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, могут ли быть в месте Вашего проживания массовые выступления, например, против роста цен, падения уровня жизни и т.д.?»

РФ, население старше 18 лет; % от числа опрошенных

	2007	2009
Да, скорее да	36	35
Нет, скорее нет	51	50
Затруднились ответить	13	15

Источник: ИСПИ РАН.

За полученной стабильностью индикаторов стоят другие более тревожные эмпирические данные: только 12% респондентов отрицательно отнеслись к массовым выступлениям, если бы они произошли. Большинство населения (65% в 2007 и в 2009 гг.) настроены на поддержку массовых выступлений или относились к ним равнодушно. Причем уровень социально-психологической поддержки выступлений высок во всех возрастных группах (см. табл. 8).

Таблица 8

Уровень положительного отношения респондентов к массовым выступлениям протеста в случае их возникновения с дифференциацией по возрастным группам

РФ, 2009 г., N=2110, % от числа опрошенных в группах

РФ	18–24 года	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
45	43	40	44	50	47	45

Источник: ИСПИ РАН.

Поэтому устойчивость оценок вероятности возникновения массовых выступлений до кризиса и во время кризиса, не следует идеализировать. В условиях кризиса вероятность выступлений возрастает, и эти выступления будут пользоваться массовой, по крайней мере, социально-психологической поддержкой.

Динамика других индикаторов социального протеста столь же слаба. В целом, значимых изменений в потенциале социального протеста в условиях кризиса не наблюдалось: этот показатель был и остался на относительно высоком уровне.

Миф о патерналистских настроениях россиян. Эмпирические данные уже более трех лет свидетельствуют о том, что в российском обществе нет широкого распространения патерналистских настроений, если понимать под ними иждивенчески пассивный настрой на внешнюю, прежде всего, государственную помощь. **В массовом сознании преобладают установки на социальную активность, личный успех и локальную консолидацию.** Наблюдается высокий уровень консолидации россиян, причем жителей всех федеральных округов и возрастных групп, касательно утверждения «власть понимает только язык силы». Доля респондентов, не согласных с этим утверждением, составляла 26% в 2007 и 2009 гг. По многим индикаторам шкалы отчуждения федеральные и региональные органы власти воспринимается массовым сознанием населения в лучшем случае как «жесткий» партнер, на которого следует воздействовать не столько уговорами, прошениями, сколько силой. Надежды на помощь государства остались привилегией небольшой части россиян, в основном преклонного возраста.

Апатия, инфантильность, патернализм постепенно сменяются социальной энергией, готовностью защищать свои интересы. Качественно в лучшую сторону изменилось отношение к труду как способу достижения своего материального благополучия. На протяжении 10 лет доля тех, кто был уверен, что, сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь, преобладала. И только в последние годы ситуация стала иной (см. табл. 9).

Таблица 9

Уровень согласия респондентов с суждениями с дифференциацией по возрастным группам

РФ, 2009 г., N=2110, % от числа опрошенных в группе

Суждения	РФ	18–24 года	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие	55	66	63	59	56	53	41
Сколько ни работай, материального благополучия не обеспечишь	26	13	18	22	27	32	37

Источник: ИСПИ РАН.

Ставка на труд последовательно ослабевает по мере увеличения возраста респондентов. Эта зависимость двух переменных прослеживалась с начала 90-х гг., но впервые позитивное представление о труде как средстве обеспечения своего материального благополучия стало преобладающим среди жителей всех возрастных групп. Изменение большинством населения пассивно-скептического восприятия труда как достаточного средства для обеспечения своего материального благополучия на активно-позитивное восприятие является важнейшей трансформацией ориентаций россиян и значимым стимулом конструктивной социальной активности населения**.**

Другой индикатор, который отражает мифологизированность утверждений о склонности россиян к патернализму, касается уверенности абсолютного большинства респондентов в том, что благополучие человека зависит от него самого, а не от того, как устроено общество (см. табл. 10).

Таблица 10

Уровень согласия респондентов с суждениями с дифференциацией по возрастным группам

РФ, 2009 г., N=2110, % от числа опрошенных в группе

Суждения	РФ	18–24 года	25–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше
Благополучие человека, прежде всего, зависит от самого человека	78	89	82	80	81	75	68
Благополучие человека, прежде всего, зависит от того, как устроено общество	68	66	65	67	69	74	66

Источник: ИСПИ РАН.

Опросы экспертов-управленцев показывают, что чиновники справедливо видят в качестве критерия эффективности своей деятельности благополучие граждан, развитие инфраструктуры, и на последнем месте – стимулирование инициатив граждан, их способности к самоорганизации, т.е. именно чиновники настроены на сохранение остатков патернализма, возможно, чтобы оправдать рост своей численности и слабой результативности.

Сравнительный анализ эмпирических данных докризисного 2007 и кризисного 2009 гг. показывает, что кризис не оказал существенного влияния на потенциал социальной активности и социального протеста россиян, величина и структура которого практически не изменились. Вероятно, дифференцированное по регионам исследование даст иные результаты на проблемных территориях. Тем не менее полученные общие данные могут служить достаточно точной характеристикой массового сознания россиян. Гипотеза исследования о том, что в связи с ухудшением жизненных условий населения России в период кризиса потенциал социальной активности и социального протеста будет нарастать, что, в свою очередь, может привести к дестабилизации социально-политической ситуации в стране, не получила эмпирического подтверждения. Условия жизни ухудшились, но пока за этой негативной тенденцией не последовало других, казалось, обязательных в данных условиях социальных изменений. Наблюдается сохранение относительно высокого уровня социальной активности и ее локализация на муниципальном уровне. Однако ситуации может резко измениться в случае углубления кризиса и неспособности прежде всего местной власти справиться с его последствиями.

Группы более склонные к активным действиям, к самоорганизации способны сыграть важную роль в формировании гражданского общества, развитии системы местного самоуправления. Но для конструктивной реализации высокого потенциала социальной активности нужна новая модель социализации массового сознания и поведения, в том числе, за счет создания иных механизмов вертикальной и горизонтальной мобильности. Угроза социального протеста является стимулом для повышения ответственности двух

доминирующих в современном обществе сил: властных и предпринимательских структур, что предполагает и повышение роли социальных наук, экспертного сообщества, общественного мнения в системе государственного управления.

Обобщая эмпирические данные о рисках в социальной сфере, построим таблицу наиболее актуальных социальных проблем, которые способны вызвать недовольство граждан (см. табл. 11).

Таблица 11

Наиболее актуальные социальные проблемы

РФ, 2009 г., взрослое население, N=2110

Социальные явления, с которыми надо бороться в первую очередь	Рост цен Безработица Наркомания Преступность
Условия жизни, которые вызывают наибольшее неудовлетворение	Медицинское обслуживание Работа коммунальных служб Работа правоохранительных органов
Самые острые социальные отношения	Между местной властью и населением Между богатыми и бедными

Источник: ИСПИ РАН.

Глубокие противоречия развития социальной сферы снимаются очень медленно, уровень и качество жизни выглядят относительно благополучно благодаря известному долготерпению российского народа и при сравнении сегодняшней ситуации с тем разорением страны, которое происходило в 90-е гг. В качестве мер, направленных на снижение социально-экономических потерь от сужения рынка труда и возможного роста социального протеста предлагается, в частности, стимулировать самоорганизацию и самозанятость населения, прежде всего, за счет поддержки среднего и малого бизнеса, личных подсобных хозяйств, деятельности садовых товариществ и других общественных объединений. Проводить мониторинг ситуации, массовые и экспертные опросы, более активно включать разработки социальных наук в систему государственного управления. Качественно улучшить доступ граждан к юридической информации. Разъяснять условия предотвращения банкротства, продление ипотеки, соблюдения прав и свобод граждан. Организовать сеть бесплатной юридической помощи. Это помогло бы населению отстаивать свои права в судебном порядке, защитило бы от произвола чиновников и работодателей.

Базисные причины кризиса не устранены. События, связанные с влиянием на Россию мирового кризиса, могут развиваться столь стремительно, что понимание участников за ними не успевает, люди теряют ориентацию, и ситуация выходит из-под контроля. Иногда достаточно очень простого повода, чтобы активизировать накопившееся латентное недовольство, вызвать хаос и цепную реакцию всеобщего разрушения. Чтобы уменьшить риск использования недопонимания, неверных трактовок событий, контролировать и корректировать ситуацию, нужно вести широкую пропагандистскую кампанию в СМИ по 4 направлениям:

- ведение широкой публичной дискуссии по проблеме кризиса, безработицы, поиску компромиссных решений, поддержанию гражданского мира; невозможности решать вопросы одних групп населения за счет других, необходимости консолидации общества в условиях кризиса.
- решения органов власти по преодолению кризиса надо доступно и регулярно (ежедневно) разъяснять населению, показывать успехи, критиковать ошибочные действия. Доверие граждан к антикризисным действиям правительства является важным стабилизирующим ресурсом.
- регламентировать показ «гламурной» жизни российских элит, пропаганду асоциальных форм поведения. Пропагандировать традиционные ценности, «аскетичное» отношение к жизни, потребительский реализм.
- вести пропаганду ответственности граждан за свои частные экономические стратегии, юридического ограничения вмешательства государства в договорные отношения банков с клиентами. «Кризисная» консолидация государства, общества, бизнеса не должна использоваться для возвращения государству патерналистских функций и образов.

Средством системной модернизации России должны стать несколько больших созидательных программ. Именно сейчас, в условиях кризиса может быть выдвинут *национальный мегапроект*, в котором выразится образ будущего, отвечающий народным представлениям о благой жизни и вызовам XXI века, в котором использование социальной энергии примет характер общего дела.

ИЗМЕНЕНИЕ МЕХАНИЗМА СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖИ

Под социальной регуляцией в социологии понимается процесс упорядочения социальных взаимодействий путем подчинения их определенным правилам, нормам, представлениям о должном, принятым в обществе, группе, социальной среде[1]. Представляя собой действия, связанные взаимной зависимостью социальных субъектов, направленные друг на друга (сопряженность действий), имеющие цель вызвать вполне определенную (ожидаемую) ответную реакцию, социальные взаимодействия обладают регулятивной функцией. Они возможны лишь на основе взаимного признания индивидами (группами) единых критериев, ценностей, норм (П.Сорокин, Д.Мид) и при наличии взаимного интереса. В свою очередь общие ценности и нормы создают необходимые предпосылки для того, чтобы действия в отношении других становились взаимными.

В социальной теории обмена Р.Эмерсона субъектами взаимодействий могут выступать как отдельные индивиды, так и корпоративные акторы, включенные в сетевой обмен. Взаимодействие продолжается пока совокупное вознаграждение перевешивает затраты. При этом затраты выступают как функциональные обязанности партнера, а вознаграждение – как его функциональные права. Обеспечение равновесия прав и обязанностей – важнейший принцип социального взаимодействия и условие его саморегуляции. В процессе сетевых взаимодействий совокупность прав и обязанностей определяет социальные позиции партнеров, обусловленных их статусными, ролевыми, ценностными, мировоззренческими и многими другими социальными характеристиками. Одинаковые социальные позиции фиксируют в себе уравновешенность прав и обязанностей в соответствии с едиными критериями и приоритетами (равновесие статусов), а нарушение равновесия приводит к конфликтам.

[1] *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М., 2008. С.13.

В условиях относительно стабильной социальной жизни этот процесс приобретает самовозобновляемый (институционализируемый) характер. Равновесие статусов достигается посредством социального стимулирования активности корпоративных акторов или компенсации стратификационных различий между ними. Стратегии преодоления конфликтов также являются целеориентированным компонентом механизма социальной регуляции.

Однако принципиально иной характер этот механизм приобретет в условиях социальной неопределенности, присущей кризису. Традиционные взаимодействия партнеров, основанные на обмене правами и обязанностями, в силу их непредсказуемости, рационализируются на основе символического обмена (Ж.Бодрийяр). В процессе взаимодействия обмен социальными благами все чаще совершается, потому что они являются символами принадлежности к престижной группе, знаками, свидетельствующими о равенстве в ней. Отношения обмена рассматриваются его участниками через призму сигнификации (создание и употребление знаков), названной Л.С.Выготским «новым принципом деятельности»[1]. Возникает явление гиперреальности, под которой Ж.Бодрийяр понимает симуляцию реальности. Она более предсказуема, поэтому реальные взаимодействия вытесняются симулякрами – знаками или образами, «отрывающимися по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий и выступающих как фальсификации, не соответствующие оригиналу»[2]. Тем самым утверждаются иллюзии реальности как формы рационализации социальных взаимодействий.

Жизненный путь молодых людей становится тем более определенным, чем яснее не только далекие цели, но и промежуточные. Они становятся своего рода маяками на этом пути. Но на что ориентироваться молодому человеку в условиях кризиса, когда никто таких маяков на его жизненном пути не расставляет? В спонтанно возникающих ситуациях выбора, носителями подобных ориентиров становятся продвинутые в социальном, экономическом, культурном плане группы, слои и даже целые общества. Это могут быть «богатые и знаменитые» представители своего общества. Но могут быть и совершенно другие культуры, с которыми в условиях глобализации молодежь активно взаимодействует. Заимствуя образцы их норм, ценностей, форм деятельности, стилей жизни молодые люди пытаются выстраивать и свою жизнь в соответствии с этими образцами, по выражению З.Баумана, на «глобальном пограничье».

---

[1] *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т. 3. С.79–80.

[2] См. *Кравченко С.А.* Социология: парадигмы через призму социологического воображения. Учебник для вузов. М., 2004. С.568–570.

Подражание образам и стилям жизни с помощью симулякров дает возможность их тиражирования в неограниченном количестве на широкие слои молодежи притом, что для молодежи дешевые и доступные образцы, напоминающие по форме оригинал – способ идентификации с референтными группами. Такими симулякрами выступают не только дешевые предметы молодежной моды – подделки фирменных вещей. В условиях неопределенности имитация становится способом рационализации неясных функциональных требований, социальных ожиданий, противоречивости норм и ощущения бессмысленности деятельности в разных сферах – в образовании, труде, политике, когда выхолащивается суть, но воспроизводится форма. Сыграть, сделать вид – основа данной формы рационализации.

Аналогичными по своей сути фантомами часто становятся и меры, предпринимаемые в области молодежной политики. Несистематическая деятельность государства в области молодежной политики, а зачастую популистские знаки и символы создают своеобразную гиперреальность, в которой живет современное поколение молодежи. Формой саморегуляции такой гиперреальности и выступает имитация[1]. При этом разные группы молодежи участвуют в общем процессе имитации по-разному. Одни, имитируя политическую борьбу, получают трамплин в политическую или бизнес-элиту, другие имитирует то, что им доступно имитировать. Образование, учась лишь ради диплома, поскольку без него на приличную работу не устроиться, да и процесс реформирования образования настолько затянут, не понятен молодежи и сулит лишь больше проблем, чем новых знаний, поэтому лучше приспособиться и сыграть по правилам. Имитируют производительный труд, в то время как успехи на этом поприще напрямую не ведут к повышению материального статуса. Имитируют общественную активность, ибо реального влияния на общественно-политический процесс все равно не оказывают, но попутно, особенно в предвыборной суете некоторые личные проблемы решить удается. А если поучаствовать в организованных политических акциях, неважно какой направленности – «за», или «против», «так» или «не так», можно «потусоваться», поучаствовать в некоем подобии дела и заработать.

В широком плане симуляция как форма саморегуляции неопределенности ведет к отчуждению молодежи от общества, от ее социальных функций. В сознании поселяется у кого апатия и разочарование, у кого полное ра-

[1] См. подробнее: *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М., 2008. С.106–122.

внодушие и уход в мир собственных проблем, у кого возмущение, у кого, напротив, азарт. А у всех сразу – ощущение двойных стандартов и постоянного обмана, где по большому счету никому нет дела до реальных проблем, а главным мотивом становятся сиюминутные интересы.

Рассматриваемая как воздействие личности или группы на самих себя саморегуляция является формой становления субъектности молодежи, ее способности автономно и активно существовать и действовать в изменяющемся обществе. Проанализируем особенности функционирования механизма саморегуляции развития молодежи в условиях социальной определенности и неопределенности, присущей кризису. Для этого, опираясь на результаты исследования[1], проанализируем изменение тенденции ее развития по показателям личностного самоопределения и возможностей самореализации в труде под влиянием этих условий (см. табл. 1).

Таблица 1

Изменение личностного самоопределения молодежи в зависимости от определенности и неопределенности в условиях жизни

РФ, 2008 г., респонденты в возрасте 15–29 лет, N=730.
Средневзвешенный коэффициент по 7-балльной шкале

Состояния условий жизни	Факторы личностного самоопределения (К)	
	Трудолюбие	Профессионализм
Определенность	5,73	5,99
Неопределенность	5,43	5,68

Примечание: К – средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале.
Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Значения средневзвешенных коэффициентов по обоим факторам в условиях неопределенности заметно снижаются. Это свидетельствует о влиянии состояния неопределенности на самоощущение молодым человеком себя как

[1] В тексте используются данные всероссийских исследований, проведенных отделом социологии молодежи ИСПИ РАН под руководством В.И.Чупрова и Ю.А.Зубок в 12 регионах РФ. Выборка молодежи в возрасте от 15 до 29 лет составила в 2002 г. 2012 респондентов, в 2007 г. – 2000. В 2008 г. исследование проводилось отделом социологии молодежи ИСПИ РАН под руководством В.И.Чупрова и Ю.А.Зубок в рамках проекта «Молодежь России», возглавляемого Е.А.Певцовой в 16 регионах РФ (N=730). Состояние определенности измерялось на основании оценки респондентом условий своей жизни, по 7-балльной шкале, где значения 1,2 или 3 соответствовали преобладающей стабильности и безопасности, т.е. состоянию определенности, а значения 5,6 или 7 – преобладающей неопределенности.

личности, посредством трудолюбия и профессионализма. Следовательно, эффективность саморегуляции возрастает с повышением определенности как условия жизнедеятельности молодежи.

Данный вывод подтверждается и в анализе возможностей самореализации молодёжи в труде (см. табл. 2).

Таблица 2

Изменение возможностей самореализации молодежи в зависимости от определенности и неопределенности в условиях жизни

РФ, 2008 г., респонденты в возрасте 15–29 лет, N=730.
Средневзвешенный коэффициент по 7-балльной шкале

Состояния условий жизни	Самооценка возможностей (К)					
	Найти работу	Повысить квалификацию	Повысить заработную плату	Продвинуться по службе	Защитить права	Организовать собственное дело
Определенность	4,47	4,77	3,90	3,95	4,38	2,83
Неопределенность	4,11	4,30	3,76	3,63	3,81	2,77

Примечание: К – средневзвешенный коэффициент по семибалльной шкале.
Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

В условиях неопределенности происходит значительное снижение реальных возможностей молодежи в поиске работы, в повышении квалификации и заработной платы, продвижении по службе, в защите собственных прав, в организации собственного бизнеса. Таким образом, утрата определенности в условиях кризиса негативно отражается в механизме саморегуляции развития молодежи.

При переходе от определенности к неопределенности возникает риск, играющий важную роль в саморегуляции нелинейных процессов. По отношению к молодежи риск выступает одновременно условием и способом ее жизнедеятельности. С одной стороны, молодежь становится объектом влияния макросоциальных явлений, развивающихся вне ее деятельностного участия, т.е. объективного и независящего от нее самой риска. В условиях кризиса уровень средового риска многократно повышается. С другой, – молодые люди сами являются субъектами рискованной деятельности в процессе социального творчества, социальных инноваций, реализации социальных притязаний и специфически молодежных интересов в ходе своего становления как субъекта общественного производства и общественной жизни. В этом случае риск приобретает деятельностную форму. В такой форме риск может проявляться при реализации молодыми людьми конкретных мер, направленных на преодоление кризиса.

Неодинаковые возможности самореализации молодежи по существу связаны с различным уровнем средового риска в условиях определенности и неопределенности. Более высокий его уровень в условиях неопределенности негативно отразился в оценках возможности самореализации молодежи в труде. Это объясняется социально-психологическими особенностями состояния молодых людей, живущих в условиях кризиса. Экзистенциальному состоянию риска, как объективному и независящему от воли человека условию существования, сопутствуют чувства тревоги, страха, парализующие волю. Поэтому средовой риск в условиях неопределенности не способствует и даже препятствует саморегуляции.

Заметные признаки эскалации средового риска стали отмечаться в конце предкризисного периода, примерно в 2007 г. Все более очевидными становились просчеты в экономической политике, признаки упущенных возможностей в экономическом развитии страны. Стали активно проявляться многие не решенные проблемы в политической и социальной сферах общества. Доля молодых людей, оценивших свою жизнь как неопределенную и рискованную возросла с 26% в 2002 г. до 28% в 2007 г. Высокую степень тревожности стал ощущать каждый пятый (23%) молодой человек, а чувство страха каждый десятый (13%). Наметился и рост социальной напряженности среди молодежи.

Анализ причин тревожности свидетельствует не только о высоком уровне средового риска в молодежной среде, но и об адекватной его рефлексии молодыми людьми. Накануне кризиса молодых людей больше всего волновало состояние здоровья (собственного или родителей), материальные трудности, проявления терроризма, недоступность образования, криминогенная обстановка, угроза остаться без работы. Эти угрозы отодвинули на периферийные позиции более глобальные опасности возникновения гражданской войны, националистических проявлений на Северном Кавказе.

Рефлексия молодыми людьми конкретных проявлений средового риска способствует появлению признаков определенности в осознании ими собственных жизненных ситуаций, которая может вызвать активность, эмоционально переживаемую в форме надежды. Предсказывая возможное развитие событий в сложившихся кризисных условиях, надежда играет роль внутреннего регулятора деятельности, помогающего молодому человеку определять ее последствия и целесообразность. То есть расширение информации о состоянии экономики, финансов, занятости не только в стране, но и в регионах является важнейшей антикризисной стратегией.

Итак, становясь по отношению к молодежи объективным фактором, средовой риск в условиях неопределенности негативно отражается в саморегуляции, блокируя ее активность. При появлении признаков определенности происходит локализация объективного риска, способствующая снижению порога неопределенности. Риск приобретает деятельностную форму, активизируя механизм саморегуляции. Он реализуется в осознанном акте выбора индивидом или группой особого рода поведения (деятельности), называемом рискованным.

Рассмотрим, как проявляется деятельностный риск в саморегуляции молодежи. Сравним для этого две крайние установки – на стабильность (надежность и спокойствие) и на изменение и риск. Доля молодых людей, предпочитающих изменение и риск как приоритетную модель поведения возросла с 17,4% в 2002 г. до 23,1% в 2007 г. Проанализируем, как изменились оценки возможностей самореализации молодежи в труде под влиянием ее установки на риск (см. табл. 3).

Таблица 3

Изменение возможностей самореализации молодежи в зависимости от ее установки на стабильность и на риск

РФ, 2008 г., респонденты в возрасте 15–29 лет, N=730, %.
Средневзвешенный коэффициент по 7-балльной шкале

Ориентации	Самооценка возможностей (К)					
	Найти работу	Повысить квалификацию	Повысить заработную плату	Продвинуться по службе	Защитить права	Организовать собственное дело
На стабильность	4,32	4,53	3,76	3,83	3,97	2,75
На изменение и риск	4,79	4,92	4,37	4,45	4,83	3,31

Примечание: К – средневзвешенный коэффициент по 7-балльной шкале.
Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Как свидетельствуют данные, все показатели возможностей самореализации, а вслед за ними и перспективы социальной мобильности выше у молодежи с выраженной установкой на риск. Подобная установка позволяет реализовать шансы на успех в поиске работы, повышении квалификации и заработка, в значительной степени в организации своего дела и даже в защите прав. Очевидно, молодежь с установкой на риск обладает более высоким потенциалом мобильности, чем ее сверстники, предпочитающие надежность и спокойствие.

На субъективном уровне деятельностная форма риска отражается в мотивационных структурах, активизируя непосредственные поведенческие реакции молодежи (см. табл. 4).

Таблица 4

Изменение возможностей самореализации молодежи в зависимости от ее установки на риск в условиях определенности и неопределенности

РФ, 2008 г., респонденты в возрасте 15–29 лет, N=730.
Средневзвешенный коэффициент по 7-балльной шкале

Установка на риск в условиях	Самооценка возможностей (К)					
	Найти работу	Повысить квалификацию	Повысить заработную плату	Продвинуться по службе	Защитить права	Организовать собственное дело
Определенности	4,58	4,83	3,97	4,00	4,58	2,88
Неопределенности	4,35	4,42	3,90	3,88	3,99	2,94

Примечание: К – средневзвешенный коэффициент по 7-балльной шкале.
Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Сравнив оценки возможностей самореализации молодежи в зависимости от наличия установки на риск в различных условиях, становится очевидным, что в условиях неопределенности по всем показателям отмечается понижающая тенденция, кроме возможности организовать собственный бизнес. В этом лишний раз проявилась специфика российского бизнеса, когда неопределенность оказывается благоприятным условием для организации собственного дела. Во всех остальных ситуациях – в поиске работы, в повышении квалификации и зарплаты, в служебном продвижении и в защите собственных прав деятельностный риск больше способствует повышению шансов на успех в условиях определенности, чем неопределенности.

Однако если сравнить возможности самореализации молодежи просто в условиях определенности и неопределенности (табл. 2), а также в зависимости от ее установки на риск в этих условиях (табл. 4), то картина существенно меняется. Значения оценок возможностей под влиянием риска по всем показателям существенно повышаются в условиях, как определенности, так и неопределенности. Это является результатом саморегуляции. Следовательно, активизация деятельностного риска может оказывать позитивное влияние на тенденции социального развития молодежи в условиях кризиса, когда включаются защитные механизмы саморегуляции, способствующие локализации неопределенности и минимизации средового риска.

Доминирующая роль саморегуляции в условиях кризиса, вовсе не исключает и даже предполагает необходимость усиления целенаправленного социорегуляционного воздействия. Не следует забывать, что выбор альтернатив в процессе саморегуляции нередко носит случайный характер и зачастую осуществляется, так сказать, вслепую. Деятельностный риск может не только

преодолевать неопределенность, а напротив, способствовать появлению новых ее форм в повседневной жизни молодых людей. Это часто проявляется в их экстремальном поведении, которое заметно активизируется в период кризиса. Поэтому направленность и эффективность саморегуляции зависит от характера взаимодействий молодежи с обществом.

Основой таких взаимодействий в кризисном обществе становится рефлексивность, как способность социальных субъектов осознавать и поддерживать постоянное «теоретическое понимание оснований (причин) своей деятельности»[1], т.е. адекватно реагировать на изменение внешних условий и на взаимное влияние друг на друга.

Способность критически оценивать себя, свои поступки, т.е. саморефлексия также выступает одним из оснований для самоощущения молодым человеком себя как личности. Как показывают результаты исследования, она занимает далеко не первое место в структуре личностного самоопределения современной молодежи, существенно уступая другим современным способам самоопределения – профессионализму, мастерству, образованию, предприимчивости. А также таким архаичным, но при этом традиционным для российского общества способам, как включенность в неформальные и корпоративные отношения, наличие и эффективность которых определяется унаследованным статусом и, как следствие, полезными связями (см. табл. 5).

Саморефлексия, хотя и занимает 11-е место в структуре личностного самоопределения молодежи, тем не менее, имеет высокий уровень оценки, приближающийся к 5 баллам по 7-балльной шкале. Доминируют же оценки, характеризующие, так называемую структурную рефлексивность (structural reflexivity), предполагающую наличие «рефлексирующей организации и реорганизации социальных отношений»[2]. В современном обществе она направлена на изменение взаимодействий между социальной структурой и агентами модернизации путем освобождения последних от принуждений и тотального контроля с целью расширения их свободы в формировании новой современности. Но структурные факторы традиционно являлись для российской молодежи основаниями для самоощущения себя личностью. Видимо, выделение респондентами оснований структурной рефлексивности в качестве факторов личностного самоопределения свидетельствует о том, что эти основания сегодня наполняются новым содержанием.

[1] *Гидденс Э.* Элементы теории структурации // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Учебное пособие. Новосибирск, 1995. С.41–42.
[2] *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. P.21.

Таблица 5

Место саморефлексии в структуре личностного самоопределения молодежи

РФ, 2008 г., респонденты в возрасте 15–29 лет, N=730.
Средневзвешенный коэффициент по 7-балльной шкале, ранг

Структура личностного самоопределения	К	Ранг
Профессионализм, мастерство	5,88	1
Образование	5,76	2
Общая культура, умение общаться	5,65	3
Предприимчивость	5,60	4
Полезные связи	5,55	5
Деньги, материальные блага	5,51	6
Трудолюбие	5,45	7
Положение родителей	5,06	8
Руководящая позиция	5,04	9
Честность, принципиальность	5,02	10
Способность критически оценивать себя, свои поступки (саморефлексия)	4,78	11
Физическая сила, красота	4,62	12
Происхождение, знатность	4,20	13
Вера в Бога	3,84	14

Примечание: К – средневзвешенный коэффициент по 7-балльной шкале.
Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

В целом, подобная структура личностного самоопределения молодежи отражает воспроизводство традиционных и современных образцов ее сознания в процессе социального развития, что обусловлено своеобразием самого российского общества. Структурная рефлексивность осуществляется в рамках социальной политики в отношении молодежи, когда соответствующими структурами критически оценивается положение различных групп молодежи, проблемы, возникающие вследствие взаимодействия с социальными институтами – при поиске работы, получении образования, защите прав, организации бизнеса и т.д. Групповая рефлексивность проявляется в форме рефлексирующих организаций, предполагающих объединение молодых людей в целях реализации собственных индивидуальных и групповых интересов. Примером рефлексирующих организаций могут служить различные молодежные организации и движения. Взаимодействуя с государственными и общественными органами, они не только выражают интересы отдельных групп молодежи, но и призваны способствовать повышению уровня доверия в обществе.

Взаимное доверие является, по мнению Э.Гидденса, ключевым элементом рефлексирующей организации. Под доверием понимается стремление положиться (минимизировать опасность) на партнера взаимодействий в пределах допустимого или приемлемого (калькулируемого) риска. При этом выделяется два вида доверия. Доверие системе – способности органов управления снизить потенциальные риски, и доверие индивидам – убежденности в их надежности, т.е. в преемственности их самоидентификации.

В результате анализа данных исследования 2008 г. была выявлена устойчивая связь между рефлексивной способностью молодежи и уровнем ее доверия государственным и общественным организациям. В группе молодежи с высокой рефлексивной способностью доверие системе значительно выше, чем в группе с низким уровнем рефлексивной способности. Это особенно заметно в доверии молодежи институту Президента (64% и 56%) и церкви (47% и 38%). Аналогичная тенденция отмечается и в отношении к Государственной Думе, СМИ, руководителям регионов и предприятий.

Действие рефлексивного механизма социальной регуляции[1] в условиях кризиса можно проследить на примере предпринимаемых стабилизационных и антикризисных мер, в частности, реализуемых национальных проектов. Провозглашение национальных проектов и демонстрация первых шагов по их реализации в СМИ порождает в массовом сознании надежду на дальнейший успех. Сообразуясь с личными и групповыми интересами, надежда приобретает эмоциональную форму определенности. В такой неустойчивой форме она долго существовать не может, если не трансформируется в систему ожиданий (экспектаций). Для этого она должна закрепиться в ролевых структурах, т.е. стать частью механизма саморегуляции. Если ожидания встречают практическое подтверждение, то формируется чувство доверия системе, как более устойчивая форма определенности. Появляется стремление активно включиться в реализацию того или иного проекта, решая, тем самым свои актуальные потребности и интересы. Определенность способствует адекватной рефлексии на происходящие события и становится фактором, позитивно влияющим на настроения и поведение молодых людей. На групповом уровне состояние определенности, существующее в форме доверия, влияет на формирование позитивного морально-психологического климата в молодежной среде, на социальную интеграцию молодежи в общество.

[1] См. подробнее: *Чупров В.И., Зубок Ю.А., Певцова Е.А.* Молодежь и кризис: диалектика неопределенности и определенности в социальном развитии. М., 2009. С.150–168.

В свою очередь общество в лице своих институтов оценивает положение различных групп молодежи и проблемы, возникающие в условиях кризиса. Конкретные меры, в рамках государственной молодежной политики, среди которых и реализация национальных проектов свидетельствуют об адекватной структурной рефлексии. Но если ожидания успеха от реализации проектов не подкрепляются ответными действиями со стороны тех, от кого это зависит, то надежда исчезает и появляется состояние неопределенности ожиданий. Оно выражается в форме индивидуальных или групповых настроений, как неуверенность, апатия, негодование, возмущение, гнев, отражающих разную степень недоверия системе. Неопределенность здесь проявляется в спонтанном характере возникновения этих настроений. Возникнув, они начинают влиять на непосредственные эмоциональные реакции молодых людей по поводу происходящих событий. В зависимости от конкретных условий проявления неопределенности могут носить локальный характер, скажем в рамках отдельного проекта, или региона. Тогда недоверие проявляется к локальным объектам или структурам. А может расширяться по своим масштабам, вплоть до государства в целом.

Рассматривая реализацию национальных проектов в данном контексте, об их эффективности можно судить по степени вовлеченности в них молодежи. От этого зависит не только решение актуальных проблем молодежи, но и степень ее доверия системе как антикризисной стратегии. Оценка эффективности проектов проводилась на основе показателей информированности молодежи о национальных проектах, непосредственной включенности в них и удовлетворенности их реализацией.

Основываясь на результатах исследования 2008 г., проанализируем, насколько информирована молодежь о национальных проектах (см. табл. 6).

Большинство молодежи знакомо с реализуемыми национальными проектами лишь в общих чертах. Каждый пятый вообще не был знаком с проектами «Жилье» и «Образование», каждый четвертый с проектом «Здоровье», а каждый второй с проектом «Агропромышленный комплекс». А между тем, данный проект мог бы стать для сельской молодежи важным инструментом решения ее жизненных проблем. Практически не информированы молодые люди и о проекте «Доступное жилье», несмотря на крайнюю нужду в улучшении жилищных условий большинства молодых семей. Стратегически важным и для молодежи, и для общества могла бы стать реализация проекта «Здоровье», если хотя бы познакомить с его содержанием молодых людей и их родителей. Это означает, что с надеждой, как с первичной формой определенности, могли в предкризисный

период связывать свои актуальные потребности около двух третьих молодых людей, а с проектом «Агропромышленный комплекс» менее половины.

Таблица 6

Степень информированности молодежи о национальных проектах

РФ, 2008 г., респонденты в возрасте 15–29 лет, N=730, % от числа опрошенных

Национальные проекты	Степень информированности		
	Не знаком	Знаком в общих чертах	Знаком подробно
Доступное и комфортное жилье	21,2	68.1	10,7
Образование	18,5	59,3	22,1
Здоровье	25,2	58,6	16,2
Развитие агропромышленного комплекса	51,2	42,6	6,2

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

И лишь у меньшинства, подробно знакомых с проектами, определенность, возможно, приобрела более устойчивую форму – ожидания. То есть, подробно познакомившись с проектом, молодой человек как бы примерил условия проекта на себя, связал их со своими интересами. В разной степени свои ожидания связывали 11% молодежи с проектом «Жилье», 22% – с проектом «Образование», 16% – с проектом «Здоровье», 6% – с проектом «Агропромышленный комплекс».

О реализации этих ожиданий можно судить по ответам на вопрос – «Насколько Вы ощутили на себе результаты реализации проектов?» (см. табл. 7).

Таблица 7

Ощущение результатов реализации проектов

РФ, 2008 г., респонденты в возрасте 15–29 лет, N=730, % от числа опрошенных

Национальные проекты	Степень ощущения результатов		
	Не ощущаю	Ощущаю косвенно	Ощущаю непосредственно на себе
Доступное и комфортное жилье	76,8	20,1	3,0
Образование	48,6	35,2	16,2
Здоровье	52,6	38,4	9,0
Развитие агропромышленного комплекса	75,6	21,8	2,6

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Абсолютное большинство молодежи никак не ощутили на себе влияние проектов, либо ощутили косвенно. Для них определенность, связанная с национальными проектами, осталась либо на некоторое время в форме надежды, либо трансформировалась в состояние неопределенности.

Подобное положение объясняется не только отсутствием разъяснительной и организационной работы по реализации проектов, но, прежде всего, явно не-

достаточным отражением интересов молодежи в них. Поэтому столь низкая степень удовлетворенности реализуемыми национальными проектами (см. табл. 8).

Таблица 8

Степень удовлетворенности реализацией национальных проектов

РФ, 2008 г., респонденты в возрасте 15–29 лет, N=730, % от числа опрошенных

Национальные проекты	Степень удовлетворенности		
	Не удовлетворен	Частично удовлетворен	Полностью удовлетворен
Доступное и комфортное жилье	63,4	33,2	3,3
Образование	49,2	43,7	7,1
Здоровье	52,8	40,0	7,2
Развитие агропромышленного комплекса	64,2	33,3	2,5

Источник: Отдел социологии молодежи ИСПИ РАН.

Наименее удовлетворена молодежь проектами «Развития агропромышленного комплекса» и «Доступное и комфортное жилье». Хотя и по другим проектам уровень удовлетворенности не высок. Поэтому говорить о том, что национальные проекты способствовали повышению доверия молодежи тем государственным структурам, от которых зависела реализация проектов, не приходится. Причина, видимо, кроется в структурной рефлексии, неадекватной кризисной ситуации. Похоже, что государство, провозглашая незыблемость социальных программ в условиях кризиса, попросту предпочло не тратиться на реализацию приоритетных проектов.

Очевидны последствия такой стратегии. В краткосрочной перспективе это привело к утрате доверия молодежи государственным органам, лишая их возможности эффективно осуществлять антикризисные меры в молодежной среде. В более отдаленной перспективе подобные последствия неизбежно отразятся на развитии молодежи. Не решив проблему здоровья молодежи, особенно подростков, и не обеспечив качественное образование, невозможно говорить о развитии человеческого потенциала. Не закрепив молодежь на селе, не предоставив ей элементарные возможности получения работы, повышения квалификации, стабильного заработка и социального роста, деградация сельскохозяйственной сферы преодолена не будет. В свою очередь, сохранение жилищной проблемы прочно блокирует перспективы стабилизации семейно-брачных отношений, повышения рождаемости в стране, преодоления оттока наиболее талантливых молодых людей за рубеж.

Итак, неспособность государства адекватно рефлексировать актуальные потребности молодежи не позволило использовать приоритетные национальные проекты в качестве антикризисной стратегии. Нарушение взаимной рефлексии свидетельствует о разрыве связи между молодежью и обществом

как субъектами социального взаимодействия, без которой немыслима эффективная социальная регуляция.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Современное состояние человеческого измерения законодательства делает актуальной задачу переориентации всех субъектов законодательной инициативы на признание, соблюдение и реализацию прав и свобод человека в российском обществе. Статья 2 Конституции РФ определяет, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Одновременно Российская Федерация в ст. 7 Конституции РФ провозглашена социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Качество законов является важнейшим интегральным показателем законотворческой деятельности. Вместе с тем практика законодательной деятельности дает немало примеров низкого качества принятых законов. Об этом свидетельствуют результаты проведенных социологических опросов[1] (см. табл. 1).

[1] В тексте использованы данные опросов, проведенных в 2003–2009 гг. сектором социологии прав человека ИСПИ РАН совместно с Комиссией СФ по методологии реализации конституционных полномочий Совета Федерации, Центром мониторинга законодательства и правоприменительной практики (мониторинга права) при СФ среди участников Всероссийских научно-практических конференций «Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики. Методология и мировоззрение» (2003 г., июнь, N=104); «Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики» (2004 г., май, N=134); «Мониторинг законодательства и правоприменительной практики как форма диалога власти и общества» (2005 г., июнь N=148); «Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: стратегия правового развития России» (2006 г., июнь N=137); «Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: итоги и перспективы конституционного партнерства» (2007 г., июнь, N=156); «Мониторинг права как основа инновационного развития Российской Федерации» (2008 г., июнь, N=143); «Совершенствование законодательства и правоприменительной практики–стратегический приоритет государственной политики: качество закона–качество жизни» (2009 г., июнь, N=147).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете качество законов, принятых за последние 3 года?»

% от числа опрошенных

	Достаточно высоко	Недостаточно высоко	Критически	Затруднились ответить
Участники третьей Всероссийской научно-практической конференции «Мониторинг законодательства и правоприменительной практики как форма диалога власти и общества» (2005, июнь)	3	38	58	1
Участники четвертой Всероссийской научно-практической конференции «Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: стратегия правового развития России» (2006, июнь)	6	48	45	1
Участники пятой Всероссийской научно-практической конференции «Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: итоги и перспективы конституционного партнерства» (2007, июнь)	8	42	46	1
Участники шестой Всероссийской научно-практической конференции «Мониторинг права как основа инновационного развития Российской Федерации» (2008, июнь)	3	50	44	3
Участники седьмой Всероссийской научно-практической конференции «Совершенствование законодательства и правоприменительной практики – стратегический приоритет государственной Всероссийской научно-практической конференции политики: качество закона – качество жизни» (2009, июнь)	1	65	26	8

Источник: Сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

Только минимальная часть опрошенных во всех экспертных группах оценивает качество принимаемых законов достаточно высоко. Напротив, значительная часть опрошенных дает критическую оценку. Заслуживают внимания оценки происходящих изменений в этой сфере (см. табл. 2).

Незначительная часть опрошенных экспертов считает, что в сфере законодательства происходят положительные изменения. Напротив, в среднем каждый третий из опрошенных считает, что положительных изменений либо нет, либо ситуация ухудшается. Одна из главных причин такого положения заключается в том, что повышение качества законов и совершенствование законодательства не находится сегодня в числе приоритетов государственной правовой политики. И это не случайно. Уже более 10 лет ставится вопрос о принятии Федеральных Законов «О нормативных правовых актах», «О порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов», «О Федеральном Собрании – парламенте Российской Федерации». По резу-

льтатам проведенных опросов, большинство экспертов высказалось за их принятие. Тем не менее указанные законы до сих пор не приняты.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Происходят ли в сфере законодательства положительные изменения с точки зрения качества законов?»

% от числа опрошенных

	Да	Нет	Отчасти	Ситуация ухудшается	Затруднились ответить
Участники пятой Всероссийской научно-практической конференции «Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: итоги и перспективы конституционного партнерства» (2007, июнь)	10	32	47	8	3
Участники шестой Всероссийской научно-практической конференции «Мониторинг права как основа инновационного развития Российской Федерации» (2008, июнь)	13	22	52	8	5
Участники седьмой Всероссийской научно-практической конференции «Совершенствование законодательства и правоприменительной практики – стратегический приоритет государственной Всероссийской научно-практической конференции политики: качество закона – качество жизни» (2009, июнь)	9	22	57	7	5

Источник: Сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

Данные экспертных опросов свидетельствуют в целом о критических оценках состояния законодательства с точки зрения обеспечения прав человека. По мнению незначительной части опрошенных, оно оценивается «достаточно высоко». Напротив, почти каждый третий дал ему критическую оценку. Решение многих проблем в области прав человека нуждается в более основательном законодательном обеспечении. Прежде всего, это касается социально-экономической сферы, избирательного законодательства, деятельности политических партий, институтов гражданского общества, средств массовой информации и др.

Важное значение в условиях социально-экономического кризиса приобретает учет регулирующего воздействия законодательства. Предстоит создание комплексного механизма оценки действующего законодательства, его соответствия интересам личности, общества и государства. Важное место в этом механизме должна стать оценка законопроектов и в целом законодательной деятельности, с точки зрения, уровня и качества жизни населения. Тем самым будет реализовываться конституционный принцип обеспечения достойной жизни людей.

Решить эту задачу будет непросто, о чем свидетельствуют результаты экспертного опроса (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете степень законодательного обеспечения качества жизни людей?»

% от числа опрошенных участников Всероссийской научно-практической конференции «Совершенствование законодательства и правоприменительной практики», Москва, 2009 г.

Варианты ответов	%
Достаточно высоко	2
Недостаточно высоко	25
Критически	52
Затруднились ответить	21

Источник: Сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

Практически никто из опрошенных не оценивает законодательное обеспечение качества жизни «достаточно высоко». Вместе с тем более чем каждый второй из опрошенных оценивает ситуацию критически. Обращает на себя внимание широкий спектр различных аспектов качества жизни населения, которые нуждаются, по экспертной оценке, в качественном нормативно-правовом регулировании (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Какие аспекты качества жизни населения нуждаются в первую очередь в качественном нормативно-правовом регулировании?»

% от числа опрошенных участников Всероссийской научно-практической конференции «Совершенствование законодательства и правоприменительной практики», Москва, 2009 г.

Варианты ответов	%
Повышение уровня пенсионного обеспечения	59
Обеспечение достойной оплаты активной трудовой деятельности	55
Обеспечение конституционных прав и свобод граждан	54
Совершенствование стандартов медицинской помощи, обеспечения лекарствами	52
Обеспечение личной безопасности граждан, высоких стандартов жизнеобеспечения	52
Снижение уровня коррупционности общественных отношений	48
Обеспечение доступности комфортного жилья	47
Повышение качества жилищно-коммунального обслуживания	43
Обеспечение качества и доступности образования	41
Поддержка социально значимой трудовой деятельности населения	37
Обеспечение здорового образа жизни, стимулирование рождаемости	33
Обеспечение благоприятной окружающей среды	29
Противодействие политическому и религиозному экстремизму, национализму	23
Совершенствование национальной системы защиты прав человека	22
Внедрение норм социальной поддержки отдельных категорий населения	18

Защита населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера	16
Расширение доступа населения к лучшим образцам отечественной и зарубежной культуры	8

Источник: Сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

Одновременно следует учитывать большие различия в приоритетности правового регулирования аспектов качества жизни. Заметим, предпочтение отдается правовому регулированию социально-экономических аспектов качества жизни человека. Более чем каждый второй из опрошенных обратил внимание на важность обеспечения личной безопасности граждан, высоких стандартов жизнеобеспечения.

Успешное решение актуальных проблем российского общества, в том числе в области прав и свобод человека в значительной мере будет зависеть от перехода страны на инновационный путь развития. Вместе с тем развитие инноваций идет сегодня сложно и противоречиво. Существует много нерешенных проблем. По результатам опросов, проведенных в 2007–2009 гг., в области развития инноваций нормативно-правовой фактор в наибольшей степени сдерживает сегодня развитие инноваций. Об этом свидетельствуют экспертные оценки состояния нормативно-правового регулирования инновационной деятельности (см. табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы современным состоянием нормативно-правового регулирования инновационной деятельности?»

% от числа опрошенных

Участники опросов	Да	Отчасти	Нет	Затруднились ответить
Седьмого Московского международного салона инноваций и инвестиций (Москва, 2007, февраль)	1	37	47	15
Восьмого Московского международного салона инноваций и инвестиций (Москва, 2008, март)	2	38	46	14
Парламентских слушаний «Законодательное обеспечение инновационного развития экономики (Москва, Государственная дума, 2008, июнь)	0	39	58	3
Шестой Всероссийской научно-практической конференции «Мониторинг права как основа инновационного развития Российской Федерации» (Москва, 2008, июнь)	1	47	30	22
Пятой Всероссийской научно-практической конференции «Научное экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования инновационного и технологического развития России» (Москва, 2009, май)	2	14	73	11

Участники опросов	Да	Отчасти	Нет	Затруднились ответить
Девятого Московского международного Салона инноваций и инвестиций (Москва, 2009, август)	3	36	47	14

Источник: Сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

Практически никто из опрошенных экспертов полностью не удовлетворен состоянием нормативно-правового регулирования инновационной деятельности. Напротив, в среднем, почти каждый второй высказал свою неудовлетворенность. Ситуация в области нормативно-правового регулирования инновационной деятельности за последние несколько лет не изменилась в лучшую сторону.

Сложность и многообразие аспектов инновационного развития обуславливают необходимость принятия базового закона в инновационной сфере. Впервые вопрос о принятии такого закона был поставлен более 10 лет назад. Тем не менее сегодня эта проблема продолжает носить характер общественной дискуссии. По результатам проведенных опросов в области инноваций, большинство опрошенных во всех экспертных группах высказались за принятие такого закона. В среднем только каждый десятый из опрошенных высказал отрицательную позицию. Для принятия базового закона в сфере инноваций существует хорошая основа в виде модельного закона «Об инновационной деятельности», принятого Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ в ноябре 2006 г.

Исключительно важная роль в утверждении человеческого потенциала законодательства принадлежит законодательным органам власти. Но процесс их переориентации на признание, соблюдение и реализацию прав и свобод человека в российском обществе идет сложно и противоречиво (см. табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Как на Ваш взгляд, меняется роль и значение деятельности парламентских институтов по признанию, соблюдение и реализации прав и свобод человека в российском обществе?»

% от числа опрошенных участников Всероссийской научно-практической конференции «Мониторинг законодательства и правоприменительной практики как форма диалога власти и общества», Москва, 2009 г.

Органы законодательной власти	Возрастает	Остается без изменений	Снижается	Затруднились ответить
Совет Федерации	24	51	20	5
Государственная Дума	10	54	30	6
Законодательные органы власти субъектов РФ	20	46	20	14

Источник: Сектор социологии прав человека ИСПИ РАН, социологическая служба «Барометр».

Эксперты критически оценивали деятельность органов законодательной власти по утверждению прав и свобод человека. Наиболее критически оценивается деятельность Государственной Думы. Почти каждый третий из опрошенных (30%) считает, что роль и значение Государственной Думы по признанию, соблюдению и реализации прав и свобод человека в российском обществе снижается.

ФАКТОРЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Сельское хозяйство находится в глубоком кризисе, в который оно погрузилось с началом неолиберальной трансформации и который принимает с каждым годом *новые качества*, свидетельствующие о его усложнении и углублении, и тем самым, о новых затруднениях выхода из него. Только легковерные граждане могли поверить уверениям министра сельского хозяйства Е.Б.Скрынник в «Российской газете» (1 октября 2009 г.), что продовольственные трудности современной России порождены изобилием производимой аграрной продукции. Доказательства нынешнего возрождения отечественного агродела аргументируются некоторым ростом урожайности, удоев молока, производства мяса, минеральных удобрений, возможностей экспорта зерна и т.п. выигрышными показателями, за которыми и скрываются качественные явления углубления аграрного кризиса.

Действительно, урожайность, скажем, зерновых, упав за годы радикально-либеральных реформ более, чем на 40%, сегодня почти достигла дореформенного уровня, но произошло это только потому, что заброшены 41 млн га малоплодородных сельхозугодий и оно сосредоточено ныне в основном на черноземах. В результате, в отличие от Беларуси, где заброшенные земли возрождены в прежних масштабах и на всех их повышена урожайность, а потому общее зерновое производство более чем на 2/5 превысило советский уровень, в России оно составляет 3/4 от дореформенного показателя.

И надои молока на одну корову растут, но только потому, что интенсивно забиваются наименее удойные и оставляются наиболее удойные животные. Но поскольку стадо крупного рогатого скота вырезается, то общее производство молока падает и сегодня оно на 35–40% меньше дореформенного. Опять же напрашивается сравнение с Беларусью, где обновление стада коров более высокоудойными осуществляется в рамках амортизационного замещения, в результате чего и средние надои тоже растут и общее производство молока в сравнении с 1990 г. почти удвоилось.

По причине интенсивного забоя стада животных, производство мяса в России несколько возросло, однако в целом и оно сегодня составляет едва 2/3 от дореформенного уровня. В 1990 г. в России было произведено 75 кг мяса на душу населения, а в 2008 г. при уменьшении численности последнего всего лишь около 45 кг.

Минеральных удобрений Россия стала производить больше советского уровня, но прежде почти все они удобряли отечественные поля, а сегодня, вследствие перехода производства под контроль зарубежного капитала и падения спроса на них отечественных агропроизводителей, около 70% их идет на удобрение зарубежных полей. Причем по менее высоким ценам, чем они продаются российским аграриям. В итоге, эффект от их использования достается иным странам. России же остаются лишь экологические издержки, поскольку производство удобрений становится год от года все более грязным от того, что зарубежные владельцы контрольных пакетов его скупятся на обновление средств очистки перенасыщенных вредными отходами воздуха и стоков использованной воды.

Что касается роста возможностей экспорта излишков зерна, то в 2008 г. экспортировали 23 млн т, в 2009 г. планировалось экспортировать до 20 млн т зерна, но это отнюдь не излишки. Просто за годы реформ разрушена или изношена до крайности национальная элеваторная система его хранения. Только по Центральному федеральному округу ее мощности позволяют хранить не более 40% нынешнего не самого обильного урожая.

Кроме того, возникает вопрос, как получилось, что в 1990 г. при урожае в 117 млн т Россия *импортировала* еще свыше 20 млн т, а при нынешнем урожае в 90 млн т, учет которого опытные эксперты считают завышенным из-за умножившихся приписок, мы готовы столько же *вывезти*, а в перспективе наши руководители ориентируют страну выйти на экспорт в 50 млн т зерна?

Секрет простой. Для пропитания российского населения хлебом зерна стране достаточно 18–19 млн т, а вот для того, чтобы кормить россиян по медицинским нормам и другими ценными продуктами, России необходимо его 145–150 млн т, которые нужны для откорма скотины и птицы. Нынешний экспортный потенциал российского зерноводства создан путем лишения отечественных потребителей качественного питания или уничтожения значительной части стада и поголовья птицы.

Начать с того, что сегодня лишь малую часть предназначаемой на питание россиян муки дает зерно высшего качества: цена хлеба из него взлетела на высоты, недоступные основной массе населения и для масс пекут «социа-

льный хлеб» из зерна четвертого класса, которым западный фермер кормит свиней. Этот хлеб на второй-третий день покрывается плесенью, крошится, содержит мизер необходимой качественной пище клейковины. В этом кроется один из факторов образования зерновыми магнатами, – в том числе зарубежными, которые контролируют до 40% российского зернового экспорта, – экспортных излишков зерна в нашей стране.

Другой фактор связан с 2–3-кратным сокращением российского стада и поголовья. В результате, несмотря на то, что среднедушевое потребление основной массой населения продукции животного происхождения за годы неолиберальных реформ уполовинилось, чтобы не возродился голод, в страну импортируется 51% говядины и мяса птицы. Причина кроется в сокращении производства зерна и в переориентации зерноводства на вывоз его продукции за рубеж, где нашим дешевым, в сравнении с местным, зерном откармливается скот, мясо которого импортируется нам же, но уже по дорогой цене. В США около 90% зерна расходуется на откорм скота и птицы. В силу более суровых климатических условий российский агропроизводитель должен скормить скотине или птице в 2–3 раза больше зерна на каждый килограмм привеса мяса. То же с производством молока, яиц и т.д. А он лишен такой возможности.

«Но, если вырезать свой скот и другую живность, что и сделано в нашем государстве, то и кормить ее нет надобности. Именно в этом разгадка «успехов» России на зерновом поприще», сказал депутат Госдумы, академик РАСХН В.И.Кашин при обсуждении 23 октября 2009 г. отчета правительства о выполнении госпрограммы развития сельского хозяйства на 2008–2012 гг. Справедливо констатировав при этом, что Россию сейчас с трудом можно назвать суверенной страной: ведь ее население практически полностью зависит от подвоза съестных припасов из Европы, США, Китая, Латинской Америки. На оплату продовольственного импорта в последние годы тратится около 30 млрд долл. или около 1 трлн руб. ежегодно, что в десятки раз больше выручки от экспорта зерна и минеральных удобрений, которые, будь они использованы на нужды отечественного сельского хозяйства, в значительной мере решили бы проблему его возрождения.

Сущность современного российского кризиса аграрного дела. В большинстве развитых стран и в ряде стран СНГ кризис аграрного дела связан с *сокращением спроса на сельхозпродукцию* вследствие роста цен и снижения доходов населения. В России сокращение спроса пока сравнительно незначительно и кризис связан преимущественно с *резким*

спадом и стагнацией на низком уровне *сельхозпроизводства и его потенциала*. Причиной спада стало господство спекулятивного аграрного рынка, порожденного архикорыстной социально-экономической политикой, прекращением, в соответствии с ее установками государственной поддержки отечественного агродела и наращиванием продовольственного импорта, с одной стороны, экспорта российского зернового сырья, – с другой.

Зерновой экспорт современной России – это продолжение той же политики спекулятивной распродажи отечественных богатств, в данном случае овеществленного труда отечественных аграриев и утилизированного ими плодородия наших черноземов. Осуждаемый в пору горбачевской перестройки зерновой импорт дореформенного времени был на деле прагматичной и подлинно рыночной аграрной политикой. Ведь тогда закупалось кормовое зерно, произведенное в лучших по сравнению с российскими климатических условиях и дотировавшееся агропроизводителям их государствами, а потому дешевое. Оно использовалось нашей страной для производства трудоемкого мяса. В результате экономически она выигрывала, как выигрывает сейчас зарубежье, откармливая нашим дешевым зерном свой скот и продавая нам произведенное мясо в виде импортных продуктов, втридорога оценивая добавленную при этом стоимость. Только в результате этого Россия теряет по экспертным оценкам в последние годы в 7–10 раз больше, чем российское государство вкладывает в поддержание отечественного сельхозпроизводства.

Сворачивание государственной помощи российскому агроделу стало беспрецедентным по некомпетентности явлением в мировой практике рыночного хозяйствования. Такая помощь оказывается даже в странах с благоприятными для агрордела природно-климатическими условиями. Учитывается особенность капиталооборота, замедленного по сравнению с другими видами его в силу природных биотехнологий растениеводства и откорма животных. Только по этой причине сельское хозяйство в странах ЕС субсидируется ежегодно на 56 млрд евро. Еще больше дотируется оно в США. Принимается во внимание и регионально-зональная природная разница в потенциале этих технологий. С учетом этой разницы в южных и центральных европейских странах субсидии составляют 40–60% от стоимости произведенной продукции, а в северных скандинавских – свыше 70%. Поэтому даже в нынешнее кризисное время цены на европейском, в отличие от российского, продовольственном рынке снижаются не только сезонно, но и системно.

Иная картина в современной России. Имея сельхозугодий и пашни больше европейских площадей и крайне разрушенную социнфраструктуру се-

льских территорий и производственную инфраструктуру отечественного агросектора, последнему в прошлом году было выделено 7–8 млрд евро, из которых непосредственному агропроизводителю досталась только1/7 часть. При кризисной корректировке бюджета 2009 г. агросектору было оставлено 53% от суммы прошлого года, причем непосредственно сельскому хозяйству и рыболовству, вместе взятым, выделено в 61–62 раза меньше, чем субсидирует своего агрария Европа, инфраструктурное обеспечение сельских территорий и агродела которой в сравнении с российским – небо и земля. Остальные, – а это 84–85% государственной «помощи», – деньги направлены на пополнение уставных капиталов посредников в виде «Россельхозбанка», кредитных организаций, «Росагролизинга», должных финансово обеспечивать жизнедеятельность села, в реальности использующих эти деньги на иные цели. В 2010 г. картина обещает быть еще безрадостнее: помощь непосредственному российскому агропроизводителю запланирована в меньшем объеме и финансовые технологии обеспечения ее делают эту помощь менее доступной крестьянству, рядовому фермеру и агропредприятию.

Беспрецедентной для реализации мировой рыночной аграрной экономики стала и российская практика распределения государственных субсидий национальному агроделу. Во всех странах оно осуществляется на базе принципов государственного регулирования, – коль уж речь идет о субсидировании за счет общенародной казны, – и максимально справедливой по отношению ко всей массе субъектов агропроизводства помощи. Это позволяет обеспечивать расширенное воспроизводство их хозяйств и эффективность всего национального агродела. И только в России действует пресловутый принцип формирования стратегического собственника, плавно перешедший в принцип избирательного поощрения его и присных (родственников и друзей), региональных и местных власть имущих. Это подтверждают данные социологического мониторинга реализации многих федеральных программ развития российского села и агродела, в том числе «Приоритетного национального проекта развития АПК РФ», а в настоящее время – Госпрограммы развития сельского хозяйства на 2008–2012 гг.

Правда, этот мониторинг имел локальный характер и не мог претендовать на общероссийскую репрезентативность, но то обстоятельство, что все целевые программы и проекты были реализованы по различным их позициям всего на 7–35%, свидетельствует, что тенденции коррупционного избирательного «распила» по частным карманам выделяемых на их осуществление десятков и сотен миллиардов рублей из общефедерального бюджета, он за-

фиксировал достаточно объективно. Об аналогичном свидетельствовали мониторинги и проверки Счетной палаты РФ и других государственных контрольных структур.

Еще одна уникальность реализуемой российской аграрной политики проявляется в засилье в отечественном агроделе института перекупщиков продукции агропроизводителей. В их спекулятивном сообществе бал правят выходцы из южных стран СНГ и российских регионов, имеющих многовековые традиции торгашества. В коррупционно-преступной обстановке современной российской реальности, их спекулятивно-торгашеский менталитет обогатился мафиозно-монополистической практикой. Ссылаясь на данные статистики, депутат Госдумы В.Кашин утверждает, что только 28% сельхозяпредприятий и 22% фермерских хозяйств имеют гарантированный выход на рынок. О владельцах ЛПХ и говорить не приходится, при социологических опросах они поголовно жалуются, что их на рынок не пускают организованные сообщества южан-перекупщиков.

Справедливость этих жалоб подтверждается сваливанием их продукции на обочины дорог, так как они не хотят отдавать ее перекупщикам за гроши, и тем, что даже подмосковные сады в предзимье и в раннюю зимнюю пору краснеют неубранным урожаем плодов. В развитых странах не только такого преступно-мафиозного, но и откровенно спекулятивного института перекупщиков нет, в развивающихся – его маржа ограничивается несколькими процентами. В России она в несколько раз превосходит доходы непосредственных агропроизводителей, причем явно поощряется чиновниками и корыстолюбием правоохранительных сил, которые преследуют не имеющих возможности откупиться мелких торговцев снедью со своего огорода или лесными дарами, но мирволят крупным перекупщикам.

Стремясь уподобиться цивилизованным государствам, российское ежегодно объявляет интервенцию (госзакупки) части сельхозпродукции. Но практика показывает, что она осуществляется к выгоде не агропроизводителя, а перекупщика. Вот и в 2009 г. планы такой интервенции были обнародованы еще весной, но, началась она поздней осенью. А ведь чиновникам хорошо известно, что уже в конце августа банки начинают требовать с агропроизводителя возврата кредитов с процентами, которые превосходят среднегодовую рентабельность последнего.

Кредиты берутся в страдную пору, чтобы закупить горючее и арендовать технику, без чего было бы невозможно провести посевные и уборочные работы. Банки и прочие кредитные организации знают, что в текущее десяти-

летие средняя рентабельность российского сельского хозяйства составляет 9–11%, но устанавливают цену кредита в 15-30%, притом назначают сроки возврата на конец лета, начало осени. Не дождавшись обещанной государственной интервенции, чтобы не быть обанкроченным, производитель продает посредникам урожай по ценам, которые нередко ниже его себестоимости. А в конце года, как и прежде, вся выгода от интервенционистских закупок сельхозпродукции по повышенным ценам на средства общенародного бюджета достанется перекупщикам, лоббистам и коррумпированным чиновникам, без которых не могла бы держаться, – причем много лет уже, – такая система откровенного грабежа аграриев.

Количество примеров российских уникальных технологий обирания аграриев можно было бы продолжить, и вывод во всех случаях был бы одинаков: *сама* по себе *возможность* их и подобных им тупиков российского аграрного дела, обусловливающих углубление в нем системного кризиса, *порождена неолиберальной политикой его реформирования.* Все развитые и развивающиеся страны мира стремятся в последние десятилетия выводить свою национальную аграрную экономику в соответствии с особенностями функционирующего в ней капитала за рамки рыночных механизмов. Они разнообразят формы и методы ее государственного регулирования. И только российские реформаторы, зазубрив отторгаемые миром исходные постулаты монетаризма и корыстолюбивого либерализма, продолжают углублять фундаментальную системность спекулятивно-либерального национального агродела, отчуждая от него сколько-нибудь здоровые и потому не поддающиеся коррупционному воздействию хозяйственные структуры.

Пути и программы вывода российского агродела из кризиса. Тлетворное воздействие неолиберальной аграрной политики на отечественное агродело становится все более очевидным и российскому руководству. В ряде октябрьских (2009) выступлений президента Д.А.Медведева в Ярославле, Орле и других городах, в его программной статье «Россия, вперед!» прозвучало осуждение засилья в агроделе спекулятивности институтов посредников и предпринимателей, которые не приумножают новую стоимость, а богатеют методами поглощения и распродажи эффективно хозяйствующих сельхозпредприятий, используя несовершенство законов и механизмы коррупции. По инициативе президента создан и разворачивает свою деятельность Комитет по борьбе с коррупцией. Касаясь агродела, президент выдвинул амбициозную программу освоения 20 млн га рукотворной целины

и возрождения его на базе инновационных технологий, включая альтернативные биотехнологии и новые подходы к социальному развитию российских сельских территорий.

Такой поворот в аграрной политике обнадеживает, поскольку дает политические посылки формированию организационных оснований для вывода российского агродела от сковавшего его системного внутреннего кризиса, усугубленного внешним кризисом мирового хозяйства. Но встает вопрос, насколько он повлияет на реальную практику? Такой вопрос возникает потому, что в российской действительности есть много субъективных и объективных факторов, в силу которых предлагаемый президентом агрополитический поворот может остаться лишь благим желанием.

С субъективной стороны агрополитические новации президента соответствуют желаниям основной массы тех аграриев, которые, несмотря ни на что верны своему призванию умножать национальный продовольственный фонд. Но на управленческом уровне в современном российском агроделе они, несомненно, встретят сопротивление. Ведь на этом уровне более действенны два варианта либеральной аграрной политики, и оба они уводят замыслы президента в сторону от плодотворного пути их реализации.

Первый путь характеризуется проамериканским вариантом модернизации российского сельского хозяйства в целях создания его монополистической частной или корпоративной капиталистической системы национального агродела. Главными идеологами и эффективными реализаторами этого пути на сегодня является группа губернаторов Центральных и Черноземных областей. Суть этого пути – максимальное использование государственных средств для завершения формирования в отечественной агросфере стратегических собственников, строительства на эти средства современных высокопроизводительных частных предприятий АПК, оснащенных передовой зарубежной агротехникой и технологиями, а также обеспеченных минимумом высококвалифицированных и потому эффективных наемных работников.

На первый взгляд, надо только пожелать ветра в паруса идущим этим путем. Однако объективный анализ легко обнаруживает расхождение интересов этих капиталистических первопроходцев с общенациональными интересами, поскольку они не заботятся об умножении продовольственного фонда страны. Явно или негласно обогатились, следуя им, и эффективные реализаторы этого пути. Финансово обескровливая за счет перехвата государственных субсидий массу рядовых аграриев, оные первопроходцы разрушают их созидательный потенциал и системность возрождения российского аграрного дела.

Отсюда механика появления на российских просторах десятков миллионов гектаров рукотворной целины и интенсивного уничтожения стада.

Сами стратегические собственники сосредоточивают собственные усилия лишь на тех сегментах его, которые обеспечивают быструю отдачу. Сегодня они, например, редко идут в нерентабельное животноводство. Поглотив очередное сельхозпредприятие, нередко рейдерскими способами, эти «стратегические собственники» оставляют растениеводство, в котором затраты периодические, а стада и поголовье, требующие постоянных затрат, да к тому же обеспечивающие более замедленный капиталооборот, уничтожают. О потребностях населения они не заботятся, а руководствуются соображениями, что на зарубежный рынок с российским мясом сегодня не пробиться, а с дешевым зерновым экспортом – пожалуйста.

Впрочем, в самом растениеводстве они ведут себя столь же бесхозяйственно, участвуя только в производстве, обеспечивающем несомненную наживу и ликвидируя в поглощенных им предприятиях его трудоемкие и капиталозатратные сегменты. Так произошло со льноводством, практически уже уничтоженным. В дореволюционной России и раннесоветском СССР хлопок не производился, не производится он и сегодня – климат не тот. Российский текстильный бренд – пользовавшееся мировой славой льноводство. Накануне неолиберальной реформы льном в России засевалось около 0,6 млн га, сегодня засевается 65–75 тыс. га, почти на порядок меньше. Причем льноволокно становится все хуже, поскольку безнадежно разрушены технологии выращивания, уборки и переработки льна.

Развертывая реформу льняного сектора, стремясь сократить трудоемкость и капиталозатраты, начали с приватизации и утилизации оборудования текстильной промышленности, а затем и уборочной и прочей техники, необходимой льноводству. Ныне мобильной техникой оно обеспечено на 50%, сушильными комплексами на 25% и т.д. Зарубежный спрос на российские льняные ткани из-за снижения их качества упал, зато растет спрос на китайские льняные изделия. Когда в России началась приватизация и грабеж текстильной промышленности, китайские бизнесмены по цене металлолома вывезли около половины нашего оборудования к себе, что дало хороший импульс развитию китайской текстильной отрасли. Сегодня Китай все увереннее выходит в лидеры мировой льняной текстильной отрасли. Следом тянутся другие страны – Беларусь, Польша, и т.д., которые совершенствуют технологии льноводства и стимулируют государственными мерами спрос на его продукцию. Россия перешла в аутсайдеры.

Аналогичная картина с трудоемким картофелеводством, которое держится исключительно сельским подворьем, а некогда возделывавшиеся колхозно-совхозные плантации низведены под корень, – ни технологий, ни технического оборудования для него не производится, – и нарастает импорт зарубежных генномодифицированных клубней. То же творится с трудоемким производством риса, гречихи, горчицы и т.п. культур. Хотя труд на Руси все еще в чести у народа, но путем насаждения хронической безработицы, которая в деревне выше, ценность его интенсивно вытесняется из менталитета. Да и не хотят больше аграрии трудиться бесплатно во имя пополнения чужих карманов.

Другим вариантом реализации в России ущербной неолиберальной аграрной политики, способной свести ныне благие замыслы президента на нет, является крайне идеологизированная доктрина тотального «окрестьянивания» современного российского агродела. Она стала сильным манипулятивным средством развала колхозно-совхозного строя в годы горбачевской перестройки и во время правления радикально-либеральных «шокотерапевтов». Впоследствии она оказалась полностью дискредитированной в ходе провальной практики строительства крестьянско-фермерского строя, который чужд интересам правящих капиталистических кругов и потому глушился. Середина 90-х гг. была «пиком» создания семейных крестьянско-фермерских хозяйств, затем началась лавина их банкротств и самоликвидации. Сегодня в крестьянско-фермерском секторе и даже в секторе хозяйств населения доминируют крупные капиталистические латифундии, присвоившие себе юридическое имя фермера или владельца ЛПХ из-за полагающихся им налоговых льгот и иных послаблений.

Неолиберальная реформа, по сути, уничтожила сохранявшуюся до нее общинность крестьянства, вне которой оно невозможно в силу своей социально-культурной природы. Сельскохозяйственная перепись 2006 г. показала, что мелкие крестьянские хозяйства и даже крестьянское подворье стали яркими показателями маргинальности остатков некогда многочисленного российского крестьянского сословия. Приписываемые ныне крестьянско-фермерскому сектору и сектору «хозяйств населения» приличные производственные показатели в действительности являются хозяйственным результатом крупных капиталистических сельхозпредприятий с наемным трудом и в реальности не имеют к отечественному крестьянству никакого отношения.

Вообще-то возврат к традициям прошлого по причине нарастания проблем современности все сильнее входит в практику нынешних поколений. В США даже жена президента Барака Обамы возделала на лужайке возле Белого Дома огород, последовав примеру почти 2/3 городского населения этой

страны. Оно ужаснулось необходимости питаться экологически некачественными продуктами, произведенными на загрязненных фермерами ради наживы почвах, опасными методами стимулирования привесов животных, биотехнологиями агропроизводства с использованием генномодифицированных культур и пород и т.д. А ужаснувшись, завело на своих загородных дачах и ранчо нечто похожее на русский огород и русское сельское подворье.

Но высокоразвитая производственная и социальная инфраструктура США делает их «огородный» труд и бытие при этих ЛПХ сравнительно, насколько это можно в агросфере, легким и цивилизованным. В современных российских условиях они хуже каторги. Идеологизированные догматики тотального «окрестьянивания» российской деревни думают не о благе сельского населения, а о том, как снять с капиталистического государства «обузу» социальной заботы о людях, чтобы оно могло сосредоточиться исключительно на обеспечении эффективности частной наживы. При таких установках благие замыслы президента, реализация которых способна усилить социальность государства, им явно ни к чему.

Объективные препоны вывода аграрного дела России из кризиса. Данные очередного мониторингового социологического опроса сельского населения смоленской, тверской и московской глубинки (осень 2009 г.) показали, что из всех обнародованных президентом Д.А.Медведевым замыслов вывода отечественного агродела из кризиса наибольшее впечатление на деревенских людей произвели его планы возрождения к жизни 20 млн га рукотворной целины. Больно уж удручающее впечатление производят заброшенные пахарем нечерноземные окоемы. В связи с этим тут же родились тревожные вопросы: какими средствами и силами, и, главное, кто будет заново осваивать заросшие бурьяном, чертополохом и кустарником сельхозугодья?

Накануне либеральных реформ российскую ниву возделывали 1,4 млн тракторов, 0,6–0,8 млн плугов, культиваторов, сеялок, более 1 млн штук зерно-, кукурузо-, кормо-, картофеле-, льноуборочных и других комбайнов и сотни тысяч сеноуборочных и иных машин. Уполовинившись в количестве в 90-е гг., и еще раз уполовинившись в текущем десятилетии, парк тракторов ныне составляют лишь около 350 тыс. в основном выработавших свой амортизационный ресурс машин; вчетверо меньше стало плугов, культиваторов, сеялок: комбайнов осталось около 125 тыс. штук, счет сеноуборочной техники уже ведется на малые десятки тысяч, а прочей техники на простые тысячи штук. Можно ли при таком вооружении всерьез мечтать о новом освоении

целины? Тем более, что отечественное сельхозмашиностроение полуразрушено, да и сохранившиеся остатки его мощностей загружены лишь на 20–25%.

Импортная техника настолько дорога, что основной массе обнищавших российских аграриев покупка ее непосильна. И кредиты тут не в помощь: за два года реализации нацпроекта «Развитие АПК» кредиторская задолженность СХО выросла в 1,7 раз, достигнув в 2008 г. без малого 900 млрд руб., что многократно превышало их прибыль и делало невозможным ее погашение и, следовательно, неизбежным – банкротство.

Вообще распашка рукотворной целины – это только начало возрождения нивы к жизни. Нужны еще подкормка ее туками, элитные семена, восстановление разрушенных дренажных или оросительных систем и масса других капиталоемких затрат. Для самой деревни в созданных для нее экономических условиях они неподъемны. Если накануне реформ рентабельность аграрного производства составила 43%, то в 2008 г. наивысшая за последнее десятилетие рентабельность сельского хозяйства составила лишь 8%, да и то за счет более чем вдвое заниженной и включенной в издержки оплаты труда. Она, кстати, у аграриев в 1990 г. составила 95% к среднему по экономике страны уровню, тогда как в 2008 г. только 48%, и подними ее до дореформенного уровня, сельское хозяйство вообще оказалось бы экономически нерентабельным.

Такое сталось потому, что реформаторы, объявив данную отрасль «черной дырой» финансовых инвестиций, практически отстранили государство от управления его воспроизводством. Накануне реформ инвестиции в основной капитал сельского хозяйства и водохозяйственное строительство на селе составили 18% общего объема капитальных вложений в российскую экономику. Причем большая часть этих инвестиций была в форме государственных капиталовложений. К 2008 г. доля инвестиций в основной капитал аграрного сектора снизилась до 5% и 4/5 их были собственные средства СХО, а на федеральный бюджет приходилось лишь 0,1%. И вообще доля сельского бюджета в общем бюджете страны сократилась к этому времени до 1,05% на 27% численности населения деревни.

Неудивительно, что в социально-экономическом плане современная российская деревня стремительно опускается до уровня дореволюционной «забитости и одичалости». По причине одряхления сельской социнфраструктуры и приватизации, а потом утилизации ее ликвидной части и оплате труда, которая немногим превышает пособие по безработице, из нее все интенсивнее бежит молодежь, а остатки ее предпочитают ездить на работу в окрестные города и поселки городского типа, торгашествовать или охранничать, только бы не аграрничать.

Люди среднего поколения спиваются самогоном и суррогатным алкоголем, потребление которого в расчете на душу сельского населения в текущем десятилетии выросло более чем в 2 раза и давно уже превзошло размер, за которым начинается устойчивая деградация личности. Да и на будущих поколениях сказывается негативно: не случайно с 90-х гг. доля детей с умственными отклонениями и иными проявлениями дебильности на селе растет более быстрыми темпами, чем в городе и чем темпы общей рождаемости в деревне.

Впрочем, российская деревня еще производит достаточно новой стоимости, чтобы обеспечить потребности своего расширенного социального воспроизводства. Мешает современная фискальная практика государства, выкачивающая из деревни созданную сельским трудом часть национального дохода. С началом либеральных реформ были восстановлены свойственные царской и раннесоветской России механизмы изъятия этой части дохода. Но если в советской России это делалось в пользу государства и развития общенациональной экономики: культуры, образования, индустриальной инфраструктуры, то сегодня в пользу рыночных субъектов монопольного окружения деревни – банкиров, новых «стратегических собственников-капиталистов», коррупционеров-чиновников и т.д.

Взять, к примеру, распределение национального дохода агродела за 2008 г. Из общего объема валовой продукции его товарная часть составила в розничных ценах свыше 3,2 трлн руб., выручка же СХО менее 0,8 трлн руб., издержки обращения по доведению продукции до конечного потребителя почти столько же. За вычетом налогов, из агродела было изъято примерно 1,5 трлн руб.

Очевидно, что сложилась ситуация, когда деревню надо спасать, поскольку как социально-территориальная подсистема общества она движется к исчезновению. Но очередной «лучший министр» российских финансов А.Кудрин при обсуждении проекта бюджета на 2010 г. 17 сентября 2009 г. заявил, что проблемы деревни – это «менее важные вещи», и на них сейчас не стоит тратить бюджетные средства. Это заявление откровенно дезавуирует планы президента Д.Медведева о выводе российского агродела из кризиса, поскольку ставит крест не только на возрождении необходимой для этого материально-технической базы, но и на восстановлении главной производительной силы – социального потенциала сельских трудовых ресурсов.

Сегодня деревня лидирует в снижении продолжительности жизни, негативному соотношению половозрастной структуры кадров, смертности и рождаемости, в ухудшении здоровья населения и росте среди него показателей суицида и т.д. Отражением всего этого является снижение ее социально-

профессионального потенциала. Даже случись чудо, и начнись рост машинно-тракторного парка агродела, на машинах некому работать. С передачей начального и среднего аграрно-профессионального образования из ведения МСХ под эгиду Минобра, для которого оно не более, чем дополнительный довесок, подготовка соответствующих кадров сократилась в разы. Подготовка кадров через аграрные вузы еще сохранилась в ведении МСХ, но чрезмерная коммерциализация ее негативно сказалась на качестве подготовки выпускников. И главное, по причине все большего социального неустройства деревни и низкой оплаты аграрного труда, эти выпускники не задерживаются в ней, и даже сократившееся в масштабах российское агродело сегодня испытывает перманентный дефицит в кадрах.

Это главные препоны реализации благих президентских планов, касающихся вывода российского агродела из кризиса. Но если на вопрос, почему не стреляют пушки, следует ответ: во-первых, нет пороха,.. то нет смысла рассматривать прочие причины.

Первоочередные меры вывода российского агродела из кризиса предполагают, прежде всего, воссоздание дореформенной материально-технической базы и сельской социальной инфраструктуры, собственных инвестиционных возможностей, стимулирующей заинтересованность в повышении производительности аграрного труда общественной организации агродела и т.п., – благополучия деревни, а затем, опираясь на него, государственное обеспечение ускоренного социально-хозяйственного развития ее на инновационных основаниях современной технологической волны, наращивая в нем элементы постиндустриального бытия.

Первый этап требует от государства только одного – оградить деревню от тотального грабежа, в первую очередь от перекачки создаваемой отечественным агроделом части национального дохода. Иначе говоря, политически и законодательно-административно оградить от эксплуатации аграрно-сельского капитала городским спекулятивно-промышленным и финансовым капиталом и коррупционно-фискальной практики государства.

В экономически развитых странах национальное аграрное дело максимально выводится за рамки воздействия механизмов неолиберального рынка, а фискальная сторона деятельности государства, в соответствии с его социальной природой, все больше подчиняется задачам выравнивания социального развития сельских территорий и поддержки мелких и средних фермерских хо-

зяйств за счет сверхдоходов крупных агрохолдингов, особенно проявляющих потенции к установлению в агросфере своего монополизма.

В современной России, прокламирующей в действующей Конституции социальную природу своего государства, только в текущем десятилетии из агросферы изъято по меньшей мере 11–12 трлн руб. ее доходов. За счет недоплаты за труд работников сельского хозяйства в сравнении со средним уровнем в 2 с лишним раза рядовые аграрные труженики обобраны только в расчете по товарной продукции ориентировочно на 0,9–1,0 трлн руб., и неудивительно, что они как чумы чураются агродела, а те, кто по необходимости им занимаются в качестве наемной силы, все более откровенно «итальянят». Сегодня в нем, с учетом занятых на подворье, трудится больше, чем до начала реформ, но средняя индивидуальная производительность тружеников в большинстве его сегментов снижается, что характеризует рост их отчуждения от целей своего труда.

В российском обществе много осуждающих толков относительно того, что в качестве первоочередной меры борьбы с кризисом государство перекачало банкам триллионы из резервного фонда, образованного за счет прежней распродажи нефтегазового сырья в целях кредитования через них секторов реального производства, не позаботившись проконтролировать использование этих средств по целевому назначению, в том числе для кредитования агродела. Здесь все верно, за исключением того, что резервы были образованы за счет не только высоких цен на углероды, но и экспроприации созданной аграрием части национального дохода, что и обрекло агросферу, – т.е. агродело и деревню, – на вымирание.

Отсюда вытекают первоочередные в этой сфере антикризисные меры – они в прекращении грабежа аграриев и возврате в различных формах изъятого ранее. Этими формами могут быть как возрождение государственными силами агро-сельской инфраструктуры, так и, скажем, возрождение социально-профессионального потенциала АПК путем возврата начального и среднего специального профобразования из-под эгиды неэффективного в этой части Минобра в ведение Минсельхоза. Да и о возрождении потенциала обычной сельской школы подумать надо. Состояние ее такое, что она уже перестает быть источником для агро-сельского профобразования: низкое качество знаний выпускников, тотальность их установок на отъезд из деревни, на ничегонеделанье или нетрудовой образ жизни и т.д. Государство могло бы скорректировать такое состояние, например, обеспечив сплошную компьютеризацию сельских школ и сделав, как это законодательно сделала Финляндия, всеобщую бесплатную до-

ступность для сельского населения Интернета, насытив его программами воспитания и дистанционного общего и профессионального обучения.

Безусловной мерой антикризисной борьбы в агросфере должен стать пересмотр Земельного Кодекса, в частности, отмена законов о продаже земли. Принятие и введение в действие этого Кодекса не только разрушило хозяйственный фундамент земельных отношений и землепользования, но и породило в агросфере массовое рейдерство, усилило коррупцию и бюрократизацию в агроделе, создало деформирующую его язву в виде 12 млн вымороч-ных земельных долей, которыми люди не могут воспользоваться, что постоянно возбуждает в них понятную ненависть к тем, кто создал этот хаос, прежде всего, к государству и его агентам. Сохранение порожденной радикальными либералами социально-экономической химеры в виде неустойчивой системы рыночного землепользования по причине ее противоречия основам менталитета российских аграриев ни к чему хорошему не приведет.

Вообще, исходя из современного состояния российской агросферы, необходимо коренным образом пересмотреть сами основания аграрной неолиберальной политики, и на первых порах, хотя бы ради снятия антагонизма особо острых социальных противоречий в АПК, предпринять по примеру развитых капиталистических стран реальные шаги по выводу отечественного агродела из-под диктата механизмов либерального рынка. Для этого даже финансовых расходов почти не требуется, достаточно компетентности и политической воли правящих верхов.

ПРЕОДОЛЕНИЕ КОРРУПЦИОННОЙ СРЕДЫ РЕЙДЕРСТВА

Для вывода современной России из социально-экономического кризиса нужна консолидация в этих целях здоровых созидательных сил российского общества, а ключевым фактором такой консолидации является развитие отечественного социально ответственного предпринимательства. В связи с этим нельзя не обратить внимания на разгул в российской экономике недружественных корпоративных захватов собственности. Эти явления сегодня стали крайне опасным социальным злом для здоровой части национального хозяйства и мощным, постоянно действующим фактором воспроизводства нецивилизованного характера значительной части отечественного предпринимательства.

Корпоративные захваты чужой собственности, враждебные поглощения бизнеса, рейдерство порождены в России неолиберальными рыночными реформами. Их возникновение и этапы становления и развития совпадают с этапами перераспределения реформаторами российской собственности. Более того, неправовой характер передела ее составляет их стержень и по сей день.

Либеральный период горбачевской перестройки экономики охарактеризовался началом мошеннической приватизации, когда, опираясь на законы о предприятии и о кооперативах, разного рода ловкачи через псевдокооперативы перенаправляли сбытовые и финансовые потоки, получая частную наживу от использования формально еще государственных активов. Этот период стал годами создания механизмов по отъему общественной собственности, к концу его государство фактически уже не владело тем, что было намечено приватизировать.

В период радикально-либеральной приватизации фактические собственники (инсайдеры), в том числе директорат и трудовые коллективы, получили юридические права собственности. И именно в эти годы была предпринята, пожалуй, первая масштабная попытка захватить рейдерскими методами собственность известных своей репутацией предприятий (например, мос-

ковских универмагов), акционированных трудовыми коллективами их работников.

В период залоговых аукционов середины 90-х гг. приближенными к исполнительной власти дельцами были приватизированы сырьевые предприятия и таким путем начали формироваться олигархические интегрированные бизнес-группы. С этого времени явления корпоративных захватов, враждебных поглощений, рейдерства стали массовыми. С конца 90-х гг. они стали все чаще обсуждаться на страницах СМИ, а в годы текущего десятилетия вылились в обыденный и даже, можно сказать, в знаковый для современной российской социально-экономической жизни массовый процесс ее функционирования.

Рейдерство (англ. raider – налетчик) – многоаспектное явление: экономическое, социальное, правовое, политическое и т.д. Об этом свидетельствует краткий словарь рейдера: *войти по беспределу* – осуществить криминальный захват управления предприятием без какого-либо судебного акта; *вывести актив через прокладку* – срочно осуществить сделки с активами захваченного предприятия с конечной передачей или продажей добросовестному покупателю; *возбудиться* – возбудить против руководителей или крупного акционера предприятия уголовного дела с целью сломить защиту или заблокировать пакет акций; *вынос тела* – физическое отстранение прежнего руководства от управления; *долбить эмитента* – дезорганизовать АО как эмитента ценных бумаг; *зайти и удержаться* – перехватить силою управление предприятием; *corporate raid* – рейдерская атака на предприятие с целью недружественного поглощения; *кошмарить* – дезорганизация предприятия путем провокационных проверок со стороны налоговой инспекции, правоохранительных и других органов, дисредитации в СМИ его руководителей и продукции т.д.; *получить кривые меры* – добиться от суда (арбитража) с помощью подкупа или фальсификации доказательств возбуждения против жертвы иска и принятия не связанных с ним или несоразмерных мер по его обеспечению; *раздербанить* – захватить предприятие с целью полной или частичной ликвидации бизнеса путем продажи его активов; *собирать распыл* – консолидировать «распыленный» пакет акций, скупив их у мелких акционеров; *эйч-ти (ht)* – сокр. от англ. hostile takeover – недружественное поглощение.

Используемый рейдерами понятийный ряд дает представление о многоликости рейдерства. Он же позволяет определить рейдерство, во-первых, как частно-рыночное по характеру социально-экономическое явление, выражающее одну из сущностных сторон либерального разделения и капиталистической организации общественного труда; во-вторых, как совокупность срос-

шихся с государственной коррупцией криминальных, преимущественно бандитских, хозяйственно-организационных операций; в-третьих, как цивилизационную характеристику свободного от социальных обязательств предпринимательства.

Этот же понятийный ряд позволяет вычленить в рейдерстве его экономические, социальные, правовые, социально-психологические, этические, организационные, управленческие и т.д. составляющие, ряд их сущностных характеристик, а также наиболее очевидные хозяйственные, социальные, морально-нравственные последствия для государства, общества, его системных социальных групп, для личности, прежде всего, таких, как неуважение к фундаментальным основам общества – собственности и труду, – ослабление и подрыв главных факторов его благополучия – предпринимательской и трудовой инициативы и мотивации созидательной деятельности. Помимо их пагубного влияния на социально-экономическую жизнь общества они отравляют его атмосферу, порождают социальную напряженность, недоверие к его социокультурным, этическим и прочим традиционным ценностям человеческого общежития. Очевидно, что без искоренения этих явлений невозможно не только формирование цивилизованного российского предпринимательства, но и, в конечном счете, социально здоровое развитие российского общества. Очевидно и то, насколько актуальна борьба с этими явлениями. И потому невольно возникает вопрос, почему либеральные представители правящей власти тормозят развертывание этой борьбы? Ведь никак по-иному не объяснить многие факты прямого покровительства их рейдерам и проволочки с принятием законов, которые могли бы сделать борьбу с ним более эффективной.

Приобретя массовый характер, эти явления стали серьезной угрозой устойчивости российской национальной экономики и социальному благополучию населения, а также значимыми факторами подрыва самого фундамента функционирования и воспроизводства отечественного предпринимательства. За годы реформ властвовавшие радикальные либералы, игнорируя правотворческий и экономический опыт развитых западных стран, создали в России благоприятную для расцвета данных явлений практическую и законодательную базу, ставшую коррупционной средой, питающей формирование и функционирование российской модели рейдерства.

Многие региональные власти стремились как можно быстрее создать местную экономическую опору в лице обязанных им крупных собственников и легко пошли на сговор с ними, вытесняя внешних кредиторов или акционеров и несговорчивых директоров. Формированию «стратегических собствен-

ников» всеми мерами способствовали и ангажированные коррупционеры в федеральных законодательных органах, спешно принимавшие выгодные для них законы. Ключевую роль в этом сыграл ФЗ «О банкротстве» 1998 г., фактически легитимировавший юридические схемы передела, в том числе недобросовестного, собственности.

Эти и ряд других обстоятельств инициировали последовавший в текущем десятилетии сначала в Москве, затем в Санкт-Петербурге, других хозяйственных центрах и, наконец, на периферии, разгул массовых корпоративных захватов с российской спецификой, характеризующейся давно изжитым развитыми капиталистическими странами экономическим бандитизмом.

О массовости этих явлений свидетельствует судьба определенных в 2000 г. на основе ЭКСИН-рейтинга 1000 лучших предприятий России[1]. «Это предприятия, которыми по праву может гордиться наша страна»[2], – сказал на презентации сборника с данным рейтинговым списком президент РСПП А.И.Вольский. Отобрав методом децильного шага каждое десятое из них и проследив их последующее функционирование, мы обнаружили, что спустя шесть-семь лет таких объектов гордости осталось около 17%. Остальные или исчезли как хозяйствующие субъекты, или подверглись коренной перестройке и перестали быть «лучшими».

Дальнейший анализ показал, что из остальных предприятий 79% или подверглись корпоративным захватам в форме рейдерства, или стали жертвами недружественных поглощений в более мягких формах, или, защищаясь от корпоративных захватов, понесли столь существенный экономический ущерб, что не смогли удержать былые позиции, балансируют на грани хозяйственного банкротства. Угрозе рейдерских захватов подверглись даже такие крупные предприятия как Ачинский и Коршуновский горнообогатительные комбинаты, всемирно известное химическое предприятие «Тольяттиазот» и др.

Еще более печальна судьба среднего и малого бизнеса. В нем за период прошлого пятилетия число созданных и ликвидированных малых и средних предприятий было на 120 и 130% больше среднесписочного количества

[1] ЭКСИН-рейтинг осуществлен Российским союзом промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленной палатой России, Национальным институтом корпоративной реформы и Экспертным институтом совместно с Московской межбанковской валютной биржей. См. 1000 лучших предприятий России. Информационно-аналитический справочник. М., 2000.
[2] Там же. С.7.

функционирующих субъектов такого рода предпринимательства[1]. По итогам анкетного опроса (2007–2008) оказалось, что среди ликвидированных субъектов малого и среднего бизнеса около ¼ составляли фирмы-«однодневки», создававшиеся для отмывания криминальных денег и обеспечения рейдерских, в основном «черных», захватов, а около 30% их стали жертвами непомерных поборов со стороны власть предержащих контролеров. «Когда малый бизнес контролируют десятки структур, он обязан платить каждому, – констатировал, выступая в Нижнем Новгороде, Д.А.Медведев, – только бюрократические платежи для начала собственного бизнеса доходят до 150 тыс. руб.»[2].

В текущем десятилетии 45–50% ликвидированных субъектов малого и среднего бизнеса были поглощены более крупным бизнесом, причем эти поглощения носили характер черных или на грани черных рейдерских, а чаще серых коррупционно-корпоративных захватов. По мнению специалистов, не бывает захватов чужой собственности, особенно рейдерского типа, без подкупа чиновников. Готовясь к атаке, захватчик определяет не только ценность ее объекта, но и бюджет своих расходов, в котором заметную графу составляют расходы на подкуп разного рода регистраторов, налоговиков, нотариусов, судей, охранных и правовых структур, работников администраций и т.д. Атакуемые рейдерами собственники вынуждены платить тем же коррупционерам за информацию о готовящемся захвате, за охрану от него, за юридические и многие прочие услуги.

В качестве примера приведем явление массового поглощения мелкого бизнеса в одном из крупных городов Сибири, наблюдать который нам довелось в ходе проводившегося там социологического исследования. Одна из корпораций построила в его центре крупнейший в Европе супермаркет, но не учла (или с самого начала планировала корпоративный захват), что рядом с ее новостройкой десяток лет уже функционировал «торговый город» малого и среднего бизнеса, который давал средства существования для 30–40 тыс. горожан и поставлял городу товары по ценам на 15–20% ниже установленных корпорацией. Тогда губернаторов еще выбирали, и корпорация щедро спонсировала не только городские выборы в мэрию, но и губернаторские. По окончании выборов, мэрия приняла постановление о выводе «торгового города»

[1] См. *Староверов В.В.* Становление и функционирование малого предпринимательства в России. М., 2005.

[2] «Время новостей». htpp: // hercules.council.gov.ru//p/express/ АРХИВ-ЭКСПРЕСС-МОНИТОРИНГ. 2008, 28 февраля.

на периферийную окраину с неудобным для горожан транспортным сообщением. Губернатор, к которому мелкий бизнес взмолился о защите, занял позицию невмешательства. Множество мелких и средних бизнесменов разорились, поскольку их бизнес захватила корпорация.

Ситуация эта типична. По словам президента Российского союза товаропроизводителей сенатора Н.Рыжкова, из многих сотен уголовных дел, возбуждаемых ежегодно правоохранительными органами в отношении рейдеров, до суда доходят единицы. Между тем, правоохранительные органы фиксируют преимущественно черные недружественные поглощения, притом далеко не все. Но даже в такой ситуации по данным Управления экономической безопасности правительства Москвы за прошлую пятилетку около 1,3 тыс. столичных предприятий подверглись недружественным поглощениям и еще около 4 тыс. могут быть «съедены» в текущем пятилетии. В 2005 г. в производстве только Следственного комитета МВД находилось 346 уголовных дел по признакам рейдерства, объем захваченных активов по ним составил 120 млрд руб. И это, по словам следователей, только надводная часть айсберга – общее количество «черных» рейдерских захватов исчисляется тысячами.

Всего по России, по сведениям председателя комитета по собственности Госдумы РФ В.Плескачевского, предпринимается ежегодно до 60–70 тыс. рейдерских атак. Отработав захватнические технологии в Москве и Санкт-Петербурге, рейдеры двинулись в регионы. Обсуждая практику недружественных поглощений, Торгово-промышленная палата РФ констатировала, что только в результате «лесных войн» за последние пять лет сорваны соглашения с иностранными инвесторами на сумму более 20 млрд евро.

Следует заметить, что рейдерские технологии меняются с изменением режима национального хозяйствования. В пору горбачевской перестройки они опирались на законодательные и административные механизмы обмена власти правившей советско-партийной номенклатуры на богатство. На раннем этапе радикально-либерального экономического передела – на механизмы преднамеренного банкротства. Притом, захватчики использовали в основном мошеннические схемы: подделывали договоры о купле-продаже акций, фальсифицировали решения судов о признании владельцем акций новых собственников, на основании чего реестродержатели переписывали на них акции, и т.д. Вероятность попасть за эти уголовно наказуемые деяния у рейдеров была малой из-за сложности судебных процессов по фактам мошенничества и в силу многих иных обстоятельств, в том числе из-за пробелов в законодательстве о банкротстве.

После принятия усложнивших процедуру банкротства поправок в закон о последнем, рейдерские захваты стали опираться на пробелы в законодательстве, охватывающем корпоративные отношения в современной России. Захватчики стали имитировать корпоративные конфликты и единственным внешним отличием их деятельности от разрешения реальных внутренних споров между акционерами стал конечный результат – не разрешение спорного конфликта, а захват собственности и последующая утилизация ее, чаще всего, в форме спешной распродажи. Этому способствует то, что в регулирующем хозяйственные отношения российском законодательстве, по сути, нет разграничения между рейдерскими захватами и корпоративными спорами по поводу собственности: действия акционеров в отношении собственности в большинстве случаев можно классифицировать и как недружественный захват ее, и как борьбу за свои права на нее.

Таким образом, расцвет экономического криминала данного вида обусловлен тем, что, во-первых, «доходы от рейдерства, – по утверждению юристов, – во много раз превосходят доходы от продажи наркотиков. Потратив один миллион на корпоративный захват успешной компании, рейдер получает до 40 миллионов прибыли»[1]. Во-вторых, ему способствует высокая коррумпированность российской власти, особенно правоохранительной и судейской, что подпитывает надежду рейдера в любом случае увернуться от неминуемой расплаты. На захват солидного бизнеса обычно тратятся около 50 млн долл., из них на взятки чиновникам и судьям расходуется свыше половины. С прайс-листом на эти коррупционные услуги в Интернете может ознакомиться любой желающий. По утверждению тех же юристов, «в 75% случаев в «черном» рейде участвуют представители власти. В практику вошел шантаж собственников и бизнеса со стороны государственных структур. Правоохранительные органы зачастую рассматривают корпоративные конфликты как сферу своих интересов. Госструктуры шантажируют собственников и менеджмент компаний»[2]. В-третьих, российское законодательство далеко несовершенно в сфере отношений корпоративной собственности.

Оценивая рейдерство не только в социально-экономическом, но и социально-правовом контексте, можно констатировать, что этот феномен выражает крайне радикальную форму проявления конкуренции, причем «именно чинов-

[1] *Фаенсон М.И., Пиманова А.А.* Рейдерство (недружественный захват предприятий): практика современной России. М.,. 2007. С.19.
[2] Там же.

ники сегодня являются главными нарушителями законодательства о конкуренции – на их долю приходится более половины всех выявляемых нарушений»[1].

Наиболее наглое и разрушительное явление – «черное рейдерство» или черный передел – полностью криминальный захват бизнеса, продажа и перепродажа его. Но опаснее для общества «белое рейдерство», узаконенное усилиями лоббистов как часть конкурентного противостояния, когда рейдер, используя вполне законные уловки, подрывает экономическое положение бизнеса, а затем скупает его за бесценок. Не менее ущербным является и «серое рейдерство», использующее лазейки в законах, чтобы, спровоцировав конфликт в среде миноритарных акционеров или с помощью сговорчивого судьи, перехватить управление и далее продать активы жертвы.

Сегодня в России наиболее распространены захваты частной собственности путем полузаконных манипуляций с реестром, т.е. способом белого и серого рейдерства. Это не только эффективно, но и удобно, потому что усилиями «добрых», а логично полагать, пролоббированных российских законодателей и приватизаторов в подавляющем числе хозяйствующие в национальной экономике и являющиеся юридическими лицами субъекты функционируют преимущественно в форме открытых акционерных обществ. За рубежом – это редкая форма хозяйствования, например, в Германии всего около 900 ОАО или в 2 тыс. раз меньше, чем в нашей стране. Но и в России они распространены отнюдь не по свободному выбору отечественных предпринимателей. Как заявил В.Плескачевский, по оценкам экспертов руководимого им комитета, из 186 тыс. российских предприятий 185 тыс. не собирались становиться «открытыми обществами», поскольку в силу своей публичности они менее защищены от недружественных поглощений собственности, чем, например ООО – общества с ограниченной ответственностью.

Открытые акционерные общества обязаны вести реестр, т.е. список акционеров. В их распоряжении лишь выписка из реестра, оригинал которого находится у мелких собственников в их офисе, у крупных и большинства средних у регистратора. Изменения в списке акционеров обновляются в оригинале. Рейдеры охотятся за реестром: у мелких бизнесменов отнимают с помощью силовиков, у прочих вносят в него свои изменения путем сговора с регистраторами. Потом под разными предлогами, предъявив измененный реестр, получают решение суда о том, что они становятся новыми реестродержателями и соответственно новыми собственниками.

[1] *Смольякова Т.* ФАС в профиль // «Российская газета». 2009. №47, 19 марта. С.5.

Юристы давно во всеуслышание прямо называют тех, кто помогает рейдерам. Во-первых, это органы МВД: следственная часть/управление; руководители органов; управления кадрами на разных уровнях; региональный ОМОН. Во-вторых, прокуратура: межрегиональная, управления Прокуратуры РФ; управления кадрами; заместители прокуроров по следствию и надзору за действиями милиции. В-третьих, суды: а) арбитражные суды выносят «нужное» рейдерам решение; удовлетворяют любые ходатайства об обеспечительных мерах; б) службы судебных исполнителей работают по исполнительным листам без проверки подлинности; пользуются физической защитой своих действий, выполняя предписания по исполнительному листу; фактически блокируют действия вызываемой предприятием-жертвой милиции; в) службы судебных приставов действуют аналогично судебным исполнителям. В-четвертых, специальные войсковые соединения: спецподразделения в войсках особого назначения; бывшие спортсмены. В-пятых, криминальные элементы: бывшие заключенные; бывшие члены преступных группировок (боевики). В-шестых, «независимые» директора: а) «номинальные директора из числа малообеспеченных граждан, соглашающиеся стать директорами предприятия-жертвы. Они выдают доверенности «черным адвокатам» и не знают, что те делают от их имени; практически никогда не дают показания; могут существовать и нередко существуют только на бумаге. В-седьмых, инвесторы/финансовые институты: финансируют компанию рейдеров в расчете на значительную прибыль. В-восьмых, аппарат государственной власти: а) чиновники на местах (земельные комитеты и БТИ; строительство); б) работники органов исполнительной власти: Минюст РФ (регистрация прав собственности на имущество; управление МНС РФ). В-девятых, депутаты разного уровня: заинтересованы в постоянном источнике сверхдоходов; лоббируют законы и поправки к ним, ущемляющие права собственников и менеджмента; сопровождают заявления рейдеров депутатскими запросами. В-десятых, общественные объединения/политические партии: формируют негативное мнение о предприятии в законодательных, правоохранительных и гражданских кругах; оказывают давление на надзорные и правоохранительные органы.

Это не все фигуранты процессов недружественных захватов, но основные из них.

Борьба с названными явлениями требует радикальных мер со стороны властных структур государства и общества, их консолидированной работы. Чтобы она была успешной необходима также значимая и достоверная информация о политических, экономических, правовых, социальных и т.д. ас-

пектах, причинах и механизмах возникновения и функционирования этих явлений, об их последствиях, путях, формах и способах их преодоления.

К сожалению, большая часть общества, за исключением предпринимателей, а также захваченной этими явлениями определенной части чиновничества, работников судейско-законодательных, правоохранительных органов и СМИ, о корпоративных захватах имеет поверхностное представление. Большинство пособников им из числа либеральной интеллигенции, в том числе, журналистов и обществоведов используются идеологами рейдерства втемную. «Демократы» этого типа, поднявшие в пору горбачевской перестройки компанию требований ухода государства из экономики, похоже, по сию пору еще не поняли, что тем самим они не «раскрепощали» российскую экономику, а, уничтожая контроль за организацией хозяйственной жизни, отдавали ее на растерзание криминала, стимулировали его слияние с коррумпированной частью чиновничества.

Что касается самих предпринимателей, то об оценках этих явлений говорят данные опросов[1]. О том, что российский бизнес оценивает явления недружественных корпоративных захватов преимущественно негативно, свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

Оценки бизнесменами недружественных корпоративных захватов[2]

% от числа опрошенных

Представляют бизнес	Негативные	В целом, негативные, но видят и позитивы	Позитивные
Крупный бизнес	35,2	57,2	7,6
Средний бизнес	61,1	36,0	2,9
Пограничный с крупным средний бизнес (1)	61,7	37,2	1,2
Медианный для этой страты средний бизнес (2)	62,9	36,3	0,7
Пограничный с малым средний бизнес (3)	61,4	36,6	1,0
Пограничный со средним бизнесом количественными параметрами, но менее активный малый бизнес (1)	66,4	33,5	0,1

[1] *Фаенсон М.И., Пиманова А.А.* Рейдерство. М., 2007. С.22.

[2] Объем выборочной совокупности составил 160 представителей крупного бизнеса, проведенного Ассоциацией менеджеров, и 186 владельцев и руководителей средних и малых предприятий, опрошенных в 2007 г. автором.

Медианный для этой страты малый бизнес (2)	72,8	27,2	0,01
Мелкий бизнес семейного и индивидуального типа (3)	86,9	13,1	0,0
Малый бизнес	69,6	30,3	0,1

Источник: Данные опроса Ассоциации менеджеров; данные опроса автора.

Однозначно *негативное* отношение бизнеса к явлениям корпоративных захватов выражалось обобщенным ответом респондентов – этот процесс характеризуется полной несостоятельностью государства регулировать взаимоотношения собственников, менеджеров и властных структур и низким качеством корпоративного управления. В *целом, негативное* отношение с *признанием* за этими захватами *некоторого позитива* характеризовали ответы, констатировавшие этот процесс как *необходимость* для качественного изменения деловой ситуации в стране, поскольку он должен подтолкнуть государство и общество к разработке адекватного законодательства, эффективной судебной практике и созданию условий для цивилизованных методов конкурентной борьбы российского бизнеса. Однозначно *позитивное* отношение объяснялось респондентами тем, что, хотя в ходе недружественных корпоративных захватов используются нелегальные методы, в конечном итоге это приводит к эффективному перераспределению собственности.

Обращает на себя внимание, что однозначно негативно оценивали корпоративные захваты представители малого и среднего бизнеса – чем мельче, тем негативнее, и наоборот. Чем крупнее бизнес, тем большая часть его представителей видит наряду, с негативным отношением, позитивные стороны корпоративных захватов. Особенно рельефно расслоение, оценивающих это явление однозначно позитивно: среди мелких предпринимателей таковых вообще нет, и чем крупнее бизнес, тем больше сторонников корпоративных захватов.

Почти столь же полярны оценки предпринимателями перспектив укрощения недружественных корпоративных поглощения: доля *оптимистично* оценивающих эти перспективы у представителей крупного бизнеса более, чем в 2,5 раза превышает долю таковых среди мелких предпринимателей, и наоборот, *пессимистов* в 2,3 раза больше среди последних (см. табл. 2).

Таблица 2

Оценка предпринимателями перспектив укрощения недружественных корпоративных поглощений

% от числа опрошенных

Представляют бизнес	Оптимистичная	Пессимистичная	Неопределенная
Крупный	58,2	32,4	9,4
Средний (1)	48,2	40,1	11,7
Средний (2–3)	37,4	48,3	14,3
Малый (1–2)	35,7	55,8	8,5
Малый (3)	21,9	71,5	6,6

Источник: Данные опроса Ассоциации менеджеров; данные опроса автора.

Характерно, что эти оценки разными стратами бизнеса тесно коррелируют с показателями их отношения к корпоративным захватам.

Определенный интерес представляет мнение бизнесменов о наиболее значимых факторах недружественных корпоративных поглощений. Выделяются четыре группы таких факторов: во-первых, судебные – отсутствие эффективной судебной системы, ее зависимость от внешних сил; во-вторых, законодательные – отсутствие адекватного законодательства в сфере защиты от недобросовестных действий акционеров и корпоративного права; в-третьих, госуправленческие – отсутствие системы регулирования и формализованной практики действий при поглощениях; в-четвертых, приватные – отсутствие в компаниях и на предприятиях системы защиты от недружественных корпоративных поглощений.

Анализ данных позволяет обнаружить связь мнений бизнесменов о разной значимости выделенных ими факторов для практики недружественных поглощений с социальной дифференциацией их бизнеса. Она свидетельствует, с одной стороны, о разном характере, с другой, – о разной частоте воздействий на их бизнес этих факторов.

Малое предпринимательство редко участвует в судебных тяжбах, но и его представители на примере своих коллег так или иначе оценивают судебно-правовую систему как фактор, благоприятствующий недружественным поглощениям (48 и 56%). Еще в большей степени это характерно для субъектов среднего предпринимательства, причем, чем крупнее бизнес, тем более массовы (60, 69, 71%) такие оценки. Это обусловлено тем, что судебно-правовую систему крупный бизнес использует не только как средство защиты от рейдерских посягательств на него, но и для организации аналогичных захватов чужого бизнеса.

Оценка благоприятствования для недружественных поглощений законодательных, госуправленческих и приватных факторов имеет обратно пропорциональную зависимость: чем крупнее бизнес, тем полнее защищены законодательством и структурами госуправления его интересы. Зато более 2/3 субъектов малого предпринимательства и среднего бизнеса третьего типа весьма уязвимы перед совокупными силами слившегося с криминалом коррумпиро-

ванного чиновничества, притом в немалой степени из-за несовершенства законодательства. Одна только передача кадастровой оценки земли под недвижимостью на усмотрение регионов порождает массовый произвол местных чиновников, опираясь на который рейдер способен с их помощью захватить почти любое лакомое для него предприятие. А такого рода пробелов и недостатков, подрывающих уважение к собственности, в действующем законодательстве много. И какая уж тут инициатива или мотивация, если предприниматель знает, что он может в любую минуту лишиться своего дела в результате бандитских операций.

Поскольку рейдерские захваты осуществляются по всем правилам военного искусства[1], к тому же с использованием значительных средств на разработку плана и технологий захвата, информационный экономический шпионаж, фальсификацию базовой документации, подкуп судей и наем охранных структур и т.д., то защита от них требует не меньших средств. К тому же далеко не все бизнесмены адекватно оценивают уязвимость их бизнеса, нередко недооценивают эту сторону своей деятельности. Большинство предпринимателей, особенно субъекты среднего бизнеса, хорошо ориентируются в признаках, указывающих им на опасность корпоративного захвата их бизнеса, но о технологиях и механизмах этого процесса многие имеют поверхностное представление. К тому же, особенно менеджеров государственных и кооперативных предприятий и компаний, нередко подводят чрезмерные надежды на защиту официальных властных и судебных структур. Поэтому используемые ими самими способы защиты от поглощений неадекватны мощи используемых рейдерами для корпоративного захвата сил и средств. Захват планируют и организуют, действуя под видом консалтинговых фирм, юридических, психологических и иных служб опытные юристы и психологи, частные детективы и технологи, осуществляют многочисленные, порою в несколько сотен бойцов, охранные отряды, действующие на основании организованных судебных постановлений приставы, кризисные управляющие и т.д.

Методы защиты от враждебных поглощений определяются методами нападения. В девяти из десяти враждебных поглощений, осуществляемых в России, присутствуют следующие нарушения: злоупотребление должностными полномочиями; фальсификация доказательств; самоуправство; угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; похищение человека; мо-

[1] См. *Ярославский В.В.* Военные методы в бизнесе. Тактика. СПб., 2002.

шенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору; вымогательство; преднамеренное банкротство; понуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения; нарушение неприкосновенности частной жизни; незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну; нарушение тайны переписки, телефонных переговоров и иных сообщений; злоупотребления при выпуске ценнных бумаг; подделка, изготовление и сбыт поддельных документов, штампов и печатей; похищение или повреждение документов, штампов и печатей. За каждое из этих нарушений предусмотрена своя статья Уголовного кодекса РФ[1]. Успешная защита в России от враждебного поглощения в девяти случаях из десяти имеет хотя бы одно из вышеперечисленных нарушений уголовного характера[2].

Возродив предпринимательство в России, реформаторы сделали благое дело. Но сегодня в России отсутствуют какие-либо общие признаки между враждебным поглощением и деловыми сделками. Вследствие этого подавляющее большинство известных в развитых странах классических методов защиты от враждебных поглощений в условиях функционирующего российского рынка не работает. Более того, нередко они помогают налетчику захватить чужой бизнес еще быстрее и с меньшими издержками. Это обусловлено легкостью использования захватчиками административного ресурса. И борьба с рейдерством безнадежна, пока не будет устранения возможность использования этого ресурса. А это требует искоренения коррупции во властных структурах.

[1] См. *Рудык Н.Б.* Методы защиты от враждебного поглощения. М., 2006. С.282.
[2] Там же. С.309.

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Сегодня для продвижения по пути преобразования страны важно не только переосмысление уроков недавнего прошлого, объективная оценка возможностей и ресурсов дальнейшего развития в условиях глобализации, но и конкретизация тех политических сил, тех субъектов исторического действия, на которые возлагается бремя ответственности за реализацию стратегии превращения России в один из мировых центров экономического, политического и духовного развития.

Социологические исследования, раскрывающие особенности современного российского общества свидетельствуют, что в стране сложились слои и группы населения, основывающие свою социальную практику на индивидуалистических ценностях и рациональном выборе – по существу, это «новая Россия». Отличительной ее особенностью является то, что субъект перестает перекладывать ответственность за свое благополучие на государство, а все свои надежды начинает связывать с собственной инициативой, личной устремленностью на изменение своего социального положения.

Стратегия инновационного развития, модернизационный проект, провозглашаемый Президентом России Д.Медведевым в статье «Россия, вперед!» и в Послании Федеральному собранию от 12 ноября 2009 г., не могут быть реализованы без активных усилий тех социальных групп в обществе, которые напрямую заинтересованы в переводе российской экономики на инновационный путь развития, без опоры на те социальные страты, которые выступают в качестве носителей идеологии инновационного прорыва России.

Анализ социологической информации свидетельствует, что в современной России в качестве ведущих субъектов социальных преобразований, движущих сил модернизационного проекта выступает государственнический слой управленческого госаппарата, пронизывающий все уровни властной вертикали, а также те слои в предпринимательском сообществе, которые связывают перспективы своего социального и экономического благополучия с инновационным развитием российского экономического потенциала, с реализацией масштабного модернизационного проекта. Исходя из этого, особую зна-

чимость приобретает проблема расширения численности этих социальных групп, укрепления их потенциала и возможностей влияния на направленность социально-политического курса в стране.

Все это обуславливает актуальность проблемы рекрутирования новых кадров в структуры высшей иерархии политической и экономической власти Центра и регионов, формирования нового поколения лидеров с государственническим видением будущего России. По существу, речь идет **о необходимости становления национально ориентированного ведущего слоя общества внутри предпринимательства и управленческой бюрократии, а также из числа лидеров общественного мнения, из среды общественно-политических структур.**

Принципиально значимым в этом плане является создание для бизнеса такой атмосферы, которая реально обеспечивала бы возможность сохранения и развития капитала у себя в стране, а не в офшорных зонах. Только при наличии в обществе условий, реально обеспечивающих незыблемость собственности, владелец крупного капитала будет увязывать свое будущее и будущее своих детей со стратегией развития России.

Другая часть ведущего слоя общества, ориентированного на национальные интересы России, на реализацию долговременной стратегии ее инновационного развития призвана составить **эффективное конкурентоспособное сообщество государственных служащих. Это предопределяет необходимость трансформации имеющихся сейчас полукомпетентных, коррупционных бюрократических структур, во многом сохранивших стиль и методы работы советской бюрократии.**

Таким образом, выступая в качестве определяющих субъектов стратегии развития России, бизнес и власть нуждаются в серьезных качественных изменениях, в интенсивном наращивании и расширении амбициозного, конкурентоспособного слоя бизнес-элиты и высокопрофессиональной государственнически ориентированной управленческой бюрократии, способной реализовать инновационный проект по превращению России в динамично развивающуюся мировою державу. Если удастся кристаллизовать ядро такого слоя, превратить его в активный субъект политического процесса, в движущую силу модернизационного проекта, будет решена задача исторической значимости. Не может быть сильной России без государственнического слоя политической и экономической элиты. В сегодняшней элите, по экспертным

оценкам, лишь 15% ее состава реально заинтересованы в модернизации страны[1].

Приверженцы высокотехнологичного сектора экономики – социальная опора инновационного развития страны. Сердцевиной реализации стратегии инновационного прорыва является возрождение высокотехнологичного комплекса России, который способен стать локомотивом в осуществлении модернизационного проекта. Экономический успех может быть основан только на новых знаниях (фундаментальных и прикладных), новых технологиях и методах их ускоренного освоения в производстве, оптимизации системы вовлечения в производство нового поколения специалистов, способных создать на производстве высокоинтеллектуальную среду, ориентированную на наукоемкие технологии.

Несмотря на глубокий экономический кризис, затронувший в значительной мере российскую оборонную промышленность и весь высокотехнологичный комплекс, он сохранил свой потенциал, его кадровый состав все еще способен генерировать технологические идеи и создавать на их основе новейшее поколение техники и технологии, превосходящие существующие мировые стандарты. Особо следует отметить, что российское машиностроение, входящее в структуру высокотехнологичного комплекса продолжает сохранять позиции в таких сферах как ракетостроение, военное авиастроение, космическая техника, судостроение, энергомашиностроение, ядерная энергетика.

Модернизационный проект, вытекающий из стратегии инновационного развития страны, требует, чтобы именно эти и другие высокотехнологичные отрасли стали ведущими и определяющими в структуре всей российской экономики. Решению этой задачи, помимо сугубо экономических факторов, мешает сложившаяся система социальных отношений, в основе которой личная заинтересованность значительной части российского бизнеса в лице крупных корпораций минерально-сырьевого комплекса, ориентированных на экспорт сырья, а также значительных слоев населения, занятых в их производственной деятельности и дальше способствовать сохранению лидирующего положения в российской экономике сырьевого сектора, его монопольному положению. Положение усугубляется и тем, что в структуре высшей иерархии политической власти слишком прочны позиции сырьевого комплекса, являющегося на данный момент основным источником поступления в страну золотовалютных средств.

[1] См. Интервью руководителя Института современного развития И.Юргенса // «Московский комсомолец», 2009, 18 ноября.

Смыкание высших слоев управленческого аппарата страны с представителями крупнейших сырьевых монополий обуславливает то, что интересы высокотехнологичных секторов в политическом отношении защищены в меньшей степени.

Исходя из стратегических интересов страны резко актуализируется необходимость выдвижения основополагающего стержня стратегии развития российской экономики не минерально-сырьевого комплекса, а высокотехнологичного комплекса, продвижения в этих целях в структуры политической власти его представителей, выступающих носителями идеологии наукоемкой экономики, общества знания.

Для достижения этой цели необходима не только политическая воля со стороны высшего руководства, но и укрепление политических позиций высокотехнологичных секторов экономики, постоянная поддержка активности его представителей в системе властных отношений и в обществе.

Результаты социологических исследований свидетельствуют, что общественное мнение позитивно воспринимает необходимость превращения минерально-сырьевых монополий, с одной стороны, в источник инновационных инвестиций, необходимых для технического переоснащения высокотехнологичного комплекса, оборонной промышленности, научно-технологической базы машиностроения, характеризующейся большой степенью физического износа и морального старения. С другой стороны, в источник, обеспечивающий наукоемкие предприятия заказами на производство высокотехнологичного оборудования для нужд самих естественных монополий.

Реализация такого курса позволяет решать стратегическую задачу обеспечения технологической и эксплуатационной безопасности предприятий минерально-сырьевого и топливно-энергетического комплексов и получить значительные инвестиционные средства для возрождения и развития российского высокотехнологичного промышленного комплекса.

Приоритетность в развитии высокотехнологичного комплекса актуализирует потребность в научном анализе тех трудностей и проблем в социальной и социально-политических сферах функционирования российских корпораций, которые негативно сказываются на процессе инновационного развития российской экономики. Особого внимания в этом плане заслуживают противоречия между бизнесом и властью, между бизнесом и обществом, а также противоречия формируемые внутри предпринимательского сообщества, обусловленные спецификой предпринимательской деятельности.

Проблема достижения оптимальности в системе отношений бизнеса и власти, в развитии корпоративного капитала имеет принципиальный характер.

Вопрос стоит о необходимости отхода, прежде всего, от двух крайностей. Во-первых, от усиления роли государства в сфере бизнеса, под которой скрывается стремление к укреплению бюрократического аппарата и расширению возможностей принятия им решений вне контроля общества. Во-вторых, от отказа от регулирующей роли государства в хозяйственной сфере и курса на сокращение государственного участия в экономике как главном ресурсе экономического роста.

В зависимости от того, какая точка зрения получает в тот или иной период наибольшее распространение в верхнем эшелоне государственной власти, во многом зависит система отношений бизнеса и институтов государства, атмосфера в бизнес-среде, а также наличие или отсутствие угроз для безопасного развития бизнеса, исходящих от управленческого чиновнического аппарата.

Зависит это не только от субъективных позиций социальных групп, но и от тех объективно складывающихся в обществе условий, которые и определяют вектор его развития. Исходя из этого, двойственность в отношениях власти и общества к бизнесу носит объективный характер. Доминирование корпоративного бизнеса в российской экономике не свидетельствует, однако, о его сплоченности. Внутри него постоянно идет перегруппировка. Борьба идет за сферы экономического влияния, за овладение хозяйственно-экономическими субъектами, осуществляемое в ходе конкурентного состязания. На особом месте находится борьба за превалирование в политическом процессе, за расширение своего влияния на власть. Это не только результат личных амбиций руководителя бизнес-групп, но и отражение глубинных противоречий, присущих современному бизнес-сообществу России.

Социологический анализ структуры предпринимательского сообщества показывает, что предприниматели, олицетворяющие собой крупный капитал, представляют собой разнородную социальную группу, поскольку дифференцированы и по масштабам деятельности, и по способам получения собственности, и по доходу, и по политическим ориентациям.

Многое в деятельности предпринимательского сообщества зависит от взаимоотношений в своей среде, от формирования группового самосознания, от приверженности к корпоративной идеологии, от восприятия обществом крупного корпоративного бизнеса, от характера его отношений с властью.

Состояние конкурентной среды всегда накладывает отпечаток на характер взаимоотношений внутри бизнес-сообщества как социальной группы, порождая внутри него определенные противоречия. Эти **внутрикорпоративные противоречия**, обусловленные конкурентной борьбой, имеют в своем

генезисе, прежде всего, **экономическую основу.** Несмотря на то, что отдельные из них в тот или иной период приобретают острый характер, выплескиваясь на все общество, все же, имея внутрикорпоративный характер, они непосредственно не затрагивают интересы основных социальных групп населения и не могут носить долговременный характер.

Гораздо большей длительностью отличаются противоречия, формируемые в процессе взаимодействия бизнеса и власти, бизнеса и общества, в генезисе которых на передний план выходит **политическая основа.**

К ним, прежде всего, относятся противоречия, обусловленные:

– недостаточной легитимностью первоначального этапа формирования корпоративного капитала;

– внутриэлитной борьбой, столкновением интересов бизнес-групп за влияние на власть;

– разным видением долговременной стратегии развития России, включенности ее в мировую экономику, в систему ВТО;

– борьбой за бюджетные финансовые потоки, приоритетность в обеспечении своих финансовых интересов.

Эти противоречия во многом вытекают из особенностей процесса формирования российского бизнеса, тех социальных и социально-политических условий, в которых идет его развитие. **Более фундаментальный характер носят противоречия, имеющие не только политическую основу, но и социальную природу.**

К ним, прежде всего, относятся противоречия, обусловленные:

– социальным разрывом между верхним слоем бизнеса и основной частью бизнес-сообщества;

– социальным разрывом между верхним слоем корпоративной бизнес-элиты и обществом (в лице основных социальных групп населения);

– социальным разрывом между высшим слоем менеджмента крупных корпораций и основной частью их производственных коллективов;

– различиями внутри корпоративного сообщества в подходах к стратегии и механизмам реализации социально-экономической модернизации России.

Особое место занимают противоречия между крупным корпоративным бизнесом и остальными сегментами бизнеса в их борьбе за внимание государства к своим интересам, за приоритетность в их обеспечении.

Финансово-экономический кризис показал, что вопрос о роли крупного корпоративного бизнеса, его влиянии на систему социальных отношений в

обществе, на политический процесс очень важен. Особенно актуален он в условиях разработки и осуществления государственной политики по выходу из кризиса, уточнении позиций в отношении различных сегментов корпоративного бизнеса, так как в реализации стратегии инновационного развития ведущая роль принадлежит корпоративному бизнесу. Корпоративный капитал в лице крупных корпораций и их объединений есть самая важная составляющая современного российского бизнеса[1].

Оценивая потенциал и возможности корпоративного бизнеса в реализации экономического развития России, академик РАН Д.С.Львов обозначал его в качестве «опорного звена российской промышленности»[2].

Корпоративный бизнес с системой корпораций, холдингов, других объединений оказывает многогранное влияние на развитие конкуренции, стимулируя стремление к развитию, техническому перевооружению, к постоянной модернизации корпоративного управления. Только на основе развивающихся корпораций промышленность России может сформировать мощные производственные комплексы, которые смогут достойно выдержать конкуренцию со стороны Запада.

Корпоративный бизнес восполняет недостающие в российской экономике механизмы межотраслевого перераспределения ресурсов. Соперничество между корпорациями, работающими в одной сфере хозяйствования, порождает их заинтересованность в модернизации своего производства. Крупные корпоративные объединения, стремясь к занятию ключевых позиций в сфере своей хо-

[1] Организационно корпоративный бизнес есть совокупность разного рода корпораций. В экономической науке термин «корпорация» употребляется как синоним понятия компания, а также в значении хозяйствующего субъекта, капитал которого образован долевым участием нескольких лиц (юридических и/или физических); как интегрированная структура, особым образом упорядочивающая имущественные отношения участников при совместном ведении бизнеса; или как надфирменное образование (оформленное организационно как концерн, холдинг, группа компаний, бизнес-альянс и др.), концентрирующее права собственности и контроля над деятельностью многих предприятий, поэтому ограниченную самостоятельность». Методологически более предпочтительной представляется интерпретация понятия «корпорация» в качестве «объединение юридических лиц – хозяйствующих субъектов – в организацию, представляющую собой структурированную группу участников, вступающих в согласованные и скоординированные организационно-экономические и управленческие отношения по поводу формирования и использования акционерной собственности для достижения желаемого результата как синергетического (усиливающегося) эффекта интеграционного воздействия». См. Динамика корпоративного развития. М., 2004. С.30.

[2] *Львов Д.С.* Экономика развития. М., 2002. С.422.

зяйственной деятельности, выступают в качестве локомотива, дающих мощный импульс в развитии производственного потенциала российской экономики.

Принципиально важным в условиях перехода России на инновационный путь развития является способность корпораций обеспечивать масштабный провыв в технологическом перевооружении производства, реализовать внедрение новейшей техники, находящейся на острие технического прогресса. В современной мировой экономике все крупные программы капиталовложений негосударственного сектора реализуются крупными корпорациями. Работает универсальный принцип: есть крупные корпорации – есть крупномасштабные программы капиталовложений, и в том числе в крупные инвестиционные проекты по внедрению новейших технологий в производство. Нет крупных корпораций, – нет и крупных программ капиталовложений в частном секторе[1].

Крупные затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы являются одним из важнейших условий получения сильных конкурентных позиций на рынке. Именно крупные и сверхкрупные корпорации тратят обычно огромные средства на инновации не только на этапе внедрения уже созданных технологий и новых продуктов, но и на этапе их разработки.

Таким образом, российская экономика может существовать и развиваться в качестве самостоятельного образования, имеющего свои собственные цели и приоритеты, а не быть филиалом зарубежной экономики только при формировании мощной системы корпоративных объединений, нацеленных на обеспечение общенациональных хозяйственных интересов страны.

В крупных корпорациях современной России сосредоточены самые дееспособные предприятия ведущих отраслей промышленности, они дают основную часть поступлений в бюджет, их экспорт обеспечивает положительное сальдо платежного баланса. От их дальнейшего развития во многом зависят место и авторитет страны в глобализирующемся мире. Поскольку усиление влияния крупных корпораций отвечает общемировым тенденциям, в «корпоратистском» направлении развитие российской экономики подталкивают и внешние факторы[2].

Принципиальная значимость для России корпоративного производственного потенциала во многом обусловлена и таким фактором как масштабность страны. В условиях больших стран наличие в них крупных корпо-

[1] См. Корпоративный бизнес в политическом процессе региона: противоречия, тенденции развития. М., 2004. С.9–11.

[2] См. *Перегудов С.П.* Корпоративный капитал и институты власти: кто в доме хозяин? // «ПОЛИС». 2002, №5. С.75–76.

раций гарантирует экономическую целостность рынка и препятствует его распаду на региональные субрынки. Наличие в дореволюционной России системы крупных трансрегиональных производственных образований способствовало тому, что страна сумела преодолеть центробежные стремления, проявившиеся в годы гражданской войны в период установления в России власти Советов.

В период президентства Б.Ельцина естественные монополии и крупные производственные комплексы, создававшиеся во времена СССР, удержали Россию от распада в середине 90-х гг., во многом способствовали нейтрализации проявлений сепаратизма, сковыванию центробежных сил, активизировавшихся к концу ельцинского президентского срока.

Развитие в нынешней России крупных корпораций, их устремленность к проникновению в экономическое пространство стран СНГ обеспечивает не только целостность российского рынка, но и позволяет вести интеграционную политику.

Эффективность крупной корпорации проявляется в наибольшей мере лишь тогда, когда составляющие ее предприятия интенсивно взаимодействуют между собой и дополняют друг друга. Это ведет к тому, что экономическая мотивация становится тем фундаментом, который может обеспечить политическую интеграцию российской экономики в мировое экономическое пространство.

Значимость корпоративного бизнеса в осуществлении стратегии инновационного развития определяется, прежде всего, той ролью, которую он играет в экономике страны, выступая в качестве «опорного звена» российской промышленности, обеспечивающего сохранение целостности хозяйственного механизма страны.

При определении политического веса корпоративного бизнеса **важное значение имеет также его возможность воздействовать на направленность принимаемых в стране политических решений и обеспечивать их воплощение в жизнь.**

Анализ конкурентной среды корпоративного бизнеса показывает, что конкуренция в нем характеризуется, с одной стороны, олигополией – сосредоточением производства однородной продукции в трех-четырех крупнейших компаниях, а с другой стороны – своеобразной двусторонней монополией, когда на рынке продукции есть один продавец и один покупатель[1].

[1] См. Динамика корпоративного развития. М., 2004. С.83–84.

Важнейшей особенностью современного корпоративного бизнеса является создание новых структур, выступающих «симбиозом» акционерных обществ и федеральных государственных предприятий – государственных корпораций. Глава государственной корпорации «Российские технологии» С.Чемезов, обосновывая необходимость создания госкорпораций, поясняет, что сегодня в экономике страны есть ряд чувствительных для государства отраслей, требующих особого внимания. Это авиационная, судостроительная промышленность, энергомашиностроение, станкостроение, нанотехнология, оборонно-промышленный комплекс. Им нужны перспективные разработки, передовые технологии и умение работать на внешних рынках. Раздробленные предприятия не имеют возможности проводить масштабную самостоятельную кредитную, инновационную политику, модернизацию производства на основе передовых научно-технических достижений. Необходима концентрация в единый структурный кулак интеллектуальных, финансово-производственных и кадровых ресурсов, обеспечиваемых в рамках госкорпораций. «Госкорпорации, – подчеркивает С.Чемезов, – это надежная узда, сдерживающая безудержную рыночную стихию, погоню за сверхприбылями даже в ущерб стратегическим интересам страны»[1].

Значимость создания госкорпораций во многом определяется и тем, что только государство может быть эффективным защитником интересов крупного бизнеса, отстаивать его позиции в планетарном масштабе. Выступая в качестве определяющего собственника в структуре госкорпораций, государство напрямую заинтересовано в защите их устремлений на мировых рынках, в отражении нападок на них со стороны других государств.

Однако главная задача государства не просто владеть госкорпорациями, защищая их собственность, а передавая управление ими профессиональным менеджерам, обеспечивать получение прибыли в целях использования ее в интересах развития экономики страны, всего российского общества, а не узкого слоя собственников, менеджмента управленческих структур и чиновничества.

Из этого следует, что основное предназначение госкорпораций при их создании состояло не только в том, чтобы обеспечить технологический прорыв в формировании производственного потенциала страны, но и стать ядром всей российской экономики. **В социально-политическом плане главное предназначение госкорпораций – это создание для государства социально-политической опоры внутри корпоративного бизнеса, создание того социального слоя в лице высшего звена менеджеров госкорпораций и работающего**

[1] «Российская газета». 2007, 3 октября.

в них персонала, которые были бы ориентированы, прежде всего, на укрепление в экономике страны стратегических позиций государства, а не на получение коммерческой выгоды в интересах небольшого слоя экономической элиты.

В стратегическом плане госкорпорации – это противовес компрадорской части корпоративного бизнеса, сужение его экономических и политических возможностей, разворота его в русло интересов России.

Принципиальное значение при этом имеет то, чтобы работа госкорпораций не сказывалась отрицательно на развитии конкуренции в стране, на экономической безопасности остальной части корпоративного бизнеса, его финансовой защищенности.

Но самое главное состоит в том, чтобы работа госкорпораций не переродилась в систему экономических отношений, основанную не на равной конкуренции всех секторов экономики, а на превалировании госсобственности, формирующей в стране режим госкапитализма. Неслучайно в Послании Федеральному собранию Президент РФ Д.А.Медведев 12 ноября 2009 г. особо остановился на вопросе о госкорпорациях. «Я считаю эту форму в современных условиях в целом бесперспективной, – заявил президент. – В дальнейшем они (госкорпорации) сохранятся в государственном секторе, там, где это необходимо, или будут реализованы частным инвесторам»[1].

Все это свидетельствует о сложности нахождения оптимальности в отношениях между секторами экономики, базирующимися на частном капитале и хозяйствующими субъектами с преобладанием в них госсобственности, между корпорациями ориентированными на экспорт сырья и корпорациями, занятыми в промышленном производстве.

Корпорации с государственным участием смогут стать определяющими в бизнес-сообществе и основными субъектами в реализации стратегии инновационного развития российского государства только тогда, когда смогут обеспечить более высокую производительность труда, по сравнению с другими хозяйственно-экономическими субъектами, иметь наиболее передовые технологии управления, приумножать свой социальный капитал, отвечающий требованиям экономики знания.

Таким образом, в условиях перехода страны к реализации стратегии инновационного развития, повышение роли корпоративного бизнеса, ориентированного на сферу высоких технологий, упрочение его позиций в системе социа-

[1] Послание Президента РФ Федеральному собранию 12 ноября 2009 г. См. //http: kremlin.ru./transcripts/5979

льно-экономических и политических отношений есть путь к укреплению стержневой основы всей российской экономики, успешному выводу ее из кризиса.

Поворот к стратегии модернизации очень непрост, для его осуществления особую роль играет мобилизация социальных и политических усилий ведущих субъектов инновационного развития страны в лице государственнического слоя управленческой и политической элиты страны и ориентированного на национальные интересы слоя бизнес-элиты.

II Демографические перемены

ОЦЕНКИ МИГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В конце XIX–начале XX веков термин «потенциал» фигурировал лишь в физико-математических науках и использовался при изучении электрических и магнитных явлений. Позднее это понятие получило «прописку» в социальных науках. Вслед и наряду с «трудовым потенциалом» появились такие понятия как человеческий, демографический и миграционный потенциал. Категория «миграционный потенциал» стала крайне актуальной в конце прошлого века. Она привлекла внимание демографов, которые уже в первой половине 1990-х гг. предприняли попытки оценить миграционный потенциал ближнего зарубежья, возникшего в результате развала Советского Союза. Но не только в первой половине, но и все 90-е гг. в работах, где речь шла о миграционном потенциале, даже если этот термин не упоминался, но все равно это явление имелось в виду, речь шла о численности населения, проживавшего в странах ближнего зарубежья, не зависимо от того, относилось ли оно только к русским, или русскоговорящим, или ко всем титульным народам России, или даже ко всем бывшим гражданам СССР.

Объединяющим признаком для всех приведенных выше высказываний была численность той или иной совокупности населения, в основе формирования которой лежит либо этнический признак в чистом виде, либо этнический признак в комбинации с языковым, либо геополитический в сочетании с этническим. У всех исследователей численность населения, независимо от его этнической и иной принадлежности, служила критерием определения миграционного потенциала. Но количественная мера – это лишь необходимое условие, отнюдь еще недостаточное для определения реальной величины миграционного потенциала. Это, по сути, величина «теоретического миграционного потенциала», которая для различного времени и для разных групп населения, может весьма существенно отличаться от его реальной величины.

Значительно больше понятию «миграционный потенциал» повезло уже в начале XXI века. Правда, и в новом столетии почти все, кто соприкасался с этой проблематикой, не пытались дать определение миграционному потенциалу. А.Г.Гришанова пришла к выводу, что этот термин используется без его смыслового наполнения. Она показала, что лишь в двух источниках дается определение этого понятия[1]. Один из авторов, исследующих миграционный потенциал стран ближнего зарубежья, В.И.Мукомель, дал следующее определение миграционному потенциалу. Миграционный потенциал соотечественников – максимально возможная на данный момент численность потенциальных мигрантов, которые могут выехать из страны проживания при условии сохранения значимости и структуры выталкивающих и привлекающих факторов»[2]. Но понятие «соотечественники», по сути, не определено до сих пор, что лишает эту дефиницию инструментальности.

В определении миграционного потенциала, данном в «Демографическом понятийном словаре»[3], говорится, что этот термин стал применяться для оценки возможных к переселению в Россию из ближнего зарубежья соотечественников (та же неопределенность), оставшихся там после образования независимых государств. Это понятие трактуется неоднозначно. В частности, в качестве миграционного потенциала принимается либо все русскоговорящее население, проживающее в ближнем зарубежье, либо только титульные для России национальности, либо те, кто является в этих странах мигрантами, всех лет вселения туда из России (не их уроженцы), либо те, у кого социологические опросы выявили установки на миграцию в Россию.

Для структурирования населения с целью включения его в миграционный потенциал нужны определенные критерии. Их может быть несколько. Прежде всего, это – «страновой» критерий, при отсутствии которого миграционный потенциал для России или любой другой страны был бы равен всему населению земного шара. У каждой страны может быть свой миграционный потенциал, находящийся в государствах, исторически связанных с нею. Франция, например, тесно связана в миграционном отношении с франкоязычными арабскими странами Северной Африки (Тунисом, Алжиром и Марок-

[1] *Гришанова А.Г., Макарова Л.В. и др.* Миграционный потенциал стран нового зарубежья. М., 2007.

[2] *Мукомель В.И.* Миграционный потенциал и перспективы иммиграции соотечественников из государств СНГ и Балтии // «Этнология». 2001. №3.

[3] Демографический понятийный словарь. М., 2003.

ко), Великобритания – с англоязычными государствами бывшей Британской империи и т.д. Это же относится к Голландии, Испании, Португалии, Германии, которые в прошлом обладали обширными колониями. Преимущественное право эмиграции в Японию имеют, проживающие, например, в Южной Америке выходцы из этой страны и их потомки в разных поколениях. Всюду в основе лежит признак исторического общения населения донора с населением реципиента (родственные связи, знакомство с культурой, языком и др.).

У современной России ее миграционный потенциал сосредоточен в первую очередь в государствах, возникших на постсоветском пространстве, т.е. это бывшие союзные республики, а ныне страны ближнего или иначе нового зарубежья. Но и в некоторых странах дальнего (старого) зарубежья, в основном граничащих с Россией, также возможен определенный миграционный потенциал. К числу этих стран относятся, прежде всего, Китай и Северная Корея. С ними Россия уже более чем 150 лет взаимодействует в дальневосточных регионах. Сразу же с заселением Приморья и Приамурья туда устремились в поисках заработка, а порой и нового места жительства китайцы из Северо-Восточных провинций и особенно корейцы. Тех и других в южных районах Дальнего Востока всегда были десятки тысяч. Еще во второй половине 1930-х гг. на Дальнем Востоке проживало от 150 до 170 тыс. китайцев и корейцев.

После войны на Дальнем Востоке, включая Камчатку и Сахалин, вновь стали формироваться китайские и корейские диаспоры. Перепись населения 2002 г. зафиксировала в числе постоянных жителей Дальнего Востока 9,7 тыс. китайцев (28% от их числа по России в целом) и 62 тыс. корейцев (свыше 40%). В свою очередь в XX веке многие выходцы из России проживали в Китае. После гражданской войны несколько сотен тысяч бывших белогвардейцев и мирных граждан переселились в Китай. По некоторым данным ныне в Китае проживает более 100 тыс. русских. Добавив сюда трудовых мигрантов и туристов из обеих стран, получится их довольно тесное миграционное взаимодействие. То же самое можно сказать и о связях с Северной Кореей. Следовательно, при определенных условиях и часть населения стран дальнего зарубежья может представлять миграционный потенциал для России.

Другой критерий – этнический. Это – наличие одинаковых этносов у доноров и реципиентов. Наиболее наглядный пример – это миграционный потенциал государства Израиль, куда едут евреи со всего мира. У России миграционный потенциал сконцентрирован в государствах ближнего зарубежья. Там в 1989 г. насчитывалось только русских 25,3 млн человек, часть которых в 1990-е гг. – первые годы XXI века мигрировали в Россию. Но это относится

не только к русским. Возвращались в Россию также татары, ингуши и другие титульные для нее национальности. Более того, население России пополнялось и титульными для стран ближнего зарубежья народами (см. табл. 1).

Таблица 1

Результаты миграционного обмена России и стран нового зарубежья титульным населением

1991–2005 гг., сальдо миграции, человек

Национальности	1991–1995	1996–2000	2001–2005
Русские	1732001	3193445	305863
Украинцы	94982	-33012	10812
Казахи	17402	3744	-6902
Белорусы	-6342	-44358	-2968
Молдаване	6257	5762	3269
Узбеки	7850	5264	4431
Киргизы	1426	-1921	2268
Таджики	21072	35768	4569
Туркмены	2061	-1874	652
Литовцы	-367	-1576	20
Латыши	409	120	-1
Эстонцы	79	-39	-9
Азербайджанцы	42415	62193	4053
Грузины	36231	51592	4111
Армяне	108541	175180	16973
Всего титульных	310496	190243	41439

Примечание: Сальдо миграции с плюсом – приток в Россию, с минусом – отток из России.
Источник: Центр социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН.

Данные табл. 1 позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, по мигрантам не всех национальностям Россия имела однозначные результаты. Так, белорусы и литовцы в основном покидали Россию, частично это относится и к украинцам, киргизам, туркменам. Во-вторых, в целом титульные для стран ближнего зарубежья национальности увеличили население России за 15 лет (1991–2005) всего на 542 тыс. человек, тогда как за счет русских оно возросло на 5231 тыс., т.е. почти в 10 раз больше. В-третьих, основными национальностями, увеличившими население России были армяне (300,7 тыс.), азербайджанцы (108,7 тыс.), грузины (91,9 тыс.), украинцы (72,7 тыс.) и таджики

(61,4 тыс.). Народы Прибалтики практически не оказали никакого влияния на изменение национального состава населения России. В-четвертых, самым урожайным для России было второе пятилетие, т.е. 1996–2000 гг., на которое приходится свыше 60% русских, вселившихся в Россию. Доля этого пятилетия в приросте титульных для стран ближнего зарубежья народов составила 1/3, тогда как в пятилетие 1991–1995 гг. – более 57%.

Сведения о численности русских, оставшихся в ближнем зарубежье, дает последняя советская перепись населения (1989). Сделать сколько-нибудь точную оценку их нынешнего количества невозможно, так как. переписи населения проводились с 1995 по 2004 гг., т.е. в разные годы в разных странах. В 1989 г. численность русских, проживавших в бывших союзных республиках, составляла 25,3 млн человек. В странах, приводимых в табл. 1, в 1989 г. было 21,2 млн русских или 83,8% их общей численности в ближнем зарубежье. В этих странах в разные годы были проведены переписи населения. Используя эти данные, с помощью несложных операций была пересчитана численность русских по состоянию на начало 2001 г. Она составила 14,8 млн человек, что для всего ближнего зарубежья дает цифру 17,7 млн человек.

Простая экстраполяция меры сокращения численности русских для периода 2001–2006 гг. не может быть принята, исходя из темпов их уменьшения (к 2001 г. численность сократилась до 70% к уровню 1989 г.), в связи с тем, что приток русских в Россию резко сократился. Если в 1989–2000 гг. сальдо миграции русских в России было 3628 тыс., то в 2001–2006 гг. – только -369 тыс., что в пересчете на год дает соответственно 302 и 62 тыс. человек. Миграционный прирост в 2001–2006 гг. примерно в 5 раз меньше, чем в 1989–2000 гг. Расчеты показывают, численность русского населения, проживающего во всех странах ближнего зарубежья сократилась с 1989 по 2007 гг., т.е. за 18 лет с 25,3 млн до 17 млн или на 8,3 млн человек.

Возможен и другой расчет. Согласно статистическим данным о миграционном движении населения, в течение 1989–2006 гг. в Россию из ближнего зарубежья вселилось 4 млн русских. Другая часть потерь русских в эти годы приходится на естественную убыль, ее масштабы, если исходить из российской динамики, видимо составляют не менее 1,5 млн. Сравнительно небольшое количество (несколько десятков тысяч человек) – это эмигранты, выехавшие за пределы ближнего зарубежья, а остальные 2,5 млн человек – те, кто сменили национальную принадлежность (только в Украине таких среди русских оказалось 1,8 млн, в Казахстане – 450–500 тыс. и т.д.). Все вместе взятое дает сокращение численности русских в 8,5 млн человек. Следова-

тельно, 17 млн русских в составе населения стран ближнего зарубежья – это, скорее всего, возможный максимум, в действительности их, вероятно, меньше – 16,5 млн человек.

Все, что сказано о миграционном потенциале русского населения относится в равной мере и к другим титульным для России народам, оставшимся после распада СССР в государствах ближнего зарубежья. На начало 1989 г., согласно переписи населения, за пределами России в других союзных республиках проживало: татар (1126,7 тыс. человек), лезгин (208,7 тыс.), осетин (195,7 тыс.) и башкир (103,8 тыс.) более 1,6 млн человек. Другую группу составляли мордва (81,1 тыс.), чуваши (68,7 тыс.), аварцы (57 тыс.), удмурты (32 тыс.), марийцы (27,2 тыс.), ингуши (22,3 тыс.) и лакцы (11,9 тыс.). Их всего – 300 тыс. человек. Среди остальных (самая большая группа) каждая национальность насчитывает не более 10 тыс. человек. Так, калмыков проживало за пределами России в других союзных республиках 8 тыс., бурятов – 4 тыс., карелов – 6 тыс. и т.д. Тувинцев, чукчей, коряков, эвенков, ненцев и других малочисленных народов Севера за пределами России было по нескольку сот или даже десятков человек.

В целом 40 титульных для России народов, сведения о которых опубликованы Госкомстатом РСФСР в 1990 г., все вместе насчитывают 1960,6 тыс. человек. С учетом остальных, еще более малочисленных народов, общая численность проживавших в 1989 г. за пределами России в государствах ближнего зарубежья титульных для неё национальностей составляла примерно 2 млн человек.

Оценить численность этих титульных для России народов, проживавших в ближнем зарубежье можно по аналогии с расчетами, выполненными по русским. Для этого надо сократить численность титульных для России народов, проживающих за ее пределами, на тот же темп, который получен по русским, т.е. на 0,838. Однако в расчеты надо внести одну корректировку, поскольку, в отличие от других народов, численность татар в ближнем зарубежье в период с 1989 по 2001 гг. существенно возросла, главным образом, за счет выезда в Крым татар из России (их численность в Украине с 1989 по 2001 гг. увеличилась с 72,7 тыс. до 248,2 тыс. человек). Крымские татары не расположены к возвращению назад. Если численность татар уменьшить хотя бы на 200 тыс. человек, то в ближнем зарубежье окажется титульных народов без русских 1,8 млн. Умножив это число на коэффициент сокращения численности русских в 1989–2000 гг., т.е. на 0,838, получим 1,5 млн человек. В таком случае, совокупная численность русских и других титульных для России

народов, проживающих в ближнем зарубежье, составляет 18 млн человек. Это, по сути, теоретический миграционный потенциал для России из числа русского и других титульных российских народов, проживающих в странах ближнего зарубежья.

Помимо титульных для России народов в миграционный потенциал может входить также часть населения титульного для стран ближнего зарубежья. Формирование населения России за счет титульных народов стран ближнего зарубежья во многом зависит от их численности, а также от уровня миграционной подвижности и социокультурной совместимости с государством реципиентом. Так, в структуре населения России велика доля украинцев (более чем 2,2%), белорусов (0,6%), казахов (почти 0,5%) и азербайджанцев (свыше 0,4%). В это же время узбеков в собственной стране проживает 17,1 млн человек, что в 2,1 раза больше, чем казахов в Казахстане и в 2,4 раза больше чем азербайджанцев в Азербайджане, а их участие в формировании постоянного населения России меньше в 5,3 раза, чем казахов и в 5 раз меньше, чем азербайджанцев. Это связано с различной миграционной активностью населения и страновой направленностью миграционных потоков. К числу тех, кто составляет менее 2% по отношению к остальному титульному населению, проживающему в своей стране, относятся узбеки, киргизы, туркмены и литовцы. Другую группу в 2–3% образуют латыши, таджики и эстонцы, затем следуют грузины, казахи, украинцы и белорусы. Самыми активными в формировании населения России выступают армяне. Их почти 36% проживает в России относительно их численности в Армении.

Анализ данных о распределении титульных народов стран ближнего зарубежья в зависимости от их численности и участия в формировании населения России, свидетельствуют, что остаточный миграционный потенциал к настоящему времени сохраняется лишь в Беларуси, Украине, Казахстане, Узбекистане, Армении, Грузии и возможно Таджикистане. Судя по динамике численности титульных народов этих стран, их остаточный миграционный потенциал для России невелик и едва ли составляет несколько млн человек. К тому же численность титульного населения Украины и Беларуси, основных в прошлом доноров России в ее населении, последние 15 лет сократилась. Беларусь сама осуществляет политику возвращения на родину этнических белорусов, что ей удается, судя по миграционным потокам из России. Народы Средней Азии, несмотря на значительный рост их численности и, тем более, народы Прибалтики, численность которых сокращается, не могут представлять сколько-нибудь значимого миграционного потенциала для России.

Таким образом, 18 млн русских вместе с другими титульными для России народами, оставшимися к настоящему времени в странах ближнего зарубежья, а также часть титульных народов этих государств (видимо, не более 7% их численности, ныне их столько в населении России) составляют все вместе величину миграционного потенциала.

Чтобы оценить реальную, т.е. возможную для использования, величину миграционного потенциала, должен быть учтен еще ряд других параметров, среди них – половозрастная структура населения и генезис его формирования. За время, истекшие после образования независимых государств на постсоветском пространстве, прошло 17 лет. За это время у титульных народов России, в том чмсле и русских, проживающих за пределами своей родины, родилось примерно 1,5 млн человек. Это уже люди, у которых формируется менталитет иной, чем он был прежде у советских людей в единой стране. Социализация многих поколений детей в странах ближнего зарубежья, наступившая с начала 90-х гг. у рожденных до распада СССР детей и достигших того или иного возраста, проходила в иных социально-экономических и политических условиях как по сравнению с Россией, так и по сравнению друг с другом. Добавим сюда тех, кто вступил в пенсионный возраст и достиг 60–75 лет, и получим совсем иную социальную совокупность населения.

Со времени распада СССР за пределами России сформировалось новое поколений людей из числа тех, кто родился в эти годы уже в новых социально-политических условиях. Эта группа, дети разного возраста составляют не менее 15% всего населения. Другая группа поколений, родившихся в 1976–1990 гг., пройдя социализацию в новых условиях, существенно пополнила трудовые ресурсы соответствующих стран. Лица этого возраста составляют примерно четверть всего населения и 2/5 трудовых ресурсов. Это население интегрировалось в отличном от российского социуме, значительная его часть самостоятельна в экономическом отношении, состоит в браке и притом не всегда с лицами свой национальности (кстати, у лиц семейных ниже миграционная активность, чем у одиноких), участвует в политической и общественной жизни тех государств, гражданами которых они являются. Обе эти группы (0–14 и 15–29 лет) составляют примерно 40% численности населения соответствующих стран ближнего зарубежья.

Одновременно, из того населения, которое в наибольшей мере придерживалось менталитета, общего для всех проживавших в СССР, существенная доля (1/3 населения трудоспособного возраста) перешла в состав пенсионеров. Не составляя значимой величины трудовых ресурсов, они не могут рас-

сматриваться и как необходимый миграционный потенциал. Среди всего населения у них наиболее низкая миграционная подвижность. К тому же в ряде стран размер пенсии больше, чем в России и пожилые люди на старости лет вряд ли без сильного «допинга» решатся на такой ответственный шаг как иммиграция в другую страну, где потребуются большие усилия и средства, чтобы интегрироваться в новый социум, обжиться на новом месте.

Следует добавить, что каждый год увеличивается в населении стран ближнего зарубежья доля тех, кто вырос вне единого государства, в ином социуме, а также сокращается среди трудового потенциала удельный вес бывших граждан Советского Союза, т.е. тех, для кого иммиграция в Россию – это переезд на историческую Родину. В настоящее время миграционный потенциал для России в странах ближнего зарубежья с учетом возрастной динамики и ее социальной трансформации намного меньше, чем 18 млн человек. Анализ структурных сдвигов и динамики численности титульных российских народов, проживающих в ближнем зарубежье, позволяет с долей условности предположить, что величина миграционного потенциала, который по своим характеристикам нужен России и одновременно при определенных условиях способен стать таковым, не превышает 50%, т.е. он ныне не более 8–9 млн человек.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОТЕНЦИАЛ

Широкое понимание диаспоры предполагает рассмотрение «этнической группы, проживающей вне исторической родины или основного ареала расселения»[1]. В узкой трактовке в дополнение к этим признакам выдвигается определенная институциональная структура, помогающая этносу сохранять идентичность, язык и культуру. Российский социолог Ж.Тощенко понимает под диаспорой устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, живущих в иноэтническом окружении за пределами исторической родины (или вне ареала расселения своего народа), имеющих социальные институты для развития данной национальной общности[2].

Другие исследователи предполагают, что наиболее типичными чертами диаспоры являются рассеяние по отношению к родине, коллективная память и мифологизация утраченной родины, возвратная миграция (репатриация), чувство солидарности с этническими собратьями и пр. Диаспора является вполне достаточной по количеству и демографическому составу для воспроизводства языкового, культурного и поведенческого стереотипа и состоит из представителей материнского этноса, отколовшихся от него вследствие переселения под влиянием экономического и политического развития общества[3].

Таким образом, современное понятие «диаспора» не соответствует классическому эквиваленту. Во-первых, феномен диаспоры нельзя понять без анализа различных компонент глобализации (современная диаспора–транснаци-

[1] *Авксентьев А.В., Авксентьев В.А.* Этнические группы и диаспоры Ставрополья. Ставрополь, 1997. С.7.

[2] См. *Тощенко Ж.* Диаспора как объект социальной политики // Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. М., 1997. С.80.

[3] *Илларионова Т.С.* Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспор). М., 1994. С.80.

ональная община) и, во-вторых, неотъемлемое условие изучения феномена диаспоры – процесс распознания различных типов диаспоры (т.е. необходимо определить, является ли страна происхождения диаспоры суверенной, является ли диаспора результатом добровольной миграции или вынужденного переселения и т.п.). Нами диаспора рассматривается не просто как часть народа, проживающего за пределами своей страны, имеющего с ней общие духовные, культурные и исторические корни и стремящегося к поддержанию разнообразных контактов с исторической родиной, но прежде всего как транснациональная сеть, находящаяся в стадии становления, но содержащая огромный социокультурный, общественно-политический и экономический потенциал[1].

Методологически достаточно сложно, а порой невозможно, выделить русских по этнической идентичности и россиян по гражданской принадлежности. Поэтому правильнее говорить о едином феномене российской диаспоры, которая объединена главным «цементирующим» фактором – русским языком. При этом нужно выделить несколько ключевых особенностей, свойственных российской диаспоре.

1. Современная российская диаспора сформировалась в уникальных условиях, не характерных ни для одной из современных диаспор. Основной причиной резкого роста численности диаспоры был распад СССР и образование на его месте новых государств, в которых по примерным оценкам живет 18–19 млн человек русских и представителей других народов России.

2. Второй причиной роста численности российской диаспоры стала мощная волна эмиграция из России. Крупнейшая часть диаспоры находится в США, Германии, Великобритании, Израиле и других странах. Основными каналами эмиграции и формирования диаспоры на протяжении последних лет был выезд на постоянное место жительства, трудовая миграция, учебная миграция, брачная миграция.

3. Российская диаспора этнически неоднородна и включает в себя представителей различных этнических групп – русских, евреев, татар, чеченцев и представителей многих других народов. Они сами и их часто называют «русскими», а статистика некоторых стран определяет как «выходцев из бывшего СССР». В Германии даже этнических немцев часто называют «русскими немцами».

4. Представителям российской диаспоры свойственна достаточно быстрая и успешная ассимиляция в принимающих странах. Россияне имеют

[1] Российская диаспора в странах СНГ и Балтии: состояние и перспективы. М., 2004. С.11.

высокий уровень образования, хорошо приспосабливаются к новым условиям. Например, по данным переписи США 2000 г. примерно 2,6 млн американских граждан назвали себя русскими, что на 300 тыс. меньше, чем в 1990 г. (по российским данным за это время в США эмигрировало не менее 100 тыс. человек). Сокращение численности русских было вызвано ассимиляцией – со временем многие мигранты стали считать себя американцами.

5. Российская диаспора характеризуется низкой степенью сплоченности и практически полным отсутствием этнической консолидации Районов компактного проживания «русских», а тем более замкнутых анклавов, практически не существует (исключением можно считать Брайтон-Бич в Нью-Йорке). Общественные организации, действующие за рубежом, выполняют функции «клубов по интересам» уже адаптировавшихся мигрантов, нежели оказывают реальную поддержку вновь прибывшим мигрантам.

В начале 1990-х гг. российская диаспора за пределами стран СНГ и Балтии насчитывала порядка 2 млн человек, которые проживают главным образом в США (примерно половина), по 300 тыс. в Израиле и Германии, порядка 150 тыс. в Латинской Америке, около 100 тыс. в Канаде и остальные в других странах[1]. Эта часть диаспоры сформировалась в результате миграции в дореволюционный и советский периоды. Распад СССР и активная эмиграция из России на протяжении последних лет существенно увеличили численность российской диаспоры. В настоящее время по данным МИД российская диаспора превысила 25 млн человек и вышла на второе место в мире после китайской[2]. По сообщениям канала НТВ в 2006 г. 30 млн выходцев из России проживали за пределами своей страны. По примерным оценкам 16–17 млн человек – представителей российской диаспоры проживают в странах СНГ. В странах Балтии живут примерно 1,6–1,7 млн человек, считающих русский язык родным[3].

Наши оценки, основанные на обобщении сведений последних переписей населения – раунда 2000 г. показывают, что в численность «русских» в странах СНГ и Балтии по официальным данным составляет примерно 17,8 млн человек (см. табл. 1).

[1] Migration trends in Eastern Europe and Central Asia: 2001–2002. Review, Geneva: IOM, 2002. P.119.
[2] Российская диаспора в странах СНГ и Балтии: состояние и перспективы. М., 2004. С.11.
[3] Русский язык в мире: современное состояние и тенденции распространения. М., 2005. Вып. 3. С.24.

Таблица 1

Численность «русских» в странах СНГ и Балтии, тыс. человек [1]

Страна	Дата проведения последней переписи населения	Численность «русских», тыс. человек	Доля русских в численности населения страны, %
Азербайджан	1999	142	1,6
Армения	2001	15	0,5
Беларусь	1999	1142	11,6
Грузия	2002	68	1,4
Казахстан	1999	4480	29,4
Кыргызстан	1999	603	11,7
Молдова	2004	201	5,9
Таджикистан	2000	68	0,9
Туркменистан	1995	299	6,0
Узбекистан [2]	2004	1092	4,0
Украина	2001	8334	17,9
Литва	2001	220	6,3
Латвия	2000	720	31,7
Эстония	2000	406	30,6
Всего		**17790**	

Источник: Центр социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН.

Кроме того, расчеты показывают, что в настоящее время 1–1,5 млн россиян работают за рубежом. Это так называемая «трудовая диаспора». Международная трудовая миграция стала для многих жителей России, особенно в провинции, средством «выживания» и реальным способом повышения своего материального благосостояния в новых экономических условиях. Российская диаспора выполняет важные социально-экономические функции. Помимо денежных переводов и инвестиций в российскую экономику это разработка и продвижение проектов с российскими партнерами в сфере бизнеса, торговли, научно-технического сотрудничества, образования, социальной поддержки населения.

[1] Итоги переписей населения в странах Содружества независимых государств (раунда 2002 г.). Статистический сборник. М., 2006.

[2] Данные Статистического управления Республики Узбекистан // Российская диаспора в странах СНГ и Балтии: состояние и перспективы. М., 2004.

Диаспора пропагандирует российскую культуру и русский язык в странах своего проживания. Во многих странах весом ее вклад в развитие спорта, балета, живописи, музыки, науки и образования. Все это влияет на формирование позитивного «имиджа» страны за рубежом. В большинстве экономически развитых стран россияне заняты во многих отраслях экономики принимающих стран – в строительстве, судоходстве, общественном питании, сельском хозяйстве, сфере гостеприимства и индустрии развлечений, науке, образовании, программных технологиях, здравоохранении. При этом они в большей степени, чем коренное население, заняты неквалифицированным трудом и представлены в низких социально-профессиональных категориях.

Часть российской диаспоры формирует миграционный потенциал, который может получить Россия в среднесрочной перспективе до 2020 г. Общий миграционный потенциал российской диаспоры с территории стран СНГ и Балтии в среднесрочной перспективе может составлять не более 3–4 млн человек, в ежегодном исчислении это составит примерно 350–400 тыс. человек. Существует ряд факторов, способствующих возвратной миграции соотечественников в РФ из бывших советских республик. К их числу нужно отнести ухудшение социально-экономического, политического и религиозного положения русских и русскоязычных, ухудшении ситуации со статусом русского языка и положением русских образовательных учреждений, ущемление прав и свобод соотечественников, а также рост экономики и миграционной привлекательности России. Важным фактором является государственное стимулирование возвратной миграции в Россию.

В настоящее время Россия столкнулась с серьезным демографическим кризисом, представляющим реальную угрозу ее национальной безопасности. Можно выделить три блока проблем, непосредственно вызванных процессом депопуляции в РФ, решению которых может способствовать возвратная миграция соотечественников.

Первый блок – демографический, детерминированный, прежде всего, уменьшением общей численности населения и влиянием этого процесса на сохранение территориальной целостности и геополитического статуса РФ. Второй блок проблем – экономический, вызванный сокращением численности населения в трудоспособном возрасте. Третий блок проблем – социальный, основанный на этнической нетерпимости, ксенофобии, мигрантофобии в современном российском обществе. Формирование толерантных межэтнических отношений – процесс длительный, а потребность в трудовых ресурсах ощущается уже сейчас. В этой связи, стимулирование миграции соотечественни-

ков, хорошо владеющих русским языком, близких по культурным традициям является важным элементом комплекса мер по выходу из сложившейся негативной ситуации.

В настоящее время в мировой практике накоплен богатый опыт стимулирования возвратной миграции. Данный миграционный поток активно использовали или используют такие страны, как Германия, Израиль, Греция, Польша, Венгрия, Финляндия, Япония, Болгария, Дания, Казахстан. Одна из наиболее развитых программ привлечения соотечественников – в Израиле. С точки зрения использования Россией израильского опыта, наиболее интересными являются непосредственно сам механизм переселения, социальная и экономическая адаптация переселенцев, включая трудоустройство и обеспечение жильем, а также специальные программы для особых категорий мигрантов. Интересен и опыт Германии, особенно в части использования языковых требований для получения статуса «позднего переселенца» и система распределения возвратных мигрантов между землями.

На постсоветском пространстве также существует ряд государств, стимулирующих возвратную миграцию, прежде всего, на этнической основе. Здесь стоит отметить, что большинство подобных программ носит скорее декларативный характер. Особняком стоит программа стимулирования возвратной миграции Казахстана, позволившая государству привлечь более пятисот тысяч этнических казахов. По своей структуре казахская программа, весьма схожа с российским аналогом, однако, в ней есть ряд опций, отсутствие которых в российской программе является упущением. Во-первых, это денежная помощь в решении жилищного вопроса. Во-вторых, более активная деятельность общественных организаций в области привлечения этнических казахов в Казахстан.

В 2006 г. Президент России подписал указ №637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Вместе с этим указом была утверждена и соответствующая государственная программа, в которой были отражены ее цели и задачи, механизм реализации, территории вселения соотечественников, а также денежные и социальные виды государственной помощи. Всего для реализации данной программы было принято два федеральных закона, четыре указа Президента, 14 постановлений и распоряжений Правительства России, 12 ведомственных актов. В рамках реализации данной программы устанавливаются три категории геополитически и экономически важных для России территорий для вселения соотечественников («А», «Б», «В»), что обусловливает дифференциацию объемов социальной и материальной го-

сударственной помощи. Было выбрано 12 «пилотных» регионов, куда на первом этапе реализации начали переселяться соотечественники: Красноярский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Калининградская, Калужская, Липецкая, Новосибирская, Тамбовская, Тверская и Тюменская области. В дальнейшем к реализации госпрограммы должны подключиться и большинство оставшихся субъектов Российской Федерации. На 1 января 2009 г. в рамках Госпрограммы в Россию переселилось около 9 тыс. человек и еще около 27 тыс. находятся на различных стадиях переселения (см. табл. 2).

Таблица 2

Численность переселенцев-участников Государственной программы

На 1 января 2009 г. [1]

Субъект Российской Федерации	Количество переселенцев, человек	Количество переселенцев, %
Калининградская область	4130	46,1
Калужская область	1780	19,9
Липецкая область	1530	17,1
Тамбовская область	315	3,5
Красноярский край	302	3,4
Тюменская область	257	2,9
Иркутская область	132	1,5
Хабаровский край	75	0,8
Амурская область	50	0,6
Другие регионы	390	4,2
Всего	8961	100,0

Источник: Центр социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН.

Несмотря на то, что власти с помощью Госпрограммы пытались охватить весь комплекс мероприятий, связанных с информированием, переселением, приемом и адаптацией соотечественников, в результате исследования было выявлено несколько негативных аспектов, требующих изменений, либо более детальной проработки. В ходе реализации госпрограммы основные проблемы возникают после переселения соотечественников. Можно выделить три направления, требующие доработки и улучшения: обеспечение жильем, трудо-

[1] Численность и миграция населения Российской Федерации в 2008 году. Статистический бюллетень. М., 2009. С.38.

устройство, закрепление на территориях вселения. Перечисленные направления взаимосвязаны и влияют друг на друга.

В результате проведенного исследования были выработаны рекомендации по оптимизации механизма реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

Во-первых, **требуется концептуальное изменение программы, в части, прежде всего, трудоустройства.** Нужен переход от «диффузного» способа трудоустройства к «проектному». Для этого необходимы создание принципиально новых «точек роста» жизни и деятельности на конкретной локальной территории, а также симбиоз федеральных целевых программ, региона-льных программ развития и стратегий развития крупного и среднего бизнеса в субъектах.

Во-вторых, **дальнейшее развитие Госпрограммы в области расширения каналов возвратной миграции и разработки новых подпрограмм.** В настоящее время используется только один канал переселения – трудовой. Однако концепция программы позволяет присоединение к уже имеющемуся «каркасу» новых подпрограмм. Предлагается следующая схема Госпрограммы (см. схему 1):

Первая подпрограмма *«Возвратная миграция русскоязычной молодежи»*. В условиях прогнозируемых увеличения доли пожилых людей (старения населения) и нехватки трудовых ресурсов в среднесрочной перспективе крайне важно особое внимание уделить миграции русскоязычной молодежи. Для увеличения доли молодежи в миграционном потоке необходимо:

– активизировать деятельность по формированию миграционных установок у русскоязычной молодежи за рубежом;

– создать программы по временной трудовой миграции молодежи в Россию, продолжительностью полгода – год, подобные американским «Work and Travel» и «Camp America»;

– стимулировать поступление соотечественников в российские ВУЗы, создав учебный канал возвратной миграции и упразднив для этой категории соотечественников нижнюю возрастную границу (18 лет) вступления в программу;

– необходимо создать четкий механизм перевода из иностранных высших учебных заведений в российские ВУЗы студентов без потери курса и без какой-либо оплаты;

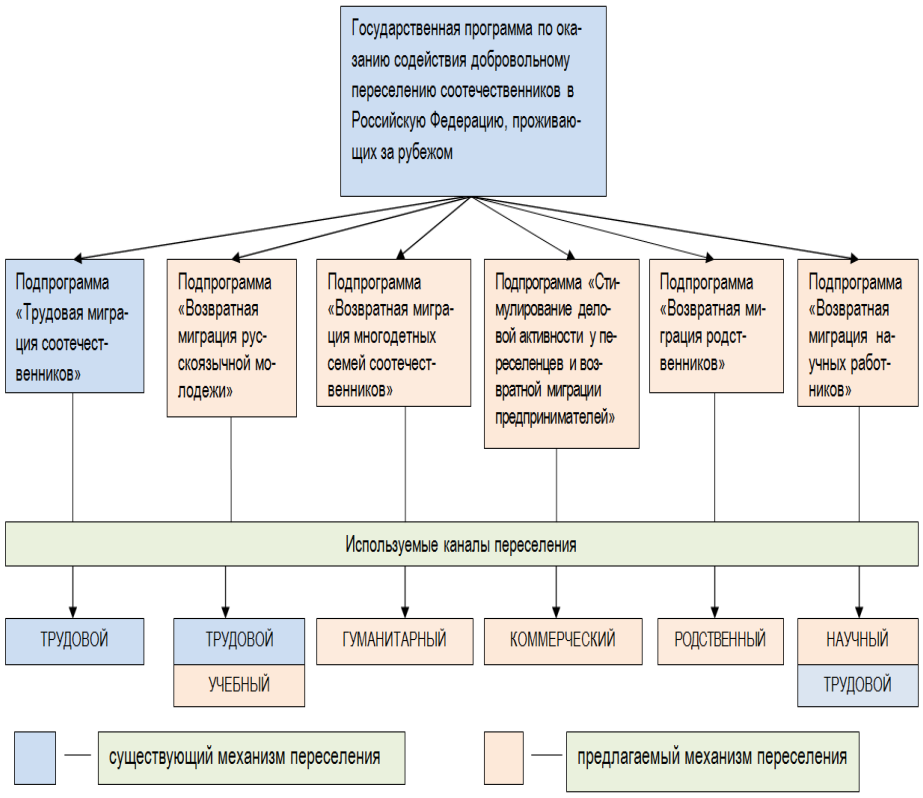
– создать реестр специальностей, дефицит которых наблюдается на рынке труда;

– стимулировать поступление и перевод в учебные заведения именно на эти специальности посредством повышенных стипендий и бесплатного обучения;

– предоставлять освобождение от воинской обязанности или отсрочку на срок не менее трех лет.

Схема 1

Модульная схема Государственной программы содействия добровольному переселению соотечественников в Российскую Федерацию, проживающих за рубежом



Источник: Центр социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН.

Следующая подпрограмма *«Стимулирование деловой активности у переселенцев и возвратной миграции предпринимателей («бизнес-иммиграция»)*. По этому направлению необходимо создать механизм стимулирования экономической активности у переселенцев. Для этого следует разработать систему мер по льготному кредитованию (возможно беспроцентному) и льготному налогообложению коммерческих организаций созданных соотечественниками. Следует предоставлять возможность переселения частных предпринимателей, дав возможность переселяться без указания вакансий, либо ввести в реестр вакансий позицию «частный предприниматель».

Бизнес-иммиграция, или специальные иммиграционные программы для инвесторов, готовых вкладывать свои средства в экономику принимающей его страны, – явление для большинства развитых стран не новое. В настоящее время в России не проработан механизм иммиграции потенциальных инвесторов, готовых развивать бизнес в России. Необходимо разработать нормативные акты, в которых четко была бы прописана минимальная сумма капиталовложений, размер которой дифференцировал в зависимости от региона и отрасли вложения этих средств, а также число рабочих мест, которое также подлежит дифференциации. По минимальным подсчетам, благодаря этой категории иммигрантов в США в 2007 г. было создано 8060 новых рабочих мест, при этом экономика получила свыше 40 млн долл. Понятно, что истинное значение совокупного эффекта значительно превышает указанные значения. Таким образом, бизнес-иммиграция стимулирует: привлечение инвестиций в экономику страны, посредством создания новых предприятий; создание новых рабочих мест, в первую очередь для местного населения страны.

Для расчета минимальной суммы инвестирования и числа рабочих мест, нами была разработана многофакторная модель, учитывающая социально-экономические особенности субъектов РФ. Основная цель предложенной модели, заключается в диверсификации требований (минимальной суммы инвестирования и создания рабочих мест для местного населения) в зависимости от региона вложения. Для субъектов РФ важных с геополитической точки зрения, испытывающих отток населения инвесторам предлагаются значительно более выгодные условия. В качестве расчетной единицы используется среднее по России значение валового регионального продукта на душу населения.

Таблица 3

Расчет минимальной суммы инвестирования и создания рабочих мест

Показатель	Критерий	K_1*	K_2**
Инвестиционная привлекательность региона	Максимальный потенциал – минимальный риск (1A)	28	10
	Средний потенциал – минимальный риск (2A)	26	9
	Высокий потенциал – умеренный риск (1B)	24	8
	Средний потенциал – умеренный риск (2B)	22	7
	Пониженный потенциал – умеренный риск (3B1)	20	6
	Низкий потенциал – умеренный риск (3B2)	18	5
	Высокий потенциал – высокий риск (1C)	16	5
	Средний потенциал – высокий риск (2C)	14	4
	Пониженный потенциал – высокий риск (3C1)	12	3
	Низкий потенциал – высокий риск (3C2)	10	2
	Низкий потенциал – экстремальный риск (3D)	8	1
Отрасль инвестирования	Торговля	10	3
	Сфера услуг (не включая торговлю)	7	2
	Производство и переработка	4	1
ВРП	выше среднего по РФ	10	2
	ниже среднего по РФ	5	1
Наличие госграницы	НЕТ	10	2
	ДА	15	1
Демографическая ситуация в регионе (коэффициент демографического неблагополучия[1])	1.122–1.499	14	5
	1.503–1.691	12	4
	1.701–1.797	10	3
	1.816–1.969	8	2
	2.039–2.225	6	1

Примечание: * K_1 – коэффициент для определения минимальной суммы инвестирования; ** K_2 – коэффициент для определения минимального числа рабочих мест.
Источник: Центр социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН.

[1] *Рыбаковский Л.Л.* Оценка уровня демографического неблагополучия регионов России // Демографическое будущее России: проблемы и пути решения. М., 2008. С.339.

Для расчета минимальной суммы инвестирования, предлагается следующая формула:

$$МСИ = \overline{ВРП} \times a_i + \overline{ВРП} \times b_i + \overline{ВРП} \times c_i + \overline{ВРП} \times d_i + \overline{ВРП} \times e_i$$

$МСИ$ – минимальная сумма инвестирования;

$ВРП$ – средняя по РФ величина валового регионального продукта на душу населения;

a_i – коэффициент инвестиционной привлекательности субъекта РФ;

b_i – отрасль инвестирования;

c_i – величина валового регионального продукта на душу населения;

d_i – наличие государственной границы субъектом РФ;

e_i – коэффициент демографического неблагополучия.

Для определения минимального числа рабочих мест, которые должны быть созданы для местного населения в результате вложения денежных средств нами была разработана, с учетом опыта США следующая формула:

$$МЧР = 2 \times a_i + 2 \times b_i + 2 \times c_i + 2 \times d_i + 2 \times e_i$$

$МЧР$ – минимальное число рабочих мест, которое необходимо создать для местных жителей.

По данным Росстата в 2007 г. среднее значение валового регионального продукта на душу населения составило 198,8 тыс. руб. Применяя разработанную нами модель, получаем:

– максимальное значение минимальной суммы инвестирования составляет 14,3 млн руб. В качестве примера для расчета мы взяли Москву и решили инвестировать средства в сферу торговли. При этом необходимо создать не менее 44 новых рабочих мест для местного населения;

– минимальное значение минимальной суммы инвестирования составит 5,6 млн руб., при условии вложения в депрессивный, приграничный субъект РФ, в производственную или перерабатывающую отрасль, и создать не менее 10 рабочих мест. Для Хабаровского края сумма инвестиций (при условии вложения в производственную или перерабатывающую сферы) составит 6,3 млн руб., необходимо создать 12 новых рабочих мест.

После одобрения прошения бизнес-иммигрант получает вид на жительство на территории РФ, а через два года он становится гражданином РФ, при условии, что созданный им бизнес функционирует и рабочие места сохранены.

Третья подпрограмма *«Возвратная миграция многодетных семей соотечественников».* Многодетная семья является в условиях негативной демографической ситуации наиболее благоприятным миграционным контингентом. В этой связи следует создать систему преференций для семей переселенцев с детьми. Например, разработать прогрессивную шкалу подъемных в зависимости от количества детей в семье. Необходима разработка специальных государственных ипотечных программ для многодетных семей.

Подпрограмма *«Возвратная миграция родственников».* Данное направление подразумевает использование родственных связей соотечественников. Для этого предлагается использовать «вызов» родственников, проживающих в России, как замену «заочному» трудоустройству. В этом случае уже принимающие родственники буду содействовать переселенцу в адаптации. Тем самым государство будет освобождено от функции содействия, а принимающая сторона, опираясь на собственные социальные сети, будет способствовать трудоустройству, решению жилищного вопроса т.д. На практике, данный канал возвратной миграции может оказаться эффективнее трудового для определенной категории соотечественников. Отдельно в рамках данного направления следует разрешить переезд соотечественников во все регионы России, в которых наблюдается естественная убыль населения. Государственные преференции при этом стоит оставить только в геополитически важных субъектах.

Пятая подпрограмма *«Возвратная миграция научных работников».* Стимулирование коснется соотечественников, являющихся научными работниками, либо преподавателями, и имеющих ученые степени. По данному направлению привязка к трудоустройству желательна, но не обязательна. Отдельному стимулированию подлежит категория соотечественников, имеющих высшее образование.

Идея совершенствования Госпрограммы посредством подпрограмм основана на том, что для увеличения миграционного потока соотечественников необходимо задействовать наибольшее количество каналов переселения, тем самым дополнительно мотивируя соотечественников доступностью возвратной миграции, а также постараться получить наиболее благоприятную для страны структуру миграционного потока соотечественников. Это подтверждает и зарубежный опыт. Плюс к этому, подпрограммы будут соответствовать уже принятым нормативным актам, изменения могут коснуться лишь отдельных актов. Это упростит процесс совершенствования и сэкономит время.

Далее, **требуется содействие в получении жилья.** На наш взгляд, наибольшие усилия государство должно приложить для решения жилищного вопроса. В качестве мер предлагается:

– резкое наращивание темпов строительства жилья и его удешевление в территориях вселения, что положительно скажется и на местном населении.

– помощь соотечественникам в покупке жилья, которая может заключаться в создании льготной государственной ипотеки для переселенцев, в участии государства в выплате процентов по кредиту;

– предоставление соотечественникам земельных участков и строительных материалов за счет средств как федерального и местного бюджетов, так и за счет средств работодателей;

– создание центров временного размещения соотечественников (по примеру Калининградской области), где будет предоставляться временное жилье сроком до года;

– решение данной проблемы во взаимосвязи с процессом предоставления рабочих мест. Желательно расселять соотечественников в местах их трудоустройства, в привязке к крупным инвестиционным проектам или крупным предприятиям, испытывающим дефицит кадров. Следует изучить возможность строительства вместе с администрациями предприятий или инвесторами общежитий или городков для временного или постоянного проживания переселенцев. Переселение целесообразно проводить во взаимосвязи «соотечественник» – «инвестиционный проект/предприятие с возможностью предоставления жилья». Точечное расселение использовать при удовлетворении кадровых потребностей в основном социальной сферы.

Необходимо **использование этнического принципа возвратной миграции.** Рассмотренный международный опыт возвратной миграции, а также сложившаяся демографической ситуация в РФ обуславливают необходимость использования этнического принципа, т.е. предоставления гражданства и стимулирования возвращения в Россию русских и представителей титульных народов.

Кроме того, **увеличение размера единовременного пособия на основе многофакторной расчетной формулы.** Предлагается увеличение выплат, на основе многофакторной расчетной формулы, включающей в себя такие показатели субъекта вселения как коэффициент демографического неблагополучия, предложенный Рыбаковским Л.Л.,[1] наличие субъектом границы с иностранным государством, принадлежность субъекта к Дальневосточ-

[1] *Рыбаковский Л.Л.* Оценка уровня демографического неблагополучия регионов России. Демографическое будущее России: проблемы и пути решения. М., 2008. С.339.

ному федеральному округу, среднедушевые денежные доходы населения, средние цены на первичном рынке жилья за квадратный метр общей площади, уровень зарегистрированной безработицы, индекс физического объема валового регионального продукта, индекс физического объема инвестиций в основной капитал. Также, предлагаются надбавки за возрастные и квалификационные характеристики переселенца. Предполагаются стимулирование переселения соотечественников трудоспособного возраста, в особенности до 35 лет, и отдельные выплаты для докторов наук, кандидатов наук и соотечественников с высшим образованием. В качестве расчетной единицы используется величина прожиточного минимума региона, куда планируется переселение. Ниже представлена расчетная таблица единовременной выплаты (см. табл. 4).

Таблица 4

Расчет единовременной денежной выплаты участникам Госпрограммы

Показатель	Критерий или интервал группы	Множитель
Коэффициент демографического неблагополучия (a)	1.122–1.499	1
	1.503–1.691	2
	1.701–1.797	3
	1.816–1.969	5
	2.039–2.225	7
Наличие государственной границы субъектом (b)	Есть	5
	Нет	1
Субъект ДФО (c)	Да	7
	Нет	1
Среднедушевые денежные доходы (место в РФ) (d)	До 30	2
	От 30 до 59	3
	От 59	5
Средние цены на первичном рынке жилья за квадратный метр общей площади (руб.) (p)	До 38282	3
	От 38282 до 63436	4
	От 63436 и выше	5
Уровень зарегистрированной безработицы (U)	Превышает среднее значение по РФ	0
	Не превышает среднее значение по РФ	3
Среднегодовое исчисление индекса физического объема инвестиций в основной капитал за 3 года (i)	Превышает среднее значение по РФ	3
	Не превышает среднее значение по РФ	0
Среднегодовое исчисление индекса физического объема валового регионального продукта за 3 года (GRP)	Превышает среднее значение по РФ	3
	Не превышает среднее значение по РФ	0
Возрастная характеристика соотечественника, переселяющегося в РФ (t)	До 35	5
	От 35 до 45	4
	45 и выше	1
Образовательная характеристика соотечественника, переселяющегося в РФ (Q)	Высшее образование	2
	Кандидат наук	5
	Доктор наук	10

Источник: Центр социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН.

Расчетная формула расчета единовременной денежной выплаты («подъемных») выглядит следующим образом:

$$ЕДВ = a_i \times ВПМ + b_i \times ВПМ + c_i \times ВПМ +$$
$$+ d_i \times ВПМ + p_i \times ВПМ + U_i \times ВПМ + I_i \times ВПМ +$$
$$+ GPR_i \times ВПМ + t_i \times ВПМ + Q_i \times ВПМ$$

, где

$ЕДВ$ – единовременная денежная выплата,

$ВПМ$ – величина прожиточного минимума региона,

a_i – коэффициент демографического неблагополучия,

b_i – наличие государственной границы субъектом РФ,

c_i – принадлежность субъекта к Дальневосточному федеральному округу,

d_i – среднедушевые денежные доходы в субъекте РФ,

p_i – средние цены на первичном рынке жилья за квадратный метр общей площади в субъекте РФ,

U_i – уровень зарегистрированной безработицы в субъекте РФ,

I_i – среднегодовое исчисление индекса физического объема инвестиций в основной капитал за 3 года в субъекте РФ,

GPR_i – среднегодовое исчисление индекса физического объема валового регионального продукта за 3 года в субъекте РФ,

t_i – возрастная характеристика соотечественника, переселяющегося в РФ,

Q_i – образовательная характеристика соотечественника, переселяющегося в РФ.

Выплаты членам семьи предполагается оставить в размере 20 тыс. руб., за исключением несовершеннолетних детей, для которых разработана прог-

рессивная шкала выплат, смысл которой в увеличении выплат для каждого последующего ребенка (см. табл. 5).

Таблица 5

Прогрессивная шкала единовременных выплат для детей, тыс. руб.

Ребенок	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й и более
Выплата	20000	30000	35000	40000	50000	по 60000

Источник: Центр социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН.

Произведем расчет единовременной денежной выплаты при гипотетическом переезде 35-летнего соотечественника, имеющего высшее образование с супругой и двумя несовершеннолетними детьми в Приморский край и Калужскую область. При переезде в Калужскую область выплата составит 153460 рублей, при переезде в Приморский край 239041 руб.

Рассчитанные итоговые выплаты значительно превышают существующие, однако, они являются обоснованными и необходимыми для стимулирования переезда. Во-первых, в новой расчетной формуле большой вес имеют так называемые геополитические показатели, в особенности это коснулось регионов Дальнего Востока, существующая программа не разделяет приграничные субъекты, что является некорректным.

Во-вторых, суммы сравнимы с уже имеющимися выплатами в рамках демографической политики РФ. Так, за родившегося второго ребенка государство предоставляло материнский капитал в размере 267,5 тыс. руб.[1]. Выплачивая 239 тыс. руб. страна получает четырех новых граждан, двое из которых дети, и как минимум один находится в трудоспособном возрасте и имеет высшее образование.

Возвратная миграция соотечественников в Россию обладает большим потенциалом, однако, реализация его и превращение в крупный миграционный поток требует комплексного совершенствования государственной миграционной политики по данному направлению. Необходима активизация деятельности государства по таким проблемным вопросам, как обеспечение соотечественников жильем, помощь в трудоустройстве. Также существует несколько незадействованных каналов возвратной миграции, использование которых может увеличить приток соотечественников в разы.

[1] В.Путин: «С 1 января размер материнского капитала может увеличиться до суммы свыше 300 тыс. руб.» // «Российская газета». 2008, 16 июля. http://www.rg.ru/2008/07/16/kapital-anons.html

СТАЦИОНАРНЫЕ МИГРАЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ

В современных демографических условиях стационарные (на постоянное место жительства) миграции остаются, по сути, единственным фактором, способным более или менее оперативно корректировать результаты естественного формирования трудовых ресурсов. При этом основными критериями оценки ситуации выступают потребности, с одной стороны, в восполнении естественных потерь населения, а, с другой стороны, – собственно в населении трудоспособного возраста, исходя из складывающихся параметров социально-экономического и демографического развития. В этом отношении миграционная ситуация в РФ и ее областных регионах демонстрирует сравнительно широкий спектр и временных, и типовых особенностей.

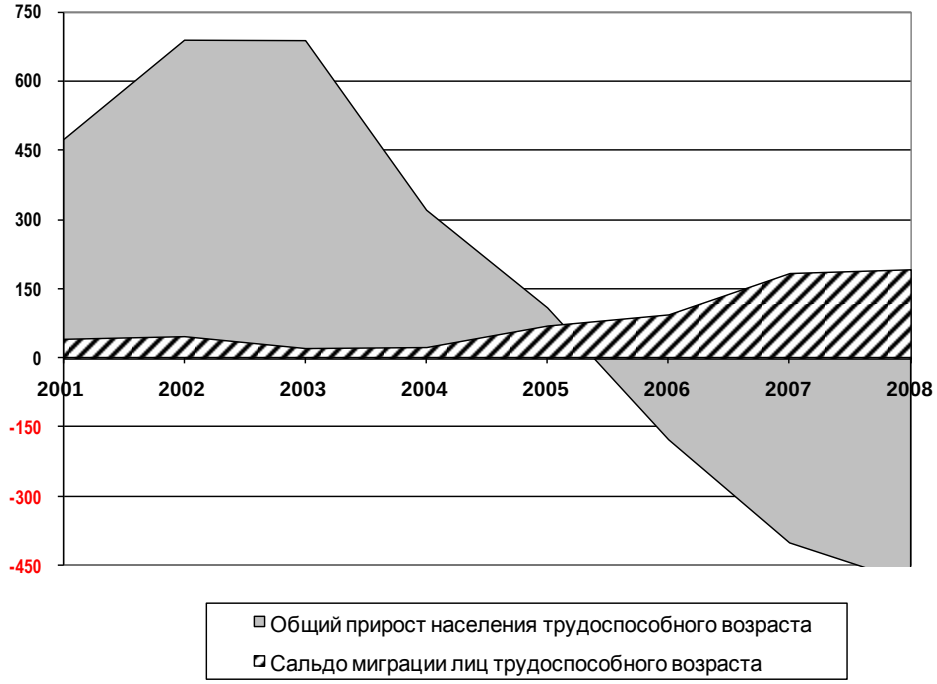
В 2000-е годы в масштабе России миграционный компонент устойчиво занимает второе место в формировании населения трудоспособного возраста, исключением стал 2005 г., предшествующий началу абсолютного сокращения его численности. Одновременно отмечается перелом тренда долговременного сокращения объемов сальдо миграции лиц трудоспособного возраста, стартовавший десятилетие назад (см. график 1). В результате миграционная ситуация в 2006–2008 гг. характеризуется, с одной стороны, количественными изменениями параметров – резким увеличением миграционного вклада в динамику численности трудоспособного населения РФ. С другой стороны, она отличается принципиальными качественными сдвигами – с этого времени миграционная компонента перестала быть фактором, дополняющим естественное увеличение численности лиц данной возрастной группы, и перешла в разряд факторов, компенсирующих начавшиеся с 2006 г. их естественные потери.

За три года (2006–2008) их миграционного сальдо в 2,3 раза превысило свое абсолютное значение за предшествующее пятилетие (2001–2005), в среднегодовом исчислении – в 3,8 раза.

График 1

Динамика общего прироста (убыли) и сальдо миграции лиц трудоспособного возраста

РФ, 2001–2007 гг., тыс. человек



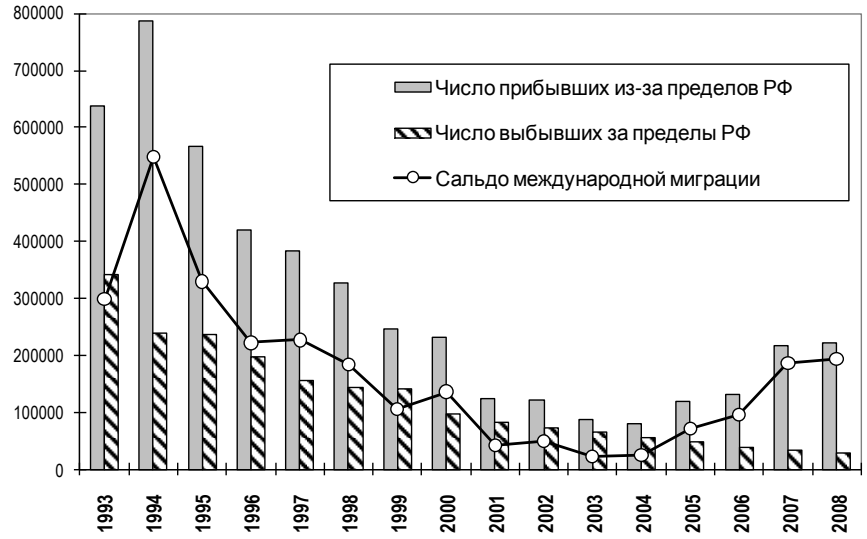
Источник: Центр социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН.

По нашим расчетам, в 2001–2005 гг. миграционный прирост трудоспособных возрастов составлял в среднем около 10% их естественного прироста, в 2006–2008 гг. – более 30% их естественной убыли. Другими словами, к началу 2009 г. миграция трудоспособного населения в РФ складывалась в рамках относительно благоприятных в социально-демографическом отношении тенденций – росте ее миграционной привлекательности на постсоветском пространстве и усилении иммиграционного вклада в формирование численности населения трудоспособных возрастов. Важно, что данные тенденции сложились на фоне резкого роста чисел прибывших в РФ из других государств при одновременном продолжающемся снижении объемов выбытий за ее пределы (см. график 2).

График 2

Динамика показателей международной миграции лиц трудоспособного возраста

1993–2008 гг., человек



Источник: Центр социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН.

2006–2008 годы выделяются резким увеличением в структуре международного миграционного сальдо доли лиц трудоспособного возраста. В 2008 г. она составила более 80% против 66% в 2005 г. Причем это – максимальное значение их доли в сальдо, отмечаемое на протяжении и 1990-х гг., и 2000-х гг. Такая динамика возрастной структуры мигрантов указывает, в первую очередь, на усиление роли экономических факторов в стационарных миграциях в Россию на фоне международного экономического кризиса, который повысил миграционную притягательность страны на постсоветском пространстве. В результате во второй половине 2000-х гг. трудоспособные контингенты усилили свое долевое участие в восполнении не только их собственного естественного сокращения, но также естественной убыли общей численности населения РФ.

В 2000-е годы сокращение численности лиц трудоспособных возрастов стало главной особенностью их формирования не только на уровне России, но и подавляющего большинства ее регионов, причем наиболее интенсивный характер оно приняло во второй их половине. В 2006–2008 годах на россий-

ском региональном пространстве положительный прирост численности населения трудоспособных возрастов сохранился всего лишь в 17 из 80 областных регионов страны. Для сравнения, в 2003–2005 гг. территории, увеличивающие трудоспособное население, были ярко выраженной доминантой региональной ситуации – в эти годы прирост численности данных возрастных контингентов был характерен 64 областным регионам РФ.

Такой резкий сдвиг типовых параметров ситуации обусловили региональные особенности, как процессов их естественного движения, так и миграции. В этой связи рассмотрим компоненты изменения численности лиц трудоспособных возрастов в рамках четырех типовых сочетаний параметров их естественного и миграционного приростов (убыли) в рамках двух периодов – 2003–2005 гг. и 2006–2008 гг. с тем, чтобы оценить в динамике широту распространенности данных типов на российском региональном пространстве. Расчеты показывают, что и в первом, и во втором выделенном периоде доминантами ситуации являлись два типа, но в каждом случае свои (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика распределения областных регионов РФ по типам естественного и миграционного балансов изменения численности населения трудоспособного возраста

2003–2008 гг.

2003–2005		2006–2008	
Число областных регионов	Доля в численности трудоспособного населения РФ, на конец периода, %	Число областных регионов	Доля в численности трудоспособного населения РФ, на конец периода, %
1. Естественный и миграционный приросты (Е+, М+)			
19 АТЕ	32,0%	5 АТЕ	6,6%
2. Естественная и миграционная убыль (Е-, М-)			
8 АТЕ	5,5%	32 АТЕ	30,1%
3. Естественный прирост и миграционная убыль (Е+, М-)			
48 АТЕ	49,0%	8 АТЕ	5,3%
4. Естественная убыль и миграционный прирост (Е-, М+)			
5 АТЕ	13,5%	35 АТЕ	58,0%

Примечание: Рассчитано по: Демографический ежегодник России-2006. Статистический сборник. М., Росстат, 2006. С.53–55; Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2005 (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года). Т. 14; Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту (на 1 января 2009 года). Статистический сборник. М., Росстат, 2009; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2003–2008 гг. Статистический бюллетень. М., Росстат, 2005–2009.
Источник: Центр социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН.

В 2003–2005 гг. выраженный лидер ситуации – тип 3 (естественный прирост лиц трудоспособных возрастов в сочетании с их миграционной убылью); и тип 1 (одновременно естественный и миграционный приросты трудоспособных возрастов). Другими словами, в этот период функциональная роль миграции состояла в первом случае – в межтерриториальном перераспределении естественного прироста трудоспособных контингентов, однако в подавляющем большинстве случаев объемы такого оттока не превышали их естественного прироста. Исключение – северные и восточные регионы РФ (Республика Коми, Архангельская и Мурманская области, Камчатский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ), где миграционные потери населения трудоспособных возрастов превышали их естественное увеличение. Во втором случае – это областные регионы, ставшие реципиентами и российских, и международных мигрантов. Причем многие из них (16 из 19 регионов данного типа) остались в этом качестве и в последующие годы, когда их трудоспособное население стало естественно убывать.

В 2006–2008 гг., когда началось естественное массовое сокращение численности населения трудоспособного возраста, доминирующими стали два других типа демографического баланса – это тип 4 (миграционный прирост трудоспособного населения в регионах его естественной убыли) и тип 2 (одновременно естественная и миграционная убыль трудоспособного населения). Фактически они оба представляют группы регионов-доноров и регионов-реципиентов в условиях депопуляции. Если в 2003–2005 гг. естественная убыль трудоспособных контингентов отмечалась только в 13 из 80 областных регионов РФ, то в 2006–2008 гг. она стала характерна уже 67 регионам, составившим эти две типовые группы. К началу 2009 г. естественное сокращение коснулось 9/10 численности лиц трудоспособных возрастов.

В целом, сложившиеся к настоящему времени типовые приоритеты демографических балансов трудоспособного населения, а также фактический территориальный состав выделенных типовых групп сформировались в результате кардинальных массовых изменений не только естественного, но и миграционного статуса областных регионов РФ.

В 2006–2008 годы относительно 2003–2005 гг. всего 19 областных регионов сохранили тот же тип демографического баланса. Наибольшую стабильность в этом смысле демонстрируют регионы типа 3 (в 2006–2008 гг. все его 8 представителей остались в том же типовом пространстве, что и в 2003–2005 гг.), а наименьшую – наиболее многочисленные в настоящее время регионы типа 4 и 2. В 2006–2008 гг. в первом случае (регионы типа 4) только 5

из 35 областных регионов (г. Москва, Ярославская область, Калининградская и Ленинградская области, г. Санкт-Петербург) сохраняли тот же тип баланса, что и в 2003–2005 гг., во втором случае (регионы типа 2) – только 3 региона (Псковская, Магаданская и Сахалинская области). Во всех остальных случаях областные регионы поменяли свой типовой статус. Если рассматривать данные изменения в координатах численности трудоспособного населения, то к началу 2009 г. в том же типовом поле осталось 23% населения трудоспособных возрастов; остальные же 77% изменили свой типовой статус. Причем изменение типового статуса областных регионов в 58% случаев это было связано с фактором естественной динамики данных возрастов и только в 8% случаев – с миграцией. Остальные 11% трудоспособного населения поменяли и тип естественного баланса, и тип миграционного баланса.

В целом, вторая половина 2000-х гг. – это принципиально отличающийся период в формировании трудоспособного населения страны. Его отличает резкое расширение ареалов естественной убыли данной части населения и одновременно сужение ареалов его миграционного оттока. Если в первой половине текущего десятилетия на территориях с естественной убылью лиц трудоспособных возрастов проживало 19% их общей численности, то к 2009 г. эта доля увеличилась до 89%. Одновременно доля населения данных возрастов, проживающих в областных регионах с положительным миграционным балансом, выросла с 45% до 55%.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует, что во второй половине 2000-х гг. формирование трудоспособного населения отличают от предыдущего периода не только доминанта его естественного уменьшения, на которой акцентируется внимание большинства исследователей и практиков, но также доминанта его миграционного прироста. Приведенные выше цифры позволяют заключить, что миграционная компонента при прочих равных условиях усилила свои позиции в роли позитивного (компенсаторного) фактора формирования трудоспособного населения в условиях депопуляции.

Эта роль миграционного компонента широко дифференцирована на российском региональном пространстве и качественно, и количественно. В большинстве регионов речь идет только о частичной компенсации естественных потерь. К тому же, остается значительная часть альтернативных территорий – на начало 2009 г. 45% трудоспособного населения страны проживали в областных регионах с отрицательными балансами обоих демографических компонент. Отметим и неоднозначный вклад в итоговое миграционное сальдо разных видов стационарных миграционных потоков – международных ми-

граций и межрайонного миграционного обмена внутри страны. В этой связи рассмотрим внутритиповые и межтиповые нюансы региональных миграционных особенностей формирования численности трудоспособного населения РФ, характерные для второй половины 2000-х гг.

Регионы с естественным и миграционным приростами трудоспособного населения (тип 1). На российском региональном фоне данный тип ситуации является наиболее благополучным в демографическом отношении и наименее распространенным. Данные регионы все без исключения аккумулируют международных мигрантов, но только в Республике Башкортостан, Тюменской и Астраханской области она является доминантой миграционного баланса и при этом с избытком компенсирует их межрайонные миграционные потери. Напротив, для Республик Ингушетия и Алтай такой доминантой являются российские мигранты, которые оседают здесь более интенсивно, чем иммигранты. Однако в ряду российских областных регионов интенсивность пополнения трудоспособного населения и Ингушетии, и Алтая остается ниже среднего по стране уровня.

Регионы с естественной и миграционной убылью трудоспособного населения (тип 2). На российском региональном фоне они отличаются, во-первых, повсеместно выраженной доминантой естественного компонента в формировании численности данных возрастных контингентов. Во-вторых, все регионы данного типа теряют трудоспособное население в пользу других территорий РФ интенсивнее, чем приобретают его из-за пределов страны. Поэтому его численность здесь убывает, причем во многих случаях очень интенсивно. Для большинства из них общая убыль численности трудоспособных контингентов – это новое явление, стартовавшее во второй половине 2000-х гг. В 2003–2005 годы оно отмечалось в 10 из 32 областных регионов данного типа. При этом многие территории данного типа отличаются очень высокой интенсивностью его общего сокращения – в 3 и более раз выше, чем в среднем по РФ. Сказанное относится к регионам Дальнего Востока (Магаданская область, Камчатский край, Сахалинская область, Чукотский автономный округ) и Северо-Запада (Республика Коми, Архангельская, Мурманская, Псковская и Новгородская области), а также Центра (Смоленская область), Приволжья (Кировская область) и Урала (Курганская область). Единственно в Чувашской Республике и Оренбургской области данные показатели не превысили российского уровня. Причем во всех случаях лидером такой негативной динамики выступает естественное движение.

Вклад миграционного компонента в формирование численности населения трудоспособных возрастов в данной типовой группе вторичен, к тому же он широко дифференцирован в региональном отношении. Во второй половине 2000-х гг. самыми неблагополучными в группе являются северные и восточные регионы России, а также отдельные территории Приволжья и Урала. Они несут наиболее интенсивные межрайонные потери трудоспособных контингентов, которые при этом в наименьшей мере сглаживаются за счет иммиграции. По этим двум параметрам (повышенная интенсивность межрайонных потерь и очень низкий уровень их иммиграционной компенсации) они выделяются не только в ряду областных регионов данного типа, но и в масштабе страны. За 2006–2008 гг. данная подгруппа территорий сформировала в общей сложности 34,5% совокупной величины отрицательного межрайонного сальдо в масштабе страны, и это притом, что здесь сконцентрировано только 9,2% трудоспособного населения РФ.

В европейской части страны негативное влияние миграционных факторов менее выражено. Составившие данную группу регионы Центра (Костромская, Смоленская и Тамбовская области), Северо-Запада (Псковская область), Юга (Волгоградская и Ростовская области) и Приволжья (Республики Удмуртская, Марий Эл, Чувашская и Пермский край) имели интенсивность оттока трудоспособного населения в другие регионы РФ ниже среднероссийского уровня. По этим же параметрам к ним примыкают отдельные регионы Сибири (Иркутская и Омская области) и Дальнего Востока (Приморский край). На российском фоне все они отличаются сравнительно низкой интенсивностью внутрироссийских потерь трудоспособного населения и одновременно низкой степенью их восполнения за счет иммиграции. В ряду территорий с данным типом демографического баланса всего 5 областных регионов характеризуются относительно высоким уровнем оседания международных мигрантов – это Ульяновская, Оренбургская, Пензенская, Новгородская и Брянская области. Однако и здесь миграционные процессы в целом мало корректируют ситуацию естественного сокращения численности трудоспособного населения.

Регионы с естественным приростом и миграционной убылью трудоспособного населения (тип 3). В большинстве случаев динамика численности трудоспособного населения здесь также связана в основном с фактором естественного прироста (это Республики Дагестан, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская, Северная Осетия, Тыва), благодаря чему они сохранили его общий прирост. Только в двух случаях [Республики Калмыкия и Саха (Якутия)] численность трудоспособного

населения уменьшилось по причине его оттока в другие регионы РФ. При этом все регионы данного типа, кроме Северной Осетии, характеризуются очень низкой интенсивностью оседания иммигрантов. Таким образом, как и для территорий типа 2, здесь основными факторами формирования трудоспособного населения являются естественное движение и внутрироссийские миграции.

Регионы с естественной убылью и миграционным приростом трудоспособного населения (тип 4). В 2006–2008 годах миграционная ситуация в ареалах естественного сокращения и притока трудоспособного населения демонстрирует немало особенностей. Областные регионы данного типа выделяются на российском фоне наиболее выраженным влиянием миграционного фактора, причем лидером миграционной ситуации чаще всего выступают международные миграции. Другая их особенность заключается в том, что в отличие от остальных типовых групп здесь представлены областные регионы, изменившие не только режим естественного движения трудоспособного населения, но и тип миграционного баланса, а в ряде случаев – одновременно и то, и другое. При этом основные изменения миграционной ситуации включали: для международной миграции, главным образом, увеличение объемов сальдо; для российской межрайонной миграции – смену типов миграционного баланса, причем не всегда позитивную, и в отдельных случаях – также выраженный прирост межрайонного сальдо. Отметим и то, что только в отдельных случаях миграциям удалось полностью компенсировать естественное сокращение численности трудоспособных возрастов.

В целом, все областные регионы данного типа условно делятся на две половины. Первая половина – это регионы одновременного тяготения и российских, и международных мигрантов (18 территорий); она демонстрирует при прочих равных условиях самый позитивный тип миграционной ситуации в условиях естественной массовой убыли трудоспособных контингентов. Вместе с тем всего в 5 из 18 областных регионов (г. Москва и Московская область, г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край) доминантой в миграционном сальдо были российские мигранты. Причем только в двух регионах (это – Московская область и Краснодарский край), благодаря миграции, удалось обеспечить общий прирост численности трудоспособного населения, однако без вклада международной миграции такой позитивный эффект не был бы достигнут. Аналогично еще в 4 регионах данной подгруппы (Белгородская область, Республики Адыгея и Татарстан, Ставропольский край), имеющих

международную доминанту в сальдо, общий прирост трудоспособного населения не мог бы сложиться без участия российских межрайонных мигрантов. В остальных 12 регионах данной подгруппы[1] объемы миграционного сальдо, несмотря на положительный баланс обоих потоков, оказались недостаточными, чтобы компенсировать естественные потери трудоспособного населения. Таким образом, даже в областных регионах с самым благоприятным раскладом миграционной ситуации, миграция в большинстве случаев не достигает необходимого эффекта – элиминирования естественной убыли трудоспособных контингентов.

Вторая половина – это регионы, положительным компонентом демографического баланса которых является только сальдо международной миграции (17 территорий)[2]. Здесь формирование позитивных параметров миграционной ситуации всецело зависит от ее международной составляющей, которая компенсирует (полностью или частично) негативные издержки естественной и миграционной убыли трудоспособного населения в границах РФ. Однако фактически здесь повсеместно объемы международного миграционного баланса оказались достаточными лишь только для возмещения внутрироссийских межрайонных миграционных потерь и частичного замещения естественной убыли трудоспособного населения. В результате численность последнего сократилась, причем в отдельных случаях (Владимирская, Ивановская, Орловская, Тверская, Тульская, Нижегородская области, Хабаровский край) интенсивность этого сокращения была в 2 и более раза выше, чем в среднем по России.

Таким образом, на российском региональном пространстве миграционная компонента не смогла в полной мере противостоять естественному сокращению численности трудоспособного населения. В общей сложности только в 6 из 17 областных регионов страны, сохранивших в 2006–2008 гг. его положительный общий прирост, он обеспечивался за счет миграции, причем одновременно двух ее потоков – международной и межрайонной миграции в границах РФ.

В целом, проведенное исследование показало, что оптимизация процессов формирования трудоспособного населения требует учета временных и региональных особенностей трех компонентов его динамики – естественного

[1] Центр (Ярославская область, г. Москва); Северо-Запад (Республика Карелия, Калининградская, Ленинградская области, г. Санкт-Петербург); Приволжье (Нижегородская, Самарская области); Урал (Свердловская область); Сибирь (Кемеровская, Новосибирская, Томская области).
[2] Центр (Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Курская, Липецкая, Орловская, Тверская, Тульская области); Северо-Запад (Вологодская область); Приволжье (Саратовская область); Урал (Челябинская область); Сибирь (Республика Хакасия, Красноярский край); Дальний Восток (Хабаровский край, Еврейская автономная область).

движения, внутрироссийских межрайонных и международных миграций. При этом разделение миграционного компонента на две составляющие (внутренние и внешние миграции) обосновано тем, что каждая из них формируется на уровне разных демографических совокупностей и поэтому имеет свой круг факторов, а, следовательно, требует разработки особых концептуальных подходов. Для международных мигрантов – это решение комплекса проблем, связанных с их привлечением и расселением на российском региональном пространстве, для российских межрайонных мигрантов – это оптимизация процессов их внутригосударственного перераспределения. Однако и в том, и другом случае основными критериями достижения желательных параметров для обеих категорий миграционных потоков являются демографический (восполнение естественной убыли населения) и социально-экономический (обеспечение потребности в трудовых ресурсах), а для международных мигрантов – еще и геополитический критерий.

Для того чтобы выявить влияние социально-экономических факторов на территориальные миграционные параметры, были проанализированы 15 показателей[1]. По каждому из этих показателей все федеральные округа, а затем и субъекты Российской Федерации были ранжированы и разделены на 5 основных групп. Результаты сравнительного анализа территориального состава выделенных групп по социально-экономическим показателям и типам демографических балансов позволили сделать ряд выводов, которые необходимо учитывать при формировании концепции миграционной политики и обосновании конкретных миграционных программ, как на уровне Российской Федерации, так и ее субъектов. На позитивный характер течения миграционных процессов наибольшее влияние в настоящее время по-прежнему оказывают величина инвестиций в основной капитал, а также величина основных фондов в экономике, и, как следствие, величина среднедушевых денежных доходов и среднемесячной заработной платы. Максимальные значения данных показателей свойственны областным регионам с положительным миграционным сальдо, а их минимальные значения в абсолютном большинстве случаев присущи регионам, теряющим население.

[1] Это численность экономически активного населения (в расчете на 1000 населения); потребность в работниках; уровень занятости населения; уровень безработицы; численность студентов (на 1000 человек); число зарегистрированных преступлений (на 100 тыс. человек); число собственных автомобилей (на 1000 человек); валовой региональный продукт (на душу населения, млн руб.); основные фонды в экономике; инвестиции в основной капитал; среднедушевые денежные доходы; среднемесячная заработная плата; оборот розничной торговли (на душу населения); продукция сельского хозяйства; общая площадь жилых помещений в расчете на 1 жителя.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАЦИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Беспрецедентные территориальные масштабы России, ее географическое, этнокультурное и религиозное разнообразие, наряду с социально-экономическими и духовными особенностями всегда являлись факторами значительных различий в демографическом развитии регионов. Региональная специфика формирования народонаселения являлась неотъемлемой чертой России на протяжении всего исторического периода. Однако именно XX век сыграл наиболее сложную роль в демографическом развитии России, как на государственном, так и на региональном уровне.

Первая советская перепись населения 1926 г. зафиксировала, что при общей численности населения России в 92,7 млн человек значительная часть регионов, особенно центра страны, были территориями с более чем миллионным населением. С 1926 г. происходило укрупнение численности населения отдельных субъектов, что привело к возникновению с 1939 г. новой группы субъектов, в которых население насчитывалось в пределах более 3 млн человек. Укрупнение численности населения на меньшей территории субъектов, особенно выразительно стало наблюдаться с 1960-х гг. и к концу советской эпохи достигло максимальных параметров. Так, в самых крупных субъектах России, насчитывающих более 3 млн человек, в 1939 г. проживало лишь 17% жителей страны, в 1959 г. – 27%, в 1970 г. – 35%, в 1979 г. – 38%, в 1989 г. – уже 44% населения России.

В то же время постепенно расширяется территория, где происходит сокращение численности населения. В 1939 г. таких регионов России насчитывается 19. Причем, в некоторых утрата численности населения достигала 15–20‰. Это, например, Пензенская, Орловская и Курганская области. К 1959 г. снизилась численность населения относительно довоенного периода уже в 28 субъектах. К 1970 г. группа регионов, сокращающих численность населения, уменьшилась до 14. И утрата населения в них была незначительной: от 1 до 10‰. В дальнейшем число регионов сокращающих свое население колебалось от переписи к переписи, также как и доля этой утраты. В 1979 г. сокра-

тилось население в 17 субъектах России. Последняя советская перепись зафиксировала наименьшее число регионов, в которых сузилась численность населения – всего 7, причем, сокращение в них было также минимальным за весь советский период (до 8‰). И этот факт дает повод считать, что к началу реформ региональная динамика численности населения в России являлась достаточно благополучной.

Однако, если сравнить численность населения в первую и последнюю советскую переписи населения в разрезе регионов, то окажется, что более 20 субъектов России, главным образом, центра страны, стремительно утрачивали свое население на протяжении всех этих лет. Потери составили до 50% от численности населения в них в 1926 г. Напротив, за советский период численность населения ряда субъектов возросла беспрецедентным образом. Например, население Сахалинской области с 1926 по 1989 гг. увеличилось почти в 60 раз, Магаданской области более чем в 55 раз (см. табл. 1).

Таблица 1

Субъекты России с максимальным снижением и максимальным ростом численности населения

1926–1989 гг.

Субъекты, утратившие население	Доля снижения	Субъекты, приобретшие население	Доля роста
Пензенская область	0,75	Сахалинская область	59,17
Костромская область	0,75	Магаданская область	55,14
Курская область	0,73	Мурманская область	35,84
Новгородская область	0,69	Ханты-Мансийский автономный округ	32,51
Рязанская область	0,65	Ямало-Ненецкий автономный округ	25,58
Тамбовская область	0,65	Камчатская область	24,53
Тверская область	0,63	Чукотский автономный округ	12,08
Орловская область	0,58	Хабаровский край	10,95
Смоленская область	0,53	Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ	7,86
Псковская область	0,50	Еврейская автономная область	6,00

Источник: Центр социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН.

То есть в регионах России произошла резкая дифференциация численности населения, и, как следствие, дифференциация демографического потенциала.

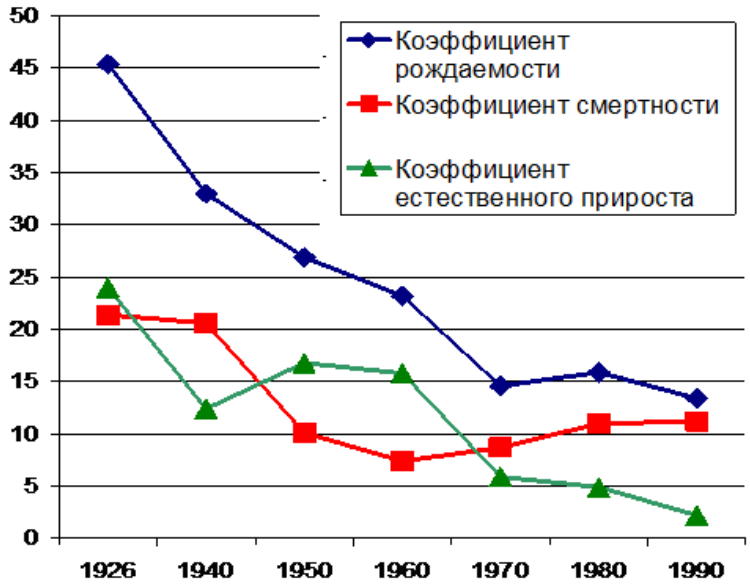
Роль исторической миссии населения центральных районов России в перераспределении демографического потенциала, которая осуществлялась и

в советский период, отметил еще генерал-адъютант, член Государственного совета А.Н.Куропаткин в своем фундаментальном труде «Русско-японская война 1904–1905: итоги войны»: «Жертвы, принесенные коренной Россией по расширению ее пределов, и жертвы, приносимые еще и ныне коренными местностями для устройства и обороны окраин, так велики, что не могли не отразиться на слишком медленном экономическом росте собственно русского населения»[1].

Перераспределение населения по территории России в советский период не могло не сказаться, как на региональных возможностях демографического развития, так и на общих параметрах воспроизводства населения. Динамика коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста имела различные тренды и параметры на протяжении советского периода (см. график 1).

График 1

Динамика уровня рождаемости, смертности и естественного прироста в России в советский период



Источник: Центр социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН.

[1] *Куропаткин А.Н.* Русско-японская война 1904–1905: итоги войны. СПб., 2003. С.74.

Отметим, рождаемость в России в период с 1926 по 1970 гг. снижалась, что, в принципе, соответствовало общемировой тенденции. Однако, в отличие от других развитых стран западной Европы, падение уровня рождаемости в России происходило очень быстро. То есть изменения в уровне рождаемости в странах западной Европы и США происходили в пределах нескольких промилльных пунктов, в России же уровень рождаемости изменялся в разы, что свидетельствует о стремительности динамики тренда рождаемости. Что касается динамики уровня смертности, то можно сказать, что до 1960 г. России являлась последователем мирового тренда, характеризующегося сокращением смертности. Причем, снижение смертности в России было более быстрым, чем в других странах. Так, с 1926 г. по 1960 г. показатель общего коэффициента смертности в России упал почти в 3 раза, тогда как в США, это снижение составило примерно 1,3 раза. В 1960 г. общий коэффициент смертности российского населения достиг своего исторического минимума и составил 7,4‰. После 1960 г. уровень смертности в России стал увеличиваться «в разрез» тенденции в других странах. К концу «советского» периода смертность в России относительно наилучшего показателя 1960 г. выросла в 1,5 раза.

В результате взаимодействия особенностей динамики уровня рождаемости и уровня смертности формировалась российская специфика динамики естественного прироста. Так, в 1926 г. показатель естественного прироста в России составлял 24,0‰ и являлся абсолютно рекордным. Такой естественный прирост формировался в условиях, когда максимальный уровень рождаемости (1913) уже начал снижаться, но пока оставался очень высоким, а смертность уже существенно снизилась (относительно 1913 г.). К 1940 году за счет резкого сокращения уровня рождаемости (в 1,4 раза) и несущественного снижения уровня смертности естественный прирост снизился почти в 2 раза. Послевоенный период для динамики естественного прироста российского населения оказался наиболее благополучным, что связано, с тем, что абсолютные величины самого естественного прироста были выше, чем абсолютные величины смертности: в 1950 г. в 1,6 раза, а в 1969 г. в 2 раза. То есть естественный прирост населения в России в этот период в разы «перекрывал» убыль населения. В последующем показатель естественного прироста был всегда меньше, чем показатель смертности. Очень значительно коэффициент естественного прироста снизился за 1960-е гг. (в 2,7 раза), а также между 1980 и 1990 гг. (в 2,2 раза). **За «советский» период естественный прирост населения в России сократился почти в 11 раз.**

Общероссийские тенденции при исследовании региональных различий демографических процессов важны с точки зрения формирования закономер-

ности, которая заключается в том, что вариативность уровней рождаемости и смертности по разному отражают динамику в периоды общего ухудшения или улучшения демографической ситуации (см. табл. 2).

Таблица 2

Показатели региональных различий воспроизводственных процессов

1940–1990 гг., ‰, разы

	Показатели, ‰						Превышение, раз					
	1940	1950	1960	1970	1980	1990	1940	1950	1960	1970	1980	1990
Диапазон уровня рождаемости	от 54,6 до 10,9	от 57,8 до 14,9	от 40,1 до 13,3	от 28,7 до 11,0	от 29,0 до 12,2	от 26,2 до 10,2	5,0	3,9	3,0	2,6	2,4	2,6
Диапазон уровня смертности	от 37,1 до 8,3	от 20,7 до 5,9	от 9,8 до 4,5	от 13,1 до 4,9	от 15,8 до 4,7	от 15,1 до 3,3	4,5	3,5	2,2	2,7	3,4	4,6
Диапазон уровня естественного прироста	от 34,9 до 2,6	от 41,2 до 7,4	от 33,6 до 8,4	от 22,1 до (-)1,6	от 19,9 до (-)2,6	от 20,0 до (-)4,4	13,4	5,6	4,0	(-)13,8	(-)7,6	(-)4,5

Источник: Центр социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН.

Так, например, в 1940 г. уровень рождаемости в регионах различался пятикратно. В это время на каждую тысячу человек населения в Приморском крае рождалось более 54 человек, а в Магаданской области – 10 человек. Общероссийский уровень рождаемости был выше, так как имелась возможность в этот период компенсировать низкий уровень рождаемости в одних регионах высоким уровнем рождаемости в других регионах. Также в этот период наблюдались более существенные различия в репродуктивном поведении населения разных частей России. Постепенно превышение максимальных показателей над минимальными показателями уровня рождаемости снижаются, и до конца советского периода остается почти неизменным. К 1990 г. репродуктивное поведение населения в регионах постепенно сближается, тотально утверждается малодетность, в результате чего уровень рождаемости по регионам различается лишь в 2,6 раза.

Напротив, уровень смертности при общей тенденции ее сокращения в регионах начинает различаться все меньше. Так, в 1940 г. региональная вариация уровня смертности составляла 4,5 раза. В дальнейшем региональные различия диапазона коэффициента смертности сокращались: 3,5 раза в 1950 г. и 2,2 раза в 1960 г. То есть в период резкого общего сокращения уровня смертности про-

исходит сближение регионов в отношении позитивной динамики показателей смертности. При ухудшении тренда, то есть, в условиях роста общероссийского уровня смертности наблюдается усиление региональных различий в области смертности. Начиная с 1970 г., превышение максимальных над минимальными уровнями смертности в регионах увеличивалось, и к 1990 г. вновь достигло значений этого показателя, отмеченного в 1940 г.

Начиная с 1970 г., показатели вариации уровня смертности превышают показатели вариации уровня рождаемости: в 1970 г. 2,7 против 2,6; в 1980 г. 3,4 против 2,4; в 1990 г. 4,6 против 2,6. То есть региональное разнообразие уровней смертности начинает превышать региональное разнообразие уровней рождаемости. И эта особенность совпадает с тем, что именно в 1970 г. отмечено наибольшее региональное различие в уровне естественного прироста: – 13,8. Более того, именно в 1970 г. начинает зарождаться депопуляционная направленность в отдельных регионах. Если в 1970 г. естественная убыль населения наблюдалась только в двух субъектах – Тверской и в Псковской областях, то в 1980 г. – в шести субъектах, а в 1990 г. – уже в 22 регионах России.

Таким образом, региональные различия воспроизводственных процессов в советский период характеризуются следующими особенностями. Диапазон региональных вариаций показателей рождаемости постепенно сокращался и, достигнув определенной предельной в этот исторический период величины, составляющей 2,4 раза, остался почти неизменным. При этом исторический минимум регионального уровня рождаемости составил 10,2‰. Диапазон вариаций уровня смертности в регионах сокращался в условиях общего снижения смертности и увеличивался в условиях общего роста смертности. При этом исторический минимум регионального коэффициента смертности составил 3,3‰. **Эти значения могут стать критериями, определяющими эффективность мероприятий региональной демографической политики.** Они являются своеобразными «пределами», реально наблюдаемыми в советское время, выход за которые чреват разрушением демографического потенциала не только отдельных регионов, но и страны в целом.

В постсоветский период с 1990 по 2008 гг. сокращение численности населения затронуло большинство субъектов России. Утрата населения в некоторых из них за такой короткий срок была беспримерной. Например, Чукотский автономный округ лишился около 70% своего населения, Магаданская область – 58%. В то же время население 22 субъектов России к 2008 г. численно увеличилось. На эти позитивные изменения численности населения

в данных субъектах имела влияние и миграция, также как и на стремительное сокращение численности, например, в субъектах Дальневосточного федерального округа. Что же касается, воспроизводственных процессов на современном этапе, то можно заметить, что и в этом случае сначала наблюдалось усиление депопуляционных трендов в течение 1990-х гг., в результате чего 2000 г. стал наиболее негативным на постсоветском этапе в отношении большинства демографических показателей. В то же время принимаемые меры демографической политики, в совокупности с иными закономерностями развития демографических процессов в последние годы несколько сгладили развивающиеся тенденции. Отметим, что в постсоветский период разрыв между регионами России в уровне рождаемости и смертности несколько увеличился (см. табл. 3). Особенно это стало заметно в 2008 г. Но в отличие от советского периода, когда усиление демографической дифференциации регионов происходило, главным образом, за счет изменения максимальных значений, то в 2008 г. рост региональной вариативности уровня рождаемости и уровня смертности происходил как за счет максимальных и минимальных значений (в случае с рождаемостью), так и за счет минимальных значений (в случае со смертностью). Эта особенность свидетельствует о том, что демографические меры неравнозначно влияют на регионы России, что некоторые из них более лабильны к преодолению депопуляционных тенденций.

Таблица 3

Показатели региональных различий воспроизводственных процессов

1990–2008 гг., ‰, разы

	Показатели, ‰			Превышение, раз		
	1990	2000	2008	1990	2000	2008
Диапазон уровня рождаемости	26,2 до 10,2	19,0 до 6,7	29,3 до 8,8	2,6	2,8	3,3
Диапазон уровня смертности	15,1 до 3,3	22,4 до 4,7	21,7 до 3,1	4,6	4,8	7,0
Диапазон уровня естественного прироста	20,0 до (-)4,4	14,2 до (-)15,0	24,8, до (-) 11,7	(-)4,6	(-)0,9	(-)2,1

Источник: Центр социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН.

Повышение общероссийского показателя уровня рождаемости стало зримо с 2000 г. И к данной тенденции присоединялись все больше российских регионов. Если рассмотреть уровень рождаемости в «переломный» период – до и после начала действия демографических мер, окажется, что уже в 2006 г. положительный прирост общего коэффициента рождаемости наблюдался в большинстве регионов России. Только в 16 субъектах РФ относительно 2005 г. он был негативным. Это означает, что меры демографической политики, вступившие в действие в 2007 г., «наложились» на ожидаемую «волну» роста

рождаемости. И в реальности очень трудно «отделить» влияние самих демографических мер от тайминговых сдвигов в динамике рождаемости. В тоже время заметим, что в 2007 г. во всех регионах России произошел прирост уровня рождаемости. Но в каких-то меньше, в каких-то больше. Меньше всего отреагировали на «материнский капитал» субъекты Центрального округа, больше – субъекты Южного округа (см. табл. 4). Рост уровня рождаемости продолжился и в 2008 г. Однако глобальный финансово-экономический кризис также отразился на только начинающихся формироваться позитивных тенденциях. Темпы роста общего коэффициента рождаемости снизились почти повсеместно.

Таблица 4

Общий коэффициент рождаемости и темпы его изменения в 2006–2008 гг. (на 1000 населения)

	Общий коэффициент рождаемости			Темпы роста общего коэффициента рождаемости	
	2006	2007	2008	2007/2006	2008/2007
Российская Федерация	10,4	11,3	12,1	108,6	107,0
Центральный	9,0	9,7	10,3	107,7	106,2
Северо-Западный	9,5	10,2	10,7	107,4	104,9
Южный	11,7	12,9	13,9	110,2	107,7
Приволжский	10,1	11,1	11,8	109,9	106,3
Уральский	11,4	12,3	13,2	107,8	107,3
Сибирский	11,6	12,7	13,7	109,4	107,8
Дальневосточный	11,5	12,3	12,6	106,9	102,4

Источник: Центр социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН.

В масштабе отдельных субъектов наиболее значительно в 2007 г. относительно 2006 г. повысился уровень рождаемости в Республике Тыва. У нее различие составляет 27‰. Также к субъектам, отозвавшимся на вводимые меры демографической политики, относятся республики Северного Кавказа и другие национально-государственные субъекты. Напротив, прирост уровня рождаемости в 2007 г. относительно 2006 г. был существенно меньше, чем в среднем по России, и составил лишь от 1 до 3‰ в группе субъектов, половина из которых расположена в центральной части страны. Это: Вологодская, Орловская, Белгородская, Тульская, Московская, Ярославская, Липецкая, Костромская, Тверская области. В 2008 г. относительно 2007 г. позиции отдельных регионов несколько изменились. Лучшую динамику в сфере рождаемости показали регионы Южного, Сибирского и Уральского федеральных округов. Общий коэффициент рождаемости Центрального округа и в 2008 г. оказался самым низким.

К субъектам, где уровень смертности в 2008 г. оказался существенно выше, чем в среднем по России, также относятся территории Центрального округа. Причем, в значительной их части показатели смертности выросли относительно 2007 г. Это Псковская, Ивановская, Тверская, Смоленская, Курская, Костромская, Тамбовская области. Демографическая депрессивность этих субъектов усугубляется наихудшими возможностями социально-экономического плана и, особенно современным характером влияния экономического кризиса. Именно здесь наблюдается отсутствие «точек роста» как в экономическом[1], так и в демографическом отношении.

Рейтинговый анализ постсоветских региональных различий в уровнях рождаемости, смертности, естественного прироста показал, что существуют особые территории, где депопуляционные тренды особенно масштабны – это территории центральной части России. Они традиционно символизируют ее образ; в начале XX века являлись достаточно многолюдными и соперничали с Москвой по численности населения; подверглись вооруженной агрессии в период Второй мировой войны и не восстановили или только приблизились к восстановлению довоенной численности населения за послевоенный период; являлись миграционными «донорами» в течение досоветского и советского периода для других территорий России и СССР; отличаются наибольшей концентрацией государствообразующего этноса России; в меньшей степени, чем другие регионы «отреагировали» на современную демографическую политику; в большей степени столкнулись с последствиями глобального социально-экономического кризиса.

Таким образом, принятые демографические меры, а также вмешавшийся кризис, усиливают дифференциацию демографических процессов, не выравнивают демографическое поведение населения. Поэтому кажется необходимым в рамках Национальной программы демографического развития именно в таких регионах дополнительно разработать меры по восстановлению демографического потенциала. Аналогом могут служить особые экономические зоны, главная цель создания которых – решение стратегических задач развития государства в целом или отдельной территории. Были бы исторически справедливы и политически оправданы специальные усилия государства по восстановлению демографического потенциала территорий, которые находятся в «демографической яме», хуже всех социально обслуживаются государством и, соответственно, слабо «поддаются» на общие меры демографической политики.

[1] См. В 2009 году только восьми регионам РФ хватит денег на расходы: URL: http://lenta.ru/news/2009/07/14/regions/

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

Особенности этнического состава региона, его изменения зачастую становятся причиной роста межнациональной напряженности в случае резких изменений исторически сложившегося состава населения. В этих условиях диспропорции по основным социально-экономическим показателям (степень урбанизации, уровень образования, распределение по сегментам рынка труда и т.п.), возникающие между различными этносами, населяющими тот или иной регион, становятся важной причиной межэтнической конкуренции на рынках труда и распределения социальных благ. Изменение пропорций этнической структуры населения еще более усугубляет эту конкуренцию.

Существенные региональные изменения этнического состава, вызванные возникновением новых или усилением уже существующих миграционных потоков, способны коренным образом изменить сложившийся характер межнациональных отношений в регионе, заставить людей по-иному оценивать представителей контактирующих с ними этносов. Исторически Краснодарский край, в силу ряда причин, был принимающим регионом. Эта тенденция сохраняется и в настоящее время. Многие годы край входит в число лидеров среди субъектов РФ по численности мигрантов. Только за последнее десятилетие сюда прибыло свыше одного миллиона мигрантов, в основном из северо-кавказских, закавказских и среднеазиатских республик. Сегодня практически каждый пятый житель края – приезжий, а доля мигрантов в несколько раз превышает общероссийские показатели.

Картина демографических трендов в Краснодарском крае в течение долгого времени была не радужная. В крае складывалась неблагоприятная демографическая ситуация, наблюдалось перекрещивание тренда рождаемости (уменьшающийся) с трендом смертности (возрастающий), этот демографический крест появился в Краснодарском крае в 1990 г. Однако с 2007 г. ситуация несколько улучшилась, рост численности населения был обусловлен сокращением его естественной убыли почти на 22,7% по сравнению с аналогичным

периодом 2006 г., вследствие сокращения числа умерших на 3,2% и увеличения рождаемости на 6,4%.

Структура миграционных потоков на Кубань в течение последних лет усложняется, меняет свой качественный состав. В 90-е годы большую часть миграционного прироста (53,7%) формировали горожане со специфическим менталитетом «среднеазиатских русских», «кавказских русских», проживавшие в крупных городах и индустриальных центрах бывших советских республик, которые ехали с семьями на Кубань, как на постоянное место жительства, а не как на транзитную территорию.

Начиная с 2005 г. ситуация меняется. Значительное число мигрантов, находящихся на территории края – временные трудовые мигранты из государств «ближнего» и «дальнего зарубежья». Все чаще, и чаще мы сталкиваемся с понятиями «транзитная миграция», «неполная миграция», «торговля мигрантами», «трудовой туризм», «ежедневные трансграничные маятниковые миграции» и др. Среди иммигрантов новой волны увеличивается доля людей, прибывших в поисках работы.

Основными поставщиками иностранной рабочей силы из стран СНГ являются: Украина, Армения, Молдова; из стран дальнего зарубежья – Турция, Сербия и Черногория. Самыми крупными потребителями иностранной рабочей силы являются города Сочи и Краснодар. Прибывающие в Краснодарский край трудовые мигранты привлекаются, прежде всего, в основные сектора материального производства – строительство и сельское хозяйство. Из-за сравнительно небольших масштабов трудовая миграция иностранных граждан в целом не оказывает заметного воздействия на сферу занятости населения.

Миграционный прирост населения Краснодарского края в первые годы XXI в. снижался, по сравнению с предыдущим десятилетием. Но, начиная с середины десятилетия, опять наблюдается рост этого показателя, хотя и не всегда равномерный (см. табл. 1, диаграмму 1).

Обработанные данные, приводимые в сборниках Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю, позволяют подвести сводные итоги миграции населения края (см. табл. 2).

Обобщая данные табл. 2, можно прийти к выводу, что направление миграционных потоков за последние два года, несколько изменилось. Если, за исключением 2007 г., объемы внутрироссийской миграции остаются примерно на одинаковом уровне, то объемы миграции со странами СНГ и Балтии увеличились. Объемы миграции со странами дальнего зарубежья по-прежнему незначительны.

Таблица 1

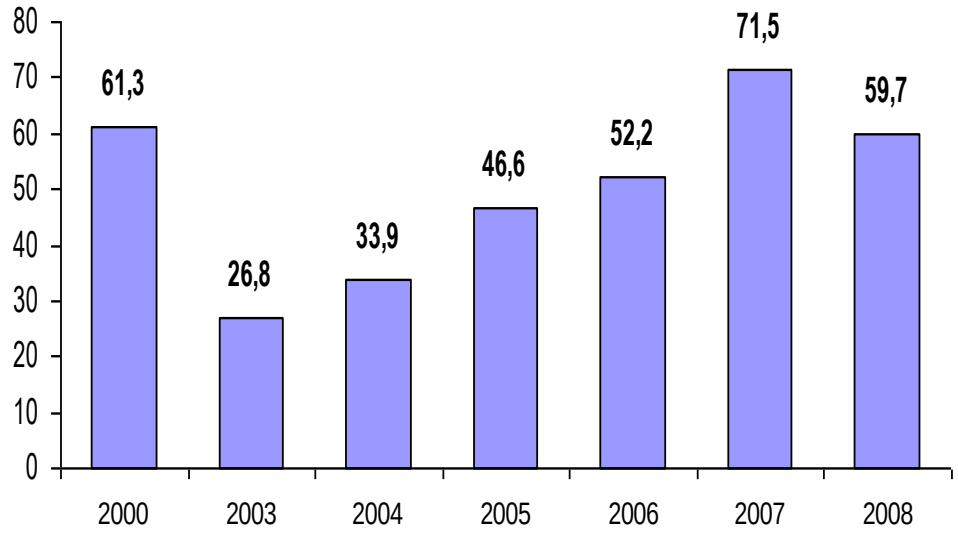
Общие коэффициенты миграционного прироста населения (на 10000 населения)

	Все население	В том числе	
		Городское	Сельское
2000	61,3	22,1	106,8
2003	26,8	20,8	33,6
2004	33,9	23,9	45,4
2005	46,6	31,2	63,8
2006	52,2	42,4	63,0
2007	71,5	59,0	85,4
2008	59,7	48,3	72,2

Источник: Краснодарский край в цифрах-2008. Краткий статистический сборник. Краснодар, 2009. С.32.

Диаграмма 1

Общие коэффициенты миграционного прироста населения (на 10000 населения)



Источник: Краснодарский край в цифрах-2008. Краткий статистический сборник. Краснодар, 2009. С.32.

Таблица 2

Сводные итоги миграции населения Краснодарского края, человек

	Миграция, всего	Внутрироссийская	Внутрирегиональная	Межрегиональная	Международная	Со странами СНГ и Балтии	Со странами дальнего зарубежья
2000							
Число прибывших	97535	82697	38381	44316	14838	14594	244
Число выбывших	74975	70113	38381	31732	4862	2453	2409
Миграционный прирост	22560	12584	-	12584	9976	12141	- 2165
2005							
Число прибывших	82453	74478	32300	42178	7975	7639	336
Число выбывших	58683	55572	32300	23272	3111	1128	1983
Миграционный прирост	23770	18906	-	18906	4864	6511	- 1647
2006							
Число прибывших	85437	77086	32912	44174	8351	8007	344
Число выбывших	58838	56612	32912	23700	2226	1143	1083
Миграционный прирост	26599	20474	-	20474	6125	6864	- 739
2007							
Число прибывших	100582	85839	36869	48970	14743	14322	421
Число выбывших	64028	62521	36869	25652	1507	998	509
Миграционный прирост	36554	23318	-	23318	13236	13324	- 88
2008							
Число прибывших	92717	79604	34905	44699	13113	12583	530
Число выбывших	62102	60943	34905	26038	1159	821	338
Миграционный прирост	30615	18661	-	18661	11954	11762	192

Источник: Краснодарский край в цифрах-2008. Краткий статистический сборник. Краснодар, 2009. С.29, 30, 31.

Статистические данные свидетельствуют, что из всех мигрантов, прибывающих на территорию Южного федерального округа, почти одна треть выбирают для поселения Краснодарский край. Значителен миграционный обмен с Ростовской областью, Сибирским и Уральским округами, Ставропольским краем, Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республиками, республиками Дагестан и Северной Осетией-Аланией. Довольно значителен приток мигрантов с территории Казахстана и Украины, государств Закавказья и Средней Азии. Стабилен, хотя и невелик объем миграции из стран Балтии.

При этом следует отметить, что миграционные потоки распределяются примерно равномерно в городской и сельской местности.

Одним из следствий миграции является изменение состава и численности населения принимающего региона. Здесь, следует отметить, что на территории края, так же, как и на всей территории Российской Федерации, наблюдается естественная убыль населения. Хотя в 2000–2008 гг. этот показатель уменьшился в 3,15 раза, в то время как в целом по РФ его уменьшение составило 2,5 раза.

Возрастной состав мигрантов по краю в 2008 г. представлен следующим распределением: при общей численности прибывших 93 тыс. человек, лица моложе трудоспособного возраста составили 13%, трудоспособного возраста – 69% и старше трудоспособного возраста – 18%. Данные показатели свидетельствуют, что возникает дополнительная нагрузка на социальную сферу региона, а социальные проблемы приема и обустройства мигрантов остаются актуальными.

Внутренние мигранты разных национальностей прибывают в край неравномерно, их потоки направлены преимущественно в густонаселенные, хозяйственно развитые районы, либо в те города и районы, где уже обосновались их национальные общины.

Нацеленность на компактное поселение значительной части этнических мигрантов является важной особенностью их обустройства на территории Краснодарского края. Именно компактное расселение мигрантов обусловило интенсивный рост численности некоторых этнических групп (армян, азербайджанцев, грузин, крымских татар и др.) (см. табл. 3, диаграмму 2).

Тем не менее по данным официальной статистики, миграции пока еще существенным образом не изменили национальный состав населения. В этническом составе Краснодарского края по-прежнему преобладают русские (87%), часть которых относит себя к кубанским казакам. Другие наиболее значительные этнические группы населения – армяне (5%), украинцы (3%), белорусы (0,5%), греки (0,5%), грузины (0,4%), адыгейцы (0,3%). В крае проживают также турки, курды, греки, немцы, татары, грузины, представители северокавказских народов.

Таблица 3

Национальная структура населения края

В % к итогу

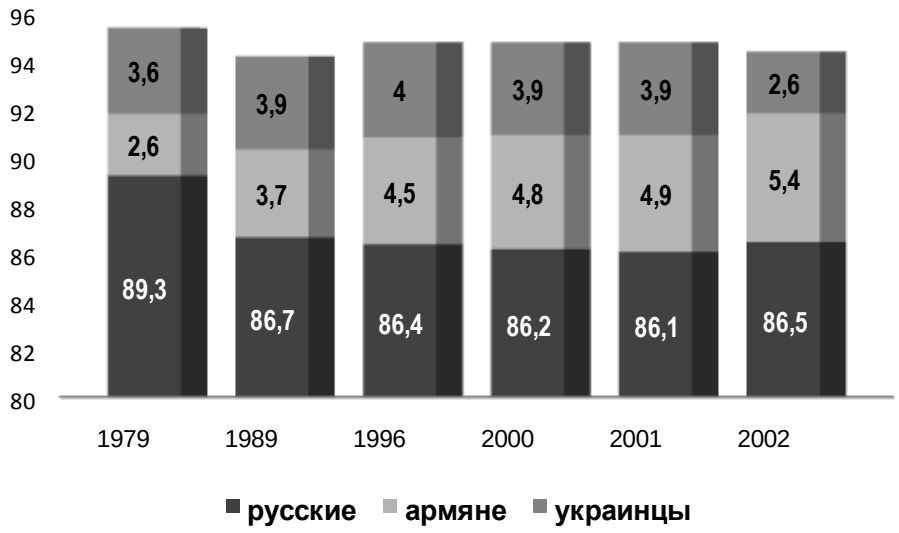
	1979	1989	1996	2000	2001	2002
Все население	100	100	100	100	100	100
В том числе: русские	89,3	86,7	86,4	86,2	86,1	86,5
Армяне	2,6	3,7	4,5	4,8	4,9	5,4
Украинцы	3,6	3,9	4,0	3,9	3,9	2,6
Белорусы	0,7	0,8	0,8	0,8	0,8	0,5
Греки	0,5	0,6	0,6	0,6	0,6	0,5
Адыгейцы	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,3
Грузины	0,2	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4
Татары крымские	-	0,4	0,3	0,3	0,3	0,05
Немцы	0,5	0,6	0,4	0,3	0,3	0,4
Татары	0,5	0,3	0,3	0,3	0,3	0,5
Азербайджанцы	0,1	0,2	0,2	0,3	0,3	0,2
Цыгане	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Молдаване	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1
Мордва	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Чуваши	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,08
Удмурты	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,07
Осетины	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,08
Марийцы	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,05
Узбеки	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,04
Черкесы	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,09
Евреи	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,06
Другие национальности	0,6	0,9	0,6	0,6	0,5	1,78

Источник: Краснодарский край-1937–2007. Статистический сборник. Краснодар, 2007. С.39.

Так, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., численность армян, зарегистрированных в крае, составляла более 274 тыс. человек. Фактически же их количество составляло около 600 тыс. человек. Армяне стали второй по численности (после русских) этнической группой в Краснодарском крае. Армянская диаспора хорошо организована и активно действует не только в сфере экономики, но и политики. Численность курдов увеличилась на 85%, ассирийцев – на 64%, грузин – в два раза. Значительный рост наблюдается и по ряду других этнических групп населения, что зачастую приводит к обострению социокультурных противоречий, периодическим всплескам конфликтных ситуаций из-за нарушения исторически сложившегося этнодемографического баланса.

Диаграмма 2

Динамика изменения численности основных этнических групп населения Краснодарского края



Источник: Краснодарский край-1937–2007. Статистический сборник. Краснодар, 2007. С.39.

Социальные последствия складывающихся взаимоотношений принимающего населения и иноэтничных мигрантов вызывают определенные опасения.

Во-первых, социально-экономическая дискриминация, этносоциальная стратификация и сепарация иноязычных мигрантов поддерживают и воспроизводят этническую идентичность в ущерб гражданской, становясь серьезным препятствием на пути формирования гражданской нации. Во-вторых, этносоциальная стратификация и сегментация общества по этническому основанию подрывают общественные устои, подвергая эрозии базовые социальные институты, определяющие тип современного общества. В-третьих, сепарация иноэтничных мигрантов, формирование субкультурных мигрантских анклавов (в том числе, территориальных анклавов) в принимающей среде становится проблемой, угрожающей социально-экономической и политической стабильности, особенно на локальном уровне. В-четвертых, существует опасность, что ставшие обыденными дискриминационные практики взаимоотношений принимающего населения с мигрантами начнут распространяться на мест-

ных жителей, не принадлежащих к этническому большинству или на представителей тех национальных меньшинств, которые традиционно проживали в крае.

В Краснодарском крае в конце XX в. появилась достаточно активная социальная группа, изначально занявшая жесткую позицию по отношению к этническим общинам – казачьи организации, которые зачастую помимо охраны правопорядка, нередко брали на себя функции защиты своих поселений от этнических мигрантов, выдвигая требования их выселения с территории края.

Ситуация несколько изменилась в конце 2004 г. в связи с принятием краевой целевой программы гармонизации межнациональных отношений и развития национальных культур в Краснодарском крае и концепции миграционного законодательства региона. В рамках этой концепции в крае налажен и ведется мониторинг миграционной ситуации, регулярно проводятся проверки работы районных комиссий миграционного контроля.

Все более значимую роль в адаптационно-интеграционных процессах играют социокультурные факторы, важнейшими из которых становятся: толерантность принимающего населения, адаптивные возможности мигрантов, а также включенность иноэтничных мигрантов в повседневный культурный контекст принимающей стороны, наличие у них потребности следовать общепринятым образцам и традициям, специфический исторический опыт и традиции межкультурного взаимодействия принимающего населения.

По социологическим данным и исследованию ключевых признаков (обеспеченность жильем, трудоустройство, взаимоотношения с местным населением, материальная обеспеченность, социальная активность, взаимодействие с культурой принимающей стороны и т.д.), большинство опрошенных мигрантов в настоящее время успешно адаптировались и интегрировались в принимающую среду Краснодарского края[1].

Подавляющее большинство мигрантов в той или иной мере удовлетворены своей нынешней работой и лишь 9% опрошенных мигрантов не удовлетворены. Среди мигрантов сильной является тяга к профессиональному образованию и повышению его уровня (57%), что является одним из признаков успешности процесса адаптации. Большая часть мигрантов имеет постоянный источник доходов в виде заработной платы. К дополнительным источ-

[1] Социологическое исследование «Интеграция вынужденных мигрантов в местное сообщество» методом анкетирования мигрантов и местного населения, а также экспертного опроса было проведено совместно с отделением социологии Кубанского государственного университета (руководитель исследования – д.с.н., профессор В.Н.Петров).

никам доходов мигрантов относятся доходы от реализации сельскохозяйственной продукции с личных подсобных хозяйств (28%), а также разовые подработки, не носящие систематического характера.

Материальное положение, по оценкам самих мигрантов, у них неплохое: более половины респондентов имеют небольшие финансовые проблемы, 17% считают, что никаких проблем у них нет, 25% мигрантов указали, что сталкиваются с серьезными проблемами. Но здесь следует отметить, что почти все мигранты, имеющие проблемы, живут в Краснодарском крае не более пяти лет.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство мигрантов, принимавших участие в исследовании, демонстрируют удовлетворенность своими жилищными условиями (12% респондентов полностью удовлетворены, 53% – скорее удовлетворены, 26% – не удовлетворены). Как свидетельствуют полученные данные, подавляющее большинство мигрантов – 82%, не задумывались о возможности отъезда с территории Краснодарского края и лишь 14% опрошенных посещали мысли об отъезде; 63% проживают на территории Краснодарского края более пяти лет; 84% респондентов в той или иной мере удовлетворены своей нынешней жизнью в крае,

Важнейшим фактором современной миграционной обстановки и миграционной политики как в России, так и на территории Краснодарского края, становится относительная социально-политическая стабильность и адаптация населения к меняющимся социально-политическим и экономическим реалиям. Полученные данные свидетельствуют о нормальном, в целом, процессе этносоциальной адаптации и интеграции мигрантов в Краснодарском крае.

Период революционной ломки политических, социальных и экономических институтов завершился. В крае происходит предсказуемый процесс их коррекции и модернизации, не оказывающий столь существенного влияния на миграционные процессы, как в предшествующие годы.

Притягательность Краснодарского края для мигрантов, прибывающих по социально-экономическим мотивам, является долгосрочным фактором его развития. Краснодарский край является инвестиционно-привлекательным, принятие решения о проведении Олимпиады 2014 г. в Сочи поднимает вопрос о пересмотре квот на использование иностранной рабочей силы на территории края. Например, глава концерна Strabag (задействован в строительстве терминала аэропорта Адлера) Ганс-Петер Хазельштайнер в интервью австрийской газете Der Standard, говорит, что имеют место трудности в использовании рабочей силы: «Нельзя разместить 100 тыс. строителей в тесном помещении

и снабжать их всем необходимым – и это еще во время летнего сезона. Они не смогут принять в Сочи даже ванну». Представляется, что в крае необходимо проведение избирательной миграционной политики, направленной на привлечение квалифицированных специалистов, в которых нуждаются различные отрасли экономики. На сегодняшний момент, основным субъектом управления миграционными процессами являются государственные органы. Однако это должно дополняться партнерством с широким кругом других участников, как мигрантов, так и социальных партнеров – работодателей, профсоюзов, общественных организаций.

Миграционная политика, проводимая администрацией и Законодательным Собранием края, имеет своим центральным звеном политику и практику адаптации и интеграции мигрантов. Несомненно, что в дальнейшем для осуществления социальной адаптации мигрантов и членов их семей (в первую очередь, в сфере языка, образования) потребуется не только оказывать им материальную и финансовую помощь, но и повысить социальную мобильность прибывающих в край, сгладить социокультурные различия между мигрантами и принимающим населением. При определении целей, задач и приоритетов политики интеграции, разработке ее инструментов и механизмов, придется учитывать различия в стратегиях адаптации представителей разных этнических групп мигрантов к принимающему сообществу, их возможности к интеграции (интеграционный потенциал).

ЕВРОПЕЙСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ АДАПТАЦИИ ИММИГРАНТОВ

В условиях стремительного и неконтролируемого роста численности мигрантов в России вопрос об их адаптации более чем актуален. Проблема приема и интеграции иммигрантов, как показывает европейский опыт, в условиях экономического кризиса обостряется. Иммиграция и успешная интеграция мигрантов в условиях экономического роста, в экономически развитой стране происходит в социальном и культурном плане легче, нежели в деконсолидированном государстве, находящемся в сложной экономической ситуации[1].

Вопрос о модели интеграции иммигрантов, или, как многие предпочитают называть, политике интеграции, возможно сегодня более важен, чем о необходимости привлечения рабочей силы, точнее, они должны рассматриваться во взаимосвязи. В выводах Доклада глобальной комиссии по международной миграции, в частности, отмечается, что, хотя предполагается максимизировать выгоду от международной миграции и минимизировать ее неблагоприятные последствия, не может существовать единой модели действий для государств и других заинтересованных сторон в области международной миграции: «Некоторые правительства разрешают въезд значительного числа мигрантов в свои страны, но не вкладывают средства в процесс их интеграции, который необходим для того, чтобы эти люди смогли реализовать свой потенциал и внести положительный вклад в свое новое общество»[2].

Какова оптимальная модель интеграции иммигрантов? Интеграция иммигрантов понимается по-разному в зависимости от страны приема. Например, как ассимиляция во Франции с конца XIX до середины XX века. Мульти-

[1] «Accueillir». 2003, №231–232. P.15 (Филипп Моро Дефарж, директор Французского института международных отношений и профессор Института политических исследований Парижа. L'integration №7. Revue pour l'egalite. P. Edition 2007. P.18.

[2] Миграция во взаимосвязанном мире: новые направления деятельности. Доклад глобальной комиссии по международной миграции. 2005 г. М., 2000, 2006. CVIII. С.2

культурная традиция получила распространение в Канаде, Австралии, Нидерландах, Великобритании, которые сегодня говорят о необходимости более активного включения иммигрантов и особенно их детей в общественную жизнь, в общее социальное пространство. Цели интеграции в целом схожи, способы – различны. В Великобритании приоритет отдан борьбе с дискриминацией, акцент на выражение культурной идентичности ставится в Нидерландах, на городскую политику и гражданское участие – во Франции, профессиональную интеграцию – в Германии, деятельность в различных ассоциациях – в странах южной Европы, на расширение политических прав, в частности путем участия в местных выборах – в североевропейских государствах[1].

Сегодня можно говорить, что идеи «мультикультурализма» значительно утратили свою популярность из-за провала этой модели в Нидерландах, Великобритании, других странах, которые, столкнувшись с проявлениями коммунитаризма, были вынуждены значительно скорректировать «мультикультурный подход». Это естественно, так как принцип равноправного сосуществования культур, лежащий в основе этой модели, прямо противоположен идее адаптации, приобщения одной культурной идентичности к другой. Будучи теоретически привлекательным, на практике он нередко приводит к конфликтам, провоцируя сепаратистские стремления (Косово, Квебек в Канаде, Северный Кавказ в России и т.д.). С мультикультурализмом британские политики связывают ослабление социальной сплоченности, австралийские – угрозу современной демократии и культуре большинства, а также дороговизну государственных расходов и программ, обеспечивающих «мультикультурную» политику. По сути, по мнению английских исследователей, это – идеология фрагментации и поддержания социальной исключенности, препятствующая консолидации нации-государства[2]. Целенаправленная политика «поддержания единства в разнообразии», проводимая в Великобритании (вслед за Канадой, Австралией в 1970–1980-х гг.), не оправдала себя и на практике. Только 1% коренных британцев имеют близких друзей из инокультурных общин. Большинство граждан твердо уверены, что иммигрантам нужно « полностью интегрироваться в британское общество»[3]. Косвенным подтверждением этого

[1] Представители недатского населения принимаются на службу в муниципалитеты. Однако доля таких служащих остается стабильно низкой – 2,2%.

[2] См. B*erry B.* Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge. 2000; McKenzie Ch. The Menace of Multiculturalism.

[3] www.yougov.co.uk. Survey on Racial Equality. 2004.

может служить тот факт, что после интервью на британском телевидении лидера ультраправой Британской национальной партии (БНП) Ника Гриффина, получившей два места в Европарламенте в мае 2009 г., и известной своим призывом «Британия – для британцев», согласно опросу общественного мнения, проведенному вслед за передачей, – 22% опрошенных заявили, что «всерьез рассматривают выбор в пользу БНП на предстоящих местных, всеобщих и европейских выборах»[1]. Подготовленный в 2002 г. доклад парламентской комиссии об опыте интеграции иммигрантов в Нидерландах за последние три десятилетия, констатировал провал государственной мультикультурной политики[2].

В странах приема преобладает мнение, что иммигранты в большинстве своем не вернутся на родину, что иммиграция – явление не временное, это неотъемлемая и необходимая составляющая всех развитых экономик и продолжится, несмотря на кризис. Очевидно, что глобализирующиеся миграционные процессы стали настоящим вызовом для развитых стран, столкнувшихся со старением своего населения, постоянной потребностью в рабочей силе в определенных секторах экономики, столкновением культур и идентичностей, с необходимостью участия в мировом соревновании за привлечение высококвалифицированных кадров.

Интеграция иммигрантов предполагает различные формы: функциональную интеграцию, характерную для начального этапа адаптации приезжих, когда необходимо овладеть навыками, позволяющими получить работу (изучить язык и т.п.), структурную интеграцию – вовлечение в образовательные и культурные инициативы, преодоление дискриминации на рынке труда, политико-правовую интеграцию – признание иммигрантами действующих правовых норм и вовлеченность в различные формы политического и гражданского участия, социокультурную интеграцию – включенность в культурное поле принимающего общества и полноправное участие в нем.

В то же время интеграция мигрантов предполагает обоюдные усилия. «С одной стороны мигранты должны выполнять обязательства, которые они принимают на себя, вступив на территорию других государств, особенно воздерживаться от любой деятельности, ставящей под угрозу общественный порядок, нарушающей закон и посягающей на права других людей. С другой – государства несут ответственность за ознакомление мигрантов с законами, обычаями и ценностями общества, к которому они присоединяются, в то время

[1] «Российская газета». 2009, 26 октября.
[2] www.migpolgroup.com. Current Immigration Debates in Europe. Netherlands Country Report-2005.

как ответственность мигрантов заключается в их уважении. Если мигранты чувствуют, что они неспособны жить в рамках закона и конституции принимающей страны, они должны покинуть эту страну или, получив гражданство, бороться за политические изменения мирными и демократическими средствами»[1]. Сегодня выбор приоритетов в проведении иммиграционной политики и модели интеграции иммигрантов остается за национальным государством, хотя поиск общих подходов к проблеме регулирования иммиграции, координации в этой сфере предприняты на уровне ЕС.

В большинстве европейских стран, как, впрочем, в США, Австралии, популярны идеи квотирования при привлечении трудовых ресурсов, стимулирования «желаемой», селективной, квалифицированной, студенческой миграции. Акцент делается на максимальной интеграции иммигрантов. Вводятся экзамены по языку и основам истории страны пребывания, подписываются контракты об интеграции (во Франции, Германии), предусматривающие языковые и страноведческие навыки. Разрабатываются программы дисперсного расселения иммигрантов, обеспечения равных возможностей доступа на рынок труда, социализации детей мигрантов, вовлечение их в систему начального и среднего образования, предоставления различных социальных услуг, чтобы избежать обособления мигрантов и роста конфронтации с принимающим обществом.

В России проблема интеграции иммигрантов стоит острее чем, например, в унитарных государствах. Здесь речь может идти об интеграции не только мигрантов, но и полиэтничного населения в целом. Известно, что приток иммигрантов может актуализировать этническую идентичность населения. Более того, нет ясного ответа на вопрос, а необходимо ли вообще интегрировать приезжих. Иначе не было бы отменено предусмотренное Законом «О гражданстве РФ» и «Государственной программой содействия переселению соотечественников», наряду с положениями о необходимости человеку, претендующему на российское гражданство, непрерывно прожить в стране пять лет и обязательно иметь законный источник к существованию, – требование обязательного владения русским языком. Согласно принятым поправкам в эти документы в сентябре 2008 г. эти три пункта стали для соотечественников необязательны[2]. Общественные разногласия в вопросе о модели интеграции иммигрантов можно объяснить объективными причинами. Действительно,

[1] Миграция во взаимосвязанном мире: новые направления деятельности. Доклад глобальной комиссии по международной ми грации. П.35. С.50.
[2] «Российская газета». 2008, 3 октября 2008.

российское общество многонационально. Отсутствует документально закрепленное понятие о государствообразующей нации. Встает вопрос: об интеграции с кем, в какое общество должна идти речь?

На сегодняшний день в стране преобладает, условно говоря, «поликультурный» подход и, по сути, не ставится задача консолидации общества на основе общих ценностей, или они формулируются крайне расплывчато как «российские ценности», поскольку предполагается, что и традиционные ценности в многонациональном и многоконфессиональном обществе – различны. Игнорируются, (если говорить, например, о Северном Кавказе, где активно внедряется система религиозного образования и обучения на национальных языках), закрепленные Конституцией РФ и пока не отмененные положения о светском характере российского государства, о государственном русском языке. Высказывается также мнение, что в таких полиэтничных государствах, как Россия, интеграция заключается в формировании новой идентичности, приемлемой как для этнических меньшинств, так и для доминирующего большинства. Ставится вопрос, а должна ли новая идентичность мигрантов совпадать с общегосударственной идентичностью принимающего общества[1]. В России, как и в большинстве стран, принимающих мигрантов, проблема заключается в том, что мультикультурная модель, расширение прав мигрантов вызывает критику большинства населения, а ассимиляционная модель в условиях, когда иммигранты повсеместно становятся неотъемлемой и растущей частью общества, зачастую не удовлетворяет этнические меньшинства, в том числе и те, которые являются коренным населением этих государств, провоцируя их сепаратистские стремления.

Опыт экономически развитых стран, где интеграционная политика формировалась с 1960–1970-х гг., периода массового притока трудовых мигрантов, указывает на несколько основных направлений интеграции иммигрантов: «социально-экономическая интеграция» – через работу, борьбу с дискриминацией, равные социальные права на пособия и т.п. с местным населением, городская политика – территориальное расселение, доступ к городской инфраструктуре, интеграция через образование, школу и, наконец, политическая интеграция – участие в выборах, гражданская активность, предоставление гражданства.

[1] См. *Щедрина О.В.* Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // «Социологические исследования». 2004.

Интеграция через работу. Европа в последнее время проводит рациональную и прагматичную миграционную политику. Ожидается введение в 2011 г. «голубой карты» по типу американской «грин-карты», чтобы привлечь в ЕС иммигрантов для работы именно в те сектора экономики, которые испытывают нехватку рабочей силы. Делается акцент на учебную иммиграцию. Во Франции разработана система квот по востребованным специальностям для выходцев из стран, не являющихся членами ЕС (профессии, требующие высокой квалификации, инженерно-технический персонал, программисты и т.п.), и для иммигрантов 152 специальностей (средне-технический, обслуживающий персонал) из стран, недавно вошедших в ЕС. Ее реализация началась в 2008 г. только после того, как было получено согласие от профсоюзов и предпринимателей.

Во Франции политика «экономической» интеграции трудовых мигрантов, проводимая с 1975 г., предполагает равенство в социальных правах и на предприятии, одинаковые социальные пособия, право быть выбранным в общественные комитеты на предприятии, в профсоюзы. Около 200 французских предприятий подписали так называемую «Хартию разнообразия», призванную соблюдать равноправие выходцев из иммигрантской среды при приеме на работу, в сфере образования и профессиональной подготовки, в продвижении по службе[1]. Кроме того, во Франции существует множество организаций, которые защищают иммигрантов в борьбе против дискриминации (на уровне национального законодательства и международных обязательств Франции – HALDE (создана в июне 2005 г.); приемом иммигрантов, лингвистическим, страноведческим образованием занимается – ANAEM (июнь 2005 г.); помощь в интеграции иммигрантов, а также в борьбе с дискриминацией из-за этнического происхождения, за равенство шансов в рамках территориальной политики оказывает – FASILD (январь 2005 г.) и др.[2].

В конце 2009 г. в России находилось, по данным ФМС, 5,4 млн иностранцев, из них 1,8 млн – трудились на законных основаниях. С началом кризиса в 2009 г. в Россию въехало на 13% меньше иностранцев[3]. Начиная с 2007 г.,

[1] *Wihtol de Wenden C.* L'immigration en Europe. La Documentation francaise. P., 1999. P.128–129; «Le Monde». 22 octobre 2005.

[2] «Accueillir». Revue du Service social d'aide aux emigrants (SSAE). Mars 2006, №237. P.1–10.

[3] По другим данным ФМС, называлась цифра в 12 млн иностранцев, три четверти которых – нелегалы. В январе 2009 г. в Москве на учете состояло 7,5 тыс. организаций, занимающихся оформлением и приглашением иностранных граждан («Российская газета». 2009, 14 августа).

Россия стремится регулировать внешнюю трудовую миграцию, прежде всего из стран СНГ. Квота на трудовых мигрантов для всей России на 2009 г. составила около 2 млн человек (первоначальная – 4 млн была урезана вдвое из-за кризиса) против 1,8 млн в 2008 г., в Москве – 250 тыс. против 500 тыс. мигрантов, в Московской области – 116,4 тыс. против 262,8 тыс. В 2010 году с учетом резерва планируется принять около 2 млн человек, при том, что безработица в августе 2009 г., по данным Росстата, составляла 7,8% экономически активного населения, илиб6млнчеловек[1].

Пребывание иммигрантов в стране регулируют вступившие в силу в январе 2007 г. Закон о миграционном учете и Закон о правовом положении иностранных граждан. В условиях кризиса гастарбайтеры, приехав в Россию официально в безвизовом режиме из стран СНГ, в основном, не найдя легальную работу, не возвращаются на родину, а остаются трудиться нелегально, часто на рабских условиях. Эта ситуация вызывает недовольство как у мигрантов, так и у сторонников их приглашения, которые, в частности, предлагают (председатель Исламского комитета России Г.Джемаль) вывести мигрантов из сферы влияния бизнеса и создать профсоюзы гастарбайтеров. Российские профсоюзы в период кризиса заняли категоричную позицию: «Нам известны случаи, когда работодатели сокращают российских граждан, а мигрантов оставляют, более того, просят расширить квоту на них. Мы бы предпочли, чтобы в сложный экономический период доступ иностранцев к российским рабочим местам был полностью закрыт» – заявил председатель Федерации независимых профсоюзов М.Шмаков[2].

В России гастарбайтеры работают в основном в сфере строительства – 37–38%, торговле – 26% (по неофициальным данным – 35–40%), на транспорте – 9% (17%), в лесном хозяйстве – 8%, сельском хозяйстве – 5–7%, в прочих сферах – 6%–8% (производство, сфера услуг, ЖКХ, интеллектуальная деятельность – неофициально – 15%)[3]. Значительная часть трудовых мигрантов в России – 30–40% (около 4 млн человек) работает у физических лиц по найму,

[1] «Российская газета». 2009, 20 августа; там же. 2008, 29 января (из выступления К.Ромодановского на расширенной коллегии ФМС 25 декабря 2008 г.); там же. 2009, 26 июня (из интервью с С.Кошманом, заместителем председателя правительства Московской области). Федеральная служба труда и занятости называет цифру – 2,1 млн безработных или 2,8% экономически активного населения («Российская газета». 2009, 17 сентября).

[2] «Российская газета». 2008, 12 февраля.

[3] По данным ФМС России и Института социально-экономических проблем народонаселения РАН за февраль 2008 г.

не платя налоги, зачастую, будучи на нелегальном положении, хотя часть из них получает официальное разрешение на работу из квот, заявленных предприятиями, оформляя свою трудовую деятельность через физических лиц на основании общих правил как при устройстве на работу на фирмы. До 50–60% гастарбайтеров составляют низкооплачиваемые и неквалифицированные работники[1].

Экономический кризис с одной стороны привел к уменьшению квот на иностранную рабочую силу, а, соответственно, к сокращению иммигрантов, а с другой – к изменению, правда, незначительному, их этнического состава. Среди гастарбайтеров увеличилось число прибалтов и украинцев, значительно более квалифицированных по сравнению с выходцами из азиатских государств. Предпочитая европейский рынок труда российскому, и столкнувшись там с интенсивными сокращениями рабочих мест, они частично переориентировались на Россию.

Современная российская политика в сфере миграции формируется с опозданием, когда пик массовой, причем практически неконтролируемой миграции прошел. Сегодня ФМС делает акцент на взаимодействие государственных институтов, регулирующих миграцию, и различных форм участия гражданского общества, общественных структур, таких, например, как Центр «Миграция и закон», на частно-государственное партнерство. Разработана программа «Добрососедство» совместных действий ФМС, Минздравсоцразвития, Минрегиона и общественности для организации обучения нужным российской экономике профессиям молодых таджиков и узбеков, в том числе, на их исторической родине, где они изучают русский язык и российские законы. Ряд общественных организаций совместно с иностранными партнерами готовит открытие ПТУ для потенциальных мигрантов в странах Центральной Азии, Приднестровье и Молдавии. В 2007 г. в Азербайджане открыт первый центр

[1] «Российская газета». 2007, 20.февраля. Однако проведенная комитетом межрегиональных связей и национальной политики г. Москвы совместно с Федеральной национально-культурной автономией азербайджанцев России «Азеррос» с привлечением около 20 столичных организаций – потенциальных работодателей для иностранцев в 2007 г. ярмарка вакансий поставила под сомнение дешевизну труда мигрантов и их стремление получить легальную работу. Предполагаемая зарплата, начинавшаяся с 15 тыс. руб. (были представлены вакансии четырех автобусных парков, трамвайного депо Москвы – водитель автобуса – 40 тыс. руб., охранник склада – 17 тыс. руб. и т.д.) не заинтересовала никого из потенциальных работников – граждан Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана. В первый день работы не было заключено ни одного контракта. Как выяснилось, иностранцы предпочитают работать на рынках, зарабатывая более 25 тыс. руб., и на частных стройках. («Время новостей». 2007, 17 мая).

подготовки иностранных граждан для работы в России. Планируется создание бирж труда в Таджикистане и Киргизии[1]. Предполагается, что на таких биржах или центрах в других странах СНГ будущие гастарбайтеры будут не только находить работу в России, но и изучать русский язык, знакомиться с российским законодательством, своими правами и обязанностями, а также проходить медицинское освидетельствование. Задача ФМС, по словам ее руководителей, заключается в утверждении цивилизованного, регулируемого процесса перемещения рабочей силы в нуждающиеся в ней регионы и производства[2]. Миграционная политика на сегодняшний день формируется локально, в регионах, и формально должна учитывать степень заселенности их мигрантами и экономическую необходимость в них. В реальности можно констатировать, что система квот пока не отработана так же, как и стимулов для привлечения квалифицированных трудовых ресурсов и рационального направления их в нуждающиеся в них регионы. Отсутствует согласованность между федеральной и региональной иммиграционной политикой, интересами профсоюзов и работодателей.

Социальная интеграция. Мигранты, легально работающие в России, пользуются достаточно широкими социальными льготами, в частности, по Программе переселения соотечественников, в реализации которой на сегодняшний день участвуют 15 регионов (в 2010 г. ожидается участие 30), создающей специальные условия для трудоустройства, решения жилищных вопросов, социального обслуживания и т.п.[3].

Часть 3 статьи 62 Конституции РФ гарантирует иностранным гражданам и лицам без гражданства возможность пользоваться в России правами и нести обязанности наравне с российскими гражданами, за исключением особых случаев, специально оговоренных законом. Если приезжий работает официально, заключив трудовой договор, ему выдается полис ФМС, дающий право на бесплатную медицинскую помощь в медицинских учреждениях РФ, гара-

[1] Российским регионам предлагается ввести официальные квоты на прием рабочей силы из Таджикистана. В России на всех вокзалах и аэропортах планируется открыть миграционные консультационные пункты.

[2] Из интервью с заместителем директора ФМС Е.Егоровой («Российская газета». 2008, 30 октября).

[3] За 2,5 года действия программы в Россию прибыло около 15 тыс. соотечественников, еще 8 тыс. сейчас имеют на руках документы, дающие право на участие в Программе. Планируется также расширить список участников за счет иностранных студентов и выпускников российских вузов, уже работающих в РФ.

нтируется социальное обеспечение по возрасту, инвалидности, потере кормильца и прочему, причем вне зависимости от наличия у него гражданства иного государства.

Согласно Законам «О трудовых пенсиях в РФ» и «О государственном пенсионном обеспечении в РФ» иностранцы и лица без гражданства, которые постоянно проживают в России на законных основаниях, имеют право на трудовую пенсию – наравне с нашими гражданами[1].

В Европе вопрос о «социальной адаптации» стоит остро. Известно, что мигранты ищут в развитых странах, помимо работы, различные социальные блага. Однако сегодня, хотя в некоторых странах, например, во Франции, этой темы стараются избегать, проблема социальной защиты и национальной солидарности – в центре общественных дискуссий и предвыборных программ правых партий, чья растущая популярность, судя по выборам в Австрии, Швейцарии, Италии, Нидерландах, Франции, да и в Европарламент, очевидна. По выражению британского ученого Тревора Филлипса, Европа «толерантна, но все менее солидарна»[2]. Общественное мнение, особенно в США, Великобритании, Северной Европе все чаще задается вопросом, во сколько им обходятся иммигранты. Американцы менее, чем европейцы, склонны перераспределять социальные средства, полагая, что это выгодно лишь этническим меньшинствам: «Если человек живет в открытом обществе равных возможностей и он беден, значит, это его вина»[3]. Социально-политические институты в этих странах, в частности в Нидерландах, все меньше поощряют перераспределение социальных благ и отказываются брать на себя расходы на содержание родственников мигрантов, прибывающих по линии воссоединения семей. Налицо стремление ограничить рамки национальной солидарности.

Городская политика. В России, несмотря на заявления властей о необходимости учитывать зарубежный опыт и не допускать создание этнических анклавов и концентрации мигрантов на отдельных территориях, подобные попытки существуют. Речь идет о строительстве так называемого социального жилья, т.е. малокомфортного в С.-Петербурге, отдельных кварталов и гостиниц упрощенного типа в Москве, городков для мигрантов на

[1] Постоянно проживающим у нас иностранцем считается человек, который получил вид на жительство.
[2] Futuribles, analyse et prospective. Juillet–aout 2007, №332. P.82.
[3] Ibid. P.82–83.

Урале, в Татарстане, т.е. по сути, о социальном зонировании территории, прежде всего крупных городов[1]. Действительно, с одной стороны, мобильность трудовых ресурсов тормозится отсутствием жилья, социальной инфраструктуры в отдаленных районах, которые как раз и нуждаются в притоке рабочей силы (Иркутская область, Сибирь, Дальний Восток), с другой – региональные власти находят самое простое и экономное решение в анклавном размещении мигрантов, ошибочность которого наиболее ярко проявилась после осенних событий 2005 г. во Франции. В этой стране и других европейских государствах уже давно пришли к выводу о необходимости рассеянного, а не компактного размещения мигрантов, хотя, зачастую, последние к нему стремятся. Это помогает мигрантам лучше адаптироваться, включаться в социальные формальные и неформальные сети, осваивать традиционную систему взаимоотношений, образ жизни принимающего общества и не оказаться в социокультурной изоляции. Среда общения – один из важных факторов интеграции иммигрантов.

Во Франции на развитие «проблемных кварталов» за двадцать лет было потрачено 40 млрд евро, что, тем не менее, не позволило избежать бунта окраин осенью 2005 г.[2]. Сегодня французы возвращаются к испытанной временем практике борьбы с социальным апартеидом, стремясь избегать концентрации потенциально взрывоопасного населения, строя социальное жилье, естественно не без протеста со стороны жителей – в «престижных» кварталах, в частности, на западе Парижа, полагая, что будущее их города и страны в целом в смешении разных слоев независимо от материального положения и этнических корней[3]. 94% французов считают, что уличные беспорядки, охватившие пригороды Парижа, могут повториться. Н.Саркози предложил план «Надежда для пригородов», направленный против изолированности этнических кварталов, на реализацию которого предполагается выделить 500 млн евро. Средства, в частности, предназначены для развития инфраструктуры и общественного транспорта в пригородах. Для обеспечения правопорядка выделяются дополнительно 4 тыс. полицейских, которые будут патрулировать сложные районы и вводится должность государственного представителя по ква-

[1] Целевая миграционная программа Москвы предусматривает создание временных административно-бытовых городков; «Концепция миграционной политики Свердловской области», утвержденная в 2003 г., – создание миграционного центра на базе бывшего военного городка.

[2] «Le Monde». 15 fevrier 2008.

[3] В XIX–начале XX века мансарды во французских городах заселялись бедняками, а первые этажи богатыми гражданами для того, чтобы бедняки могли приобщаться к жизни и перенимать традиции и воспитание благородных горожан.

рталам для координации деятельности властей по реализации плана[1]. Также в 2009 г. был обнародован проект «Большой Париж», который предусматривает соединить транспортной сетью пригороды, строительство новых дорог. Цель – ликвидировать территориальное неравенство и понятие «непрестижные» районы, обеспечить доступ к самым отдаленным пригородам. Этот план можно считать вторым по масштабам после реконструкции Парижа в конце XIX века. Он рассчитан на 2012–2025 гг. и на его реализацию выделено 35 млрд евро.

Объективности ради надо отметить, что и до событий 2005 г. принимались социальные программы по реновации неблагополучных кварталов. С 1998 г. обозначился переход от политики кварталов к политике города, часть полномочий местных властей была передана ассоциациям иммигрантов, сотрудничающих с государством в области интеграции. Благодаря этим программам удалось улучшить внешний облик многочисленных кварталов.

В последнее время в ряде городов Европы (в швейцарских, в частности) реализуется разработанный Советом Европы совместно с Европейской комиссией проект «Мультикультурные города», направленный на обеспечение лучшей интеграции иммигрантов в принимающую страну. Он помогает иностранцам в поиске работы, обучении профессии и т.д., поскольку дискриминация и изоляция «ведут к агрессии». Однако многие, в первую очередь правые партии, выступают против проекта, полагая, что в условиях кризиса существуют более важные проблемы, затрагивающие интересы коренного населения.

Одним из главных направлений адаптации является *интеграция через образование, школу*. Образовательная политика во Франции в целом всегда была ассимиляционной, проводилась так называемая политика языковой централизации – распространение по всей территории Франции единого языка и единой языковой нормы. Это стимулировалось также и тем, что для получения административной должности во Франции требовалось хорошее знание французского языка. Такая жесткая языковая политика оправдала себя, она ускорила ассимиляцию меньшинств, не дала сложиться региональным вариантам французского языка и сильным сепаратистским движениям.

До 1970-х годов французская система образования не принимала специальных мер для обучения детей-иностранцев. Согласно декретам 1925, 1927, 1929 и 1939 гг. предусматривалась возможность освоения языка и культуры страны происхождения на специальных курсах, вне государственного обра-

[1] В плане пять основных направлений: образование, занятость, вывод кварталов из изоляции, безопасность и содействие ассоциациям, работающим над решением проблем населения в пригородах.

зования и проблемы, связанные с обучением детей мигрантов, не имели общественного резонанса. Только в 1970 г. впервые Министерство национального образования поставило вопрос о необходимости учитывать в педагогической практике учебных заведений культурную специфику детей иммигрантов. С середины 1970-х годов были созданы так называемые «Зоны первоочередного воспитания» (ZEP), которые были призваны бороться с неравенством в доступе к качественному образованию среди иностранцев и их детей. Сегодня их 558. Исследования показывают, что дети-выходцы из иммигрантской среды, стараются учиться примерно так же, как и дети коренных французов, а иногда и лучше, например, алжирцы, которые проявляют особое усердие в изучении французского языка и активно участвуют в интеграционных проектах школ. Исключением являются турки, которые показывают худшие результаты по причине лингвистического и культурного характера (авторитарный характер воспитания детей в турецких семьях идет вразрез с принципами французской школы, существуют множественные запреты в отношении девочек, в частности, на участие в общественной жизни школы и т.п.) Если в 1982 г. эти зоны охватывали 8% школьников и 10% учащихся колледжей, то в 2004 г. – 20%. Преподаватели поощряются ежегодными пособиями в размере 1100 евро. На подобную политику «позитивной дискриминации» французское государство расходует ежегодно 600 млн евро (400 млн евро на учащихся и 200 млн евро на компенсацию за трудную работу учителям)[1].

Однако дискуссионным остается вопрос, не противоречит ли такая политика «позитивной дискриминации» основополагающему республиканскому принципу равенства, в том числе и в сфере образования? Французское общество расколото по этой проблеме. Тем не менее, некоторые высшие учебные заведения, например, престижный институт политических наук (Sciences-Po) дают привилегии при поступлении особо одаренным, хорошо успевающим абитуриентам из этих зон.

Особенно остро вопрос об эффективности современной образовательной политики в отношении детей иммигрантов встал после событий 2005 г., когда французы, отбросив политкорректность, открыто заговорили о «неинтегрируемости» молодого поколения – выходцев из иммигрантских предместий, об их неуправляемости (отказ слушаться, учиться, трудиться). В частности затрагивались такие проблемы, как царящий в местах компактного

[1] «Le Monde». 22 novembre 2005.

проживания иммигрантов авторитаризм, жесткость в семьях по отношению к подросткам, воспитание у мальчиков чувства превосходства над девочками, лишение последних права голоса, воспитание подростков в характерных для мусульманской культуры традициях, часто не совместимых с французскими традиционными ценностями[1].

В последнее время, когда Франция стала проводить политику селективной миграции, согласно принятому в 2007 г. закону об иммиграции, мигранты, желающие воссоединиться с семьей, а сегодня по линии семейного воссоединения во Франции въезжают от 50 до 70% всех иммигрантов, т.е. супруги, дети и т.д., до переезда во Францию должны сдать в стране происхождения экзамен на хорошее знание французского языка и ценностей Французской республики. В случае неудачи, они обязаны получить соответствующее образование[2]. Эта мера наряду с другими (тест на ДНК, подписание родителями, чьи дети получают право на воссоединение с семьей, семейного контракта о приеме и интеграции детей во французское общество и др.) направлены на ограничение иммиграции и более полную интеграцию иностранцев во французское общество.

Во Франции с ноября 2009 г. правительство запускает официальную кампанию по возрождению национальной гордости у французов и борьбе с исламским фундаментализмом. В каждой из 100 префектур страны предполагается организовать публичные дебаты на тему «французская национальная идентичность»: детей иммигрантов обязывают прилежнее изучать французский язык, а иммигрантам, получившим гражданство Франции (большинство из них – мусульмане из стран Северной Африки), будут читать лекции о христианских корнях французской культуры и о либеральных ценностях.

В России сегодня на государственном уровне нет своих интеграционных программ, в том числе и в сфере образования. Дальше всех в этой области продвинулась Москва и Санкт-Петербург, столкнувшись с заметным ростом числа иммигрантов и их детей[3]. Так, на окраинах северной столицы, где, по сло-

[1] «Le Monde». 18 novembre 2005.

[2] «Les Echos». 21–22 septembre 2007. Приезжавшие ранее во Францию мигранты, когда в них нуждалось государство, направлялись на различные курсы обучения языку, типа «Альянс франсез». При этом, если у мигранта не было средств и работы, за него платило государство, а не предприниматель.

[3] На сегодняшний день в Москве численность нерусского населения превысила 15-процентный барьер. Многие трудовые мигранты, как и в Европе, адаптировавшись, стали перевозить в Россию семьи с детьми. В Москве проживает около 130 тыс. детей иммигрантов, при этом около 25 тыс. из них совершенно не знают русского языка («Российская газета». 2006, 22 ноября).

вам директора Центра тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку при СПбГУ Е.Юркова, много приезжих, в младших классах детей мигрантов больше чем коренного населения: «обучение в среде с низкой языковой культурой может привести к деградации»[1]. Снижается уровень обучения, возникает напряженность. Родители переводят своих детей в другие частные и государственные гимназии.

Фактически адаптация детей мигрантов происходит через национальные школы, школы с этнонациональным компонентом и русского языка, посредством введения предмета «русский язык как иностранный», в том числе и для дошкольников. Помимо проблем, связанных с недостаточной разработанностью механизмов интеграции детей иммигрантов в образовательных учреждениях, отсутствует необходимая нормативная база для создания учебных заведений с многонациональным составом учащихся, не хватает учителей, способных работать в этноклассах, грамотных учебников для обучения русскому языку как иностранному и др. Не решен принципиальный вопрос: на каких принципах интегрировать остающихся на постоянное место жительства в России, в том числе и мигрантов-мусульман, их детей, если учесть, что это не «европейские мусульмане», чьи корни находятся за пределами Европы, а те, чьи единоверцы проживали в России веками.

Если необходимость интеграции детей мигрантов пусть даже в поликультурное, поликонфессиональное общество не вызывает сомнения, то вопрос о степени адаптации самих мигрантов – остается дискуссионным. Позиция официальных властей в отношении необходимости изучения и владения русским языком иммигрантами заключается в том, чтобы к обучению мигрантов русскому языку подходить дифференцированно. Те, кто связывает свою судьбу с Россией, надеясь получить в дальнейшем российское гражданство – должны разделять российские духовно-культурные ценности и естественно учить русский язык в обязательном порядке[2]. Для «временных мигрантов», приезжающих на заработки, согласно преобладающему мнению, экзамен по русскому языку не должен стать дополнительным коррупционно-

[1] «Российская газета». 2006, 22 ноября.

[2] Упрощенный порядок приобретения российского гражданства для иностранных граждан и лиц без гражданства, являющихся участниками Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом, открывает доступ к российскому гражданству даже тем, кто не знает русского языка и не связан с российской культурой.

бюрократическим барьером. Их можно стимулировать к изучению русского языка, гарантировав в случае успешной сдачи экзаменов по русскому льготы для оформления на работу и трудовой деятельности[1]. Также при наборе мигрантов у себя на родине может быть предусмотрено обязательное тестирование на знание русского языка. Такие договоренности существуют у Москвы и Таджикистана, Киргизии, в рамках, так называемого, организованного набора для работы в столице, где русскоговорящим должно отдаваться предпочтение[2]. Практически все эксперты, в том числе и сторонники либеральной миграционной политики, сходятся во мнении о необходимости социально-культурной интеграции трудовых мигрантов, однако, пока, по признанию российских властей, этому уделяется недостаточно внимания. Проблема также заключается в том, чтобы заинтересовать мигрантов в лингвистическом и страноведческом образовании, или поставить их в такие условия, в которых они были бы обязаны это сделать.

Важно также изменить отношение к русскому языку, избавиться, в частности от штампа, что это трудный для изучения язык. Созданный в Рос-

[1] В апреле 2009 г. в Санкт-Петербурге, в городе, где на сегодняшний день проживает около 1 млн .приезжих, т.е. каждый пятый житель города – иммигрант, открылись первые ночные курсы по изучению русского языка для работающих в городе мигрантов из стран СНГ, где предлагается интенсивное обучение в течение одного месяца не только русскому языку, но и этике, правилам поведения, психологии общения с россиянами и сотрудниками милиции. Высказывается также мнение – обучать мигрантов русскому языку в организованных при вузах центрах (их сейчас около 250 в России) для иностранных студентов, либо по месту компактного проживания приезжих, например, в общежитиях. Для оценки уровня владения языком предлагается распространить на мигрантов государственное тестирование – тест русский язык как иностранный (ТРКИ), аналогичный британскому TOEFL. С 1998 г. ТРКИ уже сдают иностранцы, поступающие в российские вузы. Документ, подтверждающий владение языком на уровне «не ниже элементарного» приезжий может подать в ФМС одновременно с заявлением о выдаче разрешения на временное проживание. Безвизовые мигранты- при получении разрешения на работу. Данный проект поправки к закону «О правовом положении иностранных граждан в РФ», подготовленный в Совете Федерации А.Торшиным и В.Слуцкером, не требует от приезжих обязательной сдачи экзамена. Однако мигрант, представивший справку о знании языка, хотя бы на элементарном уровне, получит разрешение на работу не на один срок (обычно от трех месяцев до года), а сразу на два. Работодатели, которые должны будут оплачивать культурно-языковое образование своих сотрудников, смогут продлевать в местном филиале ФМС разрешение на работу сотрудников-мигрантов, предоставив вместо пакета документов только документы о знании ими русского языка и квитанцию об оплате госпошлины.

[2] Рассматривается возможность изучения русского языка в интеграционных центрах для мигрантов в Москве или согласно поправкам, предложенным для внесения в закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ», пройти курсы по изучению русского языка у себя в стране, причем, возможно, за счет работодателей.

сии фонд «Русский мир» мог бы в этом смысле использовать полувековой французский опыт движения франкофонии. Созданный после второй мировой войны Высший комитет по франкофонии, возглавляемый генералом де Голлем, президентом Франции, ставил задачу сохранить авторитет Франции в первую очередь на территории бывших колоний, и ведущим педагогическим университетам страны было дано задание в учебниках и статьях позиционировать французский как простой и легкий для освоения язык.

Большое значение для подготовки русскоязычных кадров, ориентированных на сотрудничество с Россией, имеет подготовка в российских вузах, или их филиалах в странах СНГ студентов. В настоящее время у нас обучается около 90 тыс. студентов из-за рубежа, которые приносят российским вузам ежегодно 60–70 млн долл.[1]. Минобрнауки составило список из приблизительно 200 вузов, где рекомендовано обучаться иностранным студентам в России. Если раньше РФ была третьей в мире по экспорту образования, то сегодня, по данным ЮНЕСКО, она на восьмом месте. В рамках СНГ в 2007 г. создан Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества стран-участниц СНГ, занимающийся поддержкой проектов программы сетевого университета, в области разработки нанотехнологий, сотрудничества молодых ученых-гуманитариев в области истории, социологии, правоведения, а также в профессионально-техническом образовании. В апреле 2009 г. более 250 ректоров и преподавателей вузов России, Белоруссии, Украины и Приднестровья обсуждали перспективы создания единого образовательного пространства славянских стран.

Политическая интеграция. В Европе на сегодняшний день 12 стран ЕС предоставили иностранцам право голосовать на местных выборах: Бельгия (с 2004 г., после 5 лет проживания в стране), Дания (1981 г. – 3 года), Эстония (1993 г. – 5 лет), Финляндия (1996 г. – 2 года) Венгрия, Ирландия (с 1947 г.) Литва (2002 г. – 5 лет) Люксембург (2003 г. – 5 лет), Нидерланды (1985 г. – 5 лет), Словакия и Словения (2002), Швеция (1975 г. – 3 года). Восемь государств, среди них Германия, Австрия, Италия, Польша, Франция, не предоставили права голоса ни на каких выборах. Вместе с тем Н.Саркози в июне 2006 г. высказался в пользу предоставления права участвовать в голосовании на местных выборах иностранцам, проживающим во Франции не менее 10 лет, подчеркивая, что однопартийцы в большинстве своем его точку

[1] В 2008 г. в МГУ обучалось 4 тыс. студентов, в его филиалах на Украине, в Казахстане, Узбекистане, Азербайджане – 2 тыс.

зрения не разделяют. Предшественники Саркози традиционно для правых полагали, что Франция должна придерживаться республиканской концепции голосования, а именно: право голосовать непосредственно связано с понятием гражданства. «Наша политика интеграции отвергает коммунитаризм» – говорил Ж.Ширак. «Право голосовать – это то, что определяет политическую идентичность личности и нельзя предоставлять его всем безгранично» – считает Ж. д'Эстен[1]. Аналогичного мнения придерживаются в Германии, полагая, что только немецкий народ имеет право выражать свою волю на выборах. Проведенные в 2005 г. во Франции опросы, показали, что приблизительно 63% французов положительно оценивают предоставление иностранцам права голосовать на местных выборах. Сторонники этого права видят в нем реальный способ вовлечения членов инокультурных сообществ в систему политического участия, в принятие решений на местном уровне, т.е. возможность более полной интеграции. Согласно опросу, проведенному в ряде европейских стран летом 2008 г., за предоставление возможности голосовать на муниципальных выборах иностранцам, платящим налоги, высказались в Польше – 56% опрошенных, в Германии – 62%, в Италии – 74%, во Франции – 82%[2]. Тем не менее в 2003 г. среди депутатов во Франции не было ни одного франкомагрибинца (ни одного мусульманина – ни в Национальном собрании Франции, ни в итальянском парламенте, только один – в бундестаге) и только три их представителя заседали в Европарламенте[3]. Сегодня во многих европейских странах, в частности во Франции, понятие «интеграция» дрейфует в сторону «гражданства» и далее к «равенству шансов». После событий 2005 г. правые реанимировали ряд инициатив по включению молодежи из иммигрантской среды в общественную жизнь. Им было рекомендовано активнее поступать на военную службу, в полицию. Последняя идея была озвучена ранее, в 1998 г. Ж.П.Шевенманом, в его бытность министром внутренних дел, в рамках политики молодежной занятости. Однако оба раза она оказалась непопулярной среди иммигрантской молодежи, возможно, из-за негативного опыта общения иммигрантов с полицией.

Во Франции политическое участие в жизни государства иммигранты принимают также посредством ассоциаций. С 1981 г. действует ассоциация «Молодых арабов Лиона и пригородов» (против расизма и роста популярности Национального фронта в 1980-х гг., за равные права), движение «Рок» (за

[1] «Accueillir». Mars 2007, №241. P.4.
[2] «Le Monde». 22 novembre 2008.
[3] «Le Monde diplomatique». Octobre 2003.

право голосовать на местных выборах) и др. В 2001 г для лучшего представительства интересов иностранцев, живущих в Париже был создан Совет по гражданству парижан из стран, не входящих в ЕС. Он представляет интересы более 306 тыс. парижан, около 14% населения Парижа, позволяя им активнее участвовать в жизни города.

«Политика города», которую Франция проводит с 1998 г., также предусматривает передачу ряда компетенций ассоциациям иммигрантов, которые они могут реализовать в партнерстве с государством и местными властями. Часть экспертов, в частности английские исследователи, полагают, что политическое отчуждение части населения, криминализация этнических групп, их стремление избежать любого взаимодействия с государственными институтами, религиозный фундаментализм – все это ведет к конфликтам и дестабилизации общества в целом. «Но до тех пор, пока мигрантам дается право на получение гражданства, они будут заинтересованы в интеграции в принимающее общество»[1].

В России постоянно проживающие иностранные граждане не имеют права участвовать в выборах в органы федеральной власти, но могут избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, а также участвовать в местном референдуме. По мнению ряда депутатов, это противоречит Конституции, в которой зафиксировано, что единственным источником власти в России является ее многонациональный народ. Иностранцы же по определению не являются его представителями.

Несмотря на меры, которые предпринимают практически все европейские государства, включая Россию, по интеграции мигрантов, этот процесс идет сложно, и с течением времени противоречия с коренным населением не только не сглаживаются, а наоборот обостряются. Так, если в 2007 г., согласно исследованиям Института этнологии и антропологии РАН, половина москвичей относилась к приезжим вполне лояльно, а 20% проявляли безразличие, то в середине 2008 г. 57% горожан смущало присутствие мигрантов в их городе. 69% россиян считали, что большое количество приезжих в нашей стране – явление отрицательное. С ними связывают рост преступности, причинение вреда здоровью, связанного, прежде всего с распространением наркотиков[2]. Более трети россиян, по данным ВЦИОМ, уверены в необ-

[1] *Kymlicka W.* Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe // Can Liberal Pluralism be exported? Oxford. 2001.P.42.

[2] По данным прокуратуры Москвы за 2008 г., именно иногородние совершают 44,5% преступлений в Москве («Российская газета». 2008, 7 августа).

ходимости борьбы с нелегальной иммиграцией и этническими преступными группировками. За повышение миграционной привлекательности России высказываются лишь 5% населения, 13% считают, что приезжать в страну должны только квалифицированные иностранные работники[1].

С наступлением экономического кризиса этно-социальная обстановка обострилась. Увольнения гастарбайтеров привели к ухудшению криминогенной обстановки, в частности, в столице. Безработные мигранты не уезжают домой, и часто идут на преступления. В 2008 г. число преступлений, совершенных гражданами ближнего зарубежья в Москве, увеличилось более чем на 10%[2]. Россия не стала исключением в наблюдающемся сегодня во всем мире, не в последнюю очередь из-за резко возросших миграций населения, роста числа межэтнических и межкультурных конфликтов[3]. Если в 2004 г. в стране было совершено, по данным МВД России, 130 экстремистских преступлений, то в 2008 г. – уже 460[4]. Об ухудшении ситуации в межконфессиональных и межнациональных отношениях среди столичной молодежи свидетельствует возросшее в несколько раз за 2009 г. число преступлений на почве ксенофобии в школах и молодежной среде. В июле 2009 г. столичное правительство приняло дополнительные меры по борьбе с экстремизмом и ксенофобией. В каждой префектуре столицы теперь созданы межведомственные комиссии по межнациональным вопросам, которые призваны отслеживать проблемы в этой сфере, производить мониторинг деятельности диаспор, национальных организаций, радикальных националистических группировок в округах. Они координируют действия всех заинтересованных ведомств: УФМС, милиции, прокуратуры, УФСБ, МЧС, местных организаций, общественных организаций и предпринимателей. На правительство сегодня возложена разработка мер, направленных на воспитание толерантности в обществе, а на МВД России – программы работы с национальными диаспорами.

---

[1] «Российская газета». 2006, 4 апреля.

[2] В Москве на 44% увеличилось количество преступлений с причинением тяжкого вреда здоровью, со смертельным исходом – на 1%, возросло число грабежей («Российская газета». 2009, 17 февраля).

[3] Критическая масса мигрантов по подсчетам демографов – 10–12% от общего количества населения в данном районе. Есть данные, согласно которым, половина населения Москвы родилась не в столице, а коренных москвичей, чьи родители и деды жили в ней, осталось всего 2%. («Российская газета». 2009, 18 июня).

[4] Из интервью с Ю.Коковым, начальником Департамента по противодействию экстремизму МВД РФ («Российская газета». 2009, 10 июня).

СМИ являются сегодня важнейшим фактором в налаживании диалога. Их призывают чаще обращаться к этническим сюжетам, не избегая связанных с ними острых и болезненных тем. В Европе уже столкнулись с тем, что пресловутая политкорректность превращается в запрет на инакомыслие. Известный французский историк Элен Каррер д'Анкосс, в частности заметила, что «сегодня во Франции нельзя свободно выражать свое мнение в СМИ в отношении этнических групп и Второй мировой войны… Французское телевидение настолько политкорректно, что… можно попасть в тюрьму, сказав, к примеру, что на телевидении есть пять евреев и десять «черных»[1]. Часть французских ученых убеждена, что ксенофобия глубоко укоренилась в сознании, системе ценностей, видении мира французов (что подтвердилось многолетними исследованиями). Она уменьшается по мере роста уровня образования и воспитания[2]. Однако другие исследования показывают, что французы, в частности, более толерантны к иммигрантам, чем, например, немцы, итальянцы или поляки. Так, среди опрошенных летом 2008 г. 900–1000 человек в каждой из стран, во Франции полагавшие, что иммигранты являются важнейшим ресурсом развития национальных экономик, составили – 59%, в Германии – 57%, в Италии – 47%. Угрозу общественному порядку и безопасности граждан в иммигрантах видят 23% французов, в Германии – 34% населения, в Италии – 39%, в Польше – 40%[3].

Сегодня во многих странах, столкнувшихся с трудностями интеграции иммигрантов, проводится политика с условным названием «учиться жить вместе». Совет Европы, объединяющий 47 стран, при поддержке своих министров иностранных дел, предложил «Белую книгу» по межкультурному диалогу – проект формирования «образа другого в преподавании истории», в частности в постконфликтных регионах. Одновременно разработаны два документа, создающие возможность для получения образования на родном языке: рамочная конвенция о национальных меньшинствах и хартия о защите местных и региональных языков, которые должны ратифицировать все страны-члены Совета Европы и взять на себя соответствующие обязательства.

В Москве правительством города разработаны социальная компания «Москва – город равных возможностей» и принята трехлетняя городская целевая

[1] «Le Monde». 17 novembre 2005.
[2] См. Les cultures politiques des francais. Sous la dir. de P.Brechon, A.Laurent, P.Perrineau. Presses de sciences Po. 2000. P.304–305.
[3] «Le Monde». 22 novembre 2008.

программа «Москва многонациональная». Программа «Моя малая Родина», внедренная в 2009 г. в Подмосковье, направлена на соблюдение приезжими правил общежития, на то, чтобы с одной стороны иностранцы не навязывали другим чужеродные модели поведения, а с другой – местное население, прежде всего молодежь, сама воспитывалась в национальных традициях. Эту программу планируется распространить на все регионы центральной части страны.

Современная миграция в РФ способствует решению, прежде всего демографических проблем. Однако не менее важным наряду с демографической, экономической составляющей миграции является ее социально-политическое, культурное содержание. В регулирующих миграционные процессы на постсоветском пространстве документах, принятых в рамках СНГ: в Стратегии экономического развития СНГ на период до 2020 г. (2008), в Декларации о согласованной миграционной политике (2007), в частности, предусматривается обеспечение интеграции иммигрантов в общество и формирование к ним толерантного отношения, а у граждан государств-участников СНГ – уважительного отношения к законодательству, языку и культуре страны пребывания. Эти документы предписывают также оказывать поддержку этнической, языковой, культурной и религиозной самобытности граждан государств-участников СНГ, предоставлять трудящимся мигрантам равных с постоянным населением страны пребывания прав при приеме на работу и расторжении трудовых соглашений, а также на социальное и медицинское обеспечение[1]. Однако говорить о том, что существует хорошо разработанная система приема и интеграции мигрантов пока не приходится.

В дореволюционной России, в начале XX века политика государства была направлена на сближение всего инородческого населения с русской народностью посредством популяризации и внедрения русского языка во все сферы деятельности этих народов и, прежде всего в культурно-бытовую среду. В наши дни, развитые страны, заинтересованные в приобщении других народов к их национальным языкам культуре, например, Франция, Германия выделяют для этой цели немалые средства[2].

Нелишним стало бы изучение хорошо разработанных европейских систем интеграции и приема мигрантов (например, французской), исходящих в

[1] http://www.gks.ru Документы информационно-аналитического департамента исполнительного комитета СНГ.

[2] Соответственно по 250 млн евро ежегодно. На эти средства создаются, в частности, бесплатные курсы французского языка, которые посещают 400 тыс. человек в 135 странах мира.

большинстве своем из приоритета сохранения единства нации (которая в свое время также формировалась путем интегрирования этноменьшинств), на основе консолидации вокруг этнического большинства, общности истории, прошлого, культуры и языка, светского характера государства и системы образования, выбора в пользу полной интеграции иммигрантов. Более того, сами представители иммигрантских сообществ считают вполне естественным не столько защищать и сохранять свою национальную идентичность в принимающем государстве, прибегая при этом к его помощи и средствам, сколько интегрироваться в это общество, в котором они, сделав осознанный выбор, живут. Если во главу угла ставить, как это происходит сегодня, полиэтничность, поликонфессиональность нашего общества, тогда следует идти дальше и признать право на многоязычие, на пересмотр соотношения религиозных и светских традиций и т.п. Будет ли это способствовать консолидации общества, поможет ли интегрировать растущие потоки мигрантов? Очевидно, что нет.

В России сегодня на государственном уровне нет своих интеграционных программ, как, например, в США, Франции, Швейцарии и других странах. Создается впечатление, что нет и четких представлений о масштабах миграции в стране, об изменении этноконфессионального состава населения, исходя из которого, можно было бы разработать соответствующие программы. В то же время налицо существенные разногласия в том, каким видится будущее России: поликонфессиональным или акцентировано светским для «примирения» растущих самоидентификационных настроений, где вопросы религии и религиозного образования решались бы за рамками государственной системы, государственного финансирования, но контролировались бы государством (в том числе и в системе образования, подготовки религиозных кадров).

В большинстве стран Европы, которые раньше, чем мы столкнулись с отрицательными последствиями массового притока иммигрантов, с некоторым опозданием, но все же, поликультурные взгляды сменились стремлением, с одной стороны, ограничить миграцию, привести ее в более строгое соответствие с потребностями экономики («селективная» иммиграция во Франции, «голубая карта» в ЕС), с другой стороны, максимально интегрировать приезжающих на основе единых и разделяемых всем обществом ценностей.

Заметный приток иммигрантов в страны Европы, США, Россию вызывает постоянные дискуссии о столкновении цивилизаций, о цивилизационных разломах и т.п. Н.Данилевский, А.Тойнби, О.Шпенглер, С.Хантингтон фомирование цивилизационной идентичности связывали с особой ролью ре-

лигии. Наблюдаемое сегодня движение мигрантов происходит в основном из государств, исповедующих ислам. Опыт европейских стран, в частности Франции, показывает, что, несмотря на многолетнюю историю сосуществования, мусульмане, зачастую успешно адаптируясь в социально-экономическом плане, в личной, семейной, культурной сфере отдают предпочтение «своим» исламским традициям. В то же время реальность такова, и это констатируется самими французами, что сегодня, например, «быть французом – не означает быть белым»[1]. На протяжении более двадцати лет признание права на культурное отличие и разнообразие в отношении иммигрантов страной приема прямым или косвенным образом выступает в качестве требования во многих международных документах и организациях, в Совете Европы, ЮНЕСКО. Оно стало перспективным политическим проектом, а в 2008 г. – основной темой Европы. В том же году в Старом Свете была создана новая общественная организация Европейский совет по толерантности и взаимопониманию, целью которого является поиск баланса между идентичностью людей, приезжающих в развитые страны, и ассимиляцией, которая «должна быть» и предполагает знание языка страны пребывания и местных законов. В октябре 2008 г. лидеры 27 стран-членов ЕС единогласно одобрили Европейский пакт об иммиграции и предоставлении убежища, подготовленный по инициативе Н.Саркози и французским министром иммиграции Б.Ортефе во время председательства Франции в ЕС в качестве основы для реформирования действующего в этой сфере законодательства[2]. Он направлен, прежде всего, на борьбу с нелегальными иммигрантами, которых в Западной Европе – минимум 6 млн, и обяжет страны-члены ЕС отказаться от практики их массовой легализации, а получение ими документов станет предметом индивидуального и пристального разбирательства[3].

Право на культурное отличие, уважение культурных идентичностей влияют на развитие понятия гражданства, отражаясь в таких его вариантах, как множественное, поликультурное, двойное гражданство. О мультикультурном гражданстве и признании разных культурных идентичностей в государстве сегодня скорее говорят, как о направлении, в сторону которого эволюци-

[1] «Accueillir». №237. Mars 2006. P.1.

[2] Европейский Совет еще в 1999 г. (в Тампере, затем в Севилье (2002), Салониках (2003), Гааге (2004) заложил основы общеевропейской политики в области иммиграции.

[3] Франция также хотела внести в пакт положение о подписании всеми прибывающими в страны ЕС иммигрантами «контракта на интеграцию», что обязывало бы их изучать язык страны-приема, принимать базовые ценности европейской цивилизации. Однако в ходе переговоров это положение было смягчено, и в документе выражено лишь «пожелание» на этот счет.

онируют понятия гражданства и идентичности[1]. Многие европейские эксперты, международные организации рассматривают его для примирения интересов растущего числа иммигрантов и национальных государств. Последние в свою очередь, по крайней мере, это наблюдается в настоящее время, пытаются отстоять свое право на сохранение национальной идентичности, а, по сути, само свое существование и не спешат уступать «поликультурным» требованиям.

В России, как и в других европейских странах, общество расколото. Сторонники либерального подхода к миграции преобладают в СМИ, среди «правозащитной» интеллигенции, определенных политических и предпринимательских кругов. Другая часть общества и, судя по регулярно проводимым опросам, значительная, негативно относится к росту иммигрантов в стране. Недовольство особенно растет, как показывает европейский опыт, когда иммигранты начинают активно распространять свои нравы, обычаи, устои, правила поведения в обществе, большинство которого придерживается другой культурно-религиозной традиции, т.е. когда со всей очевидностью начинает нарушаться этнокультурный баланс принимающего общества в пользу этнического меньшинства. Ксенофобия, по сути, становится способом самосохранения государствообразующей нации. Правила политкорректности, которые международные правозащитные организации и СМИ, в силу политического заказа на сохранение межнационального согласия в обществе, внедряют в сознание людей, не срабатывают. Это было продемонстрировано результатами референдума о строительстве минаретов в ноябре 2009 г. в Швейцарии. 57,5% проголосовавших выступили против их строительства, что свидетельствует о растущей озабоченности жителей страны ее постепенной исламизацией и в очередной раз – о разрыве, существующим между СМИ, европейской медиатической позицией и общественным мнением европейцев.

В европейских странах, в России, в государствах, которые в большинстве своем складывались как национальные, со своей древней историей, особой духовной и бытовой культурой, традиционными ценностями, которые распространялись на всех граждан, поликультурная модель интеграции иммигрантов едва ли применима, если конечно речь идет о сохранении их целостности. Российская модель интеграции иммигрантов также не должна нарушать этнокультурный, языковой баланс, сложившийся на протяжении веков в государстве, учитывая с одной стороны его этническое многообразие, с другой – особую роль этнического большинства – русского народа и русского языка.

[1] *Wihtol de Wenden C.* La globalisation humaine. PUF, Paris, 2009. P.194–195.

III Социальные изменения в регионах

СОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

Североосетинское общество находится в состоянии апатии. В 90-е гг. XX в. в Северной Осетии обнажились архаические структуры, клановые – фамильные и корпоративные. Эти архаические структуры часто являются основой коррупции, тем, что в экономике называется обменом дарами: я тебе – должность министра, директора, ты мне – деньги или другие блага; я тебе − работу, ты мне − помещение и т.д. В Правительстве Республики – сплошные родственники или родственники родственников, друзей, партнеров. И эти отношения даже не скрываются от общества. Далее такие отношения тиражируются в министерствах, вузах, техникумах, школах и т.д. Их не упразднишь милицейским преследованием. Традиционно-структурные отношения неопределимы юридически.

В управленческой практике многих развитых стран очень щепетильно относятся к вопросу межличностных неформальных связей в управленческих структурах. Малейший намек на использование административного ресурса в интересах близких людей выносится через СМИ на суд общественности в виде политического скандала. Во избежание таких скандалов выполняются писаные или неписаные правила во взаимоотношениях близких людей на рабочем месте. Многие политики или чиновники стараются не создавать условия для скандалов такого характера, избегая совместной работы с родственниками.

В советское время существовали определенные ограничения для работы родственников в одной или зависимых структурах, особенно властных.

Отсутствие, с одной стороны, гражданского общества, способного контролировать власть, а с другой − ослабление властной иерархии в современной России привели к возможности слияния личных и государственных интересов с превалированием первых над вторыми.

С целью изучения общественного мнения по поводу работы органов исполнительной власти в РСО-А, был проведен опрос населения Республики Северная Осетия-Алания[1].

Положительный рейтинг Главы Республики составил 21,9%. Сформировался он из следующих вариантов ответов: активных сторонников, оценивших его работу как очень положительную, всего 2,5%, 11,7 – положительно и 7,7% − с некоторым позитивным интересом. Антирейтинг Главы Республики − 38,1% (см. табл. 1).

Большая разница в ответах мужчин и женщин на поставленный вопрос не наблюдается. Среди респондентов старше 50 лет рейтинг главы выше, чем среди респондентов других возрастных групп. Видимо, более критическая оценка деятельности Главы Республики молодыми людьми связана с тем, что в условиях существования острых проблем молодежи (отсутствие работы, снижение качества образования, здравоохранения, слабой ротации кадров и т.д.) они более негативно относятся к лицам, ответственным за такое положение дел в РСО-А.

Анализируя ответы респондентов и экспертов, можно сказать, что представители органов власти зачастую оправдывают свою деятельность малоубедительными доводами:

− во-первых, террористические акты на Северном Кавказе рассматриваются властью как проявление исключительно внешних сил. Как правило, отсутствует анализ социально-политической ситуации в регионе и выявление внутренних причин терроризма. Известно, ради борьбы за власть внутренние криминальные силы сами расшатывают ситуацию, в том числе стимулируя экстремистские настроения, чтобы обществу можно было доказать, что тот или иной руководитель региона не в состоянии контролировать ситуацию в Республике, с одной единственной целью – захвата власти;

[1] Опрос проведен в июне 2009 г. Северо-Осетинским центром социальных исследований ИСПИ РАН совместно с отделом социологических исследований политического мониторинга Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И.Абаева, Северо-Осетинским государственным педагогическим институтом и кафедрой социологии социальных и политических процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова. Выборочная совокупность составила 600 респондентов (N=600) и 20 экспертов: специалистов системы здравоохранения, спорта, образования, жилищно-коммунальных и правоохранительных органов, а также лидеров общественно-политических организаций, юристов и политологов. В число опрошенных также входили журналисты, преподаватели вузов и предприниматели. Опросный лист эксперта был разработан на основе анкеты для массового опроса.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к деятельности главы исполнительной власти Республики Северная Осетия-Алания?»

РСО-А, июнь 2009 г.; N=600, % от числа опрошенных

	Все опрошенные	Пол		Возраст			Образование		Сфера деятельности		
		Мужской	Женский	18–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше	Среднее, среднее специальное	Незаконченное высшее, высшее	Физический труд	Служащие	Не занятые в н/х*
Очень положительно, активный сторонник	2,5	2,5	2,5	0,8	1,3	4,7	2,6	2,4	1,0	2,4	3,6
Положительно	11,7	12,3	11,2	11,8	9,6	14,0	14,2	9,5	13,9	11,1	11,9
С некоторым позитивным интересом	7,7	7,2	8,1	3,4	10,5	7,0	6,0	9,2	5,0	8,7	7,7
Безразлично	13,9	17,7	10,2	20,2	10,9	13,6	13,5	14,2	13,9	12,5	13,7
С некоторой настороженностью	14,8	11,9	17,5	9,2	18,3	14,0	15,4	14,2	11,9	15,6	15,5
Отрицательно	18,9	19,5	18,2	20,2	21,0	15,9	19,1	18,6	17,8	20,8	16,7
Резко отрицательно, активный противник	4,4	6,9	2,1	5,0	3,1	5,6	3,0	5,8	4,0	4,5	4,8
Ничего не знаю о его деятельности	10,9	6,5	15,1	10,9	8,7	13,1	13,5	8,5	14,9	10,1	10,1
Затрудняюсь ответить	15,3	15,5	15,1	18,5	16,6	12,1	12,7	17,6	17,8	14,2	16,1

Примечание: * н/х – здесь и далее, народное хозяйство.

Источник: Северо-Осетинский центр социальных исследований ИСПИ РАН.

− во-вторых, с 1980-х гг. на Северном Кавказе Правительством РФ не реализован ни один социальный проект, не открываются реально рабочие места, которые могли бы способствовать пополнению бюджета Республики, зато увеличено число чиновников;

− в-третьих, в Центре иногда делают заявления о том, что тот или иной регион вне правового поля в РФ, многие проблемы решаются «по понятиям», а не по российским законам. И как следствие этого – нераскрытые громкие убийства в регионах, череда различных террористических актов[1], от-

[1] На территории РСО-А с марта 1999 г. по сентябрь 2004 г. были совершены семь террористических актов, где погибли 486 человек, получили ранения 792, были признаны потерпевшими 1395 человек.

сутствие публичной оценки администрацией Республики произошедшего, что заставляет общественность делать самостоятельные выводы, противоречащие официальным данным. Например, в обществе бытует мнение, что руководству известно, кто организовал те или иные беспорядки, однако власть заинтересована или является участником такого рода беспорядков. Это подрывает основу системы управления социально-политической жизнью Республики. Поэтому так высок уровень недоверия власти, включая Главу Республики;

− в-четвертых, политика, проводимая на Северном Кавказе федеральным центром, когда в крупных мегаполисах по сравнению с периферией уровень жизни разнится в разы, северокавказским обществом воспринимается негативно, провоцируя миграцию молодежи в другие регионы и за рубеж. Если мы хотим сохранить единое правовое поле во всей РФ, необходимо поднимать уровень социальной жизни периферийных регионов до уровня жизни в крупных мегаполисах.

Систему управления надо менять коренным образом. Увеличивающееся число бюрократов в РСО-А не является эффективным, и чем больше их становится, тем больше система управления принимает архаичные формы. Огромная масса бюрократов подавляет любые сигналы, исходящие от общества, новшества и творческий подход. Привыкшие к жесткой вертикали управления, они не хотят общаться и перейти к «горизонтальной» модели работы с обществом, чтобы стать более гибкими, открытыми и быстрее реагировать на те или иные интересы общества.

Есть общепринятые правила для власти: чтобы было как можно меньше ошибок в менеджменте, по различным вопросам надо общаться с населением. Если бы было такое общение у АМС г. Владикавказа, наш город не был бы в таком плачевном виде, а проспект не превратился в трущобу.

Наибольшей реальной властью, по мнению респондентов, обладает Глава Республики: 26,8% респондентов считают, что на общественно-политическую ситуацию в РСО-А оказывает влияние именно Глава Республики; 15,2% считают, что и председатель правительства имеет власть. Остальные потенциально влиятельные лица, практически не наделены реальной властью (см. табл. 2).

10% опрошенных считают, что в Республике никто не способен повлиять на социально-политическую ситуацию; 37% респондентов затруднились определить, кто же реально имеет власть в Республике. Это значит, что почти половина населения Республики не может четко выделить субъект, наделенный правом управлять и нести ответственность за происходящее в Республике. Высокий процент затруднившихся ответить можно также объяс-

нить снижением интереса к политике: в выборах участвуют все меньше граждан.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как Вы считаете, кто может в настоящее время реально влиять на общественно-политическую ситуацию в Республике Северная Осетия-Алания?»

РСО-А, июнь 2009 г.; N=600, % от числа опрошенных

	Все опрошенные	Пол		Возраст			Образование		Сфера деятельности		
		Мужской	Женский	18–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше	Среднее, среднее специальное	Незаконченное высшее, высшее	Физический труд	Служащие	Не занятые в н/х*
Глава исполнительной власти субъекта РФ	26,8	25,6	28,4	27,7	24,9	29,0	25,5	28,5	18,8	29,2	29,2
Заместители главы исполнительной власти	5,2	4,7	5,6	2,5	4,4	7,5	5,2	5,1	5,0	5,6	4,8
Глава правительства субъекта РФ	15,2	16,6	13,7	13,4	15,3	15,9	13,9	16,3	13,9	16,0	14,3
Глава законодательного органа государственной власти	4,1	3,6	4,9	4,2	4,4	4,2	4,5	4,1	1,0	5,6	4,2
Депутаты законодательного органа государственной власти	4,8	3,6	6,0	8,4	3,5	4,2	6,0	3,7	5,0	5,2	4,2
Руководители региональных силовых структур	9,1	10,1	8,1	10,9	9,2	7,9	8,6	9,5	4,0	10,4	10,1
Чиновники различного уровня в администрации	2,9	1,8	3,9	3,4	3,9	1,4	1,9	3,7	1,0	4,5	1,2
Главы органов местного самоуправления	6,6	5,8	7,4	5,0	8,3	5,6	5,6	7,5	3,0	9,0	4,8
Руководители регионального отделения партии «Единая Россия»	6,4	4,0	8,8	9,2	6,1	5,1	6,4	6,4	5,9	6,6	6,5
Руководители региональных отделений других партий	1,4	0,7	2,1	0,	0,9	2,3	2,2	0,7	2,0		3,6
Региональные общественные организации	1,1	0,7	1,4	1,7	1,3	0,5	1,1	1,0	1,0	0,7	1,8
Представители отечественных финансово-промышленных групп	3,2	3,2	3,2	0,8	5,2	2,3	2,2	4,1	0,0	5,6	1,2
Представители крупных иностранных компаний	2,5	3,6	1,4	1,7	2,6	2,8	2,2	2,7	0,0	4,2	1,2
Криминальные структуры	7,1	8,7	5,6	6,7	8,7	5,6	5,2	8,8	4,0	9,7	4,8
Другие	2,5	3,2	1,8	0,8	2,2	3,7	3,0	2,0	3,0	2,4	2,4
Никто из перечисленных	10,4	10,8	9,8	11,8	7,0	13,1	7,9	12,5	12,9	11,5	7,1

Затруднились ответить	37,0	35,7	37,9	37,8	39,3	33,6	40,1	33,9	40,6	31,9	41,7

Источник: Северо-Осетинский центр социальных исследований ИСПИ РАН.

О деятельности многих структур власти народ даже не информирован. Это результат плохой работы СМИ (см. табл. 3). Только 4% опрошенных получают информацию о деятельности органов власти из тех или иных официальных источников, в том числе из СМИ. Еще 9% неуверенно, но все же утвердительно ответили на вопрос об информационной открытости органов власти. Отрицательные ответы в сумме составили 66%, в том числе однозначно отрицательные – 34%. Это свидетельствует о закрытости власти в условиях административной реформы, главная идея которой – открытость и прозрачность исполнительной власти.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы информационной открытостью органов исполнительной власти Вашего региона (возможностью получать всю необходимую информацию об их деятельности и решениях)?»

РСО-А, июнь 2009 г.; N=600, % от числа опрошенных

	Все опрошенные	Пол		Возраст			Образование		Сфера деятельности		
		Мужской	Женский	18–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше	Среднее, среднее специальное	Незаконченное высшее, высшее	Физический труд	Служащие	Не занятые в н/х*
Да	4,1	4,7	3,5	1,7	3,1	6,5	6,4	2,0	6,9	3,1	4,2
Скорее, да	9,3	10,5	8,1	5,0	12,7	7,9	6,0	12,2	3,0	12,2	8,3
Скорее, нет	32,6	31,4	33,7	37,8	33,6	28,5	36,7	28,8	40,6	29,2	34,5
Нет	33,6	35,4	31,9	34,5	29,7	37,4	30,0	36,9	32,7	34,0	32,7
Затруднились ответить	20,5	18,1	22,8	21,0	21,0	19,6	21,0	20,0	16,8	21,5	20,2

Источник: Северо-Осетинский центр социальных исследований ИСПИ РАН.

Основная задача СМИ РСО-А − не защита социальных интересов граждан, но, как кажется СМИ, они должны реализовывать идеологию, связанную с проявлением их символической власти. Эта идеология реализуется не только СМИ РСО-А, но и активно эксплуатируется и центральными СМИ. Ос-

новная задача: скрыть, оправдать или легитимировать интересы доминирующей властной элиты. Так, например, показывая различные теракты на Северном Кавказе, включая и РСО-А, звучат слова: какие были жертвы, кто стоит за спиной данного теракта (что чрезвычайно важно), но, как правило, не бывает специального анализа по поводу того, что из 10 человек на Северном Кавказе 7 не работают, или же 70% населения работают в состоянии скрытой безработицы, т.е. оклады не превышают 4–5 тыс. руб. СМИ всегда защищают правительство, но не народ. В итоге всего 4% респондентов довольны информационной открытостью власти. «Квазиуспеха», как кажется организаторам этих передач, они достигают потому, что граждане не могут отвечать им напрямую.

Телевидение выхолощенно, т.е. лишено живого содержания. Все телеканалы одинаковые, информация дозируется, и практически ничего не говорят из того, чего люди сами не знали бы. В газетах больше бывает информации, чем на телевидении. В результате наблюдается уменьшение роли телевидения не только Северной Осетии, но и центрального, и это будет усиливаться по мере усугубления ангажированности средств коммуникации. Стиль телепередач вернулся к советскому времени, независимых, объективно и полно подающих материал, телеканалов практически не осталось, что расчищает дорогу для децентрализованных средств коммуникации в Интернете, альтернативных средств массовой информации. Центр, пытаясь контролировать (за ним и на местах) телевидение и газеты, на самом деле уменьшает их аудиторию. СМИ чрезмерно политизированы и задавлены если не административно, то финансово, потому что основной заказчик для них – государство. Если они хотят получать деньги от власти, тогда нужно вести себя сообразно требованиям власти.

По местному радио информации о работе правительства Республики практически не бывает, они в основном ориентированы на музыкальные передачи и зарабатывают рекламой. Частные радиоканалы слабо информированы о деятельности власти.

Государство ориентирует людей на самостоятельность, предпринимательскую активность, конкурентоспособность. И в этом главная стратегическая линия государства. Сейчас основная масса населения в Республике живет на основе «пиратства»: продажа различных подделок, изготовленных на территории Украины, Молдовы и внутри страны. Это одежда, обувь (подделки везут из Армении). Одежда шьется и в Московской области, привозят ее и из Вьетнама. Из-за рубежа завозят сейчас мало, потому что пошлины высокие. В электронике большая доля подделок. В медицине не менее 70% товаров – «пиратского» производства. Чистый доход с одной единицы (с одного ко-

стюма, например) не меньше 50%. Что касается общественного питания (ресторанный бизнес и кафе), минимальный доход – 400–500%.

Та часть респондентов, которые ответили, что их материальное положение выглядит как «среднеобеспеченные», в одночасье могут попасть в категорию бедных, потому что сам источник существования населения фиктивный. Источник основной – это бюджет, но не рынок как таковой. Рынка (кроме базара) как такового в Осетии нет. Бюджетные деньги составляют основу рынка. Поэтому, как только уменьшатся цена на нефть, уменьшатся бюджетные возможности и различные акции национальных проектов, сразу окажется, что у людей нет денег.

В развитых странах специфика среднего класса в том, что он самовоспроизводящийся, т.е. живет и развивается за счет собственных источников существования без помощи государства. За счет государства там существует в основном пенсионеры (и то за счет накопленной пенсии). В Республике, если мы возьмем зарплату профессора, то ее еле на жизнь хватает. Если бы у него не было других источников, он не мог бы жить. У тех, кто работает в развитых странах, зарплаты достаточно для того, чтобы они могли формировать нормальный образ жизни, удовлетворять основные потребности. В Западной Европе к 50 годам большая часть населения решает все свои проблемы, имеет жилье и социально обустроенную жизнь. Там стабильная зарплата, она не зависит от бюджета, поэтому идет нормальное планирование. На бюджете в западных странах завязан крупный бизнес, который пополняет государственную казну. Потребляют из бюджета армия, силовые структуры, политики в какой-то части.

У нас в стране этого нет. В РФ 10% населения существует из бизнеса, а 90% являются по большому счету иждивенцами. Поэтому в Республике нет и среднего класса. Размер среднего класса таков, насколько его «подкармливает» государство. Не будет «подкармливать» – исчезнут и те 4% респондентов, которые ответили, что живут богато и очень богато.

Если посмотреть на социальную структуру населения РСО-А на начало 2009 г., то 36% населения живет в сельской местности. Сельское хозяйство, даже в развитых сельскохозяйственных странах, убыточно или низкорентабельно. Убыточно оно и в РСО-А. Фермеров в Республике очень мало, в основном фермерские хозяйства основаны на совместном труде членов семьи без привлечения рабочей силы и, главное, современной техники. И если молодежь пытается учиться или найти работу в городах, то среднее поколение сельских жителей в основном пьет (этому в немалой степени способствует и мизерная

цена водки). Колхозы развалились, технику разворовали бывшие руководители колхозов и совхозов, земли заросли бурьяном.

Добавим еще 4% жителей поселков городского типа. Это уже 40% населения Республики, и его можно определить как трудовые ресурсы, обременяющие фонды социальной поддержки населения. Далее, – жители районных центров − 21%. Районным центрам была предназначена роль посредников между городом (г. Владикавказ) и селом. Но промышленные предприятия столицы Республики давно закрыты. Для сельских предприятий основная база занятости населения – это перерабатывающая промышленность: заготовка, переработка сельхозпродукции, молокозаводы и т.д. Переработки на территории республики практически нет. В итоге, 70% продуктов питания в РСО-А привозные. При наличии такого числа населения и хороших территорий, включая и горные территории, более 2/3 трудовых ресурсов экономически неэффективны.

Поэтому, оценивая данные массового опроса и рассуждая о материальном положении населения, необходимо проанализировать прежде всего социальную структуру населения и присутствие среднего класса в РСО-А − мифологическое, виртуальное. Потому что основной источник материального благополучия − иждивенческий и воровской. Само собой, граждане работают, но получают некую сумму нелегально.

В Республике надо либерализовать экономику, чтобы люди могли иметь право свободно развивать свои таланты и преследовать собственные интересы, а функции республиканских государственных структур – контролировать поступления налогов и через налоговую политику регулировать возможности различных слоев, но чтобы не было монополизма и сверхприбыли, чтобы средняя норма прибыли была доступна для всех в равной степени. Иначе будет перекос – не все же могут заниматься нефте-, газодобычей или производством металла, а при этом надо еще и печь хлеб. Регулятивная функция государства − не в иждивенчестве (это ведет к гибели самой экономики), а в стимулировании активной части населения, чтобы оно проявляло себя и работало.

На сегодняшний день определенная часть населения ждет государственных заказов: это легче − дать откат и заработать. Поэтому в Республике нет внутренней конкуренции, нет практически своего товара. Почему правительство этого не делает? У нас была ломка производственных отношений. Затем должна была последовать ломка распределительных отношений. А так как рынок в Республике не развит, распределительные отношения на 80% остались старые, потому что основной источник все-таки бюджет.

Республика дотационная, из-за социальной структуры перенаселенность, огромное число беженцев из внутренних районов Грузии, Республики Южная Осетия и из других регионов СНГ. В итоге сохраняется старая директивная система управления, когда основная масса финансов находится в центре. И поэтому сам процесс управления и надстроечная часть (распределительные отношения, доминирование распределений и т.д.) такие же, как в советский период; и те, кто управляет этим, тоже так же, как в советский период, руководят по старому шаблону, не подключая активную часть населения.

Данные массового опроса показали, что респонденты и эксперты практическую деятельность власти РСО-А оценивают как недостаточно успешную. Основой такой оценки является неэффективность их экономической деятельности. Экономическая деятельность Республики по оценкам экспертов, в состоянии застоя. Такое состояние объясняется следующими факторами:

− в Республике нет передовых технологий, а без их присутствия, какие бы ни были государственные вливания в народное хозяйство, ничего не изменится, разве что коррупционный фон увеличится;

− в традиционных обществах, каковым является и Северная Осетия, с преобладающей частью сельского населения с неохотой идут на модернизацию социальной и экономической жизни. Историческая культура народа ориентирована в основном на традиционные способы социальной регуляции и доминирование недемократических форм политической организации социума. В этом смысле гражданами модернизация воспринимается как отрицание, как замена одного общества (традиционного), другим (современным). Нет понимания того, что развитие современной науки и внедрение передовых технологии могут повысить уровень жизни;

− управленческая элита Республики − выходцы из партийно-комсомольской номенклатуры СССР и в силу воспитания не в состоянии проявить собственную инициативу по внедрению инновационных технологий, она привыкла жить в режиме команд. Для нее также характерно массовое коллективное поведение, основанное на традициях, а в теории модернизации традиция считается самым большим препятствием экономическому развитию. В обществах с коллективным поведением в противовес индивидуальному поведению − готовыми принять новые технологии, которые повысили бы их жизненный уровень, боязнь, что новое приведет к потере традиции, и мы потеряли свое «я», «на фыдалты агдау» (законы наших предков);

− власть РСО-А не хочет решать реальные проблемы и реальные цели. Взамен она решает и пропагандирует проекты-пустышки с целью отмы-

вания денег, типа строительство нефтеперерабатывающего завода в г. Ардоне, завода по переработке городского мусора в городе Владикавказе, строительство высотного дома и т.д.;

− подавляющая часть городских и сельских жителей РСО-А живет в состоянии бедности и средней обеспеченности. Из поколения в поколение люди живут в такой культурной атмосфере, они привыкли к этому уровню достатка, можно сказать, что у них даже нет смысла стремиться к чему-то лучшему, если чего-то и не хватало, они это брали с колхозного поля и такое существование воспринимали как неизбежность, как норму.

Государственной системе РСО-А наладить вертикаль власти для более эффективной экономической деятельности людей и поддерживать юридический порядок в обществе стало крайне сложно, потому что коррупция проникла в сферу политики и государственного управления. Использование должностными лицами доверенных им прав и властных полномочий в целях личного обогащения стало нормой для власти. Основной тезис для чиновников-коррупционеров такой: «В бедности я многое пережил». Из системы управления Республикой ушли такие понятия, как страх, мораль. Страха наказания у чиновника нет, учитывая, что данное место он купил, даже клерки покупают свои должности. В итоге нарушены нормы поведения людей по отношению друг к другу и обществу. Слабость государственной системы разрушает и нравственные устои общества. Такой хаос, т.е. крайний беспорядок власти в системе управления Республикой, стал возможным, потому что не функционируют гражданские институты, а без этого инструмента нельзя построить правовое государство.

СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

В последние годы как со стороны федерального, так и со стороны республиканского руководства очень часто звучат призывы «слезть с нефтяной иглы», «перейти к инновационному развитию», «построить экономику знания». В условиях кризиса курс на расширенное внедрение инноваций не только не отвергнут, но скорее, наоборот, провозглашается едва ли не главным инструментом реанимации экономической активности и выхода экономики на новый уровень развития. Перечисленные выше термины используются в близком контексте, их объединяет общая идея – обеспечить условия для эффективной инновационной деятельности предприятий.

В Республике Татарстан инновационному развитию уделяется большое внимание со стороны регионального правительства. Принят ряд документов, прежде всего Республиканская программа развития инновационной деятельности в Республике Татарстан на 2004–2010 гг. (в настоящее время готовиться ее новая редакция до 2020 г.). Согласно статистическим данным Татарстан находиться среди лидеров в России по числу инновационно-активных предприятий (их доля с 2002 г. возросла с 12% до 13,6%, как и удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции)[1].

Вместе с тем поводов для успокоенности нет – до сих пор инновационная восприимчивость экономики и общества в целом не высока. Наряду с «чисто экономическими» причинами, затрудняющими переход к ускоренному развитию на базе внедрения инноваций, существуют и причины социального плана, выражающиеся в слабой изученности мнений и установок главных субъектов инновационного развития (социально-профессиональные группы, организации, эксперты, готовящие решения на республиканском и отраслевом уровнях). Что они понимают под инновациями, насколько верят в перспективы «экономики знания», готовы ли активно в этом участвовать – эти вопросы представляют не только научный, но и практический интерес.

[1] См. www.tatstat.ru

В основу концептуального обоснования проведенного в 2009 г. исследования было положено представление о социологических характеристиках инновационного развития, основным содержанием которых выступает взаимодействие между субъектами инновационного развития на фоне производства смыслов, определяющих инновационную активность[1].

Относительно оценок инновационного потенциала и перспектив построения инновационной экономики выделяются группы «оптимистов» и «пессимистов». «Оптимисты» – считают, что инновационный потенциал России в целом вполне достаточный (48%), «пессимисты» – что не достаточный (50%). В тоже время считающих возможным построение «экономики знания» в Татарстане явное большинство (75% против 14%), 70% опрошенных согласны с мнением, что инновации – это необходимое условие будущего процветания России, а 80% считают, что в них надо вкладывать больше средств (см. диаграммы 1,2).

Относительно сроков становления России в качестве высокотехнологичной державы преобладает точка зрения, что через 10–15 лет или к середине XXI в. «Абсолютные пессимисты», считающие, что это никогда не произойдет составляют 12% (см. диаграмму 3).

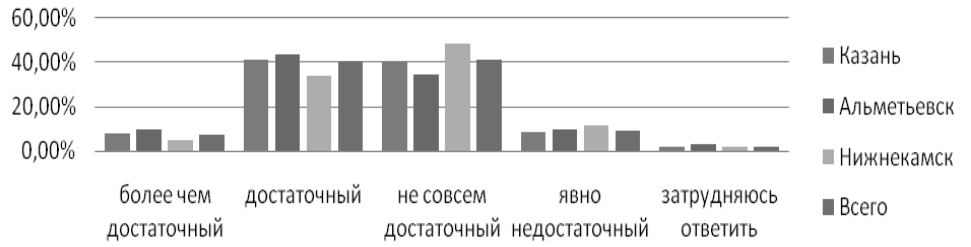
Оптимизм и пессимизм ярко выражен и в ответах на вопрос относительно, того, не являются ли планы инновационного развития просто красивыми лозунгами. 30% считают эти планы именно красивыми лозунгами и не более того, в то время как 47% с этим не согласны и могут быть отнесены к «оптимистам». Верят в то, что проекты инновационного развития России будут реализованы 53% респондентов, не верят – 23%. Сходное распределение респондентов на «оптимистов» и «пессимистов» и применительно к успеху проектов инновационного развития в Республике Татарстан. «Оптимистов» даже больше (64%), «пессимистов» примерно столько же (22%) (см. диаграмму 4).

[1] Недостаток информации об основных параметрах генеральной совокупности (отсутствие точных данных о профессиональной структуре населения РТ) определил использование квотной выборки, опирающейся на выбор социально-профессиональных групп, представляющих существенный интерес в плане их значимости для решения задач инновационного развития. Речь идет о студентах и аспирантах, преподавателях вузов, научных сотрудниках НИИ, инженерном корпусе, рабочих и менеджерах предприятий из приоритетных направлений и инновационных структур, «академической бюрократии» (руководство вузов, НИИ). По нашему мнению, именно данные группы являют собой «коллективный социальный субъект» инновационного развития. Всего выборка составила 1000 человек, и является статистически значимой и репрезентативной. География была ограничена городами Казань (научно-промышленная и управленческая столица), Нижнекамск (нефтехимическая столица) и Альметьевск (нефтяная столица), как точками, в которых сосредоточены управленческий, научный, образовательный и промышленный потенциал базовых отраслей экономики республики.

Диаграмма 1

Распределение ответов на вопрос:
«Оцените инновационный потенциал (наличие науки, образования, способность экономики опираться на научно-технические разработки и создавать новые технологии) России в целом»

Республика Татарстан, 2009 г., целевая группа «Коллективный социальный субъект инновационного развития», N=1000, % от числа опрошенных

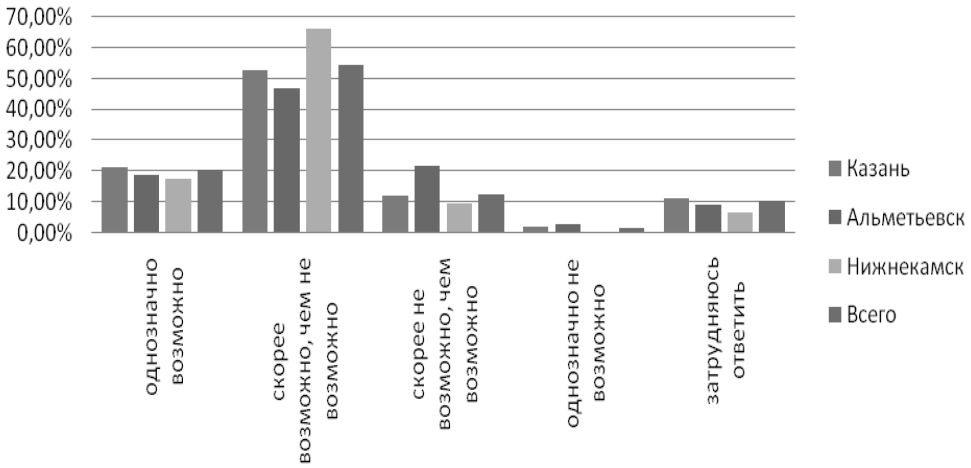


Источник: Кафедра госуправления и социологии КГГУ.

Диаграмма 2

Распределение ответов на вопрос: «Насколько возможно построение инновационной экономики (экономики знания) в РТ?»

Республика Татарстан, 2009 г., целевая группа «Коллективный социальный субъект инновационного развития», N=1000, % от числа опрошенных

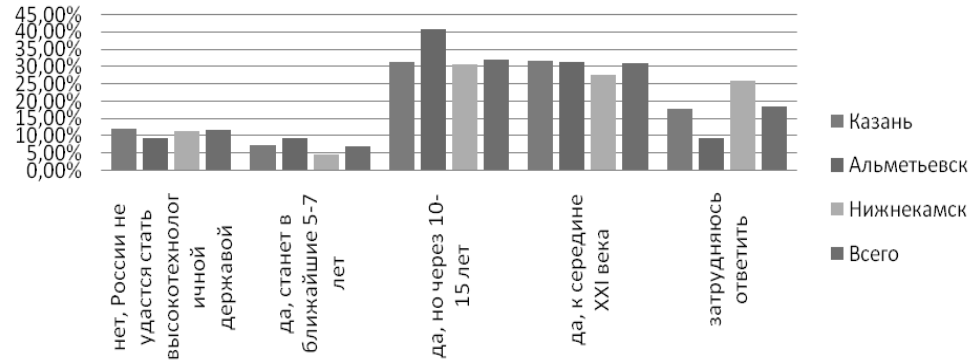


Источник: Кафедра госуправления и социологии КГГУ.

Диаграмма 3

Распределение ответов на вопрос:
«В настоящее время обсуждаются экономические перспективы России на ближайшие 15–20 лет. Как Вы считаете, станет ли Россия высокотехнологичной державой, где основу экономики будет составлять не сырьевой фактор (нефть, газ), и наука и высокие технологии?»

Республика Татарстан, 2009 г., целевая группа «Коллективный социальный субъект инновационного развития», N=1000, % от числа опрошенных

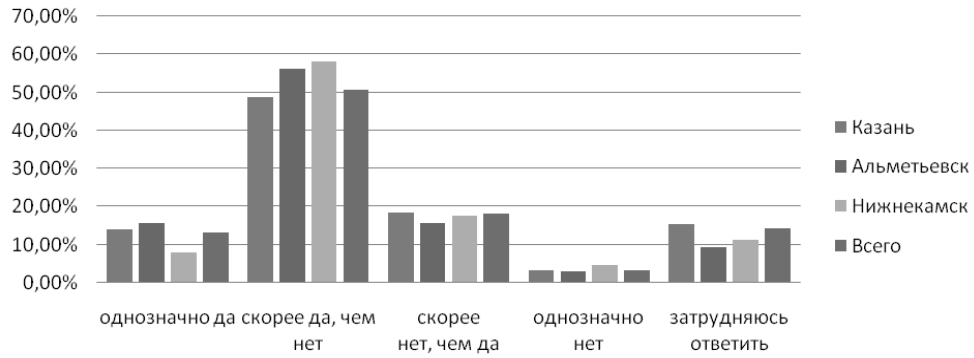


Источник: Кафедра госуправления и социологии КГГУ.

Диаграмма 4

Распределение ответов на вопрос:
«Верите ли Вы в то, что проекты инновационного развития Республики Татарстан будут реализованы?»

Республика Татарстан, 2009 г., целевая группа «Коллективный социальный субъект инновационного развития», N=1000, % от числа опрошенных



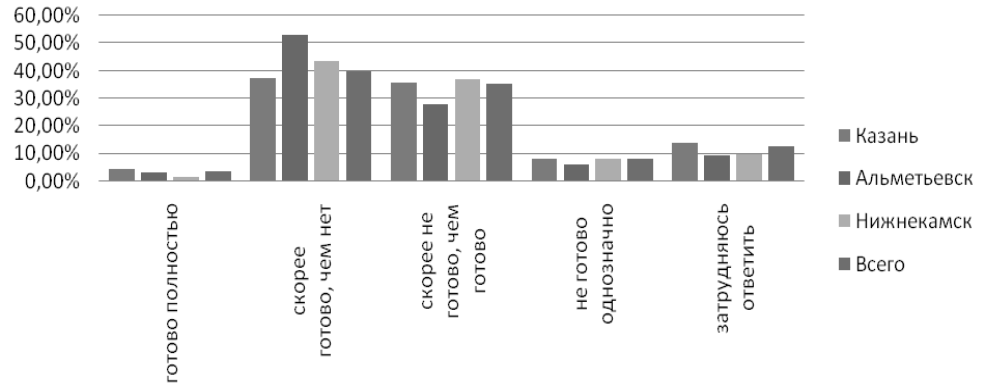
Источник: Кафедра госуправления и социологии КГГУ.

Отмеченный оптимизм сочетается с заметным скепсисом относительно готовности общества к переходу на инновационный путь развития. «Оптимисты» и «пессимисты» представлены здесь практически поровну (см. диаграммы 5, 6).

Диаграмма 5

Распределение ответов на вопрос:
«Насколько готово российское общество
к переходу на инновационный путь развития?»

Республика Татарстан, 2009 г., целевая группа «Коллективный социальный субъект инновационного развития», N=1000, % от числа опрошенных



Источник: Кафедра госуправления и социологии КГГУ.

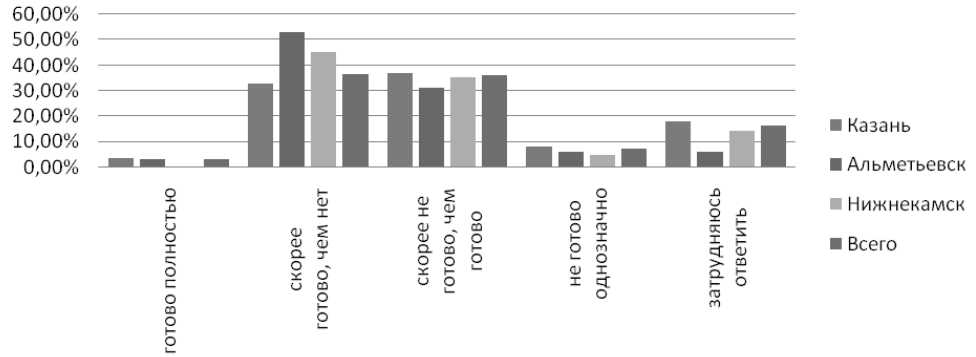
Оптимизм и пессимизм проявляется и в установках респондентов на продолжении карьеры в Татарстане, либо на отъезд в другой регион или за рубеж. В целом 40% готовы в случае возможности уехать из республики. Только 30% заявляют, что не уехали бы ни за что. 23% – не определились с ответом, что говорит о возможности этой группы респондентов пополнить ряды «оптимистов» или «пессимистов» (см. диаграмму 7). Правда – это только настроения. Реально уже готовятся уехать 2% опрошенных.

Главными отраслями, в которых следует внедрять инновации, большинство считает промышленность (61%), медицину (65%), науку и образование (52%), сельское хозяйство (37%), охрана природы (35%), связь и информатика (23%), нефтегазовая отрасль (21%), космос (11%), энергетика (19%). Таким образом, в большей мере выражены ориентации на инновационные проекты в промышленности, образовании и науке, медицине.

Диаграмма 6

Распределение ответов на вопрос:
«Насколько региональное сообщество (жители Татарстана) готовы к переходу на инновационный путь развития?»

Республика Татарстан, 2009 г., целевая группа «Коллективный социальный субъект инновационного развития», N=1000, % от числа опрошенных

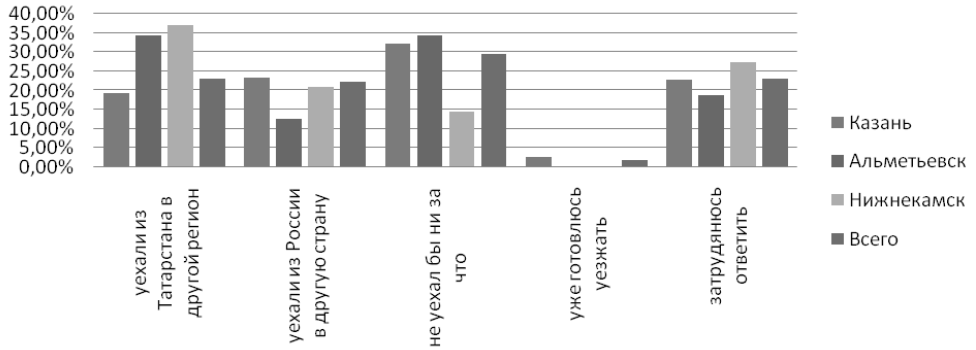


Источник: Кафедра госуправления и социологии КГГУ.

Диаграмма 7

Распределение ответов на вопрос:
«Если бы у Вас была реальная возможность, Вы бы в карьерных целях:...»

Республика Татарстан, 2009 г., целевая группа «Коллективный социальный субъект инновационного развития», N=1000, % от числа опрошенных



Источник: Кафедра госуправления и социологии КГГУ.

Среди организаций, которые в наибольшей степени способны обеспечить инновационное развитие нашей республики, наибольшие надежды респонденты связывают с государственными корпорациями, крупными предприятиями, правительственными структурами, академической и вузовской наукой, специально создаваемыми организациями типа технопарков (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Кто же все-таки в большей степени готов обеспечить решение задач инновационного развития?»

Республика Татарстан, 2009 г., целевая группа «Коллективный социальный субъект инновационного развития», N=1000, % от числа опрошенных

	Казань	Альметьевск	Нижнекамск	Всего
Государственные корпорации	54,8	50,0	61,3	55,4
Крупные предприятия	63,1	50,0	75,8	64,0
Правительственные структуры	45,2	50,0	51,6	46,6
Академическая и вузовская наука	42,3	40,6	33,9	40,9
Прикладная наука в НИИ, научных центрах	50,0	53,1	58,1	51,5
Венчурный бизнес	8,7	9,4	12,9	9,4
Иностранные фирмы на территории РТ	26,0	25,0	45,2	28,8
Специально создаваемы организации типа технопарков	26,3	28,1	29,0	26,8
Новые слои общества профессионально связанные с хайтеком	35,6	34,4	48,4	37,4
Молодежь	27,9	37,5	25,8	28,3
Другие	2,2	3,1	3,2	2,5
Затруднились ответить	4,5	6,3	1,6	4,2

Источник: Кафедра госуправления и социологии КГГУ.

Среди причин, препятствующих инновационному развитию, респонденты отметили: внешние экономические – недостаток финансовой поддержки государства (29%), собственных средств (21%) и высокую стоимость нововведений (20%); внутренние экономические – низкий инновационный потенциал организаций (27%) и недостаток квалифицированного потенциала (28%); а также другие причины – неразвитость инновационной инфраструк-

туры (33%), неопределенность экономической выгоды (28%), недостатки законодательства (28%).

Что касается видения респондентами рисков социально-экономического характера, связанных с переходом на инновационный путь развития, то можно выделить:

Риски экономического характера – нецелевое использование средств («распил бюджетов») – 79% оценили их как вероятные, рост воровства ассигнований на инновационные проекты на местах (75%),.несовпадение интересов инновационных и традиционных отраслей экономики – 76%.

Риски политического характера – вероятность политической нестабильности ввиду усиления конкуренции внутри элит (70%), противоречия между Федеральным Центром и субъектами Федерации (69%).

Риски социального характера – рост безработицы (83%), рост «беловоротничковой преступности» (70%).

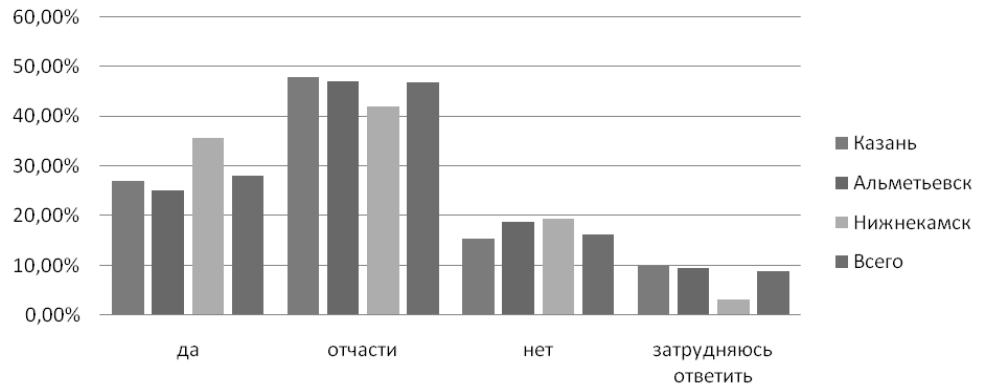
Риски культурного характера – приверженность общества традиционным ценностям, препятствующим культуре инноваций (76%).

Подавляющее большинство отмечали, что поиск нового для них важнее, чем традиции (79%), и что им нравится жить в меняющемся мире (80%), В то же время 57% ответили, что не любят что-либо менять в своей жизни (см. диаграммы 8–10). Налицо парадоксальное сочетание несочетаемого – ориентация на поиск нового и ориентация на отказ от нового. По нашему мнению, поэтому следует сделать поправку и считать относительно готовыми с социально-психологической точки зрения к жизни в меняющемся мире не более 35–40% населения (да и то это скорее оптимистический прогноз).

Диаграмма 8

Согласие респондентов с утверждением:
«Для меня поиск нового важнее, чем традиции»

Республика Татарстан, 2009 г., целевая группа «Коллективный социальный субъект инновационного развития», N=1000, % от числа опрошенных

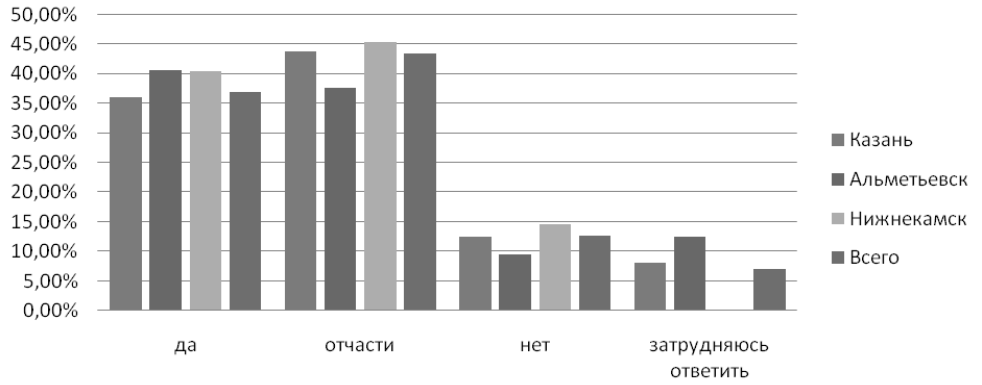


Источник: Кафедра госуправления и социологии КГГУ.

Диаграмма 9

Согласие респондентов с утверждением:
«Мне нравится жить в меняющемся мире»

Республика Татарстан, 2009 г., целевая группа «Коллективный социальный субъект инновационного развития», N=1000, % от числа опрошенных

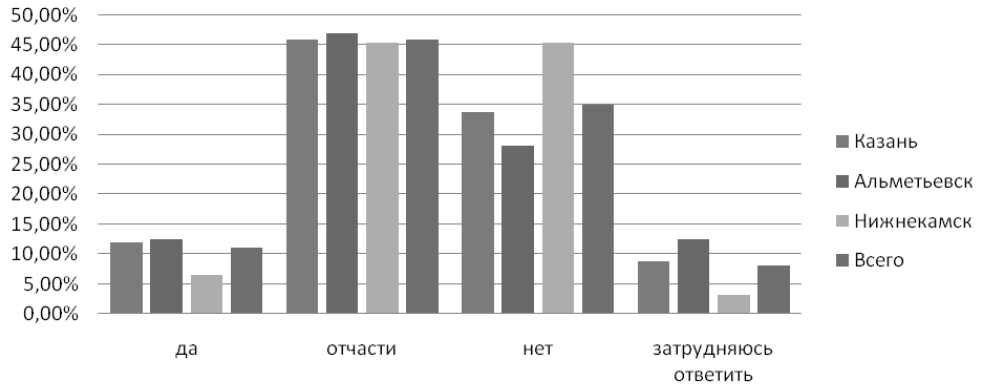


Источник: Кафедра госуправления и социологии КГГУ.

Диаграмма 10

Согласие респондентов с утверждением:
«Я не люблю что-либо менять в своей жизни»

Республика Татарстан, 2009 г., целевая группа «Коллективный социальный субъект инновационного развития», N=1000, % от числа опрошенных



Источник: Кафедра госуправления и социологии КГГУ.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что для успешной реализации инновационной политики очень важно знать, кто, где, почему и насколько готов осуществлять программы перехода к инновационному развитию республики. От этого во многом зависит судьба самого проекта перехода к инновационному сценарию развития нашего общества и, в конечном

счете, успех или неудача всей страны в развертывающейся глобальной конкуренции.

СОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Общественные настроения в регионе в 2009 г. складывались под воздействием нарастающих последствий мирового финансово-экономического кризиса. Вологодская область, экономике которой присущ моноструктурный экспортоориентированный характер (превалирующую долю в промышленном производстве и экспорте занимает металлургическая компания «Северсталь») вошла в число субъектов Российской Федерации, в наибольшей степени пострадавших от кризиса.

Элементы рецессии в экономике области были зафиксированы в середине 2008 г. В IV квартале 2008 г. объем производства промышленной продукции в области составил 69,6% к соответствующему уровню 2007 г. (по РФ – 93,9%), среднедушевой объем реальных располагаемых денежных доходов населения – 91% (по РФ – 93,1%). Начиная с ноября 2008 г., в области регистрировался рост безработицы, достигший пика в апреле 2009 г. Всего в I–III кварталах 2009 г. количество безработных (официально зарегистрированных) возросло по отношению к такому же периоду 2008 г. в 3,4 раза[1].

Тенденции изменений в сфере общественных настроений регионального социума можно проследить по результатам мониторинговых измерений, осуществляемых на территории Вологодской области Институтом социально-экономического развития территорий РАН с 1995 г.[2]

[1] Данные Федеральной службы государственной статистики. См. http://www.gks.ru

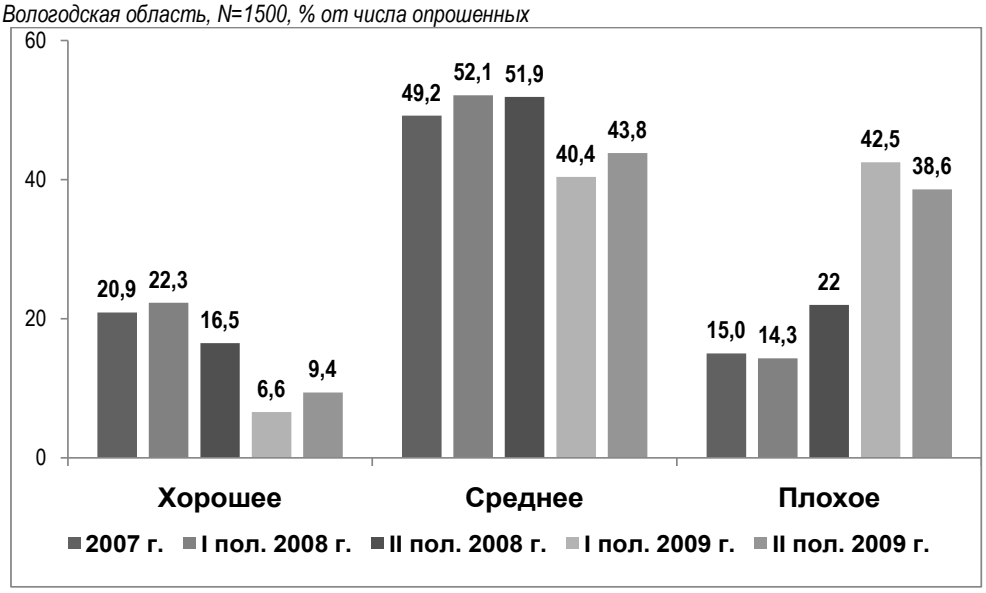
[2] В тексте представлены результаты исследования общественного мнения по оценке социально-политической ситуации в стране и области. Исследования проводятся Институтом социально-экономического развития территорий (ИСЭРТ) РАН в режиме мониторинга. Ежегодно с периодичностью 6 раз в год опрашивается 1500 респондентов (N=1500) в возрасте 18 лет и старше в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах Вологодской области. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением; жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и

Как показывают исследования, с середины 2008 г. до середины 2009 г. значительно сократилась доля позитивных оценок экономического положения России (с 22 до 7%) и региона (с 24 до 6%). Во втором полугодии 2009 г. по сравнению с первой половиной года, суждения людей об экономической ситуации несколько улучшились. Это явилось следствием их постепенной адаптации к изменившимся условиям жизни, сыграла свою роль и определенная стабилизация экономических процессов, одной из причин которой являлись антикризисные мероприятия, реализуемые государством на федеральном и региональном уровнях. Тем не менее, по сравнению с докризисным периодом, соотношение групп населения с позитивной и негативной оценкой экономической ситуации было по-прежнему неблагоприятным (см. диаграммы 1, 2).

Диаграмма 1

Оценка экономического положения России

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных



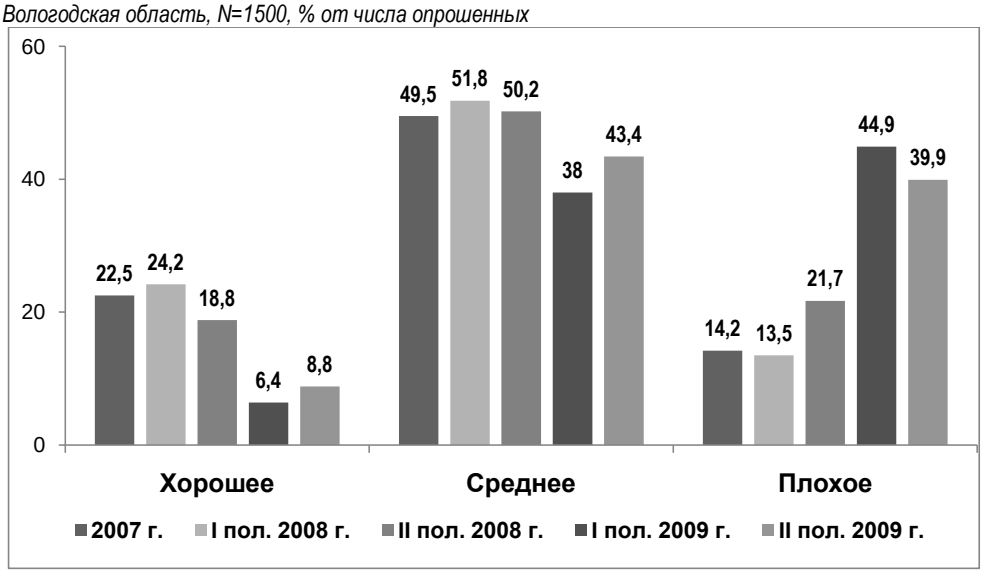
Источник: ИСЭРТ РАН.

средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%. (Рук. иссл. – д.э.н., проф. В.А.Ильин).

Диаграмма 2

Оценка экономического положения области

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных



Источник: ИСЭРТ РАН.

Последствия кризиса, в той или иной степени, затронули подавляющее большинство домохозяйств (более 90%), причем даже в конце 2009 г. с ними сталкивалось три четверти семей. Главным негативным последствием для большинства населения явился рост цен на товары и услуги, который для части населения выразился, помимо прочего, и в обесценивании сбережений. Достаточно распространенными стали факты уменьшения и задержек заработной платы и социальных выплат. Наиболее болезненными явлениями стали сокращения или увольнения с предприятий, приостановки и закрытия предприятий, особенно в начальной фазе нарастания кризисных явлений (см. табл. 1).

Как следствие, от 50 до 55% жителей области в течение 2009 г. отмечали, что кризис привел к ухудшению материального положения их семей. Мнение населения о своем благосостоянии несколько ухудшилось (см. диаграмму 3). Удельный вес жителей области, считающих материальное положение своих семей «плохим» вырос с 23% в I половине 2009 г. до 34% во II половине 2009 г. Одновременно снизилась доля средних оценок (с 55 до 48%, соответственно). Представительство позитивных суждений незначительно (10%).

Таблица 1

Доля населения области,
ощутившего на себе и членах своей семьи последствия кризиса

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных

Последствия	Всего с начала кризиса		За последние полгода		За последний месяц	
	2009, февраль	2009, июнь	2009, октябрь	2009, декабрь	2009, октябрь	2009, декабрь
Увеличение цен на потребительские товары и услуги	70,1	81,1	72,6	72,2	65,4	67,8
Уменьшение (урезание) заработной платы и социальных выплат	47,9	52,0	38,7	41,5	26,1	25,5
Обесценивание рублевых сбережений	24,7	30,0	29,3	28,0	23,7	23,4
Задержки заработной платы и социальных выплат	35,1	41,1	27,6	22,1	20,7	17,3
Сокращение, увольнение с предприятия	23,0	25,9	13,8	15,4	9,1	8,5
Закрытие, приостановка предприятия	13,8	19,4	6,9	9,4	4,9	6,3
Всего*	82,7	92,5	80,6	82,2	74,9	75,1

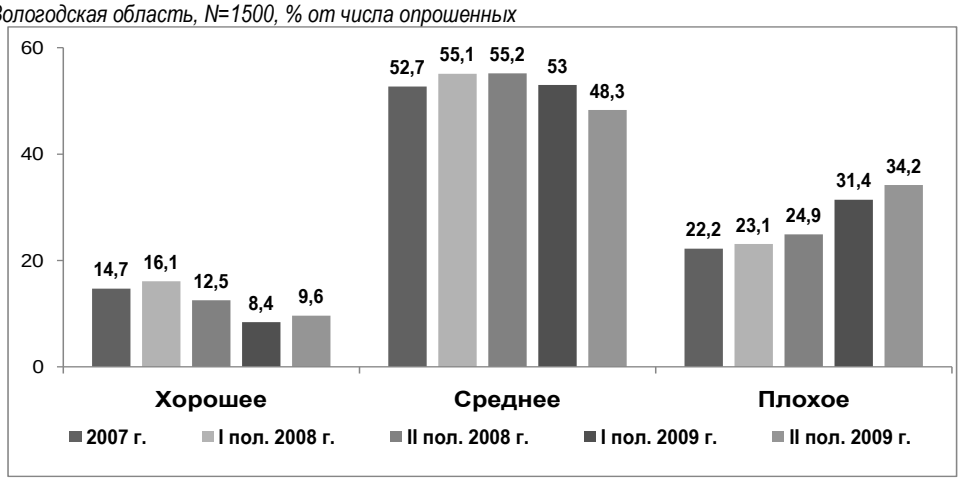
Примечание: * – Учтены все, кто отметил хотя бы одно из перечисленных последствий кризиса для себя и своей семьи.

Источник: ИСЭРТ РАН.

Диаграмма 3

Оценка материального положения семьи

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных



Источник: ИСЭРТ РАН.

По оценкам жителей области, во втором полугодии 2009 г. среднемесячный фактический доход в расчете на одного члена семьи сократился по отношению к соответствующему периоду 2008 г. на 4% (см. табл. 2). Более того, снижение доходов усугубляется ростом стоимости жизни. Так, во II половине 2009 г. 72% населения отмечало, что сталкивается с ростом цен на товары и услуги. В результате соотношение среднедушевого дохода с прожиточным минимумом в 2009 г. ухудшилось, составляя 1,3 раза. Фактический размер дохода составил только 33% от уровня, необходимого для «нормальной» (по оценкам людей) жизни, что на 3 п.п. меньше, чем годом ранее.

Таблица 2

Фактический среднемесячный доход на одного члена семьи и прожиточный минимум

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных; руб.

Вариант ответа	2007	2008, I пол.	2008, II пол.	2009, I пол.	2009, II пол.
Фактический доход (руб.)*	5440	6432	7295	6741	7015
Прожиточный минимум (руб.)***	3765	4434	4791	5152	5313
Соотношение фактического дохода и прожиточного минимума (в разах)	1,4	1,5	1,5	1,3	1,3
Доход, необходимый для нормальной жизни (руб.)**	16791	19190	20223	19698	21524
Фактический доход в % к необходимому	*32*	*34*	*36*	*34*	33

*Примечание:** Данные получены исходя из ответов на вопрос: «Посчитайте, каков был среднемесячный фактический доход на одного члена Вашей семьи за последний месяц». ** Данные получены исходя из ответов на вопрос: «Какой размер дохода на одного члена семьи в месяц, по Вашему мнению, необходим для нормальной жизни?». *** Величина прожиточного минимума на душу населения в области устанавливается ежеквартально правительством области на основании потребительской корзины и данных Вологдастата.
Источник: ИСЭРТ РАН.

Именно инфляция является проблемой, которую население считает наиболее острой для региона (см. табл. 3). В 2009 г. также отмечен рост актуальности таких проблем, как безработица, низкий уровень жизни, более злободневной вновь становится проблема роста алкоголизма.

В связи с продолжающимся ростом стоимости жизни, негативные изменения произошли в оценках покупательной способности доходов населения (см. диаграмму 4). Доля жителей области, доходов которых хватает, в лучшем случае, на приобретение продуктов питания, возросла с 30% во второй половине 2008 г. до 39% во второй половине 2009 г. Удельный вес населения, могущего позволить себе приобретение всех необходимых для повседневной

жизни товаров, снизился с 60 до 52%. Не вызывает трудностей покупка любых товаров по-прежнему лишь у десятой части жителей региона.

Таблица 3

Проблемы, наиболее острые для Вологодской области

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных, руб.

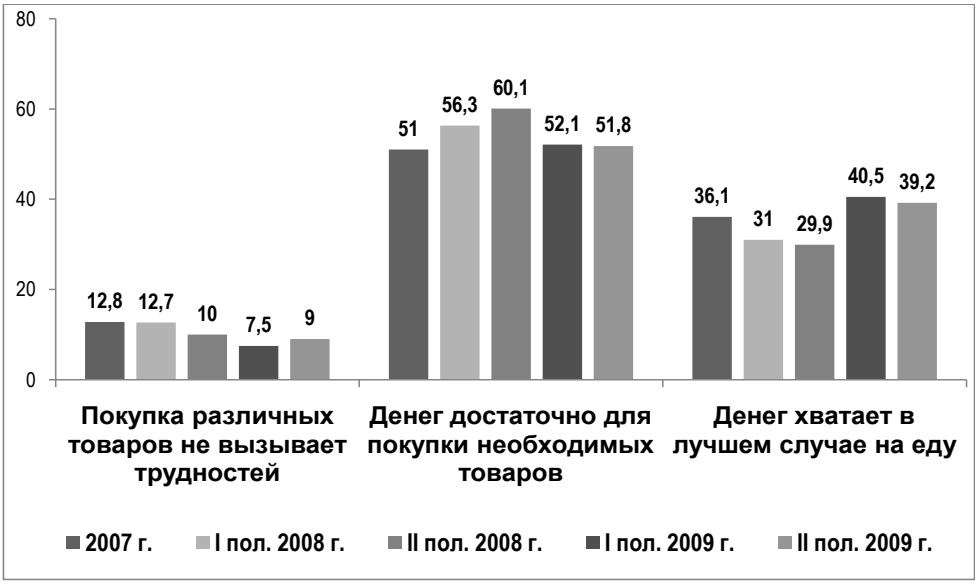
Проблемы	2007	2008, I пол.	2008, II пол.	2009, I пол.	2009, II пол.
Инфляция	43,0	53,8	54,0	50,3	50,8
Безработица	24,2	19,4	27,1	44,4	47,2
Низкий уровень жизни	36,3	33,9	35,4	34,3	41,3
Рост алкоголизма	32,5	28,7	29,0	23,7	34,6
Низкая доступность жилья	36,1	42,7	40,6	27,5	32,1
Резкое расслоение населения по доходам	32,5	33,5	29,6	24,1	29,3
Социальная незащищенность граждан	26,3	24,8	23,8	20,1	23,3
Развал экономики, остановка предприятий	13,3	11,7	19,4	25,9	20,7
Низкое качество здравоохранения	20,0	22,2	21,3	16,3	20,1
Плохая экология, загрязнение окружающей среды	17,6	19,9	17,8	17,0	16,1

Источник: ИСЭРТ РАН.

Диаграмма 4

Оценка покупательной способности доходов населения

Вологодская область, N=1500, % от числа ответивших на вопрос



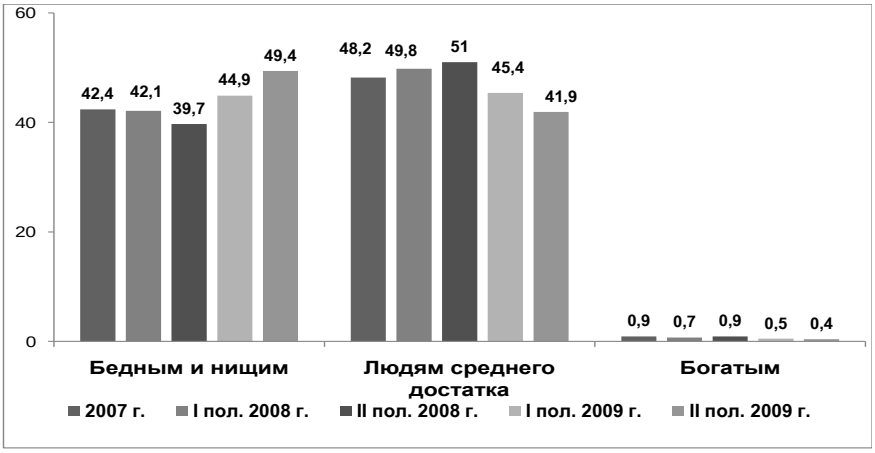
Источник: ИСЭРТ РАН.

На фоне негативных изменений в оценках материального положения семей, произошло ухудшение структуры социальной самоидентификации населения области (см. диаграмму 5). Возросла доля тех, кто относит себя к категориям «бедных» и «нищих» (с 40% во второй половине 2008 г. до 49% во второй половине 2009 г.), а представительство «людей среднего достатка» снизилось с 51 до 42%, соответственно.

Диаграмма 5

Динамика социальной самоидентификации населения

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных



Источник: ИСЭРТ РАН.

Негативно сказались последствия кризиса и на сфере психо-эмоционального состояния населения. Доля жителей области с позитивной оценкой своего настроения снизилась с 70% в первой половине 2008 г. до 51% в первой половине 2009 г., а удельный вес негативных характеристик возрос за этот же период с 23 до 39% (см. диаграмму 6). Во втором полугодии ситуация немного улучшилась, однако по сравнению с докризисным периодом соотношение данных групп населения с позитивной и негативной оценкой настроения менее благоприятно.

Несмотря на ухудшение некоторых параметров социального самочувствия, не произошло значительных изменений в уровне запаса социального терпения населения области (см. диаграмму 7). Удельный вес как позитивных, так и негативных суждений во втором полугодии 2009 г. остался на уровне первой половины года. Однако соотношение данных групп по сравнению с 2007–2008 гг. по-прежнему менее благоприятное.

Диаграмма 6

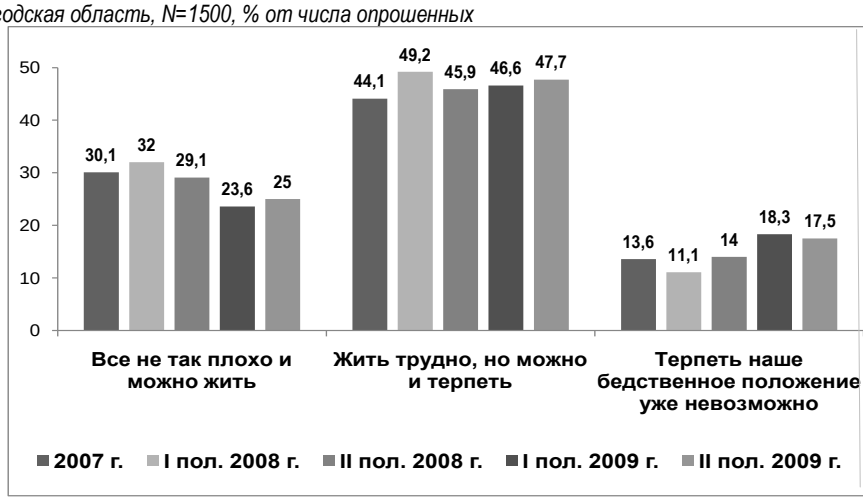
Динамика показателя социального настроения

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных

Диаграмма 7

Динамика уровня запаса терпения населения

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных



Источник: ИСЭРТ РАН.

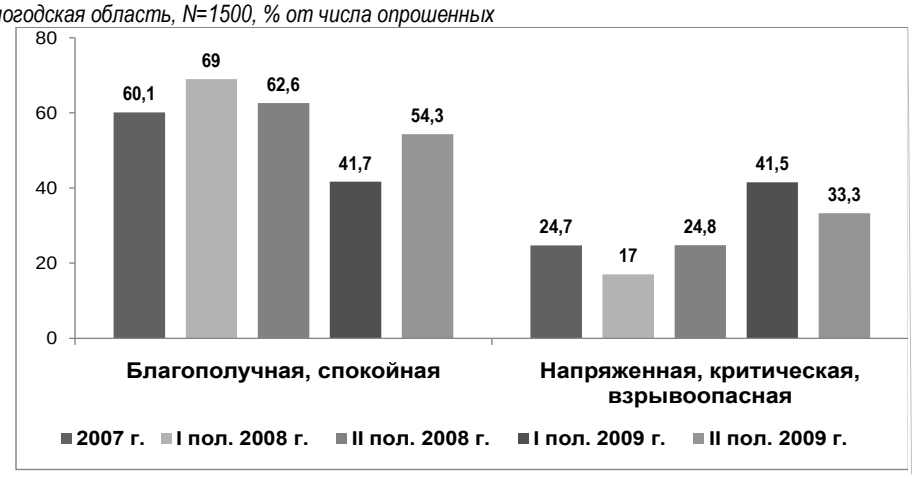
В первом полугодии 2009 г. резко ухудшились оценки населения в отношении политической обстановки в регионе. Доля тех, кто считает ситуацию «благополучной», «спокойной», сократилась до 42% по сравнению с 69%

годом ранее (см. диаграмму 8). Удельный вес критических суждений возрос с 25 до 42%. Во второй половине 2009 г. ситуация несколько улучшилась: позитивные оценки высказывало уже более половины населения. Однако в целом картина мнений осталась менее благополучной, чем в 2007 г. и 2008 г.

Диаграмма 8

Оценка населением политической обстановки в регионе

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных



Источник: ИСЭРТ РАН.

Во втором полугодии 2009 г. улучшились оценки населения области в отношении политической ситуации в России: по сравнению с первой половиной года доля позитивных мнений возросла с 37 до 46% (см. диаграмму 9), негативных – снизилась с 46 до 41%. Характер суждений вернулся на позиции второй половины 2008 г. и остается менее благоприятным, чем в докризисный период 2008 г. и в 2007 г.

Негативным образом кризис отразился и на оценке населением деятельности федеральных властей: в период второй половины 2008 г. – первой половины 2009 г. она значительно ухудшилась (см. диаграмму 10). Однако в дальнейшем эта тенденция не получила продолжения. Во второй половине 2009 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ Д.Медведева возрос с 62 до 66%, Председателя Правительства В.Путина – с 65 до 68%, Правительства РФ – с 49 до 53%, хотя предкризисный уровень пока не достигнут.

Диаграмма 9

Оценка населением политической обстановки в регионе

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных

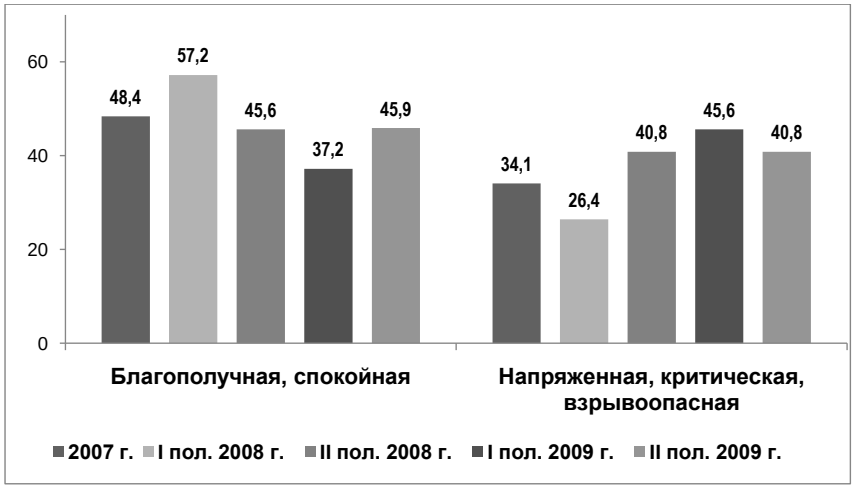


Диаграмма 10

Уровень одобрения населением деятельности федеральных институтов государственной власти

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных, вариант ответа «одобряю»

Источник: ИСЭРТ РАН.

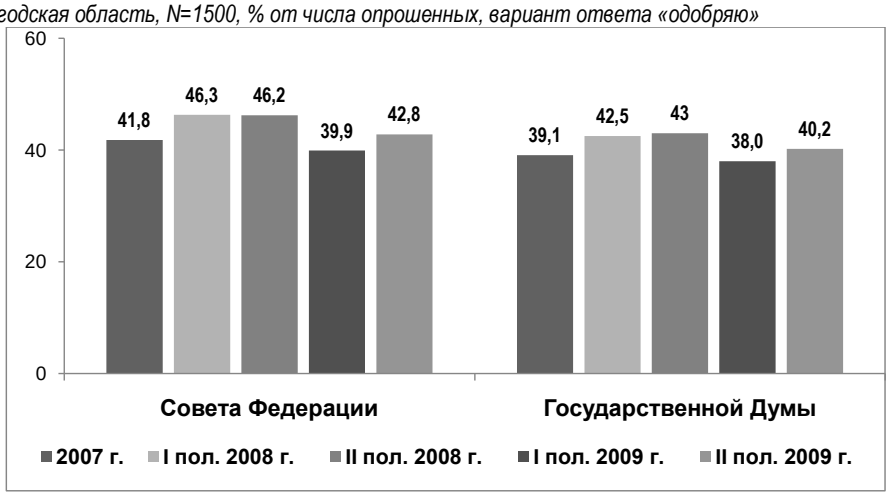
Изменения в оценках работы федеральных законодательных органов власти не были столь существенными (см. диаграмму 11). Положительное

отношение к деятельности Совета Федерации выразило 43% населения (против 40% во II полугодии), к работе Государственной Думы – 40% (против 38%). Показатели находятся на среднем уровне предыдущих лет.

Диаграмма 11

Уровень одобрения населением деятельности федеральных законодательных органов государственной власти

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных, вариант ответа «одобряю»



Источник: ИСЭРТ РАН.

Заметно ухудшились в первой половине 2009 г. оценки деятельности органов власти на региональном уровне (см. диаграмму 12). Доля позитивных суждений о работе губернатора области сократилась до 43% по сравнению с 58% годом ранее, Законодательного Собрания области – до 33 против 41%, соответственно. С середины 2009 г. характеристики работы региональных властей улучшились, однако они были хуже, чем в докризисный период.

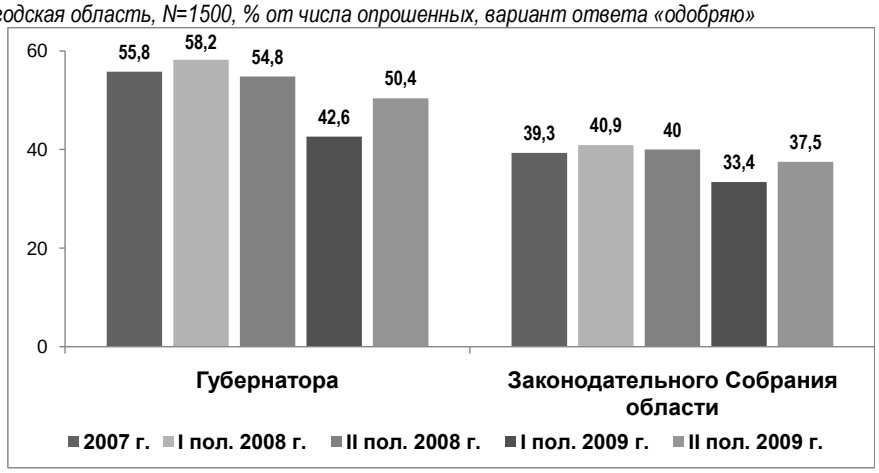
Кризис практически не сказался на отношении населения к деятельности местных органов власти (см. диаграмму 13). Доля позитивных суждений о работе глав местных администраций (45%) и советов местного самоуправления (37%) во второй половине 2009 г. примерно соответствовала уровню предыдущих лет.

Диаграмма 12

Уровень одобрения населением

деятельности региональных органов власти

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных, вариант ответа «одобряю»

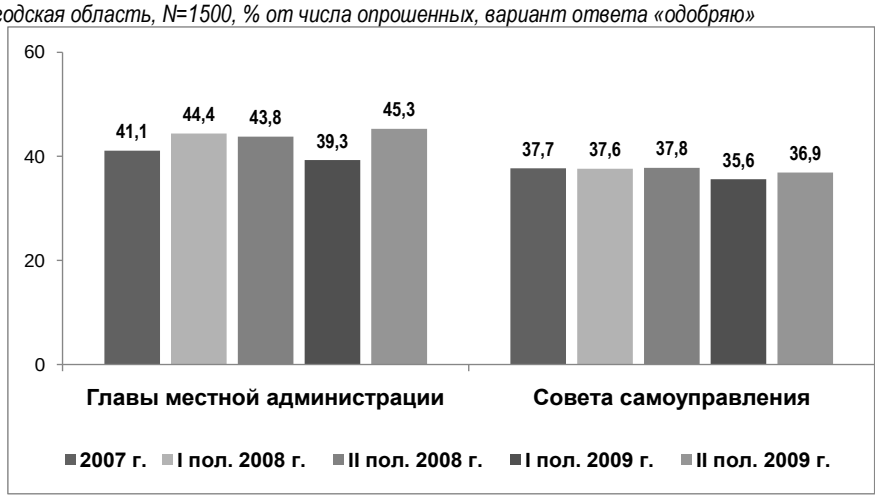


Источник: ИСЭРТ РАН.

Диаграмма 13

Уровень одобрения населением деятельности местных органов власти

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных, вариант ответа «одобряю»



Источник: ИСЭРТ РАН.

Структура партийно-политических предпочтений населения не изменилась (см. табл. 4). Удельный вес тех, кто поддерживает «Единую Россию»,

в первой половине года уменьшился, но во втором полугодии восстановился до предкризисного уровня, составляющего около 40%. Причиной этого является тот факт, что «партия власти» является одной из политических сил, с которой в общественном мнении ассоциируются реализуемые в стране антикризисные мероприятия. Позиции остальных парламентских партий сохранились: 8% населения во второй половине 2009 г. поддерживало КПРФ, 7% – ЛДПР. 4% – «Справедливую Россию». В то же время, в 2009 г. было отмечено увеличение (до 28–29%) доли тех, кто считает, что действующие в стране партии не выражают их интересы.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос:
«Какая партия выражает Ваши интересы?»

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных

Партия	2007	2008, I пол.	2008, II пол.	2009, I пол.	2009, II пол.
«Единая Россия»	30,2	40,3	40,9	35,4	39,5
КПРФ	7,0	6,6	6,5	7,5	8,3
ЛДПР	7,5	8,2	6,4	6,7	6,6
«Справедливая Россия»	7,8	5,5	3,9	3,5	3,6
Другая*	3,3	1,1	1,2	3,3	2,8
Никакая	17,8	19,9	23,1	29,1	28,1
Затруднились ответить	26,4	18,4	18,0	14,5	11,1

Примечание:* – партии, уровень поддержки которых в октябре 2009 г. был менее 2%.
Источник: ИСЭРТ РАН.

После повышения в первом полугодии 2009 г. (до 24%), во второй половине года потенциал протеста жителей Вологодской области снизился, что соответствует средним показателям 2007–2008 гг. – 20% (см. табл. 5). Снижение протестных настроений наблюдалось в большинстве социально-демографических групп населения. Ослабление потенциальной протестной активности населения обусловлено улучшением оценок экономического положения в стране и регионе, а также повышением уровня доверия деятельности властей. Вместе с тем оценки материального благосостояния семей ухудшаются, что является благоприятным условием для возможной катализации протестных настроений в перспективе.

В первом полугодии 2009 г. продолжилось ухудшение ожиданий населения относительно возможных изменений в политической жизни страны и региона в ближайшей перспективе (см. диаграмму 14).

Таблица 5

Динамика потенциала протеста

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных

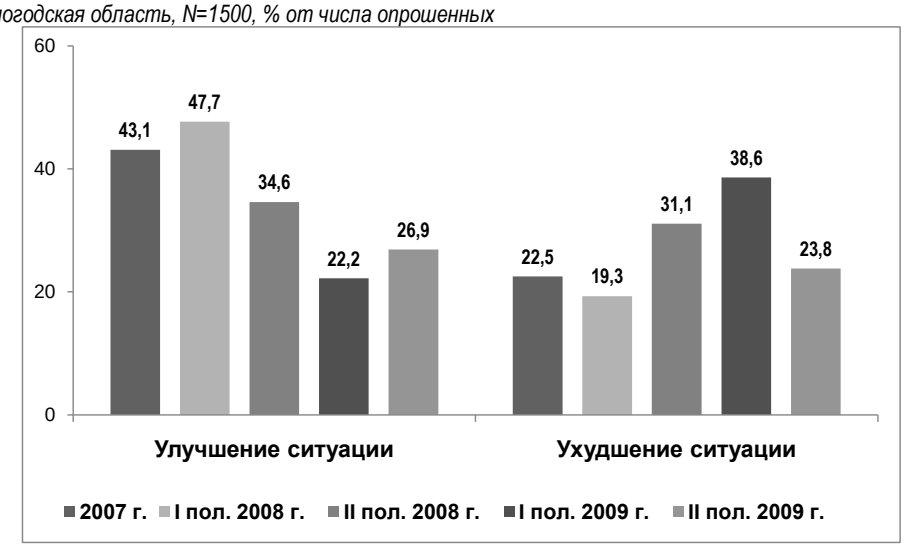
Варианты ответов	2007	2008, I пол.	2008, II пол.	2009, I пол.	2009, II пол.
Потенциал протеста	20,7	20,3	19,0	23,9	19,8
Выйду на митинг, демонстрацию	9,6	9,6	8,9	11,4	10,3
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	5,7	6,2	5,1	7,0	5,1
Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады	5,3	4,5	5,0	5,6	4,5

Примечание: – потенциал протеста составляют респонденты, ответившие на вопрос: «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» следующим образом: «выйду на митинг, демонстрацию»; «буду участвовать в забастовках, акциях протеста»; «если надо, возьму оружие, выйду на баррикады».
Источник: ИСЭРТ РАН.

Диаграмма 14

Ожидания изменений в политической жизни России в ближайшей перспективе

Вологодская область, N=1500, % от числа опрошенных



Источник: ИСЭРТ РАН.

Доля «пессимистов» возросла до 39%, а удельный вес «оптимистов» – снизился до 21–22%. Во второй половине 2009 г. ситуация улучшилась: меньше стало, тех, кто опасался реализации худшего сценария развития событий. Тем не менее, удельный вес позитивных суждений остается ниже, чем в начальный период кризиса и докризисный период.

СОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ГОРОДЕ РЯЗАНИ

У р о в е н ь и к а ч е с т в о ж и з н и . Социальное самочувствие жителей Рязани напрямую связано с направленностью изменений в их повседневной жизни, социальной обустроенностью и социально-психологическим состоянием. Анализ социологических данных приводит к неутешительным выводам относительно субъективных оценок изменений социальной ситуации за прошедший год (см. табл. 1)[1].

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как изменились следующие условия Вашей жизни за последний год?»

Рязань, апрель 2009 г., взрослое население, N=1385, активный электорат (АЭ)[2], n=966
% от числа опрошенных

	Стало лучше		Не изменились		Стало хуже	
	Массив	АЭ	Массив	АЭ	Массив	АЭ
Материальное положение	5,9	5,6	41,4	43,5	52,7	50,9
Жилищные условия	4,1	4,1	85,1	85,1	10,8	10,8
Медицинское обслуживание	1,7	1,8	61,7	61,2	36,6	37,0
Проведение досуга, отдыха	6,8	6,3	59,6	60,8	33,6	32,9
Отношения между людьми	5,6	4,6	53,5	53,3	40,9	42,1
Возможность получить образование, повысить квалификацию	8,9	8,4	46,5	47,8	44,6	43,8
Отношение людей к компаниям, банкам, действующим в Рязани	3,6	3,6	45,0	44,0	51,4	52,4
Отношение людей к местным органам власти	4,2	4,6	50,6	48,7	45,2	46,7

Источник: ИСПИ РАН.

[1] В тексте анализируются материалы социологического исследования, проведенного ИСПИ РАН в апреле 2009 г. Социологическое исследование было проведено по специально разработанной методике. В исследовании использовалась квотно-пропорциональная выборка с тремя взаимосвязанными параметрами: половозрастной структурой населения, территориальным распределением избирателей. Общий объем выборочной совокупности составил 1385 респондентов. (Рук. иссл. – акад. РАН Осипов Г.В., д.с.н. Локосов В.В.).

[2] Категория «активный электорат» определялась ответом на вопрос: «Участвуете ли Вы обычно в выборах?».

По шести индикаторам, измеряющим социальные перемены, преобладают варианты ответов «не изменились», по двум – «стало хуже». Меньше всего улучшений отмечено в сфере медицинского обслуживания (2%). По мнению 9% респондентов, за последний год появилось больше возможностей получить образование, повысить квалификацию. Остальные индикаторы «улучшения» варьируют в диапазоне этих значений.

Из восьми индикаторов только в двух случаях преобладали негативные оценки респондентов: по мнению 51% респондентов, за последний год отношение людей к компаниям, банкам, действующим в Рязани, стало хуже, и 53% отметили ухудшение своего материального положения. По остальным шести индикаторам доминировала позиция «изменений не было». Но если мы сравним долю позитивных оценок («стало лучше») и негативных оценок («стало хуже»), перевес негативных оценок будет внушительным (см. диаграмму 1).

По другим показателям социальное самочувствие жителей Рязани также нельзя назвать комфортным. При оценке изменения 14 сторон жизни города за последние 1–2 года только по одному индикатору преобладали положительные оценки (см. диаграмму 2).

Развитие сети предприятий бытового обслуживания, общественного питания, торговли – это самая успешная сторона городской инфраструктуры. Есть еще два относительно успешно развивающихся условия городской жизни – озеленение и благоустройство города и уборка мусора, поддержание чистоты во дворах и на улицах. Улучшение ситуации в этих трех сторонах жизни города отметили от четверти до трети респондентов. Здесь сосредоточены основные достижения городской администрации с точки зрения общественного мнения.

Меньше всего улучшений зафиксировано в обеспеченности детскими садами, яслями (3%) и работе учреждений здравоохранения (4% опрошенных). Только каждый одиннадцатый житель города видит положительные изменения в уровне правопорядка, ситуации с преступностью и хулиганством, качестве работы городской администрации, состоянии дорог, работе образовательных учреждений, ДЭЗов, паспортных столов, БТИ, органов местного самоуправления.

Особенно сильную критику горожан вызывает состояние дорог на территории города – на ухудшение этой стороны жизни указали абсолютное большинство респондентов – 65%, при минимальном числе затруднившихся ответить (2%). Следует добавить, что интервьюеры также обратили внимание на повышенное число нареканий участников опроса на катастрофическое состояние дорог в городе.

Диаграмма 1

Соотношение позитивных («стало лучше») и негативных («стало хуже») оценок изменений условий жизни за последний год

Рязань, апрель 2009 г., взрослое население, N=1385
% от числа опрошенных

Источник: ИСПИ РАН.

Диаграмма 2

Соотношение позитивных («улучшилось») и негативных («ухудшилось») оценок изменений основных сторон жизни города за последние 1–2 года

Рязань, апрель 2009 г., взрослое население, N=1385, % от числа опрошенных

Источник: ИСПИ РАН.

Около 40% опрошенных отметили прямое ухудшение за два года ситуации с обеспечением детскими садами и яслями, работой учреждений здравоохранения, и городских жилищно-коммунальных служб. Да и по сравнительно благополучным сторонам жизни города – озеленению и благоустройству города, уборке мусора, поддержанию чистоты во дворах и на улицах, доля отрицательных оценок превышает долю положительных.

Иерархия социальных проблем и кто несет за них ответственность. Среди проблем, наиболее часто и сильно беспокоящих горожан, доминируют факторы материального благосостояния (см. диаграмму 3).

На первом месте для жителей Рязани находится проблема дороговизны жизни – рост цен (63%) и повышение тарифов на услуги ЖКХ (56%). Наиболее активно бороться с этими явлениями считают нужным подавляющее число опрошенных жителей Рязани.

Следующая по значимости группа отрицательных явлений, актуальных не менее чем для 40% респондентов – это наркомания, загрязнение окружающей среды и безработица. Выход на третье место по уровню значимости проблемы наркомании свидетельствует о серьезной угрозе распространения наркомании среди молодых горожан.

Заслуживает внимания высокий (43%) уровень обеспокоенности экологической обстановкой. Более 140 городов РФ в настоящее время имеют степень загрязненности «высокую» и «очень высокую». На экологически неблагополучных территориях проживает 64 млн человек – 45% населения страны. Общественное сознание жителей Рязани фиксирует наличие проблем в области экологии города еще в большей степени, чем показывают данные всероссийских исследований.

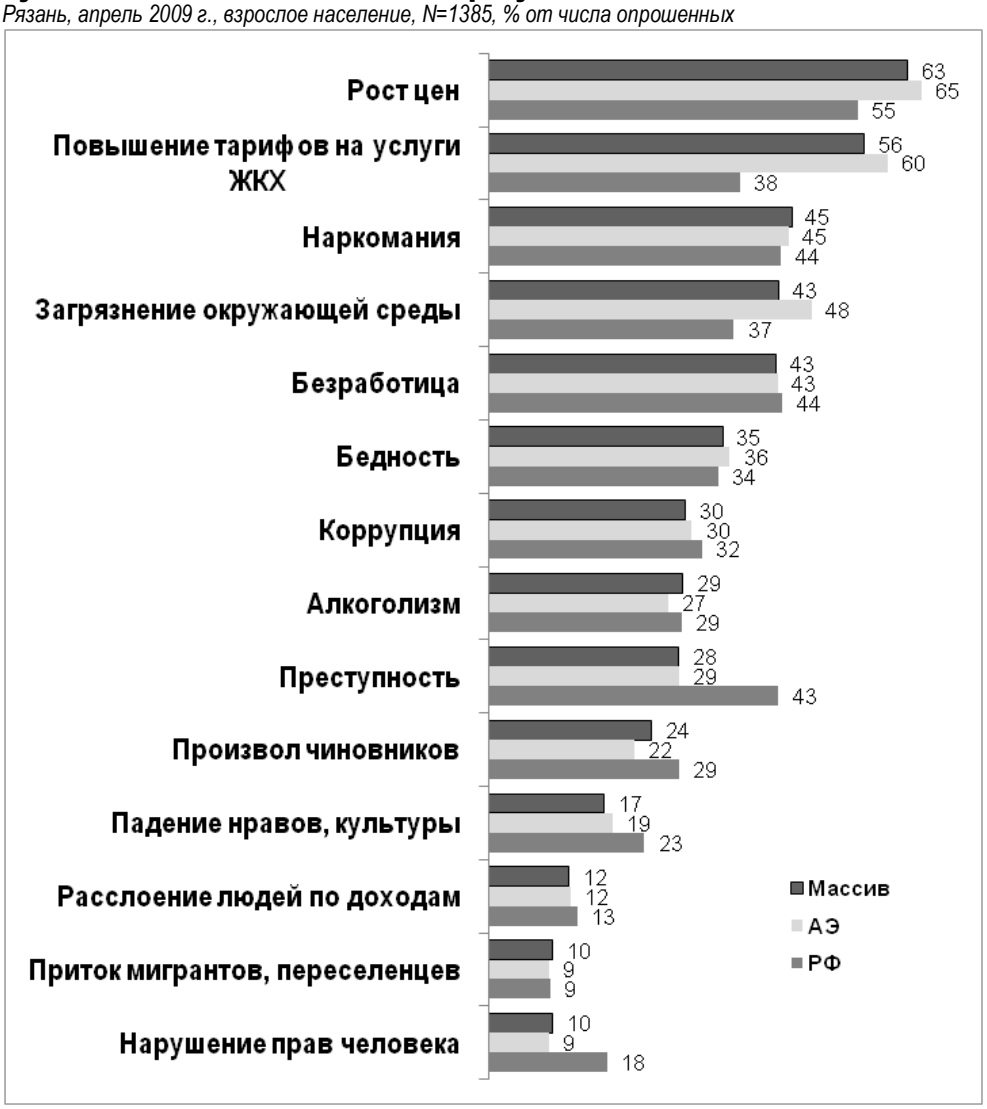
Безработица входит в число пяти отрицательных явлений, с которыми горожане считают необходимым вести борьбу в первую очередь. Более трети жителей города относят к первостепенным проблемам бедность (35%). От четверти до трети опрошенных озабочены коррупцией, алкоголизмом, преступностью, произволом чиновников, падением нравов, культуры, расслоением людей по доходам.

Представленные в диаграмме 3 данные позволяют заключить, что ситуация с такими отрицательными явлениями, как преступность, произвол чиновников, падение нравов, нарушение прав человека в Рязани является менее напряженной, чем в целом по России. Факторы материального благосостояния и загрязнение окружающей среды, напротив, тревожат горожан в большей степени, чем россиян в целом.

Диаграмма 3

Распределение ответов на вопрос:
«С какими отрицательными явлениями, по Вашему мнению, нужно наиболее активно вести борьбу?»

Рязань, апрель 2009 г., взрослое население, N=1385, % от числа опрошенных

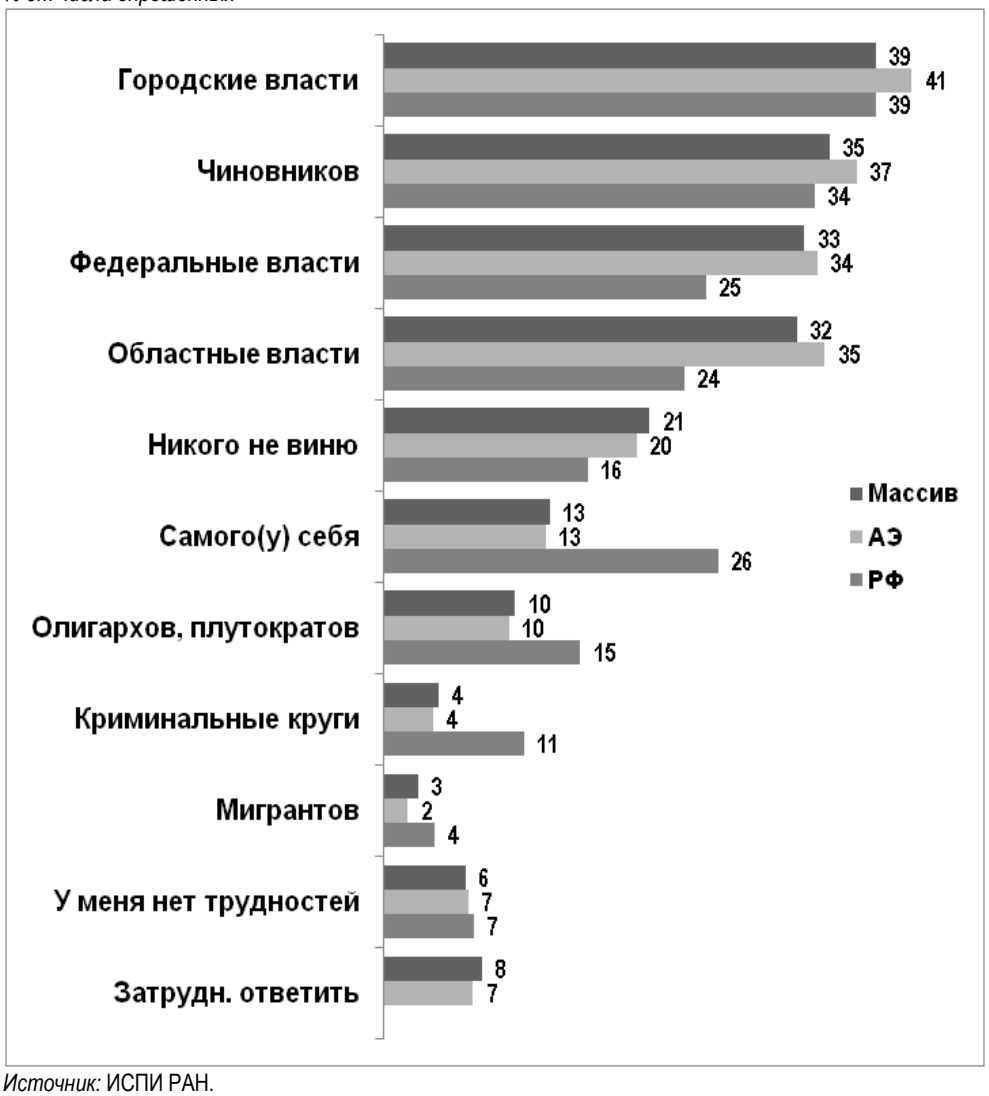


Источник: ИСПИ РАН.

Диаграмма 4

Распределение ответов на вопрос:
«Кого чаще всего Вы вините за ваши повседневные трудности?»

Рязань, апрель 2009 г., взрослое население, N=1385, активный электорат (АЭ), n=966
% от числа опрошенных



Источник: ИСПИ РАН.

Отметим, что малозначимых проблем, которые тревожили бы менее 10% горожан, две: приток мигрантов, переселенцев и нарушение прав человека. Остальные 12 явлений, включенных в инструментарий, вызвали социально значимую реакцию у населения. Это свидетельствует о наличии потенциала социальной неустойчивости.

Наибольшая доля ответственности за решение наболевших проблем возлагается жителями города на власти различных уровней (см. диаграмму 4).

Чаще всего виновными в повседневных трудностях горожан оказываются городские власти – так считают 39% опрошенных. 35% респондентов обвиняют безадресных «чиновников», выражая недовольство бюрократической системой вообще, что коррелирует с мнением о необходимости борьбы с коррупцией и произволом чиновников. Около трети горожан видят источник своих проблем в лице федеральных властей, примерно столько же – областных. Отметим, что в среднем по РФ доля респондентов, обвиняющих в своих трудностях федеральные и областные власти, значительно ниже – соответственно, 25 и 24%.

Обратная картина наблюдается по индикаторам «олигархи, плутократы» и «криминальные круги». В их адрес жители Рязани направляют сравнительно меньше обвинений, чем в среднем по России. Сказывается меньший, чем по РФ, уровень тревожности по поводу преступности и нарушений прав человека.

Социальные последствия кризиса. Динамика изменений условий жизни горожан отчетливо негативна. Вероятно, здесь весомую роль сыграл кризис, так как 68% респондентов ответили, что они или члены их семей уже пострадали от кризиса (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«Пострадали ли Вы или члены Вашей семьи
от сегодняшнего кризиса?»

Рязань, апрель 2009 г., взрослое население, N=1385, активный электорат (АЭ), n=966
% от числа опрошенных

	РФ	Массив	АЭ
Да	62,6	68,0	67,5
Нет	23,6	22,6	24,0
Затруднились ответить	13,7	9,4	8,5

Источник: ИСПИ РАН.

Из представленной табл. 2 видно, что, по субъективной оценке, жителей Рязани кризис поразил даже в большей степени, чем в среднем всех россиян. Если доля не пострадавших от кризиса примерно одинакова в обоих случаях, то горожане более категоричны в оценке своей ситуации – доля затруднившихся ответить среди них несколько ниже.

Последствия кризиса для населения были серьезными: предприятия, учреждения и компании начали сокращать штаты и снижать заработную плату (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
«Если Вы или члены Вашей семьи
пострадали от сегодняшнего кризиса, то в чем это проявилось?»

Рязань, апрель 2009 г., взрослое население, N=1385, % от числа опрошенных,
группа положительно ответивших на вопрос, пострадали ли они от кризиса, n=942.
активный электорат (АЭ) из числа этой группы

	РФ	Массив	АЭ
Потеря работы	16,2	20,5	20,1
Снижение зарплаты	32,4	41,4	41,3
Отказ от запланированных покупок, поездок	17,0	14,5	14,7
Задержка выплаты зарплаты	12,3	7,6	8,7
Перевод на сокращенный рабочий день	4,3	7,0	6,4
Невозможность получить кредит	6,6	3,4	3,2
Уход в неоплачиваемый отпуск	3,7	2,8	2,6
Другое	2,1	2,3	2,3

Источник: ИСПИ РАН.

Пятая часть опрошенных (в РФ – шестая часть) на момент опроса потеряли в результате кризиса работу. У 41% (32% в среднем по РФ) снизилась зарплата. Судя по индикаторам, последствия кризиса оказались более тяжелыми для жителей Рязани, чем в среднем по стране.

Социально-психологическое самочувствие. Исходя из анализа социологических данных, удовлетворенность условиями жизни горожан низкая, что обычно ведет к удрученному социально-психологическому состоянию населения. Жители Рязани демонстрируют завидный оптимизм в условиях кризиса и ухудшения большинства условий жизни. По

двум показателям социально-психологического самочувствия преобладают умеренно оптимистические ответы (см. диаграмму 5).

На вопрос об оценке жизненной ситуации лишь 13% респондентов сказали, что терпеть бедственное положение почти невозможно. Большинство горожан (46%) считают, что жить трудно, но можно и потерпеть, 30% респондентов настроены оптимистично и дают оценки жизненной ситуации «все прекрасно» или «все не так плохо».

Диаграмма 5

Распределение ответов на вопрос:
«Какое из приведенных ниже высказываний наиболее точно соответствует Вашей оценке жизненной ситуации?»

Рязань, апрель 2009 г., взрослое население, N=1385, % от числа опрошенных

Источник: ИСПИ РАН.

По второму показателю – оценке типичного настроения, доля «оптимистов» составила 52%, «пессимистов» – 40%.

Предпосылки формирования благоприятной городской среды для эффективного управления. Среди горожан значительно преобладает доля социально активных граждан, готовых защищать свои интересы. По данным опроса, таковых 61% респондентов, не готовых к защите своих интересов – 24%. Среди тех, к кому граждане намерены обратиться для защиты своих интересов, на первых местах находятся друзья, родственники, земляки, и суд получившие по 36 и 30% голосов респондентов (см. табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос:
«Если Вы или члены Вашей семьи
пострадали от сегодняшнего кризиса, то в чем это проявилось?»

Рязань, апрель 2009 г., взрослое население, N=1385,
% от числа опрошенных

В суд	29,6
В милицию	17,8
В органы власти	17,9
В средства массовой информации	13,2
В общественные, правозащитные организации	13,1
В профсоюз	3,8
В международные организации	3,2
К друзьям, родственникам, землякам	35,9
К криминальным структурам	0,8
К частным охранным структурам	1,2
Никуда бы не обратился	24,4
Затрудняюсь ответить	14,5

Источник: ИСПИ РАН.

Деятельность судебной системы в целом не пользуется доверием у населения: коэффициент доверия к суду отрицательный и составлял (правда, вместе с прокуратурой) [-4] п.п. Это относительно не плохой результат, если учесть, что коэффициент доверия к милиции был равен [-] 23 п.п. Неэффективность многих форм защиты интересов граждан призвано компенсировать обращение за помощью к родственникам, знакомым, землякам в Рязани эта так называемая традиционная форма защиты интересов стоит на первом месте.

Надежда населения на органы власти, СМИ как защитников их интересов в последние годы ослабла. Тем не менее, их поддержку надеются получить 18 и 13% респондентов. Почти столько же опрошенных горожан готовы обратиться в милицию (18%). Новым защитником граждан стали общественные, правозащитные организации, к которым готовы обратиться 13% респондентов. Наименьшее значение в качестве защитников интересов горожан имеют профсоюзы, международные организации, криминальные структуры, частные охранные структуры. Особенную тревогу вызывает отсутствие авторитета у профсоюзов, коэффициент доверия к которым составил [-]23 п.п.

Для улучшения своего благосостояния большинство респондентов (40%) готовы заняться подработкой, а также сменить работу (19%), повысить образование (12%), открыть свое дело (10%). Часть респондентов предпочитают сетевой, неформальный путь повысить свой уровень жизни и использовать связи с нужными людьми (15%), 4% – выгодно жениться. Отметим, что среди молодежи величина этих переменных возрастает до 25 и 11%, соответственно.

В целом, 15% жителей Рязани устраивает их социальное положение, 19% – ничего не готовы делать для его изменения, а остальные 66% граждан готовы что-то предпринять, чтобы улучшить свое положение, что можно считать уровнем социальной активности. Понимая отличия прожективной и реальной готовность респондентов к защите своих интересов, следует признать наличие высокого уровня социальной активности горожан.

Социальная активность горожан по защите своих интересов «мягкими» способами (обращение в суд, милицию и т.д.) сочетается у большинства респондентов с готовностью использовать более «жесткие» способы защиты своих интересов, вплотную приближающиеся по своему содержанию к социальному протесту. Самыми популярными «жесткими» способами отстаивания своих интересов были готовность подписать обращение, воззвания (28% респондентов), выйти на митинг, демонстрацию (20%). Потенциальная готовность участвовать в забастовке, марше протеста, других акциях протеста составила 12–15%. Участвовать в насильственных действиях, «идти на баррикады» были готовы 5% респондентов. Но около половины респондентов не намерены участвовать в акциях социального протеста или ушли от ответа на этот вопрос.

Исходя из анализа эмпирических данных всероссийских и региональных опросов, в стране активно шел процесс деструктивной консолидации граждан в правовой сфере вокруг представлений о допустимости тех или иных правонарушений. Несмотря на негативные тенденции в правовой сфере, абсолютное большинство горожан считают, что законы не совершенны, но их надо всегда соблюдать – 3,92 балла по 5-ти балльной шкале. Противоположное по смыслу утверждение: «Главное – стремиться к успеху, даже если придется поступиться законами», получило 2,32 балла.

Согласие респондента с нормативным суждением не означает следование этому суждению в реальности. И, тем не менее, ориентированность на некий правовой идеал не померкла в массовом сознании горожан. Растущая социальная активность и самоорганизация населения, расчет преимущественно на собственные силы, лидирование обращения в суд среди различных форм

защиты своих интересов и другие изменения социальных представлений горожан способны создать благоприятную социальную среду для эффективного муниципального управления.

В инструментарий был включен еще один важный индикатор восприимчивости социальной городской среды к эффективному управлению, измеряющий отношение людей к возможности обеспечить человеку материальное благополучие своим трудом. На протяжении более 10 лет доля тех, кто был уверен, что, сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь, преобладала в российском обществе. И только в последние годы ситуация стала иной. Позитивное представление о труде как средстве обеспечения своего материального благополучия преобладало и среди жителей Рязани. Среди горожан утверждение о том, что «каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие» получило оценку 3,30 балла по 5-ти балльной шкале, а утверждение «сколько не работай, материального благополучия не обеспечишь» – 3,10 балла. Перевес позитивных ответов небольшой, но принципиально важный, он является значимым стимулом формирования благоприятной социальной среды.

Об относительной слабости патерналистских ориентаций в массовом сознании горожан свидетельствует также распределение мнений о доминирующих факторах благополучия людей. Абсолютное большинство респондентов (75%) считали, что благополучие человека зависит, прежде всего, от самого человека, и доля респондентов, связывающих благополучие с устройством общества значительно меньше (51%), на судьбу, высшие силы уповали 9% опрошенных, и 20% рассчитывали на стечение обстоятельств, случай.

Доминантная идентичность массового сознания жителей Рязани – ощущение близости, общности с людьми одного поколения (60%). На втором месте в иерархии идентичностей – общность с людьми, ведущими такой же образ жизни (46%), т.е. с людьми близкими по духу, с общими взглядами на жизнь. На третьем месте в ранговом ряду идентичностей находится общность с людьми одной с респондентами профессии, рода занятий – 36%. На четвертом месте стоит общность с людьми того же достатка – 27%. Итак, сходство возраста, профессии, уровня доходов и духовная близость составляют группу самых значимых для жителей Рязани идентичностей.

Во вторую группы идентичностей, по мере снижения их значимости в глазах горожан, входят общность с жителями Рязани, района, в котором проживают респонденты (20%), далее идет общность с людьми с одинаковым уровнем образования (19%), с гражданами России (11%). И замыкают иерархию

идентичностей общность с людьми одного вероисповедания (8%), с жителями Рязанской области и людьми одной с респондентами национальности – по 6%.

Тревожно выглядит общегражданская идентичность горожан. Полученный уровень общегражданской идентичности – 11% – показывает «маргинальность» массового сознания жителей Рязани касательно формирования единой российской гражданской нации. Территориальный аспект идентичности сосредоточен сегодня не на федеральном и тем более не на региональном, а местном уровне. Произошла локализация территориальной идентичности россиян. Впрочем, даже «городская» идентичность находится лишь на пятом месте.

В целом социальное самочувствие жителей Рязани в условиях кризиса дискомфортное. Основные причины – в ухудшении социальной инфраструктуры, прежде всего, состояния дорог, медицинского обслуживания, обеспеченности дошкольными учреждениями, а также в снижении уровня жизни. Негативные тенденции изменения социальной ситуации усугубляет кризис. Но жители Рязани не падают духом, их социально-психологический настрой, социальная активность являются факторами повышения социального самочувствия вопреки кризисам и дефектам социальной инфраструктуры.

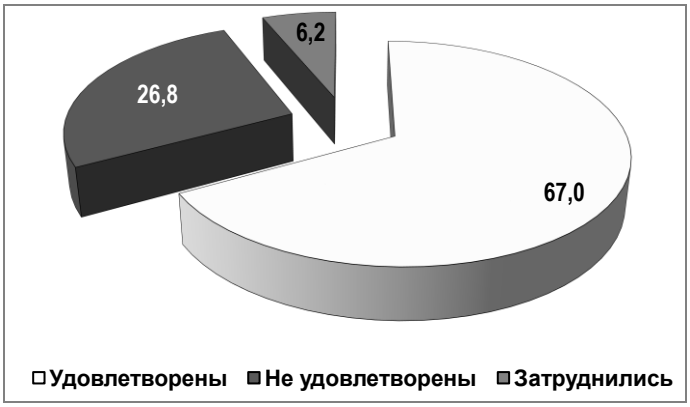
СОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ГОРОДЕ БЕРЕЗНИКИ ПЕРМСКОГО КРАЯ

К а ч е с т в о ж и з н и . Как свидетельствуют результаты проведенного исследования[1], «в целом» жизнью в Березниках удовлетворены 67% жителей, в то время как не удовлетворены всего лишь 27%. Затруднились ответить на этот вопрос 6% респондентов (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

Удовлетворенность респондентов жизнью в целом

Березники, апрель 2009 г., N=1250, % от числа опрошенных



Источник: ИСПИ РАН.

[1] Социологическое исследование проводилось на территории города Березники с 21 по 28 апреля 2009 г. Полевая часть исследования базируется на анкетном опросе методом интервью по квотной выборке, рассчитанной по основным социально-демографическим параметрам населения города. Генеральная совокупность опрашиваемых респондентов – все население, достигшее возраста избирательного права. В основу опроса положена стратификационная квотная бесповторная выборка, репрезентирующая население по полу, возрасту и месту жительства. Общий объем выборочной совокупности составил 1250 респондентов (N=1250).

Мужчины жизнью удовлетворены больше, чем женщины: 70% против 64%, соответственно. Более всего удовлетворены жизнью (81%) люди в возрасте 25–29 лет (среди них не удовлетворенных жизнью насчитывалось лишь 12% респондентов). Менее всего – люди старше 50 лет.

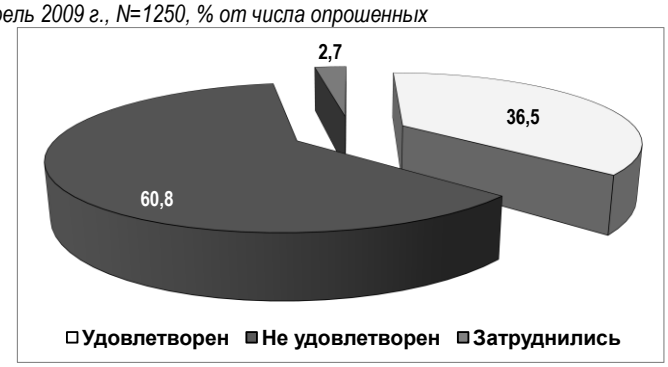
Оценивая свой жизненный уровень, большинство жителей Березняков (64%) считают, что живут «средне». Таких респондентов, которые полагают, что живут «очень плохо» и «плохо», насчитывается 3% и 10%, соответственно.

Более конкретное выражение оценка респондентами качества их жизни получила в ответах на другие вопросы. Так, на вопрос об удовлетворенности своим материальным положением 37% березничан ответили, что удовлетворены и 61%, – что не удовлетворены (см. диаграмму 2). Таким образом, получается, что уровень удовлетворенности жизнью «в целом» (67%) значительно превышает уровень удовлетворенности материальным положением (37%).

Диаграмма 2

Удовлетворенность респондентов материальным положением

Березники, апрель 2009 г., N=1250, % от числа опрошенных



Источник: ИСПИ РАН.

Количество мужчин, удовлетворенных своим материальным положением, составило 41%, а женщин 33%. Более остальных возрастных категорий довольны своим достатком (53% – удовлетворены, 44% – не удовлетворены) люди в возрасте 18–24 лет. Да это и понятно. Ведь многие из них еще не обзавелись семьей, живут с родителями и продолжают получать от них все необходимое. Менее всех довольны своим материальным положением люди в возрасте 30–39 лет (28% – удовлетворены, 68% – не удовлетворены). Именно в этом возрасте требуются наибольшие средства для обустройства благополуч-

ной семьи, воспитания и обучения детей, для приобретения престижных, дорогостоящих вещей, для проведении отпуска за рубежом и т.д.

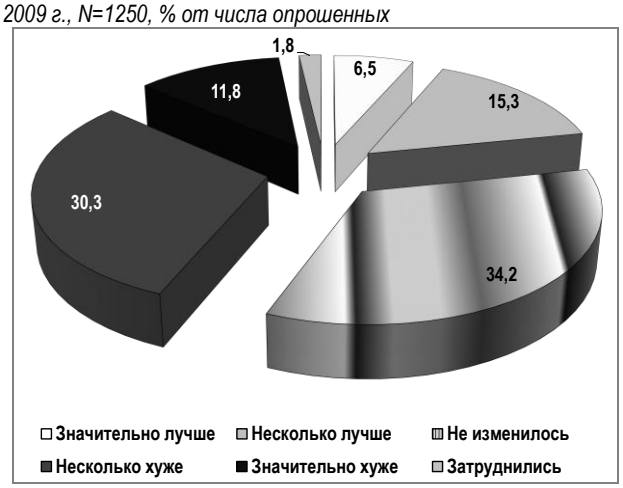
На вопрос об удовлетворенности имеющейся у них работой опрошенные жители Березников ответили следующим образом: 49% – удовлетворены, 26% – не удовлетворены, 25% – затруднились ответить.

Для выявления настроений в обществе огромное значение имеют не только статические оценки людьми своего положения, но и индикаторы восприятия этими людьми *изменений* качества их жизни. («Куда мы идем, как будем жить завтра?»). Число тех березничан, которые считают, что уровень их жизни не изменился, составляет 34%. Тех, кто полагают, что их благосостояние стало лучше насчитывается 22%. Тех, кто считают, что их благосостояние стало хуже – 42% (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3

Уровень благосостояния респондентов по сравнению с предыдущими годами

Березники, апрель 2009 г., N=1250, % от числа опрошенных



Источник: ИСПИ РАН.

Ухудшение своего жизненного уровня жители Березников зачастую связывают с международным экономическим кризисом. На вопрос: «Сказался ли кризис на положении Вашей семьи?», – большинство (62%) березничан ответили «да» и только 35% – нет. Как считают 10% опрошенных жителей Березников, именно по причине международного экономического кризиса они лиши-

лись имевшейся до этого работы. 41% связывают с кризисом снижение зарплаты, 7% – задержки зарплаты, 5% – перевод на сокращенный рабочий день, 19% – отказ от запланированных покупок, 38% – другие негативные последствия.

Чтобы как-то улучшить свое материальное положение, большая часть респондентов (28%) рассчитывает заняться «подработкой». Некоторые, в основном молодежь, (18%) намерены «повысить уровень своего образования», 17% респондентов хотели бы сменить профессию, 11% надеются решить проблемы связанные с кризисом, «наладив связи с нужными людьми», 10% хотели бы уехать в другой регион. И только 10% собираются улучшить свою жизнь, «открыв собственное дело». Видимо проблемы организации «среднего и малого бизнеса» в городе Березники не очень просты. Закономерно, что о повышении образования, смене работы, открытии собственного дела, выезде в другой регион или за границу думают, главным образом, люди молодого и относительно молодого возраста, в то время как представители старшего поколения видят возможность улучшения своего материального положения, прежде всего, в «подработке» и «экономии средств».

Проблемы, характерные для города Березники. Рейтинг проблем, которые волнуют жителей Березников, которые можно смело назвать стрессорами тревоги, представлен в диаграмме 4.

В число самых актуальных социальных проблем, которые тревожат более 25% респондентов, вошли шесть проблем. На первом месте стоит проблема **наркомании и алкоголизма**. Актуальность и остроту этой проблемы отметили большинство респондентов (67%). Наиболее озабочены распространением наркомании и алкоголизма люди в возрасте 40–49 лет (73%), 25–29 лет (73%), 18–24 лет (72%). Наименьшее внимание этой проблеме уделили жители Березников в возрасте старше 60 лет (50%). Эта проблема представляется березничанам более актуальной, чем проблемы, непосредственно влияющие на их материальное положение (рост тарифов ЖКХ, рост цен, безработица и т.п.), что дает основания полагать, что наркомания и алкоголизм представляют серьезнейшую угрозу для города.

Вторая проблема, которую жители Березников отметили в числе наиболее существенных для их города (52% опрошенных), является **рост тарифов на услуги ЖКХ**. При этом наибольшее беспокойство по этому поводу проявили люди в возрасте 50–59 лет и 60 лет и старше. Их огорчения можно понять – ведь бывает, что большая часть пенсии уходит на квартплату и оплату коммунальных услуг. Третьей проблемой (о ней заявили 49% респондентов)

характерной для города Березники (впрочем, как и для других городов России) является **рост цен на продукты питания, товары и услуги**. Более всего этой проблемой озабочены люди старшего возраста (50–59 лет – 50%; 60 лет и старше – 60%). На четвертом–пятом местах среди проблем города, как считают наши респонденты, находятся **преступность (**39%) и **загрязнение окружающей среды** (39%). Наибольшее внимание этим проблемам уделили люди в возрасте 25–29 лет (49%). На шестом месте среди проблем, которые жители Березников посчитали важными для своего города, стоит **безработица** (27%). Этой проблемой, прежде всего, озабочены люди молодого возраста (18–24 лет – 39%).

Диаграмма 4

Проблемы, которые волнуют респондентов

Березники, апрель 2009 г., N=1250, % от числа опрошенных

Источник: ИСПИ РАН.

Насколько же на самом деле актуальна эта проблема? Ведь продолжают работать (хотя и с учетом кризисных явлений) такие предприятия как ОАО

«Уралкалий», ОАО «Азот», ВСМПО «АВИСМА», ОАО «Еврохим» и др. Если говорить о *любой* работе, то такая работа для молодых березинчан, возможно, и нашлась бы. Ведь устраиваются же в городе приезжие граждане Украины, Узбекистана, Таджикистана.

Большое значение для определения настроений, преобладающих среди жителей города, представляют различные варианты ответов респондентов на вопрос, кого они винят в имеющихся социально-бытовых трудностях (см. диаграмму 5).

Диаграмма 5

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Кого они винят в имеющихся социально-бытовых трудностях?»
Березники, апрель 2009 г., N=1250, % от числа опрошенных

Источник: ИСПИ РАН.

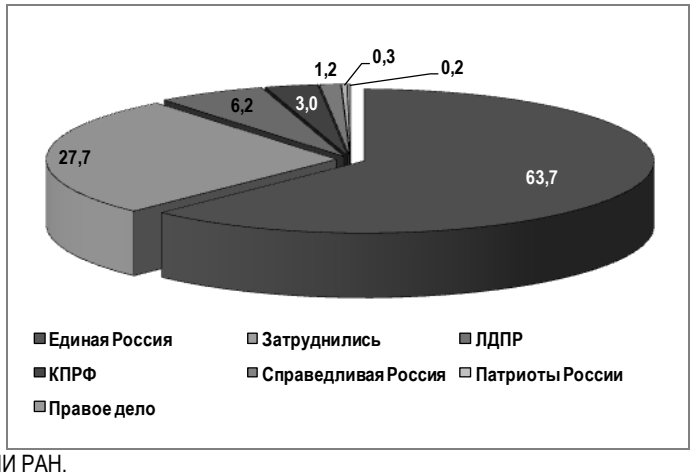
Как показали результаты опроса, 36% березничан считают, что в городских проблемах прежде всего виноваты местные власти. В то же время к деятельности мэра города отрицательно относятся 24% горожан, в то время как положительно ее оценивают 50% жителей города.

Партийные предпочтения горожан. По степени влиятельности политических партий на городскую жизнь, значительно опережая всех, лидирует «Единая Россия» – 64%, на втором и третьем месте ЛДРП – 6% и КПРФ – 3%. Остальные партии: «Справедливая Россия», «Патриоты России» и «Правое дело» имеют рейтинги менее двух процентов (см. диаграмму 6).

Диаграмма 6

Рейтинг основных политических партий

Березники, апрель 2009 г., N=1250, % от числа опрошенных



Источник: ИСПИ РАН.

Более четверти опрошенных затруднились дать оценку, а 5% отметили, что ни одна из партий не имеет влияния на городскую жизнь.

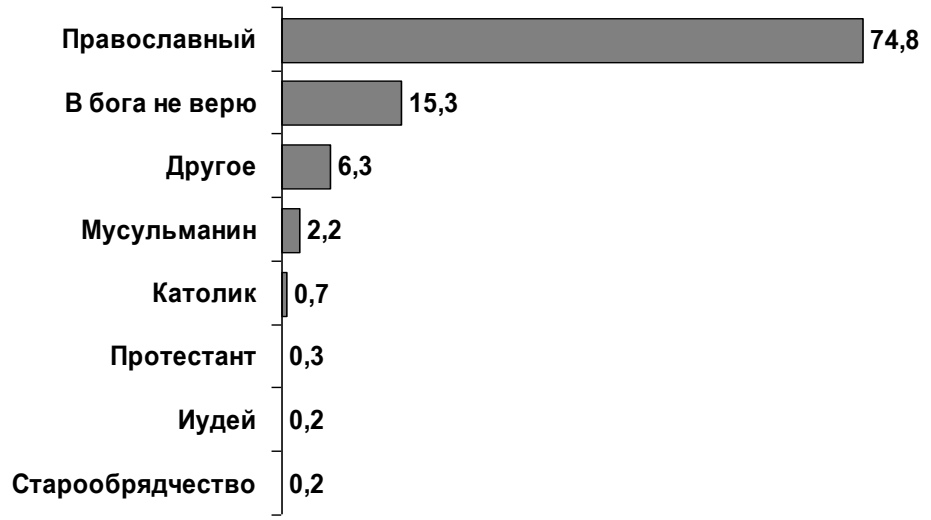
Уровень религиозности. В ходе проведения исследования респондентам был задан вопрос: «Если Вы верите в Бога, то к какому вероисповеданию себя относите?». Подавляющее число березничан считают себя православными – 75%, к мусульманам себя относят 2% опрошенных, к остальным конфессиям себя причислили около 2%. Не верят в бога 15% горожан (см. диаграмму 7).

В нашей стране официальная статистика о доле граждан России, исповедующих различные религии отсутствует (в последний раз вопрос о вероисповедании ставился в переписи населения 1937 г.), но, исходя из проведен-

ного исследования, можно сказать, что более двух третей жителей Березников считают себя приверженцами Русской православной церкви, остальные принадлежат к другим конфессиям. Как правило, на местном уровне различные религиозные группы успешно сотрудничают в благотворительных программах и участвуют в межконфессиональном диалоге.

Диаграмма 7

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Если Вы верите в бога, то к какому вероисповеданию себя относите?»
Березники, апрель 2009 г., N=1250, % от числа опрошенных



Источник: ИСПИ РАН.

IV Социокультурные процессы

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Для социологии исторического знания характерно то, что в качестве предмета исследования избирается не знание как таковое, а то, **как историческое знание вовлечено в общество и как оно взаимодействует с ним.** Формирование исторического знания рассматривается как социальный процесс, конструируемый в условиях конкретного социального, политического, культурного контекста.

Для социологии знания первостепенную значимость получает не оценка того или иного факта, явления, процесса в понятиях «истинное − ложное» (что важно для философии познания). Социология знания в центр своего исследовательского внимания ставит **механизмы, условия и факторы, обусловливающие процесс отбора из множества индивидуальных «мнений», тех, которые формально признаются в качестве «знания».** На этот отбор влияют конъюнктурные факторы: социальные, политические, культурологические. Социолог выявляет социально-политический, интеллектуальный, темпоральный, культурный контекст, специфичный для каждого общества, в котором происходит процесс социального конструирования знания и «формирования социального запаса знания» (А.Шюц). Социолог выявляет те социальные и общественный группы, которые влияют на процесс конституирования в качестве «знания» тех или иных «мнений» и «суждений» о прошлом. Эти группы определяют «интерсубъективную истинность исторического знания» (В.Моммзен). И далеко не всегда это бывают группы профессиональных историков. Часто в качестве таковых выступают группы, принадлежащие к политической и экономической «элитам». Положение классиков марксизма о том, что право – есть возведенная в закон воля господствующего класса, можно распространить и на историческое знание. Конституируемый статус «знания» и признание его

«истинным» получает то, которое отражает интересы господствующих социальных слоев. Далее это «знание» квалифицируется как единственно верное, транслируется, популяризируется и доводится до остальных слоев населения.

На теоретическом уровне схему процесса конструирования прошлой социальной реальности предложили И.Савельева и М.Полетаев[1]. Они условно выделяют два этапа этого процесса. Первый − это процесс создания дискурсов (мнений), реализуемый на индивидуальном уровне. Второй − процесс социальной оценки дискурсов, в рамках которого индивидуальные мнения отвергаются или признаются некими социальными группами. Оценка «мнений» осуществляется на основе критериев, специфичных для данной социальной группы. В случае признания, «мнение» обретает статус знания в пределах данной группы, а его содержание становится частью ее социальной реальности.

В общем виде, как считают исследователи, процесс социального признания «мнений» в качестве «знания» формируется под воздействием по меньшей мере трех групп **факторов**, которые можно обозначить как социальные интересы, культурологические параметры и психологические факторы, связанные, соответственно, с социальной подсистемой, подсистемой культуры и подсистемой личности. Мы бы добавили еще две группы факторов: политические и геополитические, влияние которых на признание тех или иных мнений в качестве исторического «знания» особенно обостряется в переходные периоды, в периоды трансформации общества, связанными с кризисными условиями социального развития.

Первая группа факторов, влияющих на создание социального запаса знания, связана с функционированием социальной системы. Сюда относятся, прежде всего, различного рода социальные интересы, влияющие на *процесс признания той или иной группой индивидуальных «мнений» в качестве «знания».* Интересы, в свою очередь, определяются параметрами, по которым формируется та или иная группа (будь то классовая или партийная принадлежность или принадлежность к определенной научной школе и т.д.). Существенную роль здесь играют властные отношения или, более обобщенно, социальные позиции данной группы. В общем виде признаваемое данной группой знание должно способствовать укреплению ее социальных позиций в широком смысле, включая статусные, экономические (имущественные), профессиональные, политические и т.д. Помимо социальных интересов к социальным факторам можно отнести

[1] *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Историческая истина: эволюция представлений // Диалог со временем. Вып. 4. М., 2001.

различные социальные нормы и правила, ограничивающие и регламентирующие формирование корпуса знания. Типичный пример − явные или латентные цензурные ограничения, формируемые по разным принципам и причинам, например, в условиях кризиса, но существующие в любом обществе.

Вторая, еще более разнообразная *группа факторов*, в трактовке названных авторов, связана с существующей в данном обществе системой культуры. Индивидуальные «мнения», признаваемые в качестве «знания», должны удовлетворять разнообразным семиотическим характеристикам, принятым в данной культуре. По существу, речь идет о правилах конструирования «мнений», включая характер используемых при этом знаков и символов, правил их сочетания и т.д. Так, в Средние века любой дискурс, претендующий на социальное признание, не мог прямо противоречить религиозному знанию, а в советском обществе − марксистско-ленинской идеологии. В современных демократических обществах, например, научные подходы должны быть, так или иначе, сопряжены с доминирующим философским, эстетическим, моральным или политическим знанием.

Третий тип факторов, влияющих на формирование социального запаса знания, в основном ассоциируется с психологическими установками. Здесь можно выделить два основных подхода, наиболее активно разрабатывающихся в современной литературе. Первый подход, условно обозначенный как прагматистский, акцентирует роль таких факторов, как удобство, простота, практическая применимость, иными словами − психологическая комфортность человеческого существования, обеспечиваемая конструируемой картиной реальности. Второй подход, обозначенный как архетипический, постулирует наличие в человеческой психике неких имманентных, априорных установок или стереотипов мышления, которым должны соответствовать дискурсы, претендующие на включение в социальный запас знания.

Перечисленные группы факторов, влияющие на формирование исторического знания, в конкретном временном контексте действуют в разной пропорции, имеют определенную специфику. На процесс накопления социального запаса знания огромное влияние оказала его углубляющаяся специализация, происходящая по мере усложнения структуры обществ. Складывающиеся группы экспертов в каждой области знания, являющиеся не только его производителями и носителями, но и ответственными за процесс формирования запаса знания в своей области – один из важнейших потенциальных объектов исследования для социологии исторического знания. Взаимодействующее сообщество ученых, которое можно обозначить как **сеть,** способствует созда-

нию комбинации сил, многократно увеличивая возможности влияния на окружающих. Взаимная узкокорпоративная поддержка, система перекрестных ссылок, взаимное цитирование или организованное лавинообразное ниспровержение авторов, формулирующих «нежелательную» точку зрения, стали обычной и эффективной практикой. Вовлеченные в сеть ученые и их сторонники из других сфер деятельности, поддерживая и одновременно контролируя друг друга, работают в рамках абстрактных социально-исторических концепций, которые на практике имеют конкретные социальные и политические последствия. Смена парадигм в историческом знании, признание «истинности» той или иной концепции свидетельствуют о том, что одна комбинация сил утверждается за счет смещения или ниспровержения другой. Справедливости ради следует признать, что часто мощь сети, а не сила аргументации и знания определяют успех ученого. В историческом знании, как впрочем, и в любом другом, всегда на одной чаше весов – знание о явлениях и процессах, на другой – интересы, власть, политика. Это свидетельствует в пользу того, что институт науки не бывает абсолютно объективен, и что он не дистанцируется от окружающего человеческого мира.

Научная работа, написанная ученым, первоначально представляет собой лишь выражение его «мнения», комплекс его «суждений», «высказываний». Для того, чтобы все это стало считаться «знанием» необходимо, чтобы прежде всего таковым его признало экспертное сообщество. Путь превращения «высказываний» в «знание» бывает иногда долог и труден. Сначала свои суждения нужно предъявить, показать. Затем их правильность нужно доказать коллегам по цеху. При этом высказывания автора должны быть более правдоподобными, чем возможные высказывания противников. Учет возможных возражений – это часть стратегии предупреждения ударов оппонентов. Убедительность также проистекает из неравенства шансов убеждающих и тех, кто будет эти тезисы оспаривать. Убедить в науке – значит добиться того, чтобы твои высказывания стали восприниматься как наиболее вероятные, «истинные», «реальные».

Следующий шаг − действия, направленные на количественный и качественный рост убежденности окружающих в том, что утверждаемое суждение реально. Необходимо предпринимать усилия, чтобы как можно большее число людей признало правоту доказываемого суждения. **Чем больше людей верят в означенное суждение, тем более оно реально, и тем большие реальные последствия оно имеет**. Здесь уже узко-цеховое научное знание переходит свои границы, вовлекая более широкие общественные слои: представителей смежных наук, политиков, журналистов, студентов.

В дальнейшем начинается процесс **демократизации знания:** трансляции научного знания на широкие слои населения, внедрение его в сознание тысяч и тысяч людей и превращение его в *обыденное знание*. Демократизация знания неизбежно связана с его **деградацией**, поэтому обыденное знание по сравнению с научным всегда меняется в сторону упрощения.

Таким образом, производство знания – это процесс, при котором прежде невидимое делается заметным, затем заметное становится все более очевидным, затем это очевидное признается уже как неоспоримый факт. «…Научный факт как новый элемент реальности – не порождение отдельной лаборатории или группы героических ученых, а всей сети, которая проходит пять стадий: в процессе затвердевания слабой гипотезы и превращения ее в разделяемое всеми научное утверждение. Во-первых, надо мобилизовать мир – заставить реактор работать, послать экспедицию в леса Амазонки, собрать образцы почв, провести социологический опрос. Во-вторых, надо автономизировать сферу научного дискурса – надо убедить коллег, что твои утверждения научны, даже если и опровергаемы, и удерживать поддерживающих тебя коллег в институтах, рабочих группах, интернет-листах, летних школах и т.д. В-третьих, надо создать союзников вне науки – военных, бизнесменов, политиков, − чтобы полет научной мысли не свелся к одиноким мечтаниям в кресле… В-четвертых, надо создать положительный образ своей деятельности в общественном мнении: надо убедить массы, что объект исследования важен для всех, и что надо учиться говорить о нем. Только в результате доверия общества, судов и газет к новому феномену или их веры в него можно поменять наш язык о мире. В-пятых, все это надо увязать воедино и удерживать вместе»[1]. Так непросто превращается «мнение», «суждение» ученого – в «знание».

Способы воздействия на обыденное историческое знание. Говоря об обществе, регулирующем процессы осознания человеком тех или иных явлений, мы имеем в виду, что функцию социальной легитимации идей, взглядов, норм выполняет не абстрактное «общество», а *конкретные экспертные группы* – различные в разные исторические периоды. В условиях информационного общества, когда капиталом, новым ресурсом все в большей степени становится информация и знания − роль экспертных групп принципиально меняется. Информационные системы, зна-

[1] *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб, 2006. С.36.

ния в головах людей фактически превращаются не только в фактор экономики, но и в фактор управления обществом. Умелое использование информации и знания, в том числе исторического, становится источником власти, богатства и влияния.

Информация и знание могут быть использованы как во благо, так и во зло. Если в начале 70-х гг. прошлого века Э.Фромм писал только о возможности создания *информационного империализма*, когда информация может стать средством давления и господства, то новейшие политические и социально-психологические технологии, специальные методы, в том числе метод нейролингвистического программирования уже позволяют направленно формировать общественное мнение, манипулировать общественным сознанием[1].

Историческое знание, сконструированное с заранее заданной стратегической целью при помощи специально отобранной информации, влияет на эмоции, мотивы, мышление и поведение тех, на кого оно направлено. И это уже не просто информационное воздействие, а специальные психологические операции, в которых правильная «регулировка и подбор новостей бывают не менее важны, чем уничтожение танков противника»[2]. А толковые «дирижеры» или представители экспертных сообществ всегда знают, какие цели они ставят: стратегические, оперативные или тактические – и действуют соответственно.

Управление информацией (в том числе исторической) как учебная дисциплина уже включается в систему образования. О стратегическом значении этого предмета свидетельствует то, что в первую очередь управлению информацией начинают обучать военных. В частности, с 1993 г. он включен в программу обучения в военной академии США (Вест-Пойнт). В том же году Национальный университет обороны в Вашингтоне впервые ввел в учебную программу курс информационной войны. Аналитические центры, например, входящий в штат министра обороны США «Net Assessment» − «Баланс сил», разрабатывают Информационную доктрину[3], предполагающую ведение «войны знания», в которой каждая сторона будет пытаться влиять на действия оппонента, манипулируя потоком информации. Вести такую войну – значит менять «баланс информации и знания» в свою пользу, особенно если баланс сил склоняется в другую. Как и в экономической сфере – такая война означает

[1] См. подробнее: *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М., 2002.
[2] *Тоффлер Э.* Война и антивойна. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М., 2005. С.246.
[3] Там же. С.210.

«использование знания для сокращения затрат капитала и труда»[1]. Пока еще, насколько можно судить по литературе, не сформулирована систематическая завершенная концепция информационной войны, еще отсутствуют и однозначные трактовки понятий: «инфодоктрина», «война знаний». Однако бесспорным является то, что любая структура, в ней участвующая, должна выполнять по отношению к знанию четыре важнейшие **функции**. Она должна **приобретать, обрабатывать, распространять и защищать информацию,** селективно фильтруя ее, и выборочно распределяя среди своих оппонентов или единомышленников. Можно распространять и ложную информацию, и дезинформацию, и пропаганду. Можно распространять знание вперемежку с антизнанием, когда это выгодно.

Среднему гражданину трудно отличить знание от антизнания, ориентироваться в лавине обрушиваемой на него информации, распознать контекст и скрытые мотивы распространителя информации. Люди плохо снаряжены для той реальности, в которой непрерывно противоборствуют идеологии, религии и культуры, когда образованные и способные специалисты могут поставить свои знания на службу радикальным фундаменталистам, фанатикам или экстремистам. «Снарядить» человека могли бы солидарно действующие в масштабах страны официальные структуры образования, науки, защищаемые идентичности и культурные ценности, структурированная архитектура информационных технологий, общественные и профессиональные сети обмена информацией, политическая система, т.е. структуры, формирующие систему знаний общества как целого. Но в реальности солидарного действия всех общественных структур не происходит, вероятно, это и невозможно в принципе, поэтому информационные битвы разворачиваются на страницах книг, газет и журналов, в теле- и радиоэфире.

Существуют отработанные **методы и приемы** отбора, структурирования и преподнесения исторической информации, безотказно действующие на читателя, слушателя, зрителя и формирующие запрограммированную реакцию. Их бывает трудно диагностировать, отделить один от другого, поскольку авторы пользуются сразу многими или несколькими приемами. Среди них:

Смешение «фактов» и вымысла. Это очень распространенный прием, когда в рамках одного текста, одной работы происходит смешение двух разных типов знания или двух конструкций реальности: от-

[1] Там же. С.213.

ражение фактов и вымысел. Сейчас первое называют non-fiction – отражение и исследование фактов, стремление к «чистоте» исторического знания; второе – fiction, или фантазия на историческую тему. Оба дискурса имеют право на существование, но они должны трактоваться и восприниматься как *отдельные типы знания.* Книги, статьи, фильмы, содержанием которых являются вольные фантазии с упоминанием имен реальных исторических деятелей и исторических событий, существовали и прежде, но в последние десятилетия они стали появляться в невероятных количествах, дезориентируя читателя. На полках книжных магазинов такие сочинения стоят рядом с историческими трудами, чего, скажем, нет в европейских книжных магазинах, где такие сочинения располагаются в разных местах. И в этом, конечно же, ответственность лежит на экспертном сообществе, не разработавшем критерии формального отделения одного от другого, согласно которым, например, сочинения авторов вроде Э.Радзинского относились бы к разряду литературы, но не исторической науки.

Следует также отметить, что в рамках типологии fiction и non-fiction множество произведений всегда имело и продолжает иметь смешанный характер, когда конструируемая реальность отчасти является «вымышленной», а отчасти − «действительной». Но в соответствии с современными научными представлениями, любое изложение истории, в котором присутствует хотя бы один случай «вымысла» или один элемент «вымышленной реальности» сразу целиком относится к fiction и выводится за рамки научного знания[1].

Примерами смешения «фактов» и «вымыслов» в конструировании исторической реальности являются многие работы современных национальных историков в постсоветских государствах. Так «в грузинском историческом сознании прочны воспоминания о древних традициях национальной государственности, истоки которой восходят к эпохе эллинизма. Мифологический цикл о путешествии аргонавтов по Эвксинскому понту в Колхиду, откуда были похищены золотое руно и волшебница Медея, по всеобщему убеждению, отражает реальные факты древнейших контактов предков грузин с греками, а Колхидское царство Айэта – не что иное, как первое национальное грузинское государство»[2].

[1] См. подробнее: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Историческая истина: эволюция представлений // Диалог со временем. Вып. 4. М., 2001.

[2] *Анчабадзе Ю.* Национальная история в Грузии: мифы, идеология, наука // Национальные истории в постсоветских государствах. М., 2003. С.160.

Аналогичным образом в современном историческом знании в регионах Поволжья и Урала пропагандируются идеи о прямом родстве российских тюрков с шумерами, этрусками, древними греками и даже индейцами майя[1]. Появились книги по истории, в которых читателей убеждают, что «чуваши – шумеры по языку и по генетической природе, или что чуваши, потомки хуннов и их государства»[2].

В Башкортостане в 1997 г. на средства республиканского Госкомнауки была опубликована большим тиражом книга, в которой автор доказывал, что «башкиры и англичане имеют общее происхождение[3]… Согласно другой «сенсационной» версии считается, что мордовский народ впервые упоминается в хеттских хрониках и т.д.

Можно было бы не останавливаться на таких «научных» гипотезах, смешивающих факты и вымыслы, если бы приведенные работы не были написаны представителями региональной академической науки и не становились частью исторического знания в республиках, проходящих этап новой социокультурной самоидентификации.

Метод хронологических смещений. Такие смещения можно подразделить на естественные случайные и искусственные преднамеренные. Первые связаны с особенностью нашего сознания, воспринимающего знания о прошлом: чем больший временной промежуток отделяет нас от сочинения, отображающего историческое событие, тем больше мы склонны трактовать изображенное там как реальное. Так труды античных авторов поэтических и прозаических литературных сочинений в Средние века стали считаться «историческими повествованиями», а Вергилий и Гомер рекомендовались для чтения тем, кто желает изучить античную историю, наравне с Ливием и Геродотом.

Вторые – преднамеренное искажение исторических дат, смещение хронологии событий, преследующие конкретные социальные, политические цели. В качестве примера можно привести обоснование тысячелетнего юбилея

[1] *Каримуллин А*. Прототюрки и индейцы Америки: по следам одной гипотезы. М., 1995. (Сноски приведены по: *Исхаков С*. История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы национализации. С.280 // Национальные истории в постсоветских государствах.)

[2] *Малютин С.Р*. Проблемы этногенеза и этнической истории чувашей. Вып. 1. Хуннская эпоха. Чебоксары, 1996.

[3] *Галлямов С*. Великий Хау Бен. Исторические корни башкордско-английского языка и мифологии. Уфа, 1977.

г. Казани, «состарившейся» сразу на несколько столетий. Опыт руководителей Казани оказался заразительным. Он породил явление, которое можно назвать «гонкой древности», когда многие города стали наперебой удревнять свою историю. Исследования по истории городов в России превратились в поле политических столкновений.

Влияние историографической традиции. Историографическая традиция или то, как «принято» трактовать то или иное событие или целый период в истории, формирует, часто априорно, установки исследователя. Здесь действуют многие факторы, в их числе роль художественных стереотипов, созданных литературными произведениями, особенно если эти произведения талантливы. Например, на восприятие взаимоотношений Руси и половецкой степи в ранний период русской истории сильно повлияло гениальное сочинение «Слово о полку Игореве», где незначительный пограничный инцидент дан вне исторического масштаба, крупным планом, как бы под увеличительным стеклом. Эпическое звучание «Слова…» − гордости древнерусской литературы − наложило отпечаток на всю последующую историографию, заранее сформировав установки исследователей, предопределив однозначное восприятие читателей. Понятно, что авторы XII−XVI вв. фиксировали свое внимание на событиях экстраординарных, посвящали им яркие страницы и совершенно не замечали общего фона, который был настолько очевиден, что они не считали нужным отражать его в письменных документах. Поэтому, чтобы увидеть этот общий фон, необходимо самое пристальное изучение общего контекста и всего комплекса источников: летописей, материалов по истории соседних стран, записей путешественников и др., что позволяет как бы моделировать прошедшие события социальной истории, увидеть их объемно. Если попытаться проанализировать исторические явления с социологических позиций, обращая внимание на социальные связи и отношения, на мотивацию поведения действующих в истории личностей, на последствия их поступков, то смоделированная таким образом ситуация позволяет увидеть те оттенки и краски в исторических картинах, которые раньше не были видны[1].

[1] На примере взаимоотношений Руси и половецкой степи можно показать, что такое моделирование дает возможность несколько переосмыслить традиционную и однозначную трактовку их взаимоотношений как вечной истребительной войны и увидеть, что для взаимодействия между русскими княжествами и половецкой степью характерными были не только война и набеги, но и интенсивный товарообмен и социальные контакты. Известно, что в условиях почти ежегодно заключаемых миров и брачных договоров многие половцы уже в середине XII в. начали

Избирательное отношение к историческим фактам. Всем известна «избирательная невнимательность», когда авторы исторических построений «не замечают» того, чего не хотят замечать, и, напротив, акцентируют внимание на том, что подтверждает их целевые установки. Изучавшие историю в советский период, прекрасно помнят, как из идеологических соображений для характеристики царской России избирались только негативные факты и трактовки, и, соответственно, напротив, для характеристики советского строя − только позитивные.

Метод умолчания. Предполагается, что серьезный историк должен искать свидетельства, факты не только подтверждающие свою точку зрения на излагаемые события, но и приводить свидетельства, говорящие в пользу иной точки зрения. Однако бывает очень трудно различить грань между *умолчанием***,** т.е. сокрытием каких-либо данных, и специфическим *отбором* данных для исторического анализа.

Хотя попытки представить прошлое всегда сопровождались сознательными искажениями, отношение к ним во все времена было негативным. Моральным долгом ученого всегда считалось стремление к «истине». Историки здесь не являются исключением. Но бывает трудно определить, заблуждается историк или сознательно лжет, поскольку граница между непреднамеренным и преднамеренным созданием «неверной» картины реальности остается нечеткой.

Гиперболизация и манипуляция цифрами. Преувеличения или гиперболизация − очень распространенный прием, к которому прибегали историки во все времена. Иногда его можно отнести за счет риторической манеры повествования, при которой для автора важнее не показать «истинную» картину происходящего, а эмоционально воздействовать на читателя. Иногда мотивы создателя исторического знания бывают иными, более прагматичными. Историк часто руководствуется сложившейся политической конъюнктурой или выполняет конкретный социальный или политический заказ. При этом если точные исторические данные «не подходят», их поновому интерпретируют.

переходить в христианство, часто целыми родами. Был крещен даже сын и наследник легендарного половецкого хана Кончака. Половцы часто привлекались русскими князьями в свое войско для участия в междоусобицах с соседними княжествами.

Примером могут служить оценки масштабов репрессий в СССР в 30-е гг. Расхожей стала цифра в 20 млн человек репрессированных и прошедших через ГУЛАГ. Эта «эффектная» информация тиражируется во многих текстах: от частных лиц − Элеоноры Рузвельт, вдовы президента США, до писателей − А.Солженицына и А.Рыбакова и политических деятелей − Н.Хрущева, А.Яковлева и др.

Наряду с этой информацией есть исследования ученых, анализировавших архивные документы, показывающие совершенно другие данные[1]. При этом никто не пытается отрицать саму трагедию, но эту страницу в истории нашей страны, когда пострадали многие ни в чем не повинные люди, нужно знать, основываясь на реальных данных, а не на политизированном вымысле.

Гиперболизированные данные о сталинских репрессиях используются постсоветскими государствами для обвинения СССР в «геноциде» именно представителей своей титульной национальности. Например, современные эстонские историки пишут о «сотнях тысяч» репрессированных эстонцев. Эстонцы действительно страдали от репрессий, но не «сотнями тысяч»: в общей сложности за период с 1941 г. по 1956 г. погибло среди арестованных и депортированных около четырех тысяч человек, что нельзя назвать геноцидом по отношению к эстонскому народу. Во-первых, у геноцида есть четкое юридическое определение (это «ситуация, когда одна этническая группа уничтожает членов другой, выдвигая в оправдание тезис о расовой, этнической или психической неполноценности»), во-вторых, он таковым не является, если касается одного процента населения, в-третьих, среди казненных по приговорам военных трибуналов граждан Эстонии 13% были не эстонцы, а русские[2].

Ф а л ь с и ф и к а ц и я . Проблема фальсификации существует не только в науке исторической, но и в науке вообще. В естественных науках примеры фальсификаций встречаются даже у таких ученых, как Кеплер, Галилей, Ньютон, Мендель и других, которые систематически «улучшали», а иногда и просто придумывали эмпирические данные, подтверждающие их идеи[1]. Фальсификации нередки и в общественных науках. «Среди опрошенных

[1] *Рыбаковский Л.Л.* Тридцать седьмые – роковые // *Рыбаковский Л.Л.* Прикладная демография. М., 2003. С.41.

[2] Эстонские сказки о репрессиях // «Комсомольская правда». 2007, 28 сентября (текст подготовлен по материалам книги: *Дюков А.* Миф о геноциде. Репрессии советской власти в Эстонии 1940–1953 гг. М., 2007).

[1] *Юревич А.В.* Скрытое лицо науки // *Аллахвердян А.Г.* Психология науки. М., 1998. С.272–275.

М.Махони ученых 42% ответили, что хотя бы однажды сталкивались в своей исследовательской практике с подделкой данных, причем биологи (57%) чаще, чем представители гуманитарных наук: психологи (41%) и социологи (38%)»[1].

Многочисленные примеры фальсификации можно найти в новейшей учебной литературе в постсоветских странах, где принципиально изменена концепция преподавания истории, суть которой в переоценке роли России. Юных жителей в государствах Балтии, Грузии, Молдавии, Украины учат тому, что соседняя страна, долгие годы приносившая им только вред, и сейчас является их главным врагом.

Изменение стилистики текста. Язык в его смысловом значении – сильнейшее средство воздействия на аудиторию. Примером могут служить современные акценты, расставляемые национальными историками постсоветских стран. Так историки Казахстана при освещении ключевого события казахской истории − вхождения в состав России в советское время писали о *«добровольном присоединении»***,** а хан Абулхаир – главный инициатор присоединения родов младшего жуза − назывался *«мудрым», «дальновидным», «выдающимся»***.** Акт принятия российского подданства трактовался как единственная возможность сохранения национального единства. Теперь эпитеты используются уже другие: *«насильственное присоединение», «поглощение»,* и даже *«военный захват»,* а хан Абулхаир характеризуется как *«властолюбивый», «противоречивый»,* и даже *«предатель»* и *«сепаратист»*[2].

Еще одна особенность: в языке исторической науки многие смыслообразующие понятия появляются значительно позже, чем происходят характеризуемые ими события. Например, откуда взялось понятие «иго»? В XIII−XV вв. во времена монгольского нашествия этого слова не было, применительно к Великому княжеству Владимирскому, находившемуся в политической зависимости от Золотой Орды, это понятие не употреблялось. Впервые оно встречается в грамоте запорожских казаков Петру I, где казаки жалуются на произвол одного из воевод и называют этот произвол «игом».

[1] Там же. С.274.
[2] *Данияров К.* Альтернативная история Казахстана. Алматы, 1998. Цит. по: *Сембитов М.* Становление национальной истории Казахстана // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С.181.

Уровень эмоциональной убедительности исторического знания зависит и от того, как построены и как изложены научные тексты. Помимо уверенной манеры изложения и использование чисто языковых средств, повышает убедительность текста заимствование авторитета у мудрецов древности, ссылки на известных ученых, на популярных персон, разделяющих излагаемую точку зрения. Убедительность повышается от разветвленного ссылочного и справочного аппарата, сопровождающего текст.

Статусность ученого. Будет ли тот или иной элемент исторического знания признан в качестве «истинного», «правильного» − во многом зависит от личности ученого, от уровня доверия к нему, от его авторитета, научного статуса и квалификации. Дипломы и научные степени, известность в профессиональном сообществе, научные труды автора и их оценка − все это составные части того представления, которое формируется об уровне компетентности ученого.

Традиционно сложилось, что косвенным фактором, повышающим уровень доверия к автору, является возраст: высказывания немолодых и опытных авторов воспринимаются как более достоверные и оказывают более сильное влияние на аудиторию. Статусный ученый, как правило, представляет интересы определенной экспертной группы, имеющей целый ряд сходных черт, например, общие мировоззренческие установки, лоббистом которых и выступает этот «лидер мнений».

Кроме того, на характер того, что сначала считается «высказыванием», «мнением», а затем признается или не признается в качестве «знания», в определенной степени влияют национальная, религиозная, партийная принадлежность ученого, а также то, к какой научной школе он принадлежит. Так этническая принадлежность историка стала считаться едва ли не определяющей в переформатировании исторического знания в новых постсоветских государствах, где предполагается, что только «национальный», т.е. «этнически свой» ученый может написать «истинную» историю народа.

Метод тотального отрицания. На определенные исторические периоды, на целые исторические эпохи навешивается идеологизированный ярлык, например, в советское время писалось, что все, что было до 1917 г. – это «мрачная эпоха царизма», и только Великая Октябрьская социалистическая революция «открыла новую эру в истории человечества». В 90-е гг. XX в. весь советский период трактовался как тоталитарный деспотический режим, и только перестройка приведет к светлой эре свободы и демократии.

Демонизация и дегуманизация оппонента. Пример: создание в Грузии, Украине и Прибалтийских государствах «музеев советской оккупации», устроение мемориалов и памятников жертвам так называемого «голодомора» на Украине, формирование образа врага из СССР и России как его правопреемника.

Все эти методы и приемы рассчитаны на использование СМИ, на пробуждение эмоций населения в массовом обществе. Подобно тому, как экономика нового века обладает технологиями, позволяющими производить продукцию по индивидуальным заказам, эксперты в области распространения исторического знания в своих действиях ориентируются уже не на однородную массу, а на требования и интересы сотен групп и слоев, каждый из которых обладает своими особенностями.

Новые информационные средства: интернет, кабельное телевидение, разнообразные источники информации побуждают «дирижеров» и распространителей исторического знания **индивидуализировать** и более точно **нацеливать информацию**, кроя разные версии для разных сегментов аудитории: одно для подростков, другое для интеллигенции, третье для домохозяек, четвертое – для этнических меньшинств и т.д.

На макроуровне такие явления как рост этнического и расового самосознания, сопротивляющегося глобализации, экологические движения, усиление «местничества», которые в целом отражают возрастающую разнородность современных обществ − ученые трактуют как свидетельства **конца массового общества,** соответствующего мозаичной социально-экономической структуре и действующего по своим правилам.

Ученые, изучающие нестабильность и хаос в природе и обществе, отмечают, что одни и те же системы, страны или общества ведут себя по-разному, в зависимости от того, находятся ли они в состоянии равновесия или в состоянии неуравновешенности. «Когда окружающая обстановка становится слишком бурной, системы перестают быть линейными, а это предоставляет широкие возможности для маленьких групп. Фактически мы стремительно входим в новый этап политической жизни, который можно было бы назвать *«временем возможностей» для решающих меньшинств*»[1]**,** способных изменить ход истории. Этнические меньшинства, группировки, в том числе экстремистские, яркие лидеры и партии любого толка в условиях неуравновешенных систем по-

[1] *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2006. С.302.

лучают исключительную возможность для реализации своих требований и достижения своих интересов. В 1917 г. нестабильностью в России воспользовались большевики. В момент крайней экономической и социальной неустойчивости в Германии в 30-х гг. XX в. шанс увеличить размах своей деятельности получил А.Гитлер.

Благодаря действиям средств массовой информации возможности «решающих меньшинств» увеличиваются тысячекратно. Различные группы стремятся с помощью СМИ манипулировать сознанием общества. Сейчас достаточно репортеру снять на ручную камеру самую маленькую группу политических экстремистов, или даже отснять псевдоисторический сюжет, специально срежиссированный под определенный политический заказ, растиражировать отснятый материал в СМИ, − и масштаб действия и влияния этой группки в сознании многих людей по всему миру значительно возрастет или приобретет содержание, далекое от реального. Затем – эта группа оказывается в центре внимания, другие информационные каналы повторяют сюжет, освещают ее деятельность, что в свою очередь придает ей все большую популярность, обеспечивая цикл положительной ответной реакции. Происходит эффект снежного кома.

В условиях сегментированного общества утрачивается возможность для большинства в обществе получить решающий голос, обуздать фанатиков и экстремистов всех мастей, представителей меньшинств, в том числе религиозных, сексуальных. Тем более, если большинство уже утрачивает идейно-нравственную устойчивость и сплоченность.

Таким образом, использование рассмотренных методов, приемов, современных информационных технологий способствует тому, что внутри отдельных стран и в мире в целом появляется **множество новых историй и новых идеологий**, каждая из которых претендует на абсолютность только ей присущего видения прошлого, настоящего и будущего.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОБЩНОСТИ КРИЗИСНОЙ РОССИИ

Субъекты общественных процессов – не индивиды, а общности, собравшиеся на исторически сложившейся социокультурной матрице. Состояние всей системы общностей, соединенных в общество, − один из главных предметов социальных наук. Кризис российского общества, перешедший в 1991 г. в острую стадию, потряс всю эту систему, все ее элементы и связи. Период относительной стабилизации после 2000 г. сменился в 2008 г. новым обострением. Диагноз состояния системы общностей (социокультурных групп) стал актуальной и срочной задачей.

Одна из главных причин продолжительности и глубины кризиса заключается в том, что в России идет процесс *распада большинства общностей* (кроме, возможно, криминальных). Этот процесс запущен реформами 90-х гг., маховик его был раскручен в политических целях − как способ демонтажа советского общества. Ни остановить этот маховик, ни начать «сборку» общностей на новой основе после 2000 г. не удалось (если такая задача вообще была осознана и поставлена).

Рассмотрим этот процесс, идя «сверху вниз».

Демонтаж народа. Самым первым объектом демонтажа стал *народ (гражданская нация)*[1]. Выполнение политической задачи «разборки» советского народа привело к повреждению или разрушению связей, соединяв-

[1] Идея *разборки* и *создания* народов нам непривычна в силу присущей обыденному сознанию натурализации общественных явлений – интуитивному ощущению, будто общество развивается по таким же законам, как и природа. В действительности все сообщества людей складываются в ходе их сознательной деятельности, они *проектируются* и *конструируются*. Это − явления культуры, а не природы. *Демонтаж народа* − нормальный технический термин, поскольку народ это система, в которой множество элементов (личностей, семей, общностей разного рода) соединены множеством типов связей. Связи эти поддаются целенаправленному воздействию, и технологии такого воздействия совершенствуются. Значит, народ можно «разобрать», демонтировать. См. подробнее: *Кара-Мурза С.Г.* Демонтаж народа. М., 2005.

ших граждан в народ. Эта операция велась в двух планах – как ослабление и разрушение ядра советской гражданской нации, и как разрушение системы межэтнического общежития в СССР и Российской Федерации. Альтернативной матрицы для сборки народа (нации), адекватной по силе и разнообразию связей, создано не было. Никакой программы нациестроительства государство не выработало до сих пор.

Перестройка стала форсированной операцией по демонтажу советского народа. Демонтаж проводился целенаправленно и с применением эффективных социальных технологий. Для разрыва связей и порчи механизмов их воспроизводства применялись средства *экономической* и *информационно-психологической* войны.

Экономическая война внешне выразилась в лишении народа его общественной собственности («приватизация» земли и промышленности), а также личных сбережений. Это привело к кризису народного хозяйства и утрате социального статуса огромными массами рабочих, технического персонала и квалифицированных работников села. Резкое обеднение привело к изменению *образа жизни* (типа потребления, профиля потребностей, доступа к образованию и здравоохранению, характера жизненных планов). Это означало глубокое изменение в материальной культуре народа и разрушало его мировоззренческое ядро.

Воздействие на массовое сознание в *информационно-психологической* войне имело целью непосредственное разрушение *культурного ядра* народа. Был произведен демонтаж исторической памяти, причем на очень большую глубину, опорочены или осмеяны символы, скреплявшие национальное самосознание, в людях разжигалось антигосударственное чувство, неприязнь к главным институтам государства − власти, армии, школе, даже Академии наук.

Результатом информационно-психологической войны было нанесение народу тяжелой *культурной травмы*. Это понятие определяют как «насильственное, неожиданное, репрессивное внедрение ценностей, остро противоречащих традиционным обычаям и ценностным шкалам», как разрушение *культурного времени-пространства* (по выражению М.М.Бахтина, *хронотопа*; сам он называл такие культурные травмы «временем гибели богов»).

Была размонтирована «центральная матрица» мировоззрения, население утратило целостную систему ценностных координат. Сдвиги и в сознании, и в образе жизни парализовали дееспособность того народа, который составлял общество и на согласии которого держалась легитимность советской государственности. Защитные системы советского государства и общества не

нашли адекватного ответа на новый исторический вызов. К 1991 г. советский народ был в большой степени «рассыпан» − осталась масса людей, не обладающих «надличностным сознанием» и коллективной волей. Эта масса людей утратила связную картину мира и способность к логическому мышлению и выявлению причинно-следственных связей.

Социологи пишут: «В 1992−2002 гг. по общероссийской выборке фиксировались изменения в социальном самоопределении российских граждан или ответах на вопрос, кого опрашиваемые считают «своими» группами и общностями… Ближайшее окружение – семья, друзья, коллеги – образует устойчивый базовый комплекс социального самоопределения. Идентификации с бóльшими общностями нестабильны… Главными ресурсами выживания остаются персональные сети взаимодействия, поскольку только знакомые и близкие вызывают *доверие и чувство защищенности*»[1].

Конструктивистская доктрина демонтажа советского народа предполагала «сборку» нового народа («новых русских») на принципиально иной матрице. Этот небольшой народ должен был выполнять функции *демоса*, а не вошедшая в него часть населения оставалась в статусе *охлоса*.

Весной 1991 г. была дана такая формулировка этой доктрины: «Демократия требует наличия демоса − просвещенного, зажиточного, достаточно широкого «среднего слоя», способного при волеизъявлении руководствоваться не инстинктами, а взвешенными интересами. Если же такого слоя нет, а есть масса, где впритирку колышутся люди на грани нищеты и люди с большими... накоплениями, масса, одурманенная смесью советских идеологем с инстинктивными страхами и вспышками агрессивности, − говорить надо не о демосе, а о толпе, охлосе... Надо сдерживать охлос, не позволять ему раздавить тонкий слой демоса, и вместе с тем из охлоса посредством разумной экономической и культурной политики воспитывать демос»[2].

Эту мысль развивает В.А.Тишков в статье «О российском народе»: «Общество, прежде всего в лице интеллектуальной элиты, вместе с властями формулирует представление о народе, который живет в государстве и кото-

[1] *Данилова Е.Н., Ядов В.А*. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // «СОЦИС». 2004, №10. Демонтаж народа диалектически связан с приватизацией общенародной собственности. По выражению А.С.Панарина, «атомизация народа, превращаемого в диффузную, лишенную скрепляющих начал массу, необходима не для того, чтобы и он приобщился к захватывающей эпопее тотального разграбления, а для того, чтобы он не оказывал сопротивления» (*Панарин А.С*. Народ без элиты. М., 2006. С.31).

[2] *Драгунский Д., Цымбурский В*. Рынок и государственная идея // «Век XX и мир». 1991, №5.

рому принадлежит это государство. Таковым может быть только *согражданство*, территориальное сообщество, т.е. *демос*, а не этническая группа, которую в российской науке называют интригующим словом *этнос*, имея под этим в виду некое коллективное тело и даже социально-биологический организм. Из советской идеологии и науки пришли к нам эти представления, которые, к сожалению, не исчезли, как это случилось с другими ложными конструкциями»[1].

Таким образом, предполагалось, что в России «интеллектуальная элита вместе с властями» сформирует *демос*, «которому принадлежит это государство». Демос будет составлять зажиточное меньшинство, а остальная часть населения превращается в «некое коллективное тело и даже социально-биологический организм». Передача власти и собственности демосу требовало трансформации государства и его отказ от функции воспроизводства связей, соединяющих людей в народ.

Д.Драгунский объяснял: «Мы веками проникались уникальной философией **единой отеческой власти**. Эта философия тем более жизнеспособна, что она является не только официальной государственной доктриной, но и внутренним состоянием большинства. Эта философия отвечает наиболее простым, ясным, безо всякой интеллектуальной натуги воспринимаемым представлениям − семейным. Наше государственно-правовое сознание пронизано семейными метафорами − от «царя-батюшки» до «братской семьи советских народов»... Только появление суверенного, **власть имущего** класса свободных собственников устранит противоречие между «законной» и «настоящей» властью. Законная власть будет, наконец, реализована, а реальная − узаконена. Впоследствии на этой основе выработается новая философия власти, которая изживет традицию отеческого управления»[2].

В требованиях срочно изменить тип государственности особое внимание обращали на армию − сразу же была поставлена задача превратить армию из «защитницы трудового народа» в институт защиты собственности. Д.Драгунский пишет: «Поначалу в реформированном мире, в оазисе рыночной экономики будет жить явное меньшинство наших сограждан [«может быть, только одна десятая населения»]... Надо отметить, что у жителей этого светлого круга будет намного больше даже конкретных юридических прав, чем у жителей кромешной (т.е. внешней, окольной) тьмы: плацдарм победивших реформ ока-

[1] *Тишков В.А*. О российском народе // «Восточноевропейские исследования». 2006, №3.
[2] *Драгунский Д*. Законная или настоящая? // «Век XX и мир». 1991, №7.

жется не только экономическим или социальным − он будет еще и правовым... Но для того, чтобы реформы были осуществлены хотя бы в этом, весьма жестоком виде, особую роль призвана сыграть армия...

Армия в эпоху реформ должна сменить свои ценностные ориентации. До сих пор в ней силен дух РККА, рабоче-крестьянской армии, защитницы сирых и обездоленных от эксплуататоров, толстосумов и прочих международных и внутренних буржуинов... Армия в эпоху реформы должна обеспечивать порядок. Что означает реально охранять границы первых оазисов рыночной экономики. Грубо говоря, защищать предпринимателей от бунтующих люмпенов. Еще грубее − защищать богатых от бедных, а не наоборот, как у нас принято уже семьдесят четыре года. Грубо? Жестоко? А что поделаешь...»[1].

Доктрина выделения из всего населения небольшого демоса вовсе не ушла в историю с «проектом Ельцина». В данный момент статус демоса приписывается «среднему классу», численность которого в России оценивается в 7−12%. В.Сурков 28 ноября 2008 г. в программном заявлении сказал: «Если 1980-е были временем интеллигенции, 1990-е десятилетием олигархов, то нулевые можно считать эпохой среднего класса, достаточно обширного среднего класса. И не просто появление и становление, но и выход на историческую сцену».

В прессе даже заговорили, что средний класс завоевал социальную гегемонию и политическую власть. Сурков так определил статус среднего класса в России: «Российское государство − это его государство. И российская демократия − его. И будущее у них общее… Россия − их страна. Медведев и Путин − их лидеры. И они их в обиду не дадут»[2].

В момент нынешнего кризиса защищать средний класс «его государство» предполагает экономическими средствами, необходимости в применении армии нет. Однако установки околовластной элиты в отношении «низших классов» не изменились. Вот недавние рассуждения Г.Х.Попова: «При формировании государственных структур надо полностью исключить популистскую демократию. Один человек должен иметь один голос только при выборах верхней палаты, обеспечивающей права человека. А при избрании законодательной палаты гражданин должен иметь то число голосов, которое со-

[1] *Драгунский Д*. Имперская судьба России: финал или пауза? // «Век XX и мир». 1992, №1.
[2] *Михайлов А*. Владислав Сурков предлагает помочь классу собственников // «Российская газета». 2008, 1 декабря; *Сурков В*. Спасти гегемона // «Взгляд. Деловая газета». 2008, 28 ноября; http://vmeste.edinros.ru/analytics/analytics_22.html.

ответствует его образовательному и интеллектуальному цензу, а также величине налога, уплачиваемого им из своих доходов»[1].

Разделение народа становится привычным фактом – разведенные реформой части общества уже осознали наличие между ними пропасти. Институт социологии РАН с 1994 г. ведет мониторинг «социально-экономической толерантности» в России − регулярные опросы с выявлением субъективной оценки *возможности достижения взаимопонимания и сотрудничества между бедными и богатыми*. После ноября 1998 г. эти установки стали удивительно устойчивыми. В ноябре 1998 г. они были максимально скептическими: отрицательно оценили такую возможность 53% опрошенных, а положительно 19% (остальные – нейтрально). Затем от года к году (от октября 2001 г. до октября 2006 г.) доля отрицательных оценок колебалась в диапазоне от 42 до 46%. Оптимистическую оценку давали от 20 до 22%[2]. Угроза утраты «коммуникабельности» со временем нарастает.

В целом, попытка превратить какие-то «поднятые» реформой социокультурные группы в системообразующее ядро «нового» народа успехом не увенчалась. Эту функцию не смогли взять на себя «новые русские» (буржуазия «из пробирки»). Видимо, ядром общества и социальной базой власти не сможет стать и *средний класс.* Сама эта доктрина остается очень сырой, разработка идеологии среднего класса ведется вяло. Попытка взять за основу этой идеологии классический либерализм была ошибкой, философия либерализма, выросшая из Просвещения, давно неадекватна нынешней реальности. Идея гибридизации остатков либерализма с Православием и Самодержавием также успеха не имела.

Утверждение, будто период 2000−2008 гг. был *эпохой* среднего класса, неубедительно. Ничего *эпохального* этот социальный субъект не совершил, и ничего от него не ждут. Новый «гегемон» не только не определен внятными признаками, он воспринимается как явление преходящее и нежизнеспособное. По своим социокультурным характеристикам эта общность − продукт постсоветского смутного времени, который уже не обременен коллективной па-

[1] *Попов Г.Х*. http://www.mk.ru/blogs/idmk/2009/03/25/mk-daily/401208.

[2] Динамика социально-экономического положения населения России (по материалам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения. 1992−2006 гг.»). // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. 2008. Вып. 2. С.74.

мятью «советского типа», но не обрел «своей» памяти. Куда он может повести расколотое общество, кого он может сплотить для творческого усилия[1]?

Деградация общностей «второго уровня». В результате этих процессов сразу же началась деградация внутренних связей каждой отдельной общности (профессиональной, культурной, возрастной). Совокупность социальных общностей, как структурных элементов российского общества, утратила «внешний скелет», которым для нее служил народ (гражданская нация). При демонтаже народа была утрачена скрепляющая его система связей «горизонтального товарищества», которые пронизывали *все* общности – и как часть их «внутреннего скелета», и как каналы их связей с другими общностями.

Прежде всего, демонтажу были подвергнуты профессиональные общности, игравшие ключевую роль в поддержании политического порядка. Для советского строя таковыми были, например, промышленные рабочие («рабочий класс»), интеллигенция, офицерство. Механизмы «сборки» профессиональных общностей лучше всего изучены, видимо, в случае *научного* сообщества. Сложившийся при исследовании этой общности методологический подход вполне приложим к изучению и других общностей. В первом приближении достаточно представить три среза системы, которая представляет общность – *когнитивную* основу общности (структуру средств познания, понимания и объяснения реальности), *информационную* систему общности (потоки информации внутри нее и с внешней средой), *социальную* структуру (отношения, нормы, условия воспроизводства).

Составив «карту» общности в этих трех срезах и в контексте системы высшего порядка (более крупных общностей, народа или человечества), можно определить самые уязвимые элементы и связи общности. По этим слабым точкам и наносятся удары.

Например, Россия в результате реформы утратила *национальное информационное пространство*. В настоящий момент она не располагает информационной системой, в которой должен вестись низовой «каждодневный плебисцит» по всем вопросам национальной повестки дня. Исчезли и каналы, по которым до всех граждан одновременно доводилась эта повестка дня.

[1] В ходе обсуждения роли среднего класса видный идеологический работник «партии власти» телеведущий Владимир Соловьев подчеркнул, что это – «класс потребителей, а значит, именно он является двигателем всего, что происходит в стране». Можно ли возлагать миссию спасения страны от тяжелого кризиса и подвиг «перехода к инновационному развитию» на класс потребителей?

Современный русский народ в большой мере создан (как и европейские нации) «печатным станком». В советское время он достраивался до гражданской нации с помощью связующей силы русской литературы, учебников, прессы. Чтобы демонтировать народ, в самом начале 90-х гг. сразу был разрушен «русский печатный станок» (как общественный институт) – пресса, условия литературно-издательской деятельности, система распространения.

Прежде всего, реформа ликвидировала «скелетную» систему − центральные газеты, позволяющие одновременно на всей территории страны давать людям пакет важной для всех информации[1]. Главные газеты превратились в торговцев, конкурирующих на рынке. Кроме того, был сразу резко сокращен доступ основной массы населения к газете – разовый тираж газет на душу населения сократился в России в 7 раз. Если учесть резкое расширение «желтой» прессы, то можно считать, что в России аудитория тех, кто имеет доступ к газетам, сократилась в 15−20 раз. Но главное, газеты, якобы подчиняясь диктату рынка, стали нагнетать информацию, углубляющую все трещины и расколы, возникшие в обществе.

После 1991 г. были ослаблены и во многих случаях ликвидированы многие механизмы, сплачивающие людей в общности, сверху донизу. Например, были упразднены даже такие простые исторически укорененные социальные формы сплочения общностей, как *общее собрание трудового коллектива* (аналог сельского схода в городской среде). Были повреждены или ликвидированы инструменты, необходимые для поддержания *коллективной памяти* общностей – необходимого средства для их сплочения. Под флагом «демократизации» устранены системы социальных норм и санкций за их нарушение – правовых, материальных и моральных.

Быстро вызревает угроза утраты профессиональной общности *промышленных рабочих* (шире – *работников промышленного производства*, рабочих и ИТР) с выпадением России из числа индустриально развитых стран[2]). Эта угроза возникла вследствие принятия в 90-е гг. программного положения о *деиндустриализации* России. В своем предисловии к «Черной книге коммунизма» А.Н.Яковлев предложил доктрину − *Семь «Д»*. Это те семь действий,

[1] Телевидение этой функции выполнять не может, печатный текст и экран принципиально различны как носители информации.

[2] См. Кризис мировоззренческой основы российского общества // Россия: процесс консолидации власти и общества. М., 2008.

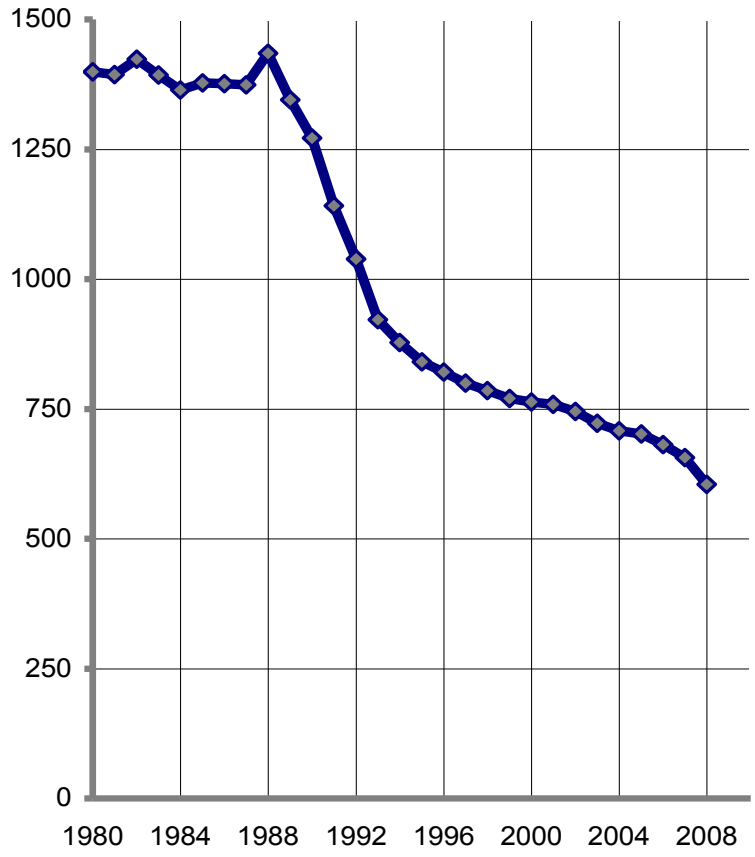
которые, по его концепции, надо совершить, чтобы в РФ возникла демократия и рыночная экономика на базе частной собственности. Четвертым «Д» у него как раз стоит деиндустриализация.

Сужается воспроизводство квалифицированных рабочих. Количество выпускников учреждений начального профессионального образования сократилось с 1378 тыс. в 1985 г. до 680 тыс. в 2006 г. (см. график 1).

График 1

Выпуск квалифицированных рабочих учреждениями начального профессионального обучения (1980–2008)

Тыс. человек



Источник: Росстат.

При этом выпуск рабочих для техноемких отраслей производства все больше уступает место профессиям в сфере торговли и услуг. В 1995 г. было выпущено 10,5 тыс. квалифицированных рабочих для химической промышленности, а в 2006 г. только 0,6 тыс. Резко сократился приток молодежи на промышленные предприятия, началось быстрое старение персонала. Если в 1987 г. работники в возрасте до 39 лет составляли в числе занятых в промышленности 60%, то в 2007 г. их доля составила 45%.

Резкое ухудшение демографических и квалификационных характеристик **рабочего класса** России − один из важнейших результатов реформы, который будет иметь долгосрочные последствия. Важным симптомом этого процесса стал тот факт, что рабочий класс «исчез из общественного поля зрения». Значительная часть выброшенных с предприятий рабочих опустилась на «социальное дно». Но даже чисто прагматической оценки этой стороны реформ не было дано.

Предпочтительными объектами социологии стали предприниматели, элита, преступники и наркоманы. При первом приближении обществоведения к структуре социальной системы логично делать объектом анализа наиболее массивные и социально значимые общности. Так, в индустриальном обществе объектом постоянного внимания обществоведения является *рабочий класс*. Обществоведение, «не видящее» этого класса и происходящих в нем (и «вокруг него») процессов, попросту неадекватно его предмету.

Именно такая деформация произошла в постсоветском обществоведении – рабочий класс России был практически исключен из числа изучаемых объектов. Между тем, в этой самой большой общности экономически активного населения России происходили драматические изменения. Деиндустриализация и *деклассирование* рабочих − социальные явления, которых не переживала ни одна индустриальная страна в истории, колоссальный эксперимент, который мог дать общественным наукам большой объем знания, недоступного в стабильные периоды жизни общества. Это фундаментальное изменение социальной системы не стало предметом исследований, а научное знание об этих изменениях и в малой степени не было доведено до общественности.

С 1990 г. сама проблематика классовой структуры была свернута в социологии. Контент-анализ философской и социологической отечественной литературы, показал, что за 1990−1992 гг. в массиве из 16,2 тыс. документов термин «*классовая структура*» встретился лишь в 22 документах. Социологи практически прекратили изучать структуру общества через призму *социальной одно-*

родности и *неоднородности*, частота употребления этих терминов сократилось в 18 раз – как раз в тот момент, когда началось быстрое социальное расслоение общества. В социологической литературе стало редко появляться понятие «*социальные последствия*»[1].

В короткий срок состав промышленного рабочего класса России сократился вдвое. Что произошло с 10 млн рабочих, в среднем высокой квалификации? Что произошло с социальным укладом предприятий в ходе такого изменения? Как изменился социальный статус промышленного рабочего в России, престиж рабочих профессий в массовом сознании и в среде молодежи? По всему кругу этих вопросов имелись лишь отрывочные и «фольклорные» сведения. Сегодня ни общество, ни государство не имеют ясного представления о том, какие угрозы представляет для страны утрата промышленных рабочих как профессиональной общности, соединенной определенным типом знания и мышления, социального самосознания, мотивации и трудовой этики[1].

Аналогично складывалась судьба большой профессиональной общности квалифицированных работников сельского хозяйства. В 2008 г. член Совета Федерации РФ С.Лисовский сказал: «Мы за 15 лет уничтожили работоспособное население на селе». Надо вдуматься в эти слова! За годы реформы Россия утратила 6 млн организованных в колхозы и совхозы квалифицированных работников сельского хозяйства. Их осталось 1,9 млн и еще 0,3 млн фермеров (см. график 2).

В 1988 г. в сельском хозяйстве работало 2,21 млн «механизаторов» – трактористов, машинистов, комбайнеров и водителей автомобилей (примерно поровну в колхозах и совхозах). 70% из них работали по специальности более 5 лет, 37% − были механизаторы I класса. То есть около четверти работников были специалистами индустриального типа, еще около 15% − доярки, операторы машинного доения. Работа в сельском хозяйстве становилась привлекательней, отток людей из деревни замедлился и в 80-е гг. почти прекратился. Росла зарплата работников, приближаясь к среднему уровню по всему народному хозяйству.

---

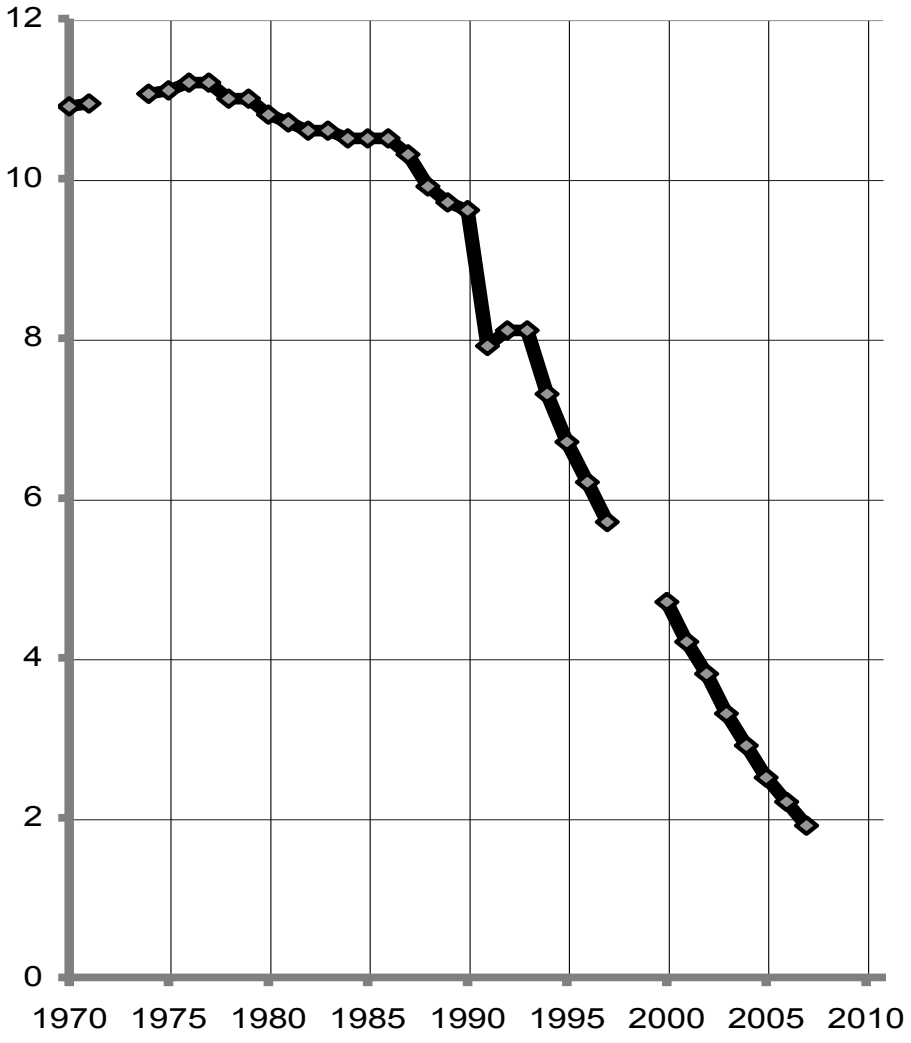
[1] *Тульчинский М.Р.* Наукометрический анализ «развития социологии» в начале 90-х годов // «СОЦИС». 1994, №6.

[1] Опрос сентября 1993 г. показал, что выпускники 11 класса, дети (по отцу) рабочих промышленности и транспорта, не были ориентированы на социальный статус рабочего. Стать рабочим входило в жизненные планы только 1,7% выпускников. Большинство (51,9%) собирались стать специалистом с высшим образованием (см. *Руткевич М.Н.* Социальная ориентация выпускников средней школы // «СОЦИС». 1994, №12).

График 2

Число работников в сельскохозяйственных организациях России (1970–2008)

Млн человек



Источник: Росстат.

Модернизация сельского быта вела к диверсификации занятости в деревне. Она наполнялась работниками промышленности, образования, культуры и здравоохранения, сферы транспорта, строительства, торговли и бытовых услуг. С начала 80-х гг. половина работников, живущих в селе, была занята уже не сельским хозяйством. Это увеличивало социокультурное разнообразие жизнеустройства деревни, расширяло возможности социальной мобильности.

Реформа грубо сорвала этот процесс. Профессиональное сообщество развалено, значительная часть высокообразованных специалистов занялись фермерством в условиях, неадекватных этому укладу. Село превратилось в огромную депрессивную зону с глубокой архаизацией хозяйства и быта – оно «отступило на подворья». Три четверти сельскохозяйственных работ выполняется ручным и конно-ручным способом. На подворьях теперь находится 50% крупного рогатого скота – против 17% в 1991 г. При этом прямые затраты труда на производство 1 ц молока на подворье, содержащего одну корову, в середине 90-х гг. были равны 48 человеко-часам, а в 1990 г. на колхозной или совхозной ферме – 6,4 часа.

Село глубоко и застойно обеднело. Средняя зарплата работников противоречит рациональным критериям и целиком определяется безвыходностью положения трудящихся (см. график 3). Сворачивается сеть приближенных к селу медицинских учреждений, сокращается число и протяженность автобусных маршрутов, резко сократилось строительство объектов инфраструктуры в сельской местности. Происходит деградация сельских поселений России, в которых проживает 38 млн человек, в недалеком прошлом объединенных в сложную социокультурную систему.

Общество этого как будто не замечает и сегодня. Как видятся возможности изменить ход процесса? В какой социальный тип превратится на выходе из этого кризиса сельская молодежь, воспитанная в таких чрезвычайных условиях?

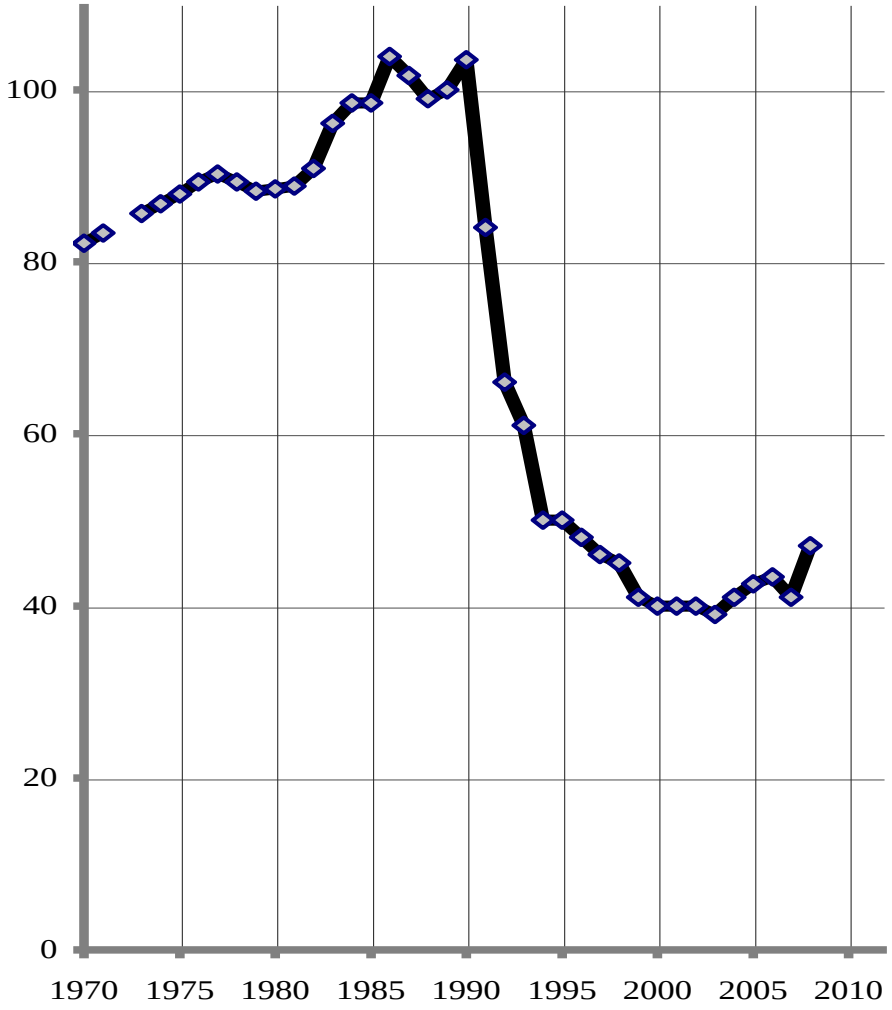
Быстро деградирует и другая системообразующая для России большая специфическая общность – интеллигенция. Она замещается «средним классом» – новым социокультурным типом с «полугуманитарным» образованием, приспособленным к функциям офисного работника без жестких профессиональных рамок. Высшее образование сейчас ежегодно поставляет на рынок труда уже более 700 тыс. таких суррогатных интеллигентов – при численности вы-

пускников вузов по физико-математическим и естественнонаучным специальностям около 26 тыс. (см. график 4).

График 3

Средняя зарплата в сельском хозяйстве

1970–2008 гг., % от средней зарплаты по всем отраслям народного хозяйства России

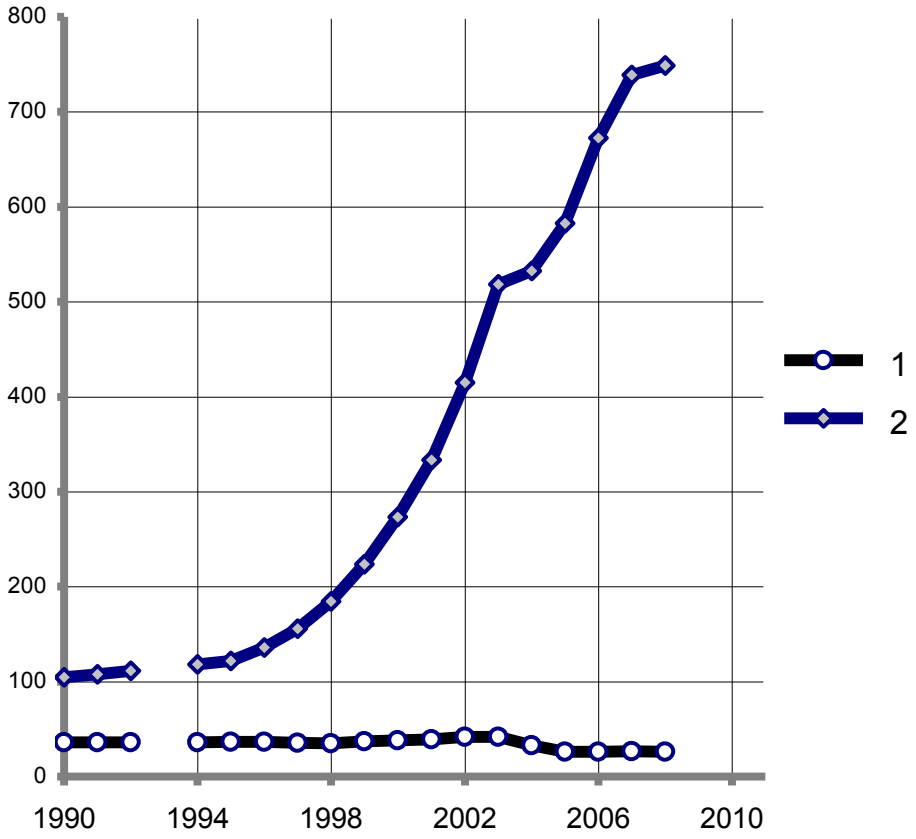


Источник: Росстат.

График 4

Выпуск специалистов вузами России (1990–2008)

Тыс. человек



Примечание: 1 – естественнонаучные и физико-математические специальности; 2 – гуманитарно-социальные.
Источник: Росстат.

В ходе нынешнего кризиса было заявлено, что «средний класс» является ядром общества и социальной базой власти, движущей силой программ преодоления кризиса и последующего инновационного развития. Такой классовый подход представляется неадекватным природе кризиса и задаче смены типа развития. И кризис, и порождаемые им угрозы для России носят системный, *цивилизационный* характер. Та общность, которая станет движущей силой программы развития, должна говорить на языке цивилизационных, а не идео-

логических и социальных проблем. В моменты исторического выбора и переходных процессов (включая кризисы, войны, революции) выразителем главного вектора развития становится особая надклассовая и надэтническая социокультурная общность.

Состояние культурно-исторических типов как носителей цивилизационных признаков России. На кого опирается господствующая в данный исторический период сила, к каким идеалам взывает и кого наделяет ресурсами и властью государства? Это – один из важнейших вопросов, на которые должно ответить обществоведение на языке цивилизационного (а не формационного) подхода.

Н.Я.Данилевский предложил признаки и критерии для выделения и различения «локальных» цивилизаций, носителем главных черт которых и является культурно-исторический тип. Цивилизация представляется как воображаемый великан, «*обобщенный индивид*». Данилевский видел в этом типе очень устойчивую, наследуемую из поколения в поколение *сущность* – народ, воплощенный в обобщенном индивиде. Он считал невозможной передачу главных принципов («смыслов») цивилизации одного культурно-исторического типа другому. Заимствование верхушечных структур культуры одной цивилизации от другой происходят, по выражению Данилевского, в форме трех видов − «колонизации», «прививки» и «удобрения». *Колонизация* − механический перенос структуры с одной культурной почвы на другую («пересадка с одного места на другое посредством цивилизации»). Метафора *прививки* трактуется негативно – «прививка не приносит пользы тому, к чему прививается», дичок становится *средством* для черенка (как это было, по мнению Данилевского, в реформах Петра). «Удобрение» оценивается положительно − это «способ воздействия цивилизации на цивилизацию», действие которого схоже с «влиянием почвенного удобрения на растительный организм», или «влиянию улучшенного питания на организм животный»[1]. Но главное для нас в этой концепции заключается в том, что во всех случаях воздействие извне осуществляется через один и тот же культурно-исторический тип. Другого типа в данный исторический период в конкретной цивилизации не существует.

Это эссенциалистское представление об устойчивости культурно-исторических типов развил О.Шпенглер. В книге «Закат Европы» он дал метафорическую концепцию неудачных цивилизационных контактов России с Запа-

[1] См. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.

дом как «модернизации». О.Шпенглер применил термин «псевдоморфозы», взятый из минералогии. Так называют явление вымывания кристаллов минерала, включенных в скальную породу, а затем заполнения этой пустой формы раствором другого минерала. Он кристаллизуется в «чужой» форме, так что его «внутренняя структура противоречит внешнему строению». Такими были, по мнению Шпенглера, реформы Петра Великого, которые загнали нарождающуюся русскую культуру в формы старой, развитой культуры Запада.

В свое время эта концепция подверглась критике русскими философами, а сегодня вновь стала популярной, хотя вся эта конструкция опирается всего лишь на метафору. О любой известной истории цивилизации можно сказать, что она – псевдоморфоз (античная цивилизация Греции взяла многие формы не только у Египта, но и у черной Африки – и что из этого?).

Эти представления господствуют сегодня в России и у идеологов реформы, и у ее противников. Первые опираются на концепцию «России-как-Европы» и объясняют неудачи реформ ненужным стремлением искать какие-то «свои» подходы и формы вместо точного копирования западных структур. Вторые прямо исходят из модели Данилевского-Шпенглера. Но в главном эти крайности сходятся.

Так, В.Сурков излагает представления о нации и о культуре, проникнутые эссенциализмом. Он приписывает культуре неизменную идентичность, основанную на национальном характере: «Воля к свободе и справедливости вырабатывается и закрепляется как природное свойство национального характера… Культура − это судьба. Нам Бог велел быть русскими, россиянами... Чтобы понять, как будет развиваться демократия в России, какая ее модификация применима здесь на практике, нужно определить архетипические, неотменяемые свойства русской политической культуры»[1].

Таким образом, цивилизационное самосознание «русских, россиян» является в такой концепции именно «архетипическими, неотменяемыми свойствами», это изначально данное «природное свойство национального характера». Поэтому усилия России по *адаптации* достижений Запада к реалиям российского общества вызывают у В.Ю.Суркова резкое неприятие. Он говорит: «Окно в Европу прорубалось способами, которые и азиатскими назвать нель-

[1] *Сурков В*. Национализация будущего // «Эксперт». 2006, №43 (537), 20 ноября.

зя, не оскорбив Азию. Освоение космоса и атомной энергии добыто жестоким упорством советского крепостничества»[1].

История XX в. заставляет отказаться от концепции Данилевского-Шпенглера. И русская революция, и перестройка конца XX в. с последующей реформой показали, что в действительности цивилизация является ареной конкуренции (или борьбы, даже вплоть до гражданской войны) *нескольких* культурно-исторических типов, предлагающих разные цивилизационные проекты. Один из этих типов (в коалиции с союзниками) становится доминирующим в конкретный период и «представляет» цивилизацию.

Реформы Петра, несмотря на все нанесенные ими России травмы, не были псевдоморфозами, они опирались на волю культурно-исторического типа, сложившегося в лоне российской цивилизации и начинавшего доминировать на общественной сцене. Модернизация и развитие капитализма во второй половине XIX в. вызвали кризис этого культурно-исторического типа и усиление другого, вырастающего на матрице современных буржуазно-либеральных ценностей. Это было новое поколение российских западников, но вовсе не клон западных либералов (о «самобытности» российских либералов начала XX в. писал М.Вебер).

На короткое время именно этот культурно-исторический тип возглавил общественные процессы в России и даже осуществил бескровную Февральскую революцию 1917 г. Но он был сметен гораздо более мощной волной *советской* революции. Движущей силой ее был культурно-исторический тип, который стал складываться задолго до 1917 г., но оформился и получил имя уже как «советский человек» после Гражданской войны. Все цивилизационные проекты для России были тогда «выложены» в самой наглядной форме, культурно-исторические типы, которые их защищали, были всем известны и четко различимы, все они были порождением России.

Что из этой истории важно для осмысления нашего нынешнего кризиса? Прежде всего, важно понять структуру актуального российского общества под этим углом зрения. Как раскололось успокоенное «застоем» обще-

[1] Там же. Эта установка противоречит исторической реальности. Способность русской культуры к синтезу известна и у нас, и на Западе. Г.П.Федотов писал: «Поразительна та легкость, с которой русские скифы усваивали чуждое им просвещение. Усваивали не только пассивно, но и активно-творчески. На Петра немедленно ответили Ломоносовым, на Растрелли − Захаровым, Воронихиным; через полтораста лет после петровского переворота − срок небольшой − блестящим развитием русской науки» (см. *Федотов Г.П.* Россия и свобода // *Федотов Г.П.* Империя и свобода. Нью-Йорк, 1989. С.78−79 (http://magazines.russ.ru/october/1997/5/levin.html).

ство, по каким линиям экзистенциальных противоречий? Кто противостоит реформам при внешней апатии и конформизме населения? Тут требуется деидеологизированный, «инженерный» анализ[1].

Трудный XX век Россия прошла, ведомая культурно-историческим типом, получившим имя «советский человек» (в среде его конкурентов бытует негативный, но выразительный термин *homo sovieticus*). Советские школа, армия, культура помогли придать этому культурно-историческому типу ряд исключительных качеств. В критических для страны ситуациях именно эти качества позволили СССР компенсировать экономическое и технологическое отставание от Запада[2].

Общности, которые были конкурентами или антагонистами советского человека, после Гражданской войны были «нейтрализованы», подавлены или оттеснены в тень – последовательно одна за другой. Некоторые из них, однако, пережили трудные времена и вышли на арену, когда советский тип стал сникать и переживать кризис идентичности (в ходе послевоенной модернизации и урбанизации). Среди этих набирающих силу общностей вперед вырвался культурно-исторический тип, проявивший наибольшую способность к адаптации. Его можно назвать, с рядом оговорок, *мещанством*.

К 70-м гг. оно сумело добиться культурной гегемонии над большинством городского населения и эффективно использовало навязанные массовой культуре формы для внедрения своей идеологии. Советский тип столкнулся со сплоченным и влиятельным «малым народом», который ненавидел все советское жизнеустройство и особенно тех, кто его строил, тянул лямку. Никакой духовной обороны против них государство уже и не пыталось выстроить.

Видные западные советологи уже в 50-е гг. разглядели в мировоззрении мещанства свой главный плацдарм в холодной войне. Крупный философ И.Бохенский, считал, что рост мещанства станет механизмом перерождения

[1] Не видя этих главных расколов, нельзя построить верную социокультурную карту российского общества. Поэтому все попытки собрать общности на новых, «постсоветских» матрицах заканчиваются неудачами. Поразительно безуспешными было множество попыток партийного строительства, проект создания массовой молодежной организации, создания общности «фермеров», новой общности солдат-«контрактников», нового научного сообщества. Фундаментальные причины этих трудностей не были выявлены, хотя принципиальных методологических препятствий для такого исследования не было.

[2] Измеряемый ООН индекс развития человеческого потенциала в СССР в 1987 г. составлял 0,920, а в США 0,961. Учитывая, что по объему ВВП на душу населения СССР занимал 30-е место, а США – второе, можно оценить вклад образования в развитие человеческого потенциала.

советского человека в обывателя, поглощенного стяжательством. Как и любой общественный процесс, этот сдвиг мог быть перепрофилирован в направлении, не подрывающим главный вектор развития. Но этого не было сделано[1].

Суть философии мещанства – «самодержавие собственности». Но этот идеал собственности, в отличие от Запада, не стал буржуазным и не был одухотворен протестантской этикой. Буржуа был творческим и революционным культурно-историческим типом. Мещанин – это антипод творчества, прогресса и высокой культуры. Ему противно любое активное действие, движимое идеалами. Герцен отмечал, что мещанство не столько максимизирует выгоду, сколько стремится «понизить личности». Это его духовный вектор.

Антисоветский проект сделал ставку на активизацию мещанства как самого массового культурно-исторического типа, который был подавлен и оттеснен на обочину в советский период. Революцию мещанство «пересидело»[2]. Составляя значительную часть мало-мальски образованного населения, мещанство быстро овладело знаками советской лояльности и стало заполнять средние уровни хозяйственного и государственного аппарата. Социальный лифт первого советского периода поднял статус мещанства, и уже тогда возникли ниши, где негласно стали господствовать его ценности.

Война сильно выбила творческую, активную часть общества. Мещанство, напротив, окрепло, обросло связями и защитными средствами. Агрессивная аполитичность мещанства, демонстративный отказ от участия в любом общественном деле были действительно важным фактором социальной атмосферы – целостной позицией, которая стала подавлять позицию гражданскую.

Ход утраты культурной гегемонии советским типом – важный урок истории и актуальная для России проблема обществоведения. Здесь мы ее не касаемся, один только штрих. Этот процесс можно проследить по динамике *когнитивной активности* рабочих. В 1922 г. продолжительность рабочего времени в СССР сократилась по сравнению с 1913 г. на 537 часов. Люди их использовали, первым делом, на самообразование. Затраты времени на самообразование с 1923 г. по 1930 г. выросли с 12,4 до 15,1 часа в неделю. С середины 60-х гг. начался резкий откат. Среди работающих мужчин г. Пскова в 1965 г. 26% занимались повышением уровня своего образования, тратя на это

[1] *Новиков А.И.* Мещанство и мещане. Л., 1983.

[2] Надо сказать, что мещанство было врагом обеих столкнувшихся в Гражданской войне сторон, которые представляли разные революционные проекты. В мировоззренческом конфликте с мещанством в 20-е гг. красные и белые ветераны были по одну сторону баррикад.

в среднем 5 часов в неделю (14,9%) своего свободного времени. В 1986 г. таких осталось 5% и тратили они в среднем 0,7 часа в неделю (2,1%) свободного времени. К 1997−1998 гг. таких осталось 2,3%[1].

В общем, советский культурно-исторический тип сник в 70−80-е гг., а потом был загнан в катакомбы. Господствующие позиции заняло мещанство, в том числе криминализованное[2]. Эта смена культурно-исторического типа и предопределила резкую утрату жизнеспособности России как цивилизации. Та культурная общность, которая стала господствовать в России, не обладает творческим потенциалом и системой ценностей, которые необходимы, чтобы «держать» страну, а тем более сплотить общество для модернизации и развития.

В ближайшие 10−15 лет Россия окажется перед лицом угроз, которые лишь зародились в ходе реформ и в зрелой форме реализуются уже тогда, когда сойдет с арены поколение советских людей с их знанием, навыками и ценностями. Эти угрозы должны будут преодолевать люди нового, существенно иного культурно-исторического типа, и предвидение этой ситуации становится важной задачей.

[1] *Патрушев В*. Жизнь горожанина (1965−1998). М., 2001.

[2] А.С.Панарин считал, что главной, может быть, чертой сознания мещанства является его стремление к нарушению легальных норм поведения. Преступившая личность с таким типом сознания отличается от законопослушной не структурой своих потребностей и мотиваций, а лишь специфической нонконформистской решительностью.

ЦЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Реформа образования и жизненные стратегии студенческой молодежи. В рамках реформы российской системы образования, с 2009 г. единый государственный экзамен (ЕГЭ) стал обязательной и основной формой итоговой аттестации выпускников школ и приема абитуриентов в вузы страны. В 2008 г. он проводился на экспериментальной основе, но приказом Министерства образования и науки РФ «Об утверждении порядка проведения единого государственного экзамена» от 24 февраля 2009 г. ЕГЭ был введен полномасштабно и повсеместно. Внедрение данной процедуры проверки знаний выпускников школ вызвало поляризацию мнений в российском обществе. Сегодня можно констатировать, что дискуссии о правомерности и эффективности ЕГЭ вызвали наиболее острый за последние годы социальный конфликт в сфере российского образования.

Главным лоббистом ЕГЭ выступил его инициатор, Минобрнауки России. В качестве аргументов в поддержку позитивных изменений, привносимых с принятием ЕГЭ в практику поступления в вузы, относят социальную справедливость, уравнивающую шансы тех, кто учился в глубинке и в столичных городах, а также антикоррупционную составляющую.

Однако практика единого госэкзамена вызвала критику со стороны экспертов. По мнению зампреда Госдумы РФ д.ф.-м.н. И.Мельникова, «ЕГЭ как минимум несовершенен, а как максимум – вреден. <…> К сожалению, ЕГЭ с этого года становится обязательным для всех. Но уже более года в Государственной думе находится закон о добровольности ЕГЭ <…> Мы предлагаем сделать так, чтобы ЕГЭ не было единственной формой оценки знаний выпускников школы. Каждый выпускник должен иметь право выбора: сдавать экзамен в форме ЕГЭ или традиционно. Кроме того, мы предлагаем предоставить право выбора и на вступительных экзаменах и считаем, что по ряду предметов ЕГЭ просто недопустим. Среди таких предметов история, лите-

ратура и естествознание. <…> ЕГЭ не выявляет способностей человека к дальнейшему обучении в вузе, способностей к анализу и мышлению. Он скорее выявляет натасканность человека. <…> Когда нам только предлагали начать эксперимент по ЕГЭ, одним из аргументов было то, что ЕГЭ позволит бороться с коррупцией при поступлении в университеты. Однако сейчас мы видим, что коррупция просто перешла на другие уровни − если раньше платили за то, чтобы поступить в университет, то теперь платят за то, чтобы получить хорошие баллы на ЕГЭ или подготовиться к нему. Кстати, чем дальше от Москвы на юг, тем выше баллы. Смешно, но самые высокие баллы ЕГЭ по русскому языку на Кавказе. Значит, исходный посыл был неправильный и ложный»[1]. С критикой ЕГЭ выступали спикер Совета Федерации С.Миронов, мэр Москвы Ю.Лужков. Параллельно в средствах массовой информации периодически появляются разоблачения мошенничеств, связанных с предложением услуг по сдаче ЕГЭ[2].

В целом, комитет по образованию ГД стал «главным штабом» институционального сопротивления ЕГЭ. Так, по мнению д.ф.н. О.Смолина, зампреда этого комитета, повсеместное насаждение ЕГЭ приведет к искусственному созданию армии «лишних людей», значительная часть молодежи, предположительно несколько сот тысяч человек, не смогут в условиях кризиса трудоустроиться и при этом не смогут получить образование, в том числе даже за деньги. Результатом такой политики в сфере образования станет рост социальной напряженности в молодежной среде, создаст массовые контингенты для экстремистских групп, увеличит количество «горючего материала» в обществе (от левого радикализма до скинхедов)[3].

Таким образом, отношение к единому госэкзамену обозначило раскол, прошедший и через группы общественности, и представителей власти и экспертов и, разумеется, самих учащихся. По сообщению газеты «Труд», в Липецке школьники, родители и учителя собирали подписи за ограничение ЕГЭ. Они написали письмо Президенту РФ, утверждая, что Д.Медведев − их «последняя надежда»[4].

---

[1] http://www.s-cool.ru/article457.html

[2] *Горелик О*. Тест для нашего кошелька. Как мошенники пытаются заработать на Едином госэкзамене // «Мой район» 2009, №19, 5 июня. С.5.

[3] *Смолин О*. Мировой экономический кризис вызовы социальной политике // «Альтернативы». 2009, №1. С.49.

[4] «Медведев, спаси от ЕГЭ» // «Труд». 2009, №012, 26 января. [http://www.trud.ru/article/26-01-2009/137413_medvedev_spasi_ot_ege.html]

В интервью, которое Президент Д.Медведев дал каналу «Россия» накануне 1 сентября 2009 г., содержалась, скорее, сдержано-позитивная оценка опыта ЕГЭ («Как бы ни критиковали, допустим, нынешнюю систему единого госэкзамена, она не идеальна, она работает совсем немного и, естественно, еще нуждается в совершенствовании, но все-таки это система».) Тем не менее, как заявил Президент, система ЕГЭ по итогам его проведения подвергнется корректировке, поскольку проявились некоторые «издержки». Глава государства потребовал, в частности, «разобраться» с зачислением в вузы льготников, многие из которых предоставили фальшивые справки, и победителей олимпиад. Также Президент считает издержкой «образовательный туризм» и намерен ограничить предельное количество вузов и специальностей, куда абитуриент имеет право одновременно подавать документы[1].

В следующий раз к теме ЕГЭ глава государства обратился, проводя заседание оргкомитета по подготовке празднования 65-летия Победы в Великой Отечественной войне. Президент подверг резкой критике вопросы тестов по истории для ЕГЭ. Министру образования и науки было поручено разобраться в этом вопросе[2]. Во время общения с лауреатами конкурса «Учитель года России-2009» Президент России, еще раз согласившись с положительным опытом проведения ЕГЭ («ЕГЭ − это всерьез и надолго»), обещал разобраться с нарушениями при проведении экзамена в ряде российских регионов, когда были завышены оценки[3].

Глава Минобрнауки А.Фурсенко отчитался в том, какие наказания постигли организаторов ЕГЭ в тех регионах России, в которых были искусственно завышены результаты экзаменов. Как передает РИА «Новости», министр рассказал, что уже уволены несколько таких чиновников, другие же будут сняты с должностей «в ближайшее время». При этом он не уточнил ни имен уволенных, ни мест их работы.

После появления данных о массовых нарушениях при сдаче ЕГЭ в ряде российских регионов власти начали всерьез обсуждать возможность проведения повторного ЕГЭ для первокурсников всех вузов. В качестве пробной меры Рособрнадзор принял решение провести соответствующую проверку в 10−15 вузах, в их число вошли около пяти вузов Москвы. По результатам проверки,

[1] См. «Российская газета». 2009. Центральный выпуск №4985 (161), 31 августа. [http://www.rg.ru/2009/08/31/medvedev-shkola.html]; ttp://www.infox.ru/science/enlightenment/2009/08/30/Myedvyedyev__sistyem.phtml]
[2] http://4ege.ru/novosti-ege/128-medvedev-nashjol-oshibku-v-egje.html
[3] http://www.vesti.ru/doc.html?id=318850

например, более половины первокурсников двух факультетов МГУ − механико-математического и вычислительной математики и кибернетики (ВМиК) не оправдали надежд, провалили контрольные работы по материалам ЕГЭ. Как заявил на заседании Российского союза ректоров ректор МГУ В.Садовничий, форма проведения ЕГЭ небезупречна и должна меняться, в проведении экзамена должны участвовать эксперты и профессионалы, а не чиновники. Существует идея создания специальных центров по проведению ЕГЭ, независимых от государства, но признанных и в обществе, и во власти, напомнил Садовничий. «Этот центр должен быть не связан ни с каким конкретным университетом. Он должен быть признан в стране, и ему должны доверять абитуриенты»[1].

Ректор Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ) Я.Кузьминов сообщил о том, что российские вузы в этом году набрали на большинство инженерных специальностей «людей, имеющих глубокую «тройку» по физике и математике». Он считает, что тратить бюджетные средства на подготовку этих студентов и «делать вид, что мы делаем из таких людей инженеров, просто опасно»[2].

Итогом вала критики в адрес единого госэкзамена стало создание в октябре 2009 г. при администрации Президента РФ надведомственной комиссии по совершенствованию ЕГЭ. Уровень оценок по ЕГЭ перестал учитываться при определении эффективности работы региональных органов власти.

Анализ этих событий свидетельствует об остроте и актуальности социальных проблем, порожденных введением ЕГЭ, обозначился даже внутриэлитный конфликт между различными группами «политического класса». Соответственно, проблемное поле социальных последствий реформы отечественного образования не может остаться в стороне от внимания социологов. Мнение студентов об оптимальной системе конкурса абитуриентов показательно так как сегодня в вузах учатся как те, кто сдавал ЕГЭ, так и поступавшие через традиционную систему приемных экзаменов. Поможет ли ЕГЭ отбору в вуз наиболее способной молодежи? Судя по данным опроса, с этой точкой зрения согласен лишь каждый пятый опрошенный московский студент[3] (см. табл. 1).

---

[1] *Маслов Г.* «МГУ провалил контрольную по ЕГЭ»; [http://www.infox.ru/science/enlightenment/2009/09/28/MGU_provalil_kontrol.phtml]

[2] Там же [http://www.infox.ru/science/enlightenment/2009/09/28/MGU_provalil_kontrol.phtml]

[3] В тексте анализируются данные, социологического исследования, проведенного сектором социологии образования ИСПИ РАН в апреле−мае 2009 г. в 40 вузах г. Москвы (МГУ им. Ломоносова, МГТУ им. Баумана, МГТУ-МАМИ, МГТУ Станкин, МГГУ им. Шолохова, МАДИ, МПГУ, РУДН, МАИ, МЭИ, МГИМО, МЭСИ, РГАУ–МСХА им. Тимирязева, РГГУ, РГСУ, МГЮА, ГУУ, МФЮА, РЭА им. Плеханова, МИРЭА, МАТИ, МФТИ, МИФИ, МГСУ, МГУПС–МИИТ,

Таблица 1

Мнения студентов о едином госэкзамене

Москва, % от числа опрошенных

Поможет ли ЕГЭ отбору в вуз наиболее способной молодежи?	2008 (N=704)	2009		
		В целом (N=590)	Технические специальности (n=270)	Гуманитарные специальности (n=320)
Да, поможет	19	21	19	22
Никак не повлияет	23	26	25	29
Нет, станет только хуже	45	46	48	43
Затрудняюсь ответить	13	7	8	6

Источник: Сектор социологии образования ИСПИ РАН.

Число их оппонентов, убежденных, что с введением ЕГЭ станет только хуже, достигает 46%, а еще четверть опрошенных полагает, что эта мера ничего не изменит. Разительных расхождений в позициях студентов гуманитарных и технических вузов по отношению к ЕГЭ нет.

А каковы мотивы, приведшие сегодняшних студентов в вуз? За последние годы в качестве таковых преобладало стремление сделать карьеру, получить интересную профессию, стать материально обеспеченным, получить диплом, но за период 2006−2009 гг. несколько менялась иерархия приоритетов, ранги значимости (см. табл. 2).

По данным опроса, устойчивее всего стремление сделать карьеру, его указало 44−51% опрошенных студентов (I−II место). Достаточно весомы и содержательные побуждения: пришли в вуз овладеть интересной профессией 30−46% респондентов (переместилось с III−IV в 2006−2008 гг. на II место в 2009 г.), кроме того, каждый четвертый планирует повысить в вузе свой культурный уровень (V место). Полагают, что высшее образование позволит им стать материально обеспеченными 38−52% опрошенных (I−III−IV место).

Что касается чисто формального мотива поступления в вуз – стремления получить диплом, то хотя он и относится к числу доминирующих, но ранговый вес его постепенно снижается с I места в 2006 г. на IV-е в 2009 г.

РХТУ им. Менделеева, АТиСО, МИСИС, МГУП, ГУ-ВШЭ, РГГРУ им. Орджоникидзе, РГУНиГ им. Губкина, ГИТИС-РАТИ, МГГУ, ИГУМО, МосГУ, СГУ, МГОУ, ММА им. Сеченова, Академия Натальи Нестеровой) Всего было опрошено 590 человек (N=590) в возрасте от 17 до 23 лет, из них 320 человек − на гуманитарных факультетах, 270 − на технических. Девушек − 53%, юношей − 47%. (Рук. иссл. − к.ф.н. Т.В.Ковалёва, к.с.н. И.А.Селезнёв).

Таблица 2

Студенты о мотивах поступления в вуз

Москва, % от числа опрошенных, ранги

Вы поступили в вуз в надежде, что он даст Вам возможность в будущем:	2006 (N=556)		2008 (N=704)		2009 (N=590)		2009	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг	Технические специальности (n=270)	Гуманитарные специальности (n=320)
Сделать карьеру	44	II	50	II	51	I	46	55
Получить интересную профессию	43	III	39	IV	46	II	49	43
Продолжить семейную традицию	-*	-*	13	VIII	10	VIII	9	12
Стать материально обеспеченным	38	IV	52	I	45	III	50	39
Повысить культурный уровень	29	V	24	V	26	V	22	30
Избежать призыва в армию	-*	-*	19	VI	13	VII	21	7
Получить диплом	48	I	44	III	41	IV	39	44
Расширить круг общения, устроить личную жизнь	-*	-*	16	VII	15	VI	13	16
Пока не работать	3	VI	3	IX	1	IX	2	1
Затрудняюсь ответить	3	-	1	-	1	-	1	1

Примечание: * − отсутствие позиции в инструментарии.
Источник: Сектор социологии образования ИСПИ РАН.

Помимо этого, 15−16% опрошенных студентов поступали в вуз в надежде расширить круг общения, устроить личную жизнь (VI−VII место). Выстраивание полезных связей, знакомств, коммуникаций в профессиональном мире, по мнению американских специалистов, может служить характеристикой прагматичного подхода к образованию, когда еще в студенческие годы, на основе приятельских отношений возникают совместные научные и бизнес-проекты.

Часть юношей традиционно рассматривают учебу в вузе как легальную возможность избежать призыва в армию. По данным исследования, для 13% (в 2008 г. − 19%) опрошенных этот мотив оказался важным (VI−VI место). (Шире распространен в технических вузах – 21%, чем в гуманитарных − 7%).

Преемственность семейных традиций всегда отличала отечественную интеллигенцию. Так, каждый десятый респондент пришел в вуз, надеясь продолжить семейную профессиональную традицию (VIII-е место).

Желание «пока не работать» и отсрочить на какое-то время начало трудовой деятельности как причина поступления в вуз оказалось на последнем месте. Тем более, что сегодня даже среди студентов дневного отделения не работающие в меньшинстве (34%). Подрабатывают время от времени 37% респондентов, а более четверти вынуждены работать постоянно.

Хотя лишь каждый десятый респондент указал, что пришел получать высшее образование исходя из семейной профессиональной традиции, тем не менее, мнение родителей и родственников оказалось существенным при выборе вуза для 46% опрошенных. Руководствовались исключительно собственным выбором − 38%, советами друзей, знакомых − каждый десятый из нынешних студентов. А вот влияние школьной профориентации слабое: учителя повлияли на выбор лишь 5% опрошенных.

Что касается причин выбора вуза, то для 49% (в 2008 г. − 42%) опрошенных преобладает наличие необходимой специальности. Престиж, репутация вуза были существенны для 45% (в 2008 г. − 36%) опрошенных. Невысокий вступительный конкурс оказался решающим для пятой доли опрошенных. Если год назад наличие связей, знакомств в приемной комиссии обусловило выбор вуза для 14% студентов, то в 2009 г. число указавших это причину снизилось до 8%. Можно предположить, что данная группа сократилась в связи с внедрением ЕГЭ.

В условиях рынка конкурируют не только абитуриенты за студенческие места, но и вузы за «платных» студентов. Приемлемый уровень оплаты за обучение, как основание выбора вуза, был назван каждым пятым респондентом. Удобное расположение вуза к месту жительства оказалось важным для 15%, а наличие общежития − для 13% опрошенных. Кроме того, часть студентов (12%) поступала в вуз по причинам совсем далеким от сферы образования: за компанию с другом, подругой, из-за наличия секции по любимому виду спорта, желания уехать из родного города в Москву и т.п.

Что касается подготовки к вступительным экзаменам, то за истекший год тенденции не изменились: среди студентов преобладают занятия на подготовительных курсах при вузе, с репетитором и самоподготовка (см. табл. 3).

Что касается качества преподавания в вузах, то тут картина в целом выглядит удовлетворительно: большинство опрошенных сочло этот уровень «высоким» или «средним» (см. табл. 4).

Таблица 3

Подготовка абитуриентов к поступлению в вуз

Москва, % от числа опрошенных

Какова была Ваша подготовка к вступительным экзаменам в вуз?	2008 (N=704)	2009		
		В целом (N=590)	Технические специальности (n=270)	Гуманитарные специальности (n=320)
Подготовительные курсы	41	40	39	41
Подготовительное отделение вуза	6	4	4	4
Занятия с репетитором	26	30	28	32
Учеба в профориентационных классах школы	6	8	11	6
Факультативные занятия в школе	12	9	7	11
Учеба в колледже (училище) по специальности	18	9	13	5
Самостоятельная подготовка	28	35	30	39
Другое	2	3	3	2

Источник: Сектор социологии образования ИСПИ РАН.

Таблица 4

Студенты об уровне преподавания предметов в вузе

Москва, 2009 г.; % от числа опрошенных

Оцените уровень преподавания основных предметов в Вашем вузе	В целом (N=590)				Технические специальности (n=270)				Гуманитарные специальности (n=320)			
	1*	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Математика, информатика, программирование	40	44	8	8	52	37	5	6	29	50	11	10
Физика, химия, биология	32	38	9	21	41	46	7	6	22	29	12	37
Общественные науки	33	51	10	6	28	53	11	8	39	48	8	5
Иностранные языки	26	49	21	4	21	51	23	5	31	46	19	4
Предметы по Вашей специальности	55	35	7	3	58	33	6	3	52	37	8	3
Общеобразовательные дисциплины	29	60	7	4	24	63	8	5	34	56	6	4

Примечание: * − Оценки: 1 – высоко; 2 – средне; 3 – низко; 4 – затруднились ответить.
Источник: Сектор социологии образования ИСПИ РАН.

Более половины студентов как технических, так и гуманитарных вузов высоко оценивает уровень преподавания предметов по своей специальности, при этом, уровень преподавания общеобразовательных предметов представляется большинству из них скорее средним. Показательно, что студенты разной специализации выше оценивали уровень преподавания «более близких» им предметов: гуманитарии – общественных наук и иностранных языков, а технари − математики, информатики, программирования, физики, химии, биологии. Данная тенденция косвенно может свидетельствовать как о хорошем уровне собственно профессиональной подготовки молодых специалистов в отечественной высшей школе, так и о смещении фокуса образования от универсальности знания к его более узкой направленности.

В ходе опросов было зафиксировано неожиданное несоответствие высокого уровня оценок студентов на сессии и сложившегося у них самих впечатления о не слишком серьезном отношении студенчества к учебе. Так, по утверждению респондентов, большинство студентов относится к учебе «недостаточно ответственно» (54%) или даже «совершенно безответственно» (20%). Получается, что более 70% студентов ухитряются учиться на «хорошо» и «отлично» при преобладании у большинства из них легкомысленного отношения к приобретению профессиональных знаний. Таким образом, высокий уровень оценок в зачетках студентов может свидетельствовать как об успешной успеваемости большинства студентов, так и о снижении требовательности со стороны профессорско-преподавательского состава.

Серьезным показателем успешной успеваемости студента, роста его квалификации служит его интерес к участию в научно-исследовательской работе в студенческих обществах, кружках, вместе с преподавателями в хоздоговорной деятельности кафедр. Опытом такой деятельности обладают 40% (в 2008 г. − 38%) опрошенных, причем, если в технических вузах − 44%, то в гуманитарных − 37%. Большинство же студентов остается в стороне от научно исследовательской деятельности.

Помимо введения ЕГЭ, другая реформа в сфере образования связана с присоединением России к Болонскому процессу и переходом высшей школы на двухступенчатую систему обучения*: бакалавриат* и *магистратуру*. Планируется, что 80−90% студентов должны выпускаться с дипломом бакалавра и только 10−20% – продолжать обучение. Не афишировавшаяся, но кулуарно не скрывавшаяся цель данных изменений – сокращение расходов на высшее образование, перевод его на самоокупаемость. Но, по мнению экспертов, сокращение в 5−10 раз числа обучающихся на старших курсах вызовет столь же

существенное сокращение числа преподавателей, что грозит разрушением сложившихся научно-педагогических коллективов. При этом, показательно, что наибольшее раздражение перспектива тотального выпуска бакалавров вызывает даже не у преподавателей вузов, а у работодателей, особенно из сферы высокотехнологических отраслей (оборонно-промышленный комплекс и др.), опасающихся исчезновения возможности получать из вузов квалифицированные кадры[1].

Де-факто на сегодняшний день в большинстве отечественных вузов параллельно сосуществуют как традиционные программы обучения *специалиста* так и программы подготовки *бакалавров* и *магистров*. А какой уровень квалификации представляется студенческой молодежи достаточным для успешной работы по их специальности? Диплом *специалиста* продолжает оставаться наиболее авторитетным (49%). На квалификацию *магистра* ориентируется 22% респондентов. Кроме того, по мнению каждого десятого респондента по-настоящему освоить их специальность можно только с получением ученой степени кандидата или доктора наук. Не будет ошибкой предположение, что эта группа студентов настроена на поступление после вуза в аспирантуру.

Что касается диплома *бакалавра*, то скептицизм работодателей по его поводу не остается для студентов тайной. Всего 7% опрошенных считают, что для успешной работы по специальности достаточно уровня бакалавра. (Это мнение шире распространено среди студентов гуманитарных вузов – 12%, в технических вузах число сторонников бакалавриата незначительно − всего 3%.)

В современных условиях достаточно широкой практикой стало получение людьми, успешно делающими карьеру в бизнесе, второго высшего образования по экономике, финансам, юриспруденции и т.п. Достаточно ли, по мнению студентов, для востребованности на рынке труда одного диплома о высшем образовании? Убеждены, что для «свободы маневра» нужно и второе образование по другой специальности 36% опрошенных. (Эта точка зрения чаще встречается среди гуманитариев − 40%, среди технарей с ней согласился каждый третий.). Более половины респондентов (60% − технарей и 50% − гуманитариев) разделяют противоположное мнение – для успешной карьеры достаточно одного высшего образования.

[1] *Волчкевич И.* Страсти по бакалавру. Государственная высшая школа – это не то место, где государство должно зарабатывать легкие и быстрые деньги // «НГ-Наука». 2008, 27 февраля. [http://www.ng.ru/science/2008-02-27/23_bachelor.html]

Оптимистично оценивают свои шансы на успех в карьере по специальности каждый второй студент. (Это настроение более выражено у будущих инженеров − 56%, у студентов гуманитарных вузов − 46%.) Однако в планировании студентами будущего трудоустройства, за последние три года произошли некоторые изменения. Если по данным 2006 г. не менее половины учащихся с разной мерой определенности представляли, где будут работать, когда станут молодыми специалистами или уже там работали (подрабатывали), то теперь определился с будущим местом работы лишь каждый третий. Правда, следует отметить, что осталась на том же уровне (8−9%) группа респондентов, нацеленных на получение практического опыта и уже работающих в организации, где собираются выстраивать карьеру после получения диплома.

В непрерывном поиске привлекательных вакансий ощущают себя 45% респондентов (в 2006 г. – только треть). Несмотря на преобладание в студенческой среде настроений озабоченности ситуацией на рынке труда, доля опрошенных, индифферентных к проблеме будущего места работы, не задумывающихся над ней, даже выросла (с 16 до 24%).

В поиске места будущей работы студенты полагаются в первую очередь на свои личные связи и знакомства − их упомянул каждый второй респондент. Треть респондентов обращается к объявлениям в СМИ (пресса, Интернет), 17% полагаются на кадровые агентства, 14% − надеются на предложения со стороны вуза. По данному вопросу не наблюдалось значимых различий между студентами технических и гуманитарных специальностей.

Поиск трудоустройства по специальности, особенно в условиях экономического кризиса, становится существенной проблемой для выпускников вузов. Треть опрошенных не проявляла повышенной озабоченности ситуацией на рынке труда. (Тут увереннее выглядят будущие инженеры: 45% из них надеется, что у них не возникнет сложностей с трудоустройством, среди гуманитариев таковых – 19%). Опасения по поводу предстоящего трудоустройства по специальности выразили 42% опрошенных (гуманитарии (48%) выражали большую озабоченность, чем технари (36%)). А 12% опрошенных уже заранее не собираются работать по специальности.

В советское время существовала система обязательного распределения молодых специалистов. Начиная с 2009 г., правительство Москвы и ряда других субъектов федерации стало предлагать распределение выпускникам вузов, относящимся к льготным категориям (инвалиды, дети-сироты и т.д.) Следует ли вернуться к системе распределения выпускников, обучавшихся за счет госбюджета? Идею вернуться к нему поддержало 48% опрошенных, оппозиционно к ней относится каждый пятый. (В 2006 г., когда ничто не пред-

вещало экономического кризиса, число сторонников и противников распределения выпускников было равновеликим – по трети респондентов).

Эти изменения тем более показательны, что по данным опроса высшее образование получают за счет государства не более 60% опрошенных, а 40% учатся по контракту. Причем материальная поддержка со стороны предприятий, организаций встречается пока крайне редко: лишь 7% респондентов, обучаются по «целевому направлению», а каждый третий оплачивает обучение самостоятельно из семейного бюджета или частных доходов.

Сложность поиска подходящей работы с приемлемой оплатой в своей стране повышает интерес образованной молодежи к трудовой миграции за границу. Судя по результатам исследования, нельзя сказать, что студенчество в массе своей собирается искать лучшей доли за границей. В случае если бы им представилась возможность поехать для учебы или работы за границу 43% (в 2008 г. – 47%) респондентов в дальнейшем в любом случае намерены вернуться на родину (46% технарей и 41% гуманитариев).

Готовы вернуться при благоприятной обстановке в России примерно треть респондентов (в 2008 г. – четверть). И, наконец, 19% опрошенных постараются остаться за рубежом навсегда. Учитывая, что и ранее (в 2002−2008 гг.) результаты опросов указывали на каждого пятого студента, желающего уехать за границу на постоянное место жительства, можно сделать вывод об устойчивости эмиграционного потенциала московского студенчества.

Большинству студентов (55%) перспективы для успешной карьеры в России в сфере науки представляются сегодня «не очень благоприятными», а 23% респондентов (27% технарей, 19% гуманитариев) сочли их совсем неблагоприятными. Оптимистично смотрят на перспективы научной карьеры в России лишь16% опрошенных (14% технарей, 17% гуманитариев).

Соответственно, и престиж занятия наукой в сегодняшней России представляется студентам не очень высоким. Хотя почти четверть респондентов (26% технарей, 21% гуманитариев) и полагают работу в сфере науки престижной, но большинство опрошенных придерживается иного мнения. «Не очень престижным» сочли занятие наукой более половины респондентов (51% технарей, 59% гуманитариев), а еще 13% (16% технарей, 9% гуманитариев) склонялись к пессимистической оценке («совсем не престижно»).

Наука и научно-технический прогресс в общественном мнении студенчества. Последние десятилетия XX в. были ознаменованы ростом скептицизма по отношению к науке и НТП. Здесь

можно говорить о «возвратном движении маятника»: уходе эйфории, связанной с верой в могущество и возможности науки при решении любых проблем, в то, что она способна обеспечить не только власть человека над природой, но и изменить общество в сторону реализации гуманистических ценностей. Параллельно с превращением науки в ведущий фактор развития общества, в непосредственную производительную силу, наряду с убежденностью в неразрывности научно-технического и социального прогресса общество начало осознавать, что знание может быть использовано и во зло. Возникает проблема дегуманизирующего влияния науки на культуру при которой система традиционных этико-культурных ценностей не успевает за скоростью НТП.

Начиная с 60−70-х гг. адаптация массовым сознанием молодежной контркультуры способствовала переходу антисциентизма и антитехницизма в разряд аксиологических доминант, связывающих воедино критику науки и вообще рационального стиля мышления, с критикой ценностей потребительского общества, экономического роста и экономической целесообразности. Западный антисциентизм, замешанный на постмодернизме (критика методологического рационализма, Пол Фейерабенд с идеей плюрализма всех форм познания окружающего мира и т.п.), в значительной мере стоит на экологических и энвайронменталистских позициях (от теории «пределов роста» до концепции «устойчивого развития»), т.е. разделяет «нонконсъюмеристские», антипотребительские аргументы, стараясь привязать НТП к гонке потребительских аппетитов.

Отечественный же антисциентизм наряду с проявлением общемировых тенденций, демонстрирует специфические черты. Перестроечный и постсоветский антитехницистский и антисциентистский скептицизм вырос, как не странно, из веры во всемогущество НТП и, в первую очередь, из веры в возможности при помощи научных открытий и новых технологий решить проблемы позднесоветского товарного дефицита. Отсюда дилемма общественного сознания, вносимая перестроечной пропагандой: «Что нам нужнее: тратить деньги на освоение космоса или насытить рынок товарами народного потребления?». Поскольку общественное мнение формируется СМИ и индустрией массовой культуры, а в отношении к науке эти социальные институты продолжают воспроизводить информационные клише «наука должна давать быструю отдачу», «результаты науки должны повышать комфортность жизни», «нам нужна прикладная наука, а не теоретическая» и т.п., то массовое сознание не может не воспринимать подобных утверждений. К тому же, общая атмосфера антиинтеллектуализма в современных российских СМИ, охватывающая широкий диапазон от общей бездумно-оглупляющей «развлекательной» направленности значительного объема

программного эфира до пропаганды оккультизма, поп-астрологии и т.п., не способствует повышению социальной рефлексии и авторитета науки в обществе.

Авторитет науки в общественном мнении студенчества сохраняется. Подавляющее большинство опрошенных (84% технарей, 79% гуманитариев) убеждено, что наука может способствовать выходу России на передовые рубежи мирового развития. Лишь только каждый десятый придерживается противоположного мнения. Поэтому не удивительно, что большинство студентов (77% технарей, 73% гуманитариев) разделяют убеждение: даже в условиях кризиса государство должно выделять все необходимое для развития науки. Число сторонников экономии на науке составило 11%, при 14% затруднившихся ответить.

Что касается отраслей знания, развитию которых следовало бы уделять приоритетное внимание, то студенты называли в первую очередь такие сферы фундаментальной и прикладной науки как биология и медицина (62%), математика, физика, химия (47%), вычислительная техника, информатика, кибернетика (43%), оборонные технологии (41%), космические исследования (39%), экономическая наука (37%), социология, психология, политология (34%) (см. табл. 5).

Таблица 5

Студенты о приоритетах в развитии отраслей знания

Москва, 2009 г.; % от числа опрошенных, ранги

Развитию каких отраслей знания следует уделять сегодня основное внимание?	В целом (N=590)		Технические специальности (n=270)		Гуманитарные специальности (n=320)	
	%	*ранг*	*%*	*ранг*	*%*	*ранг*
Математика, физика, химия	47	II	58	II	35	V
Биология, медицина	62	I	61	I	64	I
Геология, география, экология, почвоведение	22	VIII	24	VII	20	VIII
Космические исследования	39	V	45	IV	32	VII
Оборонные технологии	41	IV	43	V	39	IV
Вычислительная техника, информатика	43	III	53	III	34	VI
Социология, психология, политология	34	VII	21	VIII	46	II
История, философия	14	IX–X	10	IX	18	X
Экономическая наука	37	VI	30	VI	44	III
Языкознание, литературоведение	14	IX-X	8	X	19	IX
Астрология, парапсихология, экстрасенсорика	4	XI	4	XI	3	XI

Затруднились ответить	3	-	3	-	3	-

Источник: Сектор социологии образования ИСПИ РАН.

Показательно, что в студенческой среде группа респондентов, предлагающих уделять внимание развитию астрологии, парапсихологии, экстрасенсорики, находится в пределах статистической погрешности − 4%.

И технари, и гуманитарии в первую очередь предлагали обращать внимание на развитие биологии и медицины, но, тем не менее, студенты различной специализации продемонстрировали специфику своих предпочтений. Так, учащиеся технических вузов чаще, чем гуманитарии называли в числе приоритетов математику, физику, химию (58%), вычислительную технику, информатику (53%), космические исследования (45%), оборонные технологии (41%). Студенты гуманитарных вузов больше обращали внимание на психологию, социологию, политологию (46%), экономическую науку (44%), а также языкознание, литературоведение (19%), историю, философию (18%).

При сравнении уровня научных исследований в современной России по сравнению с США, странами Евросоюза, Японией каждый второй респондент (54% технарей, 51% гуманитариев) считают, что отечественная наука отстает от развитых стран (см. табл. 6).

Таблица 6

Студенты о сравнительном уровне научных исследований

Москва, 2009 г.; % от числа опрошенных

Оцените уровень научных исследований сегодня в России по сравнению с…	В целом (N=590)				Технические специальности (n=270)				Гуманитарные специальности (n=320)			
	1*	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
США, странами Евросоюза, Японией	13	27	52	8	14	25	54	7	12	29	51	8
Китаем, Индией	43	18	21	18	41	17	21	21	45	19	20	16
Белоруссией, Казахстаном, Украиной	45	33	8	14	40	38	7	15	51	26	9	14
СССР 1950–1980-х гг.	28	21	40	11	26	20	45	9	29	23	36	12

Примечание: * − Оценки: 1 – выше; 2 – такой же; 3 – ниже; 4 – затруднились ответить.
Источник: Сектор социологии образования ИСПИ РАН.

Около четверти опрошенных (25% технарей, 29% гуманитариев) полагают их уровни равными, а 13% отдают первенство отечественной науке, по видимому, приводя в качестве аргумента широкомасштабную зависимость западной науки от «импорта умов», в том числе и из России и стран СНГ.

Сравнивая уровень научных исследований сегодня в России с Китаем и Индией, 43% респондентов все же убеждены в приоритете российской науки. Противоположного мнения придерживается каждый пятый. Но почти столько же полагает этот уровень равным.

Интересным получился результат, когда студенты московских вузов, родившиеся на закате советской эпохи предложили оценить уровень научных исследований в сегодняшней России по сравнению с СССР 1950−80-х гг. Чаще сравнение оказывалось не в пользу современного состояния. Так, по мнению 40% респондентов (45% технарей, 36% гуманитариев) в СССР уровень научных исследований был выше. Полагают, что современная российская наука превосходит уровень советских исследований 28% опрошенных (26% технарей, 29% гуманитариев.

Наряду с российской наукой наследниками советской научной школы являются научные сообщества стран «ближнего зарубежья». Каким представляется студентам уровень научных исследований в России по сравнению с Беларусью, Украиной, Казахстаном? Мнения по этому вопросу разделились. Более высоким назвали уровень российских исследований 45% опрошенных. Тем не менее треть респондентов убеждена в равном уровне научных исследований в РФ, Беларуси, Украине, Казахстане. Но 8% сочли уровень российской науки более низким.

Поляризовались мнения студентов при оценке роли Российской академии наук в развитии сегодняшней науки. «Весьма существенной» назвали ее 39%, «не очень значимой» − 38%. (Первую точку зрения чаще разделяли студенты технических вузов − 45%, а вторую – студенты-гуманитарии – 43%). Однако «практически несущественной» сочли роль РАН не более 5%.

Показателем отношения власти к социальному институту науки и научному сообществу может служить востребованность научных разработок, внимание к экспертному мнению. Только 7% опрошенных убеждены, что российские власти, принимая решения, как правило прислушиваются к рекомендациям ученых. По мнению же большинства респондентов (57% технарей, 52% гуманитариев) такое происходит «изредка, отчасти». А каждый четвертый (25% технарей, 29% гуманитариев) полагает, что рекомендации ученых практически игнорируются.

Однако компетентное мнение представителей науки сами студенты ценят высоко. Так, склонны в большей мере доверять суждениям и прогнозам ученых, исследователей 44% респондентов, в то время как прогнозам и суждениям предпринимателей, промышленников, банкиров − 14%, министров, руководителей регионов, политиков − 12%, общественных деятелей, правозащит-

ников − 13%. Доверие же к суждениям астрологов, экстрасенсов, ясновидящих испытывают 5% московских студентов.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об интеллектуальной собственности и авторских правах. Проблема соблюдения авторских прав в последние годы продолжает находиться в фокусе общественного внимания. Началось все с провозглашенной в связи с потенциальным вступлением России в ВТО борьбы с распространением нелицензионной аудио-, видеопродукции и программного обеспечения. Правительством РФ в 2007 г. было принято специальное постановление, регламентирующее продажу такой продукции.

Время от времени в центре внимания оказывался ряд скандалов, связанных с подачей судебных исков за нарушение авторских прав. Однако общественное мнение неоднозначно воспринимало подобные судебные дела, зачастую принимая сторону ответчиков[1]. Достаточно вспомнить дело директора средней школы из Кировской области Александра Поносова, обвиненного в нарушении прав корпорации «Майкрософт». При поддержке общественности, бывшему директору Сепычской сельской школы за три года удалось отстоять свое право на полную реабилитацию, и по суду добиться морального и материального возмещения вреда, нанесенного его доброму имени и репутации обвинениями в компьютерном пиратстве[2]. Страсти подогревались и сообщениями о неожиданном электоральном успехе на выборах в Европарламент в 2009 г. организации, ставящей своей целью отмену или значительное ограничение законов об интеллектуальной собственности − Пиратской партии Швеции, набравшей 7% голосов[3].

Хотя московские власти с октября 2007 г. провозгласили создание в каждом административном округе города штаба по борьбе с контрафактной продукцией, но действенность подобных административных мер выглядит сомнительной, по крайней мере, все ограничилось разовыми, «показательными» мероприятиями по изъятию и уничтожению нелицензионной продукции. «Пи-

[1] http://www.vz.ru/columns/2006/7/11/41056.html;
http://www.left.ru/2006/7/13/gunin47.phtml;
http://www.imperium.lenin.ru/LENIN/32/C/;
http://www.anti-copyright.pp.ru/; http://www.apn.ru/opinions/article 11499.htm
[2] Учитель Поносов добился в суде возмещения морального ущерба;
[http://www.gazeta.ru/techzone/2009/09/09_n_3257475.shtml]
[3] «"Пиратская" партия Швеции получила одно место в Европарламенте»;
[http://www.rian.ru/world/20090608/173640096.html]

ратская» продукция на протяжении 2009 г. широко продавалась на территории Москвы и, соответственно, была востребована потребителем.

Большинство респондентов (70%) по-прежнему приобретали за последний год нелицензионное программное обеспечение, диски (кассеты) с фильмами, музыкой. Однако следует отметить, что за последние годы доля студентов, не покупавших пиратскую продукцию, возросла с 16% в 2007 г. до 29% в 2009 г. Еще более распространено в студенческой среде (89%) бесплатное скачивание музыки, фильмов, игр, компьютерных программ из Интернета, в том числе через файлообменные сайты.

Проблема интеллектуальной собственности и авторских прав непосредственно касается студенческой молодежи не только как потребителей. Ведь они в скором времени пополнят ряды работников, участвующих в создании интеллектуального и информационного «продукта». Итак, кто, по мнению студентов, заинтересован в соблюдении авторских прав? Как и год назад, большинство респондентов, полагает, что в их соблюдении заинтересованы в первую очередь сами авторы и правообладатели (см. табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос:
«Кто заинтересован в соблюдении авторских прав?»

Москва, студенты; % от числа опрошенных

Варианты ответов	2008 (N=704)	2009		
		В целом (N=590)	Технические специальности (n=270)	Гуманитарные специальности (n=320)
Только сами авторы и правообладатели	53	62	58	66
Все общество	30	22	25	19
Контрольные органы государства	18	12	10	14
Запад, транснациональные корпорации	6	8	10	5
Другое	1	1	2	1
Затруднились ответить	6	5	4	7

Источник: Сектор социологии образования ИСПИ РАН.

Показательно, что менее четверти опрошенных убеждено в заинтересованности всего общества соблюдением авторских прав. Видят здесь интерес налоговой службы, прокуратуры и др. контрольных органов государства

12%, а для 8% респондентов требование соблюдения авторских прав – исключительно результат давления Запада, транснациональных корпораций.

Убеждены, что с «пиратской» продукцией бороться не нужно 16% опрошенных (в 2007 г. − 15%, в 2008 г. − 18%). Бесплатное распространение «свободного» программного обеспечения (Linux и т.п.) предлагается каждым четвертым респондентом как альтернатива приобретению нелицензионной продукции. К ним примыкают еще 14% опрошенных, возлагающих надежды на солидарность, самоорганизацию и взаимопомощь пользователей (от обмена файлами через Интернет до покупки «в складчину» лицензионных дисков с последующей перезаписью).

Что касается административных мер, широко практикуемых в США и странах Евросоюза, то треть опрошенных предлагают решать проблему «пиратской» продукции преследованием ее производителей и распространителей, а еще каждый десятый считает, что надо наказывать еще и покупателей. Ряд респондентов считает повышение качества лицензионной продукции средством вытеснения «пиратов» с рынка.

ИЗМЕНЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Изучение религиозности в регионах России. Социологический анализ религиозной ситуации в исследуемых регионах в 2008 г. строился, прежде всего, на определении уровня религиозности и атеистичности населения[1] (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика уровня религиозности и атеистичности населения в субъектах РФ

Взрослое население, % от числа опрошенных в регионах

Типологические группы	Северная Осетия-Алания				Мордовия					Москва		
	2003	2004	2005	2008	2003	2004	2005	2006	2008	1996	1998	2008
Религиозное население												
Верующие	55	64	74	76	59	59	66	61	58	50	54	62
Колеблющиеся между верой и неверием	21	16	20	11	21	24	19	24	26	20	24	20
Нерелигиозное население												
Неверующие	9	7	6	5	10	8	6	8	9	28	22	4
Атеисты	6	3	0	4	3	1	2	4	4	-	-	6
Неверующие + атеисты	15	10	6	9	13	9	8	12	13	28	22	10

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

Мониторинговые исследования фиксировали рост религиозности населения в Республике Северная Осетия-Алания. Если в 1983 г. уровень религиоз-

[1] Мониторинговые социологические исследования в Мордовии, Северной Осетии-Алания проводились научно-исследовательским коллективом сектора социальных показателей и индикаторов федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН. В Москве социологические исследования проводились совместно с МИСКП при правительстве Москвы. (Рук. иссл. – чл.-корр. Иванов В.Н, д.с.н. Сергеев В.К.; к.ф.н. Кублицкая Е.А.). Объем выборочной совокупности составлял в каждом регионе 1000 респондентов.

ности населения Республики составлял 25%, в 1988 г. – 40%, то за двадцать лет к 2008 г. он увеличился в 1,5 раза и составил 75%. В мегаполисе за десять последних лет уровень религиозности москвичей вырос на 8 процентных пунктов и составил в 2008 г. 62%. Только в Мордовии уровень религиозности не возрастал.

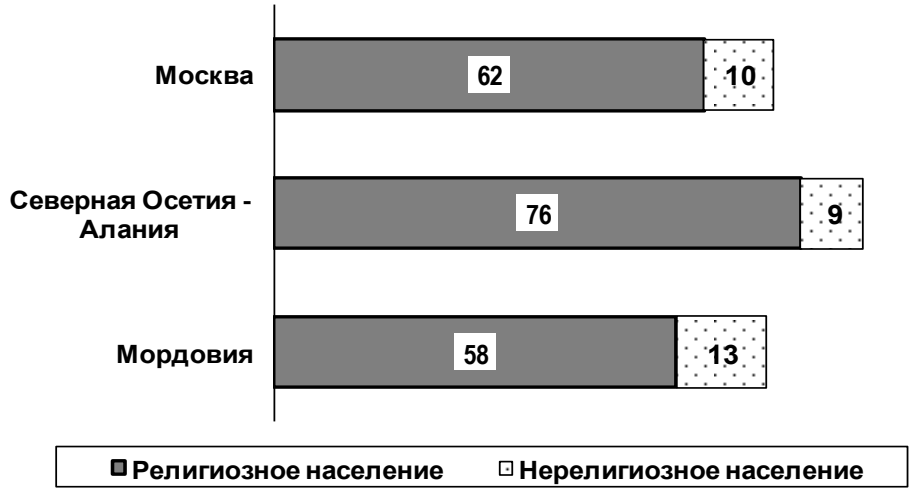
Удельный вес убежденных верующих («воцерковленных») по результатам отбора соответствующих эмпирических референтов составил в 2008 г.: в Москве − 21% от всех опрошенных и 33% от опрошенного религиозного населения; в Северной Осетии – 29% от всех опрошенных и 39% от всей группы верующих; в Мордовии «воцерковленные» верующие составили 24% от всего массива и 41% от общего числа религиозных респондентов. *Анализ социологических данных последних лет выявил определенную тенденцию роста удельного веса убежденных верующих.*

В рейтинговом соотношении религиозного и нерелигиозного населения, места распределились следующим образом: Мордовия – 4,5:1; Москва – 6:1; Северная Осетия-Алания 8:1. (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

Религиозное и нерелигиозное население в субъектах РФ

2008 г., взрослое население, % от числа опрошенных в регионах



Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

Эмпирические данные указывают, что идентификация религиозной и конфессиональной принадлежности не совпадают (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика уровня конфессиональной идентичности в субъектах РФ

2003–2008 гг., взрослое население, % от числа опрошенных в регионах

К какому вероисповеданию Вы себя относите:	Северная Осетия-Алания				Мордовия					Москва		
	2003	2004	2005	2008	2003	2004	2005	2006	2008	1996	1998	2008
Православие	54	71	46	70	78	90	68	67	71	-	65	75
Ислам	10	7	15	14	5	5	7	7	11	-	-	15
Нетрадиционные верования	10	7	15	12	4	6	3	4	2	-	-	5

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

Гипотеза, выдвинутая автором в 1990 г. о том, что «рост национального самосознания, актуализирующий взаимосвязь национального и религиозного, повысит уровень конфессиональной самоидентификации среди нерелигиозного населения»[1], нашла свое подтверждение в исследованиях ИСПИ РАН в 2002−2008 гг. На протяжении семи лет эмпирически фиксируется, что уровень религиозной самоидентификации (мировоззренческий аспект) ниже конфессиональной самоидентификации как среди населения, так и среди социальных групп. Респондентов, идентифицирующих себя с православием или исламом больше, чем относящих себя к религиозным людям. Например, значительная часть нерелигиозного населения самоопределяла себя как «православные» (русский, значит православный – бытовая точка зрения) и тем самым завышался уровень религиозности. *В массовом сознании нет устойчивого понимания, что православный – это обязательно верующий человек*.

Несоответствие религиозной и конфессиональной самоидентификации среди русского и мордовского населения превышает 30 п.п. (см. табл. 3).

Исторически традиционные конфессии в массовом сознании занимают место культурообразующей доминанты в общей системе ценностей духовной жизни того или иного народа. Отметим, что активизация конфессиональной идентичности может быть связана не только с признаками «пробуждающегося» национального самосознания и религиозности, но и с признаками политической солидарности.

[1] *Кублицкая Е.А.* Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // «СОЦИС». 1990, №5.

Таблица 3

Соотношение религиозно-конфессиональной самоидентификации основных национальностей в субъектах РФ

2008 г., взрослое население, % от числа опрошенных в группах

Национальность	Москва			Северная Осетия			Мордовия		
	Я – верующий	Я – православный	Я – мусульманин	Я – верующий	Я – православный	Я – мусульманин	Я – верующий	Я – православный	Я – мусульманин
Русские	53,4	67,4	-	52,7	88,3	-	49,6	97,4	-
Мордва	-	-	-	-	-	-	60,0	95,4	-
Осетины	-	-	-	63,6	79,5	-	-	-	-

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

Мониторинговый социологический анализ подтверждает, что конфессиональная самоидентификация человека – сложный, многомерный тип социальной идентичности, так как включает в себя с необходимостью не менее четырех маркеров**: религиозный, исторический, культурологический и этнический.** В зависимости от региональных особенностей, этнической принадлежности и т.д., на первый план в конфессиональной самоидентификации может выступить любая из указанных составляющих.

Подмена мировоззренческой стороны религиозной идентичности на конфессиональную ведет не только к завышению уровня религиозности населения, к возможно неверной трактовке направленности, характера и особенностей протекания секуляризационного процесса, но и определения степени межэтнической напряженности в регионах РФ.

К 2008 г. Мордовия перешла в группу регионов со средним уровнем межнациональной напряженности. Уровень межнациональной напряженности в республике медленно рос и составил 37%. В Северной Осетии продолжает фиксироваться высокий уровень межнациональной напряженности. Тем не менее, за три года он снизился на 13п.п. и к 2008 г. составил 58%. Уровень межнациональной напряженности в Москве в 2008 г. достиг 75%. За 12 лет крайняя степень напряженности, определяющаяся показателем: «налицо сильная межнациональная напряженность, возможны конфликты» в оценках москвичей увеличилась почти в 2 раза (с 17% до 29%). Почти третья часть респондентов

предполагает возможность близких межнациональных конфликтов (см. табл. 4, график 2).

Таблица 4

Динамика уровня межнациональной напряженности в Москве

Москва, взрослое население, % от числа опрошенных

Показатели уровня межнациональной напряженности	1992	1993	1994	1995	1996	1998	2001	2003	2007	2008
Межнациональные отношения стабильны	32	19	19	14	14	17	15	5	10	8
Имеется определенная Межнациональная напряженность	34	46	49	51	52	59	48	54	42	46
Налицо межнациональная напряженность, возможны конфликты	17	22	17	17	16	13	25	33	29	29
Затруднились ответить	17	13	13	17	17	11	11	8	19	14

Источник: Московский Институт социально-культурных программ, сектор социологии федеративных и региональных отношений ИСПИ РАН.

График 1

Динамика уровня межнациональной напряженности в Москве в 1992–2008 гг.

Москва, взрослое население, % от числа опрошенных

Источник: Московский Институт социально-культурных программ, сектор социологии федеративных и региональных отношений ИСПИ РАН.

«Риски» межнациональных отношений в Москве, как показывают мониторинговые исследования ИСПИ РАН и МИСКП, велики. За последние годы этническая и конфессиональная структура мегаполиса серьезно усложнилась. В настоящее время в Москве идет резкая интенсификация притока переселенцев при одновременном сокращении численности коренных жителей. По сравнению с советским периодом численность представителей кавказских народов в Москве выросла в 20 раз.

Изменение национального состава столичного мегаполиса за счет легальных, а по большей части нелегальных мигрантов не может рассматриваться как «успех» национальной политики Москвы. Несмотря на то, что Москва – традиционно интернациональный российский город, демографическая проблема с увеличением нерусского населения (армянских, грузинских, азербайджанских, чеченских, таджикских и многих других среднеазиатских и кавказских диаспор) вышла в разряд остро актуальных. Данные социологических исследований ставят на повестку дня вопрос о том, что **возможности Москвы в интеграции мигрантов находятся на пределе.**

Широкомасштабность миграционных потоков создает атмосферу, во-первых, нетерпимости, неприязни между различными этническими группами, во-вторых, противостояния между «коренными» москвичами и приезжими. В Москве сложная криминогенная ситуация нередко приобретает этническую окраску. Кроме того, привлекательность интернационализма и национальной терпимости утрачивается при осознании коренной национальностью, что этнический статус русских резко снижается.

Опрошенные москвичи считают, что в результате увеличения интенсивности неуправляемых миграционных потоков ухудшается весь спектр жизнедеятельности горожан: социально-бытовые условия, трудоустройство, сфера обслуживания, образование, здравоохранение, транспортные передвижения, и, конечно, культурно-духовные запросы населения.

Важной сферой межнациональных и межконфессиональных отношений являются межличностные отношения. В целом, население полиэтнических регионов достаточно терпимо к религиозному инакомыслию. Общий уровень межконфессиональной толерантности населения Северной Осетии составляет 67%, москвичей − более 70%, населения Мордовии − 64%. Это высокий показатель терпимости. Однако мониторинг последних лет показал, что уровень религиозной нетерпимости вырос, хотя и незначительно (на 5–9 п.п.). Продолжается рост недовольства населения к нетрадиционным религиозным течениям и сектам христианского направления.

Что касается уровня толерантности межличностных отношений в межэтническом взаимодействии, то здесь выявлена менее оптимистичная картина. Исторически, территориальные претензии друг к другу создают препятствия развитию добрососедских отношений между осетинами и ингушами. В Северной Осетии выявлен не только самый высокий процент религиозной нетерпимости, но и самый высокий процент нетерпимости между осетинами и ингушами − он достигает 46%. Несмотря на то, что в Мордовии уровень национальной нетерпимости населения не превышает 27%, в то же время между мордвой и татарами он составляет 30%.

На первое место по национальной неприязни у всех коренных национальностей (мордва, татары, русские) «вышли» кавказские народы и евреи (30−32%). В мегаполисе наибольшую неприязнь к некоторым национальностям испытывают коренные москвичи (29%), русские (28%), мужчины (33%) в возрасте 19–24 лет (40%) и 29−39 лет (37%).Основными объектами национальной неприязни являются выходцы из Кавказа. В табл. 5 представлены значимые факторы, препятствующие развитию толерантных отношений в межнациональной сфере.

Таблица 5

Факторы, препятствующие развитию толерантных отношений в межнациональной сфере

2008 г., взрослое население, % от числа опрошенных в регионах

	Москва	Северная Осетия	Мордовия
Назначение на руководящие или престижные должности по национальному признаку	16	26	36
Неуважительное отношение мигрантов к нормам и культурным традициям	56	30	32
Прием на работу (учебу) по национальному признаку	16	23	43
Неприязненное отношение к мигрантам, приезжающих на работу и постоянное место жительства	45	20	39
Хулиганские действия и другие нарушения общественного порядка на национальной почве, которые вносят напряженность в национальные отношения	44	31	59
Националистическая пропаганда в СМИ	14	11	18
Вытеснение коренных жителей с рабочих мест	24	2	3
Использование религии и чувств верующих для возбуждения вражды между людьми других национальностей	17	17	14
Ни с какими из вышеперечисленных факторов сталкиваться не приходилось	10	31	10

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

С хулиганскими действиями и другими нарушениями общественного порядка на национальной почве приходилось сталкиваться более 40% москвичей, 31% населения Северной Осетии и 59% опрошенного населения Мордовии. Возможные «взрывные точки» межнациональной напряженности»: это рынки, магазины, городской транспорт, сфера обслуживания. Одним из важных факторов остается «неуважительное отношение мигрантов к нормам и культурным традициям», т.е. к ментальности коренного населения. В 2008 г. так считало 56% респондентов в Москве, 30% − Северной Осетии, 32% − Мордовской республике;

Эмпирические показатели, характеризующие неприязненное отношение коренного населения к людям других национальностей, приезжающих к ним на работу и постоянное местожительство – продолжают оставаться высокими. Самый высокий отрицательный уровень − в Москве (45%). «Прием на работу (учебу) по национальному признаку» − актуальный негативный фактор для населения Мордовии – 43%, затем Северной Осетии − 20% и столицы − 16%. Назначение на руководящие или престижные должности по национальному признаку». Этот фактор значим, в первую очередь, для населения Мордовии-36% и Северной Осетии − 26%. «Факты использования религии и чувств верующих для возбуждения вражды между людьми других национальностей» имеют не очень высокую значимость для этих регионов: их отметили от 14% до 17% респондентов.

Необходимо особо подчеркнуть субъективный фактор, наносящий вред нормализации межэтнического взаимодействия: это – продолжающая провокационная деятельность средств массовой информации. Цель политтехнологов − напугать российское общество, например, якобы разрастающимся движением «фашизма с русским лицом». Расширение в СМИ националистической пропаганды фиксируется в исследованиях ИСПИ РАН с конца 90-х гг. Согласно данным проведенного в 1998 г. в Москве опроса, 7% респондентов были убеждены, что СМИ играют негативную роль в провоцировании национальной неприязни. Через 5 лет в 2003 г., доля москвичей, разделяющих эту точку зрения, составляла 17% , в 2007 г. уже 39% опрошенных москвичей сталкивались с фактами ксенофобской пропаганды в СМИ.

Москвичи все чаще встречаются со случаями пренебрежительного или неуважительного отношения к представителям своей национальности. Мониторинговые исследования показали увеличение утвердительных ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что в настоящее время идет ущемление прав некоторых национальностей за счет расширения прав других национальностей?», −

«Да, считаю», − ответили 36% опрошенных москвичей в 2007 г. и 45% − в 2008 г. После конкретизации вопроса: «Если идет ущемление прав, то каких именно национальностей?», – значимые показатели «ущемления» оказались, в первую очередь, у русской нации (так считают почти половина опрошенных москвичей − 48%). 2-е место − народов Северо-Кавказского региона, 3-е место – народов Среднеазиатского региона, 4-е место – у еврейской национальности. При анализе корреляционной зависимости данного тезиса «по ущемлению прав национальностей» установлено, что представители различных национальностей называли русскую нацию главным объектом «ущемления». Неудивительно, что 41% опрошенных русских москвичей полностью согласны с тезисом: «В нашей стране национальная политика осуществляется в ущерб национальным интересам русской нации, развитию русской культуры».

Рост национальной нетерпимости в оценках и представлениях населения ведет в целом к росту конфликтного потенциала массового сознания (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2

Вербальная готовность населения регионов участвовать в национальных конфликтах

2008 г., взрослое население, % от числа опрошенных

Источник: сектор социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН.

Согласно данным опроса, установки на участие в конфликте в интересах своей национальной группы отчетливо выражены в ответах респондентов: готовы участвовать в такого рода конфликтах «безусловно» и «в зависимости от обстоятельств» 47% респондентов Мордовии, 58% − Москвы и 81% − Северной Осетии.

Позиции респондентов по использованию государством силы при решении междунациональных проблем умеренны. Допускают возможность применение силы в разрешении междунациональных конфликтов незначительное число опрошенных (2% во всех регионах). Большинство опрошенных полагают, что «применение силы необходимо только тогда, когда под угрозой оказываются жизнь и достоинство людей» (26−30%) или «все зависит от конкретной ситуации» (36−45%). «Силовое решение национальных проблем в принципе не допустимо», − так посчитали до трети опрошенных: 24% москвичей, 26% населения Северной Осетии и 36% Мордовии.

Нарушение сложившихся социокультурных норм и традиций со стороны мигрантов является одной из главных причин роста межнациональной напряженности. Результаты проведенных исследований дают основание полагать, что рост напряженности в области межнациональных отношений связан, прежде всего, с ростом в массовом сознании населения межэтнической, а не межконфессиональной нетерпимости.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ ПЕРИОДА ТРАНСФОРМАЦИЙ

Одной из важнейших составляющих сознания общества являются разделяемые людьми ценности, в том числе политического порядка. Базовые установки, ценности и убеждения людей представляют собой важнейшие компоненты образа жизни, предопределяя, зачастую, модели поведения в тех или иных областях. Наше внимание ценностным компонентам сознания современного российского общества предопределено также спецификой исторического периода, переживаемого страной. Кардинальные трансформации социетального порядка, которые происходили и происходят в течение последних 20 лет российских реформ с очевидностью находят свое проявление в ценностной сфере. Сейчас в российском обществе налицо рост дифференциации в возможностях распоряжения, владения и пользования материальными и символическими ресурсами. Это объективно предполагает повышение значимости и учета в социальной политике особенностей ценностного сознания.

В этой связи задачи исследования состояли в получении обоснованных ответов на следующие вопросы. Каким в условиях современной России является отношение населения к основным жизненным ценностям? Можно ли выделить устойчивые типы ценностей, которые присущи тем или иным социальным группам и, тем самым, идентифицировать значимые виды ценностных субкультур? Какими являются особенности связей типов разделяемых ценностей, с одной стороны, и возможностей нахождения некоторых общих, единых представлений, значимых с точки зрения консолидации общества – с другой?

Предполагается, что ответы на эти вопросы позволяют сделать шаг вперед в плане научного понимания современного российского общества, а также позволят более выверено осуществлять шаги практическо-управленческого характера[1].

[1] В тексте анализируются данные всероссийских опросов, проведенных в 2007 г. (N=7119) и в апреле–мае 2009 г. (N=2110). (Рук. иссл. – акад. РАН Осипов Г.В., член-корр. РАН Шульц В.Л., д.с.н. Локосов В.В.)

Отношение к базовым ценностям: социоструктурные особенности и динамика во времени. Ключевыми параметрами ценностного сознания, которые находились в фокусе изучения, были представления людей о материальном благосостоянии, свободе, счастье, жизненных ориентирах «на себя» или «на других», ориентации на достижения и успех, значимости в нашей жизни образования. В методическом плане шкала оценок представляла собой перечень из девяти утверждений, имеющих ценностный характер. Респондентам предлагалось выбрать три из них, которые совпадали с ценностями, жизненными целями опрашиваемых. В табл. 1. приведены результаты − распределение ответов на предложенную исследовательскую процедуру.

Таблица 1

Отношение населения к ценностным суждениям

РФ, население от 18 лет и старше, % от числа опрошенных

Выберите три, которые совпадают с вашими ценностями, жизненными целями	2007	2009
Материальное благосостояние человека − основа его независимости и самоуважения	54,5	52,4
Главное в жизни − отношения между людьми	54,4	51,2
Свобода − великий дар человеку и ее нужно отстаивать	27,7	22,9
Человек создан для счастья, стремление к нему заложено от природы	28,6	34,4
Человек должен в жизни сделать что-то хорошее для других	37,1	41,3
Надо стремиться совершить в своей жизни что-то выдающееся	8,3	13,1
Жизнь коротка, нужно успеть насладиться ею	15,9	23,5
Только когда люди объединятся, они многое смогут сделать	25,6	26,9
Главное в жизни − учиться и познавать новое	22,3	19,8

Источник: ИСПИ РАН.

Наиболее распространенными среди населения является две группы ценностей. Одна из них связана с важностью материального благосостояния, понимания этого в качестве решающего условия независимости. Другой ценностный ориентир связан со значимостью фактора поддержания отношений между людьми, рассмотрения этого в качестве важнейшего жизненного приоритета. Показательно, что только две эти ценности (среди прочих, включенных в исследование) разделяют максимальное число опрошенных – 52 и 51%, соответственно.

Обращает на себя внимание высокий уровень приятия установок на то, чтобы сделать что-то хорошее для других (41%). Также достаточно широко распространенным является понимание того, что человек создан для счастья – с этим согласны около трети опрошенных (34%).

Проведенный анализ позволяет выделить группу ценностей, которые оказываются не слишком распространенными. Так, ценности свободы, наслаждения жизнью, необходимости к объединению для достижения тех или иных целей разделяют порядка 20−25% респондентов. Еще меньше опрошенных ориентированы на ценности «достижительства», а также получения новых знаний (13 и 20%, соответственно).

Как известно, ценности представляют собой устойчивые компоненты сознания и, как правило, не подвержены быстрым изменениям. Именно об этом свидетельствуют приведенные данные сравнительного порядка – 2007 г. и 2009 г. Практически неизменным за этот временной период остался приоритет лидирующих ценностей – материального благосостояния и важности отношений между людьми. В пределах 4−5% колеблется изменение отношения к ряду других ценностей. Причем «движение» здесь оказывается разнонаправленным. То есть количество разделяющих утверждения о значимости свободы сократилось; тогда как распространенность ориентаций на стремление к счастью, наслаждению жизнью и некоторых других – увеличилась. Насколько устойчивыми окажутся данные тенденции, покажут последующие исследования.

Имеющиеся данные фиксируют, что значимость материального благосостояния оказывается свойственной практически всем возрастным группам, за исключением, может быть, самой старшей. Данную установку разделяют 52−59% респондентов в различных возрастных группах от 18 до 59 лет. Несколько меньшая доля опрошенных выделяет этот показатель среди тех, кому «60 лет и старше». Фактически, индикатор материального благосостояния оказывается одним из важнейших ценностных приоритетов российского населения (см. табл. 2.).

Также достаточно мало дифференцируют российского общество представления о важности социального взаимодействия – «главное в жизни – отношения между людьми». Хотя, здесь наблюдается несколько большее принятие этих ценностей среди тех, кому «от 50 лет и старше» − 55−62%. В более молодых возрастных группах «от 18 до 49 лет» ориентация на такую установку находится в диапазоне 44−47%.

Несколько более ярко возрастные группы населения различаются в связи с отношением к ценностям свободы, ориентации «на себя» или «других», представлением о счастье, установкой на наслаждения. Здесь более ярко проявляются различия между теми, кому «до 30 лет» и теми, кому «более 50 лет»: среди более молодых в 1,3−1,5 раз больше респондентов, разделяющих представления, условно, «индивидуалистическо-гедонистического» порядка.

Таблица 2

Отношение населения к ценностным суждениям в возрастных группах

РФ, 2009 г., N=2110, % от числа опрошенных в группах

	Возраст (лет)					
	18–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше
Материальное благосостояние человека − основа его независимости и самоуважения	56,2	51,3	56,8	59,0	52,4	41,7
Главное в жизни − отношения между людьми	44,4	46,5	46,8	47,7	55,6	62,0
Свобода − великий дар человеку и ее нужно отстаивать	30,1	26,4	25,0	22,0	19,6	20,2
Человек создан для счастья, стремление к нему заложено от природы	42,5	40,8	34,2	31,0	28,8	32,3
Человек должен сделать в жизни что-то для других	27,6	31,9	37,2	45,7	51,6	48,2
Надо стремиться совершить в своей жизни что-то выдающееся	11,6	19,1	10,5	13,4	11,0	11,2
Жизнь коротка, нужно успеть насладиться ею	33,1	29,8	27,2	17,3	21,4	17,8
Только когда люди объединятся, они многое смогут сделать	18,9	23,2	24,1	27,2	28,7	34,9
Главное в жизни − учиться и познавать новое	27,4	16,3	24,7	19,9	17,4	15,7

Источник: ИСПИ РАН.

Различия в плане дохода также соотносятся с различиями в принятии отдельных ценностей. Среди более обеспеченных респондентов большей оказывается доля тех, кто выделяет значимость материального благосостояния, свободы, наслаждений. Наименее распространенным является среди наиболее обеспеченных представление о значимости поддержания отношения между людьми, целесообразности объединения усилий с другими во имя достижения тех или иных целей. Вместе с тем, достаточно равномерно распределены среди различных доходных групп доли респондентов, поддерживающих ценности свободы, ориентации на счастье. Также отметим, что на уровне вербального по-

ведения наименее обеспеченные респонденты, в ряде случаев проявляют установки, сходные с представителями хорошо обеспеченных слоев населения.

Многомерная типология ценностных суждений. Используемые в ходе анализа ценностные суждения относятся к базовым, фундаментальным представлениям людей. При этом имеется возможность представить полученные данные в агрегированном виде и предложить на этой основе дополнительную содержательную интерпретацию ценностного сознания россиян. В этой связи были использованы процедуры факторного и кластерного анализа. Важно, что имеющийся массив данных представлял собой основу для получения статистически обоснованных выводов.

Итак, мы исходим из того, что имеющиеся у нас индикаторы отношения к девяти базовым ценностным суждениям описывают в разных аспектах текущее состояние массового сознания. Основной задачей проводимого факторного анализа является группировка схожих, с точки зрения статистики зафиксированных оценок по всему массиву данных, утверждений в некоторые макрокатегории. Тем самым происходит сокращение размерности данных – числа переменных и, соответственно, формируются новые координаты понимания организации ценностных представлений в российском обществе.

В ходе работы с имеющимся массивом данных была применена процедура факторного анализа. Было выявлено 6 ортогональных факторов, объясняющих 79% дисперсии (см. табл. 3.). Каждый фактор представляет собой набор высоко коррелирующих между собой оценочных суждений. В то же время фактор отражает одно из значимых для респондентов «измерений» ценностного пространства как такового.

Как в содержательном плане можно охарактеризовать факторы? Заметим, что в методическом плане здесь не существует какого-либо универсального решения. Поэтому предлагаемая интерпретация факторов является авторской – в плане дефиниции отнесения в рамках статистической факторной модели той или иной переменной к конкретному фактору. Существенным при этом является то, что в целом факторная модель определяет семантическое пространство ценностно-мотивационной структуры сознания в поле исследуемых переменных. То есть каждый фактор, по сути своей, отражает наличие некоторых смысловых групп ценностей, которые существуют в массовом сознании.

Имеющие факторные нагрузки подтверждают, что целый ряд ценностных суждений имели для респондентов свой уникальный смысл и никак не объединялись с другими. Это относится к представлениям о значимости

свободы, материального благосостояния, ориентации на достижения, актуальности учебы и освоения нового.

Таблица 3

Факторная структура ценностных суждений

РФ, 2009 г., N=2110, % от числа опрошенных в группах

Суждения	Факторные нагрузки по шкалам					
	1	2	3	4	5	6
Жизнь коротка, нужно успеть насладиться ею	0,790	-	-	-	-	-
Главное в жизни − отношения между людьми	-0,613	-	-	-	-	-
Человек должен сделать в жизни что-то хорошее для других	-0,566	-	-	-	-	-
Человек создан для счастья, стремление к нему заложено от природы	-	-0,786	-	-	-	-
Только когда люди объединятся, они многое смогут сделать	-	0,769	-	-	-	-
Свобода − великий дар человеку и ее нужно отстаивать	-	-	0,936	-	-	-
Материальное благосостояние человека − основа его независимости и самоуважения	-	-	-	-0,977	-	-
Главное в жизни − учиться и познавать новое	-	-	-	-	0,985	-
Надо стремиться совершить в своей жизни что-то выдающееся	-	-	-	-	-	0,951
% дисперсии	18,1	13,7	12,6	11,8	11,6	11,3

Примечание: Процент объясненной полной дисперсии: 79,2%. Метод: анализ главных компонент. Вращение факторов: Варимакс с нормализацией Кайзера.
Источник: ИСПИ РАН.

Вместе с тем факторы 1 и 2 (см. табл. 3.) оказываются высоко коррелирующими сразу с несколькими суждениями. Так, *фактор 1* объединяет представления об актуальности жизненных наслаждений, несогласие с необходимостью делать что-то хорошее для людей, отрицание представлений о существенной роли в жизни отношений между людьми. С определенными оговорками данный фактор может быть определен через такую базовую дефиницию как «индивидуализм и наслаждение».

Фактор 2 является в каком-то смысле противоположностью фактору 1. Здесь сосредоточены оценки с высокими коэффициентами корреляции по индикаторам важности объединения людей для достижения своих целей; непри-

ятием представления о том, что изначально человек создан для счастья. Условно этот фактор может быть определен как «коллективизм и борьба».

Таким образом, зафиксированная факторная структура отражает некоторое укрупненные смысловые координаты ценностного восприятия (в рамках используемого перечня индикаторов), посредством которых происходит формирование отношения индивидов к окружающей действительности.

Далее перейдем к вопросу о принятии, уровне распространенности отдельных ценностей среди населения. Это обусловлено тем, что каждый респондент в ходе исследования имел возможность зафиксировать свои предпочтения к совокупности различных ценностей. Отсюда, с необходимостью вытекает задача изучения тех ценностных комбинаций, которые присущи массовому сознанию. Заметим, что в фокусе анализа находятся не только комбинации оценок как таковые, но и степень распространенности их в обществе.

В этой связи к первичному массиву данных была применена процедура кластерного анализа. Заметим, что в данном случае речь не идет об идеальном типе – мыслительной конструкции, сформированной исследователем на основе выделения отдельных черт реальности для последующего соотнесения с конкретными эмпирическими объектами. То есть мы действовали обратным образом − были зафиксированы наиболее устойчивые в эмпирическом плане комбинации признаков – ценностных ориентаций. Это послужило базой для выявления статистически обоснованных типологических групп в исследуемом массиве.

В совокупности однородные группы − кластеры, составляющие эмпирическую типологию, охватывают более 90% эмпирических данных. Заметим, что используемые для обозначения кластеров дефиниции являются условными. Качественные характеристики каждого из зафиксированных типов − средние значения переменных, которые они получали в оценках респондентов соответствующих кластеров − приведены в табл. 4.

Рассмотрим далее содержательные особенности отдельных кластеров.

Кластер 1. «Счастье в материальном благосостоянии». Доля кластера в общем массиве – 22,4%. Респонденты, входящие в данную группу, прежде всего, были согласны с двумя ценностными утверждениями. Во-первых, это касается ценностей материального благосостояния как основы независимости людей. Показательно при этом, что среднее значение согласных с данным тезисом в группе оказалось существенно выше, чем во всех других типологических группах, равно как и по массиву в целом. Во-вторых, в этой группе наиболее активно поддерживается идея о том, что человек создан для счастья −

стремление к нему заложено от природы. Как и в случае с ценностью материального благосостояния, приоритет счастья в данной группе является максимальным по сравнению с другими кластерами. Показательно, что в данном кластере весьма небольшое распространение имеют ценности свободы. Вместе с тем, что здесь практически нет респондентов, согласных с утверждением о первостепенной важности отношений между людьми.

Таблица 4

Результаты процедуры кластерного анализа.
Средние значения переменных в кластерах

РФ, 2009 г., N=2110, средние значения переменных, доля в массиве

Кластер/ переменные	Материальное благосостояние основа независимости	Главное в жизни отношения между людьми	Свобода – великий дар человеку и ее нужно отстаивать	Человек создан для счастья	Человек должен сделать что-то для других	Надо стремиться совершить что-то выдающееся	Жизнь коротка, нужно успеть насладиться ею	Когда люди объединятся, они многое смогут сделать	Главное в жизни – учиться	Доля в массиве (%)
1	0,89	0,00	0,12	0,64	0,33	0,15	0,35	0,06	0,21	22,4
2	0,49	0,78	0,06	0,27	0,54	0,10	0,05	0,41	0,20	49,8
3	0,00	0,28	0,24	0,14	0,36	0,10	0,94	0,47	0,33	9,5
4	0,51	0,54	0,90	0,27	0,23	0,07	0,20	0,02	0,13	16,0
Среднее значение по массиву	0,53	0,51	0,23	0,34	0,42	0,12	0,24	0,27	0,20	

Примечание: В таблице приведены средние значения переменных – оценочных суждений по шкале с градациями: «0» − отсутствие признака; «1» − наличие признака.
Источник: ИСПИ РАН.

Кластер 2. «Коллективисты». Доля кластера в общем массиве – 49,8%. Самый многочисленный по числу составляющих его респондентов кластер характеризуется следующими наиболее ярко выраженными чертами. С одной стороны, здесь существенную поддержку находят, условно говоря, ценности коллективистского порядка. Так, например, максимальным является среднее значение такого ценностного приоритета, как важность отношений между людьми. Для типологической группы также является свойственным высокий уровень принятия таких ценностей, как ориентация «на других»; поддержка идеи объединения усилий во имя достижения целей. С другой стороны, здесь до-

статочно высокой является значимость фактора материального благосостояния.

Кластер 3. «Гедонисты». Доля кластера в общем массиве – 9,5%. Идея наслаждений – «жизнь коротка, нужно успеть насладиться ею» является той ценностью, которую разделяют практически все члены этой типологической группы. Характерно, что среднее значение данного показателя в группе составила 0,94 по шкале от «0» до «1». Обратим внимание, что это − максимальное среднее значение по какому-либо индикатору анализа во всех кластерах. Интересно, что вторым по величине среднего значения (0,47) является разделяемое респондентами оценочное суждение о значимости объединения людей для достижения тех или иных целей. Приоритет других ценностей для индивидов, составляющих кластер, является существенно менее значимым.

Кластер 4. «Либералы». Доля кластера в общем массиве – 16%. Здесь наиболее разделяемой ценностью является идея свободы. Характерно, что среднее значение по данному индикатору составляет 0,9. Однако, параллельно, около половины респондентов в данном кластере поддерживают значимость материального благосостояния, с одной стороны, и важность отношений между людьми – с другой. Прочие ценности – ориентация «на других», значимость наслаждений и др. встретили не слишком высокую поддержку в данном кластере.

Какие общие тенденции отражает приведенная эмпирическая типология ценностей массового сознания? Во-первых, максимальная по численности группа респондентов (около половины массива) разделяет базовые ценности коллективистского порядка – принесение, в том или ином виде, пользы обществу. Во-вторых, практически во всех (за исключением одной) типологической группах был выявлен весьма высокий приоритет такой ценности, как материальное благосостояние. Это, фактически, является устойчивым представлением, сопутствующим развертыванию любых ценностных представлений в российском обществе. В-третьих, показатели, интерпретирующие базовые ценности в терминах счастья и, зачастую, гедонизма также имеют достаточно высокую распространенность. Причем это в ряде случаев оказывается параллельным с «асоциальностью». Имеется в виду, что для представителей ряда типологических групп свойственным является уход от каких-либо ценностей, имеющих социально-политическое измерение – будь-то либеральные или социалистические.

В связи с зафиксированными данными о высокой значимости материального благосостояния среди ценностных приоритетов российского общества

обратимся к представлениям респондентов о том, что в «инструментальном аспекте» определяет это благополучие. Здесь участники опроса оценивали такие факторы как усилия самого человека, устройство общества, «высшие силы», случай.

Как следует из полученных результатов, более половины россиян рассматривают индивидуальные усилия, вклад самого человека в качестве решающего момента обеспечения благосостояния. Полностью или частично согласились с данной посылкой 78% респондентов (среднее значение признака по пятибальной шкале – 4,17). Благополучие также связывается и с особенностями устройства общества – с этой идеей были согласны 68% опрошенных (среднее значение 3,86). Обратим внимание, что отношение к источникам благополучия в целом является «многомерным», т.е. существенная часть респондентов допускает высокую роль и других моментов. Так, оказались согласными с высокой ролью «судьбы» в этом вопросе – 40%; с ролью случая – 42%.

Уместным в данном контексте будет обращение к вопросам правосознания, которым также было уделено внимание в ходе исследования. В той или иной мере последние соотносятся со всей совокупностью обсуждаемых выше ценностей, в том числе, с широко распространенными ценностями материального благосостояния.

Обратим внимание, что полученные данные не согласуются с представлениями о широко распространенном правовом нигилизме. По крайней мере, согласны с утверждением «законы не совершенны, но их надо всегда соблюдать» − 60% опрошенных. Существенно меньшая, но все-таки многочисленная группа респондентов были согласны поступиться законами во имя достижения успеха. Так, с утверждением о том, что «главное стремиться к успеху, даже если придется поступиться законами» − 20%.

Результаты исследования также фиксируют, что ценности прав человека, их приоритетность находят поддержку в российском обществе. По данным исследования, 54% респондентов были согласны со следующим тезисом – «права отдельного человека выше всего: выше прав общества, государства. За них нужно бороться безо всяких условий». По всей видимости, это отражает формирование либеральных элементов в системе социальных ценностей широких слоев, их «соседства» с ценностями коллективистского порядка.

От ценностей к идеологическим компонентам сознания. Находящиеся в фокусе исследования базовые ценности не всегда могут быть напрямую «транслированы» в социально-политическое простран-

ство. Некоторые из них более, а некоторые менее близки тому, что обычно определяют как социально-политические представления или идеологические компоненты массового сознания. Понятно, что данные составляющие имеют непосредственное отношение к вопросам социальной консолидации.

Остановимся сначала на проблематике идентичности, понимаемой далее как процесс отождествления человека с некоторым индивидом или группой на основе принятия присущих этим объектам свойств, ценностей, стандартов ролевого поведения и т.п.. Важным элементом идентичности является его социально-политическая составляющая, которая самым непосредственным образом соотносится с идеологическим координатами измерения ценностной структуры сознания.

Это, среди прочего, соотносится с тем, что одной из важных современных задач является формирование и развитие общих составляющих идентичности, связывающих воедино российских граждан некоторыми общими ценностными «узами». Это, естественно, ни в коей мере не умаляет важности региональных и локальных компонент идентичности. Речь идет об органичном синтезе всех составляющих. В этой связи обратимся к результатам ответов на вопрос: «С кем из перечисленных групп людей вы ощущаете близость, общность, о которых вы могли бы сказать: «Это – мы»? Из приведенного выбора ответов респондентам предлагалось отметить не более пяти позиций. В структуре ранжированного ряда ответов можно выделить несколько групп переменных (с точки зрения частоты выбора отдельных позиций).

Первую группу составляют идентичности, посредством которых респонденты «связывали» себя с близкими им представителями сходных по возрасту или образу жизни групп людей (59 и 50%, соответственно). Очевидно, что образ жизни и связанный достаточно сильно с ним возраст формируют пространство повседневной деятельности и неизбежно детерминируют представления респондентов о близких им социальных общностях. Именно это определяет столь высокий приоритет данных измерений идентичности.

Вторая группа (с точки зрения частоты выбора) соотносится с характеристиками профессии, достатка, образования, места проживания − данные позиции выбирали от 36% до 27% респондентов.

Третью группу образуют форматы социальных идентичностей, которые, несмотря на всю их важность, оказываются не столь часто выбираемыми респондентами. Среди них следующие составляющие идентичности: общеграж-

данская (19%) («ощущение близости со всеми гражданами России); национальная (18%); региональная (13%); религиозная (11%).

Отметим, что применительно к наиболее значимым на сегодня для россиян идентичностям серьезных отличий в порядке ранжированных ответов в таких социально-демографических группах, как возраст и доход, не наблюдается. Небольшим исключением здесь являются респонденты в возрасте старше 60 лет, среди которых в среднем в 1,5 раза больше респондентов предпочитают ассоциировать себя с людьми своего возраста и места жительства. Следует также сказать, что приоритет ведущих идентичностей остается неизменным (с точки зрения ранговых позиций) по данным исследования 2007 г. и 2009 г.

Как можно относиться к тому, что, судя по данным исследования, не более пятой части респондентов рассматривает свою близость с гражданами России? С одной стороны, это свидетельствует о слабости общегражданской идентичности представителей различных групп российского общества. Здесь, по всей видимости, сказываются непростые трансформации, переживаемые социумом в последние 15−20 лет. С другой стороны, не следует забывать, что феномен идентичности имеет сложный характер. В каждый конкретный момент времени одни элементы здесь находятся в актуальном состоянии, другие − латентном. Однако при кардинальных изменениях социальной ситуации в структуре идентичностей могут произойти значимые изменения.

Это тем более так, что понимание текущих ценностных координат российского общества в его политико-идеологическом измерении невозможно без учета тенденций более широкого временного плана, включая перестроечный и постперестроечный периоды. Говоря кратко, можно выделить несколько этапов в развитии социума, которые были сопряжены с кардинально различным состоянием общественной атмосферы – массовой социальной активности и принятия или непринятия тех или иных собственно идеологических построений. Начало и первую половину перестроечного периода, очевидно, можно характеризовать в терминах массовой поддержки идеи совершенствования существовавшей тогда системы реального социализма и опоре (в той или иной мере) на сопутствующие этому ценностные константы. Затем на относительно коротком временном периоде конца 80-х начала 90-х гг. в качестве доминирующих и имеющих достаточно массовую поддержку в общественном сознании выступают либерально-демократические рыночные настроения. При этом весьма сильными оставались настроения, условно говоря, социалистического типа. В целом, правомерно было утверждать, что общество переживало в тот период серьезный ценностный раскол.

По мере осуществления радикальных экономических реформ (имевших крайне болезненное и негативное для большей части общества содержательное наполнение) происходит постепенная утрата массового интереса к политике в целом, отход политико-идеологического измерения бытования социума на второй план. Во второй половине 90-х гг. в обществе начинает ощущаться очевидный идеологический вакуум. С началом нового тысячелетия, совпавшим с президентским правлением В.В.Путина, наблюдаются некоторые попытки соединения либеральных подходов в экономике с более артикулированной (чем ранее) позицией государства по целому ряду внутри- и внешнеполитических вопросов. Официально провозглашенным оказывается запрос на новую общероссийскую идеологию. Важно при этом, что данные тенденции совпали по времени с общей стабилизацией социально-политической и экономической ситуации и некоторым улучшением благосостояния ряда сегментов населения. В условиях современного глобального кризиса, который самым непосредственным образом отразился на социально-экономическом положении страны, эта тема оказывается еще более актуальной.

В этой связи в качестве дополнительного источника обратимся к опыту сравнительных исследований в регионах[1]. В соответствии с имеющимися данными правомерно выделить следующие ценности, которые неизменно входят в число наиболее упоминаемых во всех регионах исследования. К таковым относятся: «общественный порядок», «права человека», «социальная справедливость», «патриотизм». Следует обратить внимание, что указанный перечень ценностей фиксируется почти в неизменном виде в течение последних 5−7 лет.

Помимо прочего, это отражает следующие тенденции. Идея порядка отражает настроения граждан в связи с широким распространением и ростом преступности, коррупции, угрозы террористических актов и т.п. Важно, что все перечисленные негативные явления не решались в течение всего периода постсоветских реформ, причем в ряде случаев имели тенденцию к усугублению.

Наличие в перечне наиболее значимых для общества идей − прав человека отражает, на наш взгляд, некоторое фундаментальное положение. Фактически мы наблюдаем «пересечение» или «сочетание» идеи прав человека с другими ценностями, большая часть которых имеет патерналистско-уравни-

[1] В тексте анализируются данные сравнительных репрезентативных исследований, проведенных в 2006–2008 гг. сектором социальных индикаторов и показателей федеративных и национальных отношений ИСПИ РАН в Воронежской области, Мордовии, Башкирии, Карачаево-Черкесии. Число опрошенных в каждом регионе составляло 500 респондентов.

тельный характер, Таким образом, проявляется некоторый синтез, который, в свою очередь, вольно или невольно является результатом сложного и неоднозначного периода реформ. Общество, разделяя многие составляющие системы традиционных представлений, отнюдь не желает отказываться от того, что оно считает позитивным приобретением последнего времени – правам и свободам либерально-демократического характера.

Показательной также является распространенность собственно патриотических настроений. С одной стороны, это является реакцией на продолжительный перестроечный и постперестроечный периоды конца 80-х–90-х гг., когда страна пережила ряд серьезных утрат и поражений, которые неминуемо отразились на уровне массовых настроений. С другой стороны, нельзя не учитывать тот факт, что сопричастность стране и государству, так или иначе, отражает некоторые глубинные черты российской ментальности как таковой. Показательно, что 65−75% респондентов считали себя патриотами России. Примерно столько же респондентов были согласны с утверждением − «Я горжусь, что я россиянин».

Обсуждение проблематики общероссийской идентичности, как важного фактора федеративной стабильности предполагает также учет совокупности обстоятельств, которые сближают и разъединяют граждан страны. Среди негативных факторов по всем регионам наиболее часто были названы следующие: «расслоение на богатых и бедных» (75−79%); «невысокий авторитет властей» (37−47%); «падение уровня духовности и культуры» (42−45%). Все из перечисленного выше имеет непосредственное отношение к текущим процессам в политико-экономической и социокультурной сферах и, соответственно, являются предметом конкретных властных решений.

Среди наиболее существенных обстоятельств, «работающих» на укрепление общероссийской идентичности следует выделить две группы. Первую группу, по мнению участников опроса, составляют «язык», «культурные традиции», «историческая память» (50−70% упоминаний в зависимости от региона опроса). Ко второй группе можно отнести такие обстоятельства, как «общность территории» (40−55%). Характерно, что такие показатели как вероисповедание, национальная принадлежность играли в большинстве исследуемых регионов существенно меньшую роль.

Обсуждая проблематику российской идентичности, целесообразно также упомянуть о видении респондентами культурно-исторических координат современной России. Что такое Россия – Запад, Восток, нечто среднее? Показательно, что во всех регионах более половины опрошенных согласились с

утверждением «Россия − это Евразийская цивилизация, где объединяются Восток и Запад». Другие оценочные суждения собрали существенно меньшее число упоминаний: «Россия − это часть Западной цивилизации» (7−8%); «Россия − это больше Восточная держава» (9−12%).

Таким образом, проведенный анализ социокультурных оснований объединяющих россиян идей позволяют предположить, что их должен составлять достаточно широкий корпус построений, в котором центральное место занимают позиции наднационального и надконфессионального характера. Другими словами, это должен быть синтез представлений традиционного плана, с одной стороны, и модернизационных подходов – с другой. При этом, респондентам ближе взаимодополнение и обогащение, а не противопоставление ценностей Запада и Востока применительно к культурно-историческим основаниям бытования современной России.

Полученные результаты в контексте дискуссий о ценностях российского общества. Как известно, проблематика ценностей в целом, и российского общества, в частности, находятся в фокусе современных научных дискуссий теоретического и практико-прикладного плана. Одна из актуальных в этой связи тем касается направленности и результатов ценностных изменений, происходящих в сознании российского общества. Здесь можно встретить различные подходы.

Так, в ряде публикаций обосновывается важность ценностных трансформаций для движения российского общества в сторону базовых ценностей западной либеральной демократии, рыночной экономики, инновационного пути развития в целом. В качестве исходной здесь выступает следующая фундаментальная посылка − мировой опыт убедительно демонстрирует, что Запад обладает наиболее продуктивной системой ценностей, и это предопределяет его лидерство в развитии и процветании. Оценивая при этом опыт социальных трансформаций пореформенной России делается вывод о том, что реформы благотворно влияют на ценностные изменения (в рамках заявленного выше общего вектора). Опираясь на данные исследований российского населения или отдельных его групп, утверждается, что структура ценностных ориентаций россиян в связи с изменениями образа жизни все более сдвигается в сторону либеральных и более продуктивных ценностей. «Российская цивили-

зация показывает гибкость и динамичность, близкую к западной, в том числе в отношении ценностей»[1].

Заметим, что обоснование приведенных аргументов, зачастую, опирается на исследование ценностей проводившихся как в текущем, так и в предыдущем десятилетии. В этом плане показательными также являются следующие выводы: «Из наших исследований не следует, будто российский менталитет – продукт и атрибут гипотетической «евразийской» или иной цивилизации. По важным параметрам он скорее приближается к «нормальному» антропоцентрическому либеральному восприятию, но находясь в переходном состоянии, отличается противоречивостью и подчас фрагментарностью. …Судя по результатам опросов, россияне в целом высоко ценят индивидуальные права и свободы, не поддерживая преобладания государственных интересов над частными и не демонстрируя мессианских устремлений. Не проявляют они и особой приверженности коллективистским или «соборным» ценностям»[2].

В какой мере наши данные подтверждают или опровергают приведенные выше выводы? Заметим, что интерпретации желательности или нежелательности ценностных трансформаций, очевидно, зависят от авторских позиций. В этом плане зачастую сходные эмпирические тренды могут получать различные трактовки. Вместе с тем, имеющиеся у нас данные позволяют сделать иные акценты.

Так, например, ключевым вопросом является понимание доминант современного ценностного сознания россиян. Нашим исследованием было зафиксировано, что существуют фактически два основных вектора, детерминирующих распространенность различных типов ценностных представлений – с точки зрения их массовости. С одной стороны, речь идет о значимости фактора материального благосостояния, который разделяют в достаточной высокой мере представители трех из четырех кластеров − типологических групп населения. С другой стороны, установки на социальное взаимодействие, выделение значимости отношений между людьми также оказываются близкими широкому кругу респондентов – весьма высоки соответствующие представления в наиболее многочисленном кластере, представляющем около половины респондентов. Кроме того, подобные идеи принимаются и в двух из трех других ти-

[1] *Ясин Е.Г.* Модернизация России: доклады для 10 конференций. М., 2009. С.169–170.

[2] *Башкирова Е., Федоров Ю.* Лабиринты посттоталитарного сознания // «Pro et Contra». Т. 4. 1999, №2. С.141.

пологических группах. То есть в этом, среди прочего, находит свое выражение то обстоятельство, что структура ценностного сознания россиян отражает как некоторые универсальные (глобальные, «западные»), так и особенные российские компоненты.

Является излишним упрощением утверждение о движении ценностей российского общества в сторону универсального «либерального» восприятия. Результаты многомерной классификации показывают, что значимость представлений о свободе выделяются в системе приоритетов лишь одной, далеко не самой многочисленной типологической группы. Другое дело, что тем самым мы не говорим об отсутствии данного измерения в ценностном сознании. Скорее, речь идет о том, что современная система ценностного сознания является некоторым интегральным выражением, как традиционных коллективистских ценностей, так и ориентаций либерального порядка.

Полученные нами данные отчасти отражают и более раннюю тенденцию, отмеченную в связи с исследованием ценностей российского общества прошлого десятилетия. «Рядовой, «среднестатистический» житель России предстает, прежде всего, прагматиком, поставленным в сложную переходную ситуацию и пытающимся сочетать самые разные, на первый взгляд несочетаемые ценностные установки. Приоритетными становятся ценности, которые не столько олицетворяют устойчивые идеологизированные нормы, сколько отражают наиболее кричащие проблемы… Особо следует сказать о возрастающей роли таких ценностей, как материальный достаток и стабильность жизни…»[1]. Параллельным этому является феномен так называемого потребительского индивидуализма, предполагающий, в качестве своей оборотной стороны, распад социальных связей, слабость гражданского общества. В качестве альтернативы здесь выдвигается индивидуализм западный, предполагающий наличие гражданского общества, развитой системы социальных связей, культуры участия.

Зафиксированные нашим исследованием ценностные приоритеты также фиксируют достаточно высокий уровень распространенности потребительских ориентаций. По всей видимости, в этом проявляется комплекс обстоятельств, включая известный фактор дефицита в поздний советский и перестроечный период, открывшиеся возможности потребления для все более широких слоев населения в пореформенный период.

[1] *Пантин В., Лапкин В*. Ценностные ориентации россиян в 90-е годы // «Pro et Contra». Т. 4. 1999, №2. С.156.

Вместе с тем, при всей справедливости обсуждения данной темы применительно к ценностям российского общества, проблематика потребительства и гедонизма в целом отражает тенденции более общего плана. Так или иначе, это соотносится с общим вектором развития современного мира нескольких последних десятилетий, формирования глобальных рынков потребления и соответствующих моделей индустрии культуры. Кроме того, приведенная выше посылка авторов об «эталонности» западного индивидуализма является известным упрощением. Это тем более так, если принять во внимание существующий корпус литературы, ставящий серьезные вопросы относительно нынешнего состояния уровня развития гражданского общества в западных странах[1]. Здесь же следует принять во внимание результаты международных сравнительных исследований ценностей, фиксирующих, что факторы индивидуалистического рационализма и гедонизма, фактически, становятся универсальными детерминатами социального поведения в самых разных странах, включая Россию. Другой вопрос, что предпосылки этого могут корениться в основаниях той или иной культуры, таких, например, как протестантизм, просвещение, различные версии социализма и т.п.[2].

На основании данных исследования, для характеристики особенности ценностной структуры ценностей россиян правомерно использовать такие понятия, как преемственность, «соседство» традиционных и модернистских элементов. В этом плане наши данные корреспондируют с выводами других авторов о том, что «несмотря на радикальный характер происходивших в стране социально-экономических перемен, социокультурные стереотипы, определяющие общий склад сознания российских граждан, изменяются достаточно плавно, эволюционно, а структура российского социума продолжает обеспечивать надежную трансляцию базовых жизненных ценностей, мотиваций и способов восприятия действительности»[3].

В условиях обостряющейся конкуренции на глобальном уровне перед Россией возникают новые вызовы. Ответы на них невозможны вне сохране-

[1] *Boggs K*. The End of Politics. Corporate Power and the Decline of the Public Sphere. N.-Y., 2000; *Bennet W.L. and Entman R.M*. (eds) Mediated Politics. Communication in the Future of Democracy. Cambridge University Press. 2001; *Meyer T*. Media Democracy: How The Media Colonize Politics. Cambridge University Press 2002.

[2] *Szakolczai A., Fustos L*. Value Systems in Axial Moments. A Comparative Analysis of 24 European Countries // European Sociological Review. Vol. 14. 1998, №3. P.211–229.

[3] *Горшков М.К.* Российское общество в социологическом измерении // «СОЦИС». 2009, №3. С.22–23.

ния и развития нашей страной своей субъектности – во всем многообразии «измерений» данного понятия. Немаловажное значение в этой связи приобретают ценностные координаты общества, поскольку они в значительной мере предопределяют наличие в социуме тех позитивных ресурсов, в опоре на которые возможно инновационное развитие страны, рост ее конкурентоспособности в самых разных областях. При этом на первый план выходит фактор консолидации общества – сплочения людей на основе некоторых общих смыслов и ценностей, во имя обеспечения движения всего общества вперед, с целью его поступательного развития.

На какие моменты следует обратить внимание в связи с полученными результатами анализа ценностного сознания? Существенным фактором консолидации является сохранение в ценностном сознании представлений о важности социального, ориентации на «других», приоритетность поддержания отношений между людьми. Здесь же следует учитывать обстоятельство широкого распространения значимости материального благосостояния. При этом в обществе отсутствует неразрешимые ценностные противоречия между представителями тех или иных социально-демографических групп. В целом, продуктивным является использование имеющегося ценностного пространства во имя консолидации, а не радикальная ломка последнего. Как показывает мировой опыт, экономическая эффективность невозможна вне эффективности социальной – это особенно справедливо к российской социально-экономической и политической практике последних двух десятилетий.

Ресурсом консолидации и развития общества являются ценностные представления, в которых параллельно сосуществуют традиционные ценности (коллективизм, социальная справедливость, патриотизм), с одной стороны, и ценности модернистского порядка (права человека, демократия) – с другой. Вместе с тем, серьезной проблемой для консолидированного развития являются факторы разобщающие общество – значительный разрыв в доходах, коррупция, отсутствие эффективных «социальных лифтов». Нельзя не сказать в этой связи о расширяющихся негативных ценностных сегментах – наличии в отдельных группах ценностных констант, свидетельствующих об утрате норм общественного служения и социальной ответственности, низкий приоритет необходимости получения знаний, наличие элементов агрессивного гедонизма и т.п. Очевидно, что российское общество оказывается к этому весьма чувствительным. В этой связи его конструктивная консолидация требует, по всей видимости, самых разнообразных усилий, в том числе институционального порядка.

Приложение 1

ЛИНЕЙНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОСЫ АНКЕТЫ «ОСНОВАНИЯ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА»[1]

РФ, апрель–май 2009 г.
Население от 18 лет и старше, N=2110
% от числа опрошенных, средний балл

С КАКИМИ ЯВЛЕНИЯМИ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НУЖНО В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ВЕСТИ БОРЬБУ? Выберите, пожалуйста, не более пяти ответов.

С ростом цен	55,3
С наркоманией	44,0
С безработицей	44,0
С преступностью	43,4
С повышением тарифов на услуги ЖКХ	37,6
С загрязнением окружающей среды	36,7
С бедностью	34,4
С коррупцией	31,9
С алкоголизмом	28,9
С произволом чиновников	28,5
С падением нравов, культуры	23,3
С нарушением прав человека	17,7
С поляризацией на богатых и бедных	13,2
С притоком мигрантов, переселенцев	9,3

КАКУЮ ОЦЕНКУ ОТ 1 ДО 5 БАЛЛОВ ВЫ БЫ ДАЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ, ПРАВИЛЬНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ НАШИМ ОБЩЕСТВОМ?

Очень плохо	8,4
Плохо	24,5
Нормально	48,9
Хорошо	15,7
Отлично	2,1
Нет ответа	0,4
Средний балл	2,78
Стандартное отклонение	0,882

[1] Руководители исследования – акад. Г.В.Осипов, член-корр. В.Л.Шульц, д.с.н. В.В.Локосов.

С КАКИМ ИЗ НИЖЕ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ СУЖДЕНИЙ О ТОМ, КАК УСТРОЕНО НАШЕ ОБЩЕСТВО, ВЫ СОГЛАСНЫ В БОЛЬШЕЙ МЕРЕ?

В целом удовлетворен	9,4
Недостатки могут быть устранены путем реформ	52,4
Не удовлетворен	30,5
Затруднились ответить	7,7

НАСКОЛЬКО ВЫ УДОВЛЕТВОРЕНЫ УСЛОВИЯМИ ЖИЗНИ?

Выразите, пожалуйста, степень своей удовлетворенности различными условиями жизни по шкале от 1 до 5 баллов, если 1 – это «совсем не удовлетворен», а 5 – это «полностью удовлетворен».

	Средний балл	**Стандартное отклонение**
Обеспечением продуктами	3,70	1,030
Обеспечением товарами	3,69	0,988
Жилищными условиями	3,16	1,165
Условиями отдыха	2,90	1,170
Работой транспорта	3,18	1,143
Медицинским обслуживанием	2,50	1,061
Возможностью получить образование	3,10	1,066
Условиями воспитания детей	3,01	1,006
Работой коммунальных служб	2,54	1,088
Работой правоохранительных органов	2,67	1,030

ПОСТРАДАЛИ ЛИ ВЫ ИЛИ ЧЛЕНЫ ВАШЕЙ СЕМЬИ ОТ СЕГОДНЯШНЕГО КРИЗИСА?

Пострадали от кризиса	62,6
Не пострадали от кризиса	23,6
Затруднились ответить	13,7

ЕСЛИ ЭТО ПРОИЗОШЛО, ТО В ЧЕМ ЭТО ПРОЯВИЛОСЬ?

Снижение зарплаты	32,4
Отказ от покупок или поездок	17,0
Потеря работы	16,2
Задержка зарплаты	12,3
Невозможность получения кредита	6,6
Перевод на сокращенный рабочий день	4,3
Уход в неоплачиваемый отпуск	3,7
Обесценились деньги	0,8
Низкая пенсия	0,8
Невозможно найти работу	0,3
Психологический дискомфорт	0,2
Затруднились	0,4
Не затронул	4,8

СРАВНИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, УРОВЕНЬ ВАШЕГО (ВАШЕЙ СЕМЬИ) МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ С ТЕМ, ЧТО БЫЛО ГОД-ПОЛТОРА НАЗАД:

Значительное улучшение	2,1
Незначительное улучшение	7,6
Отсутствие изменений	26,5
Незначительное ухудшение	40,8
Значительное ухудшение	19,8
Затруднились ответить	3,2

ГОТОВЫ ЛИ ВЫ АКТИВНО ЗАЩИЩАТЬ СВОИ ИНТЕРЕСЫ?

Готовы	59,2
Не готовы	16,9
Затруднились ответить	23,9

КУДА ИЛИ К КОМУ ВЫ ГОТОВЫ ОБРАТИТЬСЯ ДЛЯ ЗАЩИТЫ СВОИХ ИНТЕРЕСОВ?

К друзьям, родственникам, землякам	45,3
Готов обратиться в суд	44,9
В милицию	30,2
В органы власти	28,7
В СМИ	24,8
В общественные правозащитные организации	21,9
Ни к кому	11,3
Затруднились ответить	9,0
В международные организации	8,9
В профсоюз	8,3
К частным охранным структурам	5,2
К криминальным структурам	3,3

В КАКОЙ ФОРМЕ ВЫ ГОТОВЫ ЗАЩИЩАТЬ СВОИ ИНТЕРЕСЫ?

Подпишу обращение	40,9
Выйду на митинг	25,1
Не готов никак защищать свои интересы	18,4
Приму участие в других акциях протеста	15,8
Поучаствую в марше протеста	13,9
Поучаствую в забастовке	12,8
Поучаствую в насильственных действиях	5,5
Пойду на баррикады	4,3
Затруднились ответить	23,4

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ В ВАШЕМ ГОРОДЕ (РАЙОНЕ) ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ:

Богатыми и бедными

Доброжелательные	4,2
Нормальные	46,1
Напряженные	34,9
Взрывоопасные	5,4
Затруднились ответить	9,3

Национальностями

Доброжелательные	7,3
Нормальные	53,6
Напряженные	27,2
Взрывоопасные	7,0
Затруднились ответить	4,9

Вероисповеданиями

Доброжелательные	11,0
Нормальные	63,5
Напряженные	13,8
Взрывоопасные	3,3
Затруднились ответить	8,4

Местной властью и народом

Доброжелательные	2,8
Нормальные	41,3
Напряженные	37,6
Взрывоопасные	7,6
Затруднились ответить	10,7

Местной властью и предпринимателями

Доброжелательные	4,8
Нормальные	41,3
Напряженные	25,5
Взрывоопасные	3,5
Затруднились ответить	24,9

Предпринимателями и населением

Доброжелательные	4,9
Нормальные	51,6
Напряженные	23,1
Взрывоопасные	3,2
Затруднились ответить	17,2

Коренными и приезжими

Доброжелательные	8,0
Нормальные	58,4
Напряженные	21,4
Взрывоопасные	5,4
Затруднились ответить	6,8

Людьми различных политических взглядов

Доброжелательные	5,0
Нормальные	55,7
Напряженные	17,6
Взрывоопасные	3,2
Затруднились ответить	18,4

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, МОГУТ ЛИ В ВАШЕМ ГОРОДЕ (РАЙОНЕ) СОСТОЯТЬСЯ МАССОВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ, НАПРИМЕР, ПРОТИВ РОСТА ЦЕН, ПАДЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ?

Да	16,3
Скорее да	18,9
Скорее нет	36,7
Нет	12,8
Затруднились ответить	15,3

КАК БЫ ВЫ ОТНЕСЛИСЬ К ТАКИМ ВЫСТУПЛЕНИЯМ?

Положительно	45,1
Безразлично	20,1
Отрицательно	12,5
Затруднились	22,0

КОГО ЧАЩЕ ВСЕГО ВЫ ВИНИТЕ ЗА ВАШИ ПОВСЕДНЕВНЫЕ ТРУДНОСТИ?

Местные власти	38,7
Чиновников	33,9
Себя	26,4
Федеральные власти	25,3
Областные (краевые, республиканские) власти	23,6
Никого не виню	16,1
Олигархов	15,5
Криминальные круги	11,0
Затруднились ответить	7,4
У меня нет трудностей	7,2
Мигрантов	4,1

ЧТО ВЫ ГОТОВЫ СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ УЛУЧШИТЬ СВОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ?

Готов заняться подработкой	37,2
Готов открыть свое дело	25,1
Готов сменить работу	23,5
Готов наладить нужные связи	22,3
Готов повысить образование	18,4
Мое положение меня устраивает	16,8
Ничего не готов делать	13,9
Готов сменить профессию	12,8
Готов уехать за границу	11,3
Готов уехать в другой регион	9,9
Готов выгодно вступить в брак	6,9

ОПРЕДЕЛИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, СВОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЙСТВУЮЩИМ В СТРАНЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ СТРУКТУРАМ И ИНСТИТУТАМ ВЛАСТИ

К Президенту

Доверяю	58,8
Не доверяю	19,7
Затруднились ответить	21,5

К правительству

Доверяю	51,1
Не доверяю	25,7
Затруднились ответить	23,2

К Совету Федерации

Доверяю	31,3
Не доверяю	30,0
Затруднились ответить	38,7

К Государственной Думе

Доверяю	26,7
Не доверяю	40,2
Затруднились ответить	33,1

К Общественной Палате

Доверяю	28,3
Не доверяю	29,9
Затруднились ответить	41,8

К армии

Доверяю	49,0
Не доверяю	28,2
Затруднились ответить	22,8

К милиции, суду, прокуратуре

Доверяю	26,7
Не доверяю	50,3
Затруднились ответить	23,0

К ФСБ

Доверяю	36,2
Не доверяю	29,7
Затруднились ответить	34,1

К Церкви

Доверяю	54,5
Не доверяю	18,2
Затруднились ответить	27,3

К СМИ

Доверяю	23,5
Не доверяю	53,2
Затруднились ответить	23,3

К предпринимателям

Доверяю	15,9
Не доверяю	44,3
Затруднились ответить	39,7

К профсоюзам

Доверяю	22,5
Не доверяю	40,5
Затруднились ответить	37,0

К РАН

Доверяю	48,6
Не доверяю	14,2
Затруднились ответить	37,2

К политическим партиям

Доверяю	13,3
Не доверяю	50,0
Затруднились ответить	36,7

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕЗИДЕНТА РФ Д.А.МЕДВЕДЕВА?

Очень положительно	5,6
Положительно	31,6
С позитивным интересом	23,2
Безразлично	10,2
С настороженностью	13,3
Отрицательно	5,5
Резко отрицательно	0,7
Ничего о ней не знаю	3,6
Затруднились ответить	6,2

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ В.В.ПУТИНА?

Очень положительно	12,9
Положительно	36,3
С позитивным интересом	19,2
Безразлично	8,2
С настороженностью	9,6
Отрицательно	4,7
Резко отрицательно	1,2
Ничего о ней не знаю	2,0
Затруднились ответить	5,9

МНОГИЕ ЛЮДИ ОТЗЫВАЮТСЯ ОДОБРИТЕЛЬНО О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕЗИДЕНТА Д.А.МЕДВЕДЕВА. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, С ЧЕМ ЭТО СВЯЗАНО?

Есть надежда, что ситуация изменится к лучшему	47,1
Просто симпатизируют ему	23,3
Одобряют те, кто хорошо живет	19,9
Нет другой кандидатуры	19,6
Видны реальные результаты его деятельности	18,8
Выдают желаемое за действительное, говорят не правду	18,6
Не понимают, что происходит в стране	16,4
Затруднились ответить	9,1
Он лучше, чем предшественники	8,5

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, СПОСОБНО ЛИ РУКОВОДСТВО СТРАНЫ ВЫВЕСТИ СТРАНУ ИЗ КРИЗИСА, ЭФФЕКТИВНО РЕШИТЬ ЭТУ ПРОБЛЕМУ?

Да	43,7
Нет	23,2
Затруднились ответить	33,1

КАКИЕ ПАРТИИ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ИГРАЮТ НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМУЮ РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ?

«Единая Россия»	70,3
КПРФ	15,9
ЛДПР	12,8
«Справедливая Россия»	9,2
«Патриоты России»	1,6
«Правое дело»	1,2
Затруднились ответить	19,0

КАКИМ ПАРТИЯМ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ И ГОТОВЫ ИХ ПОДДЕРЖИВАТЬ?

«Единая Россия»	42,5
КПРФ	16,0
ЛДПР	11,8
«Справедливая Россия»	10,5
«Патриоты России»	2,0
«Правое дело»	1,0
Затруднились ответить	34,9

КАКАЯ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ НА ВЫБОРЫ ВАМ БЛИЖЕ?

Необходимы для стабильности	17,2
Спектакль с известным финалом	36,7
Завоевание демократии	13,4
Напрасная трата денег	20,6
Затруднились ответить	12,1

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ЛИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫМИ КОМИССИЯМИ ПОДТАСОВКА РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ?

Никогда	7,4
Иногда	33,6
Всегда	28,9
Затруднились ответить	30,1

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, МОЖНО ЛИ СЕГОДНЯ В РОССИИ, НЕ НАРУШАЯ ЗАКОНА, ВЕСТИ СВОЙ БИЗНЕС?

Можно	10,6
Скорее да, чем нет	13,9
Скорее нет, чем да	30,1
Нельзя	24,2
Затруднились ответить	21,2

ЧТО ВЫ МОГЛИ БЫ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАИБОЛЕЕ ТИПИЧНОМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ?

Хорошее	8,7
Нормальное	46,1
Неуверенность, раздражение	29,7
Страх, тоска	8,2
Затруднились ответить	7,3

КАКОЕ ИЗ ПРИВЕДЕННЫХ НИЖЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ НАИБОЛЕЕ ТОЧНО СООТВЕТСТВУЕТ ВАШЕЙ ОЦЕНКЕ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ?

Все прекрасно	5,8
Все не так плохо	33,6
Трудно, но можно потерпеть	43,5
Невозможно терпеть	10,4
Затруднились ответить	6,7

С КЕМ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ ГРУПП ЛЮДЕЙ ВЫ ОЩУЩАЕТЕ БЛИЗОСТЬ, ОБЩНОСТЬ, О КОТОРЫХ ВЫ МОГЛИ БЫ СКАЗАТЬ: «ЭТО – МЫ»?

С людьми моего поколения	59,5
С людьми ведущими сходный образ жизни	50,2
С людьми той же профессии, рода занятий	36,7
С людьми того же достатка	32,9
С людьми моего уровня образования	27,6
Чувствую единство с жителями моего города, района	26,0
Со всеми гражданами России	19,3
С людьми моей национальности	15,2
С жителями моей области, края	12,1
С людьми моей религии	10,2

КАК ЧАСТО ВЫ ВСПОМИНАЕТЕ О ТОМ, КТО ВЫ ПО НАЦИОНАЛЬНОСТИ?

Почти никогда	49,1
Иногда	18,0
Всегда помню	32,9

КАК ВЫ ПОЛАГАЕТЕ, ОТ ЧЕГО, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ЗАВИСИТ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЧЕЛОВЕКА?
От человека

Совсем не зависит	2,9
Мало зависит	3,3
В разных обстоятельствах по разному	16,0
Сильно зависит	29,2
Полностью зависит	48,5

От устройства общества

Совсем не зависит	3,2
Мало зависит	4,4
В разных обстоятельствах по разному	24,3
Сильно зависит	39,0
Полностью зависит	29,1

От судьбы

Совсем не зависит	18,8
Мало зависит	15,5
В разных обстоятельствах по разному	30,8
Сильно зависит	20,8
Полностью зависит	14,1

От случая

Совсем не зависит	8,5
Мало зависит	13,4
В разных обстоятельствах по разному	35,9
Сильно зависит	28,6
Полностью зависит	13,6

ПРОЧИТАЙТЕ ПРИВЕДЕННЫЕ НИЖЕ СУЖДЕНИЯ. ОТМЕТЬТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, СОГЛАСНЫ ВЫ ИЛИ НЕТ С КАЖДЫМ ИЗ НИХ:

Права индивида выше всего

Совсем не согласен	8,3
Не согласен	9,8
Затруднились ответить	27,5
Согласен	24,9
Полностью согласен	29,5

Региональной власти нет дела до людей

Совсем не согласен	5,2
Не согласен	12,0
Затруднились ответить	29,8
Согласен	26,4
Полностью согласен	26,6

Каждый может повлиять на деятельность местной власти

Совсем не согласен	27,1
Не согласен	29,4
Затруднились ответить	26,1
Согласен	11,2
Полностью согласен	6,2

Каждый способен работая обеспечить благополучие

Совсем не согласен	6,1
Не согласен	12,9
Затруднились ответить	25,7
Согласен	28,2
Полностью согласен	27,0

Законы не совершенны, но обязательны

Совсем не согласен	3,2
Не согласен	7,7
Затруднились ответить	29,0
Согласен	30,5
Полностью согласен	29,6

Российское общество готово совершить прорыв в развитии

Совсем не согласен	3,2
Не согласен	10,4
Затруднились ответить	32,8
Согласен	29,7
Полностью согласен	23,9

Материального благополучия нельзя обеспечить

Совсем не согласен	19,6
Не согласен	23,3
Затруднились ответить	31,2
Согласен	15,1
Полностью согласен	10,7

Главное стремления к успеху

Совсем не согласен	22,7
Не согласен	26,1
Затруднились ответить	31,3
Согласен	11,8
Полностью согласен	8,1

Власть понимает язык силы

Совсем не согласен	11,9
Не согласен	14,2
Затруднились ответить	37,2
Согласен	18,1
Полностью согласен	18,6

ВЫБЕРИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ТРИ УТВЕРЖДЕНИЯ, КОТОРЫЕ СОВПАДАЮТ С ВАШИМИ ЦЕННОСТЯМИ, ЖИЗНЕННЫМИ ЦЕЛЯМИ:

Материальное благосостояние основа независимости	52,7
Главное в жизни отношения между людьми	51,2
Человек должен сделать что-то для других	41,6
Человек создан для счастья	34,2
Объединившись люди могут многого достичь	26,8
Жизнь коротка и надо наслаждаться	23,5
Свобода дар человеку	23,4
Главное в жизни учиться	20,2
Надо стремиться совершить что-то выдающееся	12,3

ПОЛ

Мужской	44,4
Женский	55,6

ВОЗРАСТ

От 18 до 24 лет	14,8
От 25 до 29 лет	10,4
От 30 до 39 лет	18,2
От 40 до 49 лет	18,9
От 50 до 59 лет	17,1
От 60 лет и старше	20,6

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Русский	77,9
Татарин	7,2
Осетин	4,1
Бурят	2,4
Нет ответа	2,1
Башкир	1,5
Украинец	1,2
Чуваш	0,6
Армянин	0,5
Мордовец	0,5
Белорус	0,3
Еврей	0,3
Россиянин	0,2
Грузин	0,2
Поляк	0,1
Немец	0,1
Азербайджанец	0,1

Мариец	0,0
Курд	0,0
Турок	0,0
Литовец	0,0
Корел	0,0
Киргиз	0,0
Эвенк	0,0
Адыгеец	0,0
Кореец	0,0
Ительменец	0,0
Латыш	0,0
Таджик	0,0
Узбек	0,0
Бангладешец	0,0
Удмурт	0,0
Эстонец	0,0

ЕСЛИ ВЫ ВЕРИТЕ В БОГА, ТО К КАКОМУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЮ СЕБЯ ОТНОСИТЕ?

Атеист	12,7
Православный	62,1
Старообрядец	0,8
Мусульманин	8,3
Иудей	0,3
Католик	0,5
Протестант	0,2
Буддист	2,1
Сверхъестественное	9,2
Затруднились ответить	3,2
Баптист	0,2
Агностик	0,1
Свидетель Иеговы	0,1
Шаманизм	0,3
Григорианец	0,0

КАКАЯ ИЗ ПРИВЕДЕННЫХ НИЖЕ ОЦЕНОК НАИБОЛЕЕ ТОЧНО ХАРАКТЕРИЗУЕТ ВАШИ ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ?

Хватит на квартиру	1,2
Хватит на машину	7,7
Товары длительного пользования	16,3
На жилье, продукты и одежду	37,2
Продукты, одежда	15,3
Только продукты	12,2
Не хватает на еду	5,3
Затруднились ответить	4,8

РОД ЗАНЯТИЙ

Рабочий	15,3
Крестьянин	2,4
Служащий	16,9
Интеллигент	11,4
Инженер	7,5
Военный	2,2
Предприниматель	7,2
Пенсионер	21,3
Студент	6,5
Не работающий	5,5
Безработный	3,2
Работающий студент	0,0
Временно безработный	0,2
Декретный отпуск	0,1
Школьник	0,1
Фриланс	0,2
Работник МВД	0,0
Работник рынка	0,0
Водитель	0,1

ОБРАЗОВАНИЕ

Начальное или нет начального	1,2
Общее среднее или начальное профессиональное	4,4
Среднее (полное) общее	14,6
Среднее профессиональное	28,0
Незаконченное высшее	12,2
Высшее	39,5

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Нет ответа	0,1
Никогда не состоял(а) в браке	18,0
Состою в браке	53,3
Гражданский брак	8,9
Разведен	10,1
Вдовец	9,6

СКОЛЬКО У ВАС ДЕТЕЙ?

Нет детей	25,2
1 ребенок	26,7
2 ребенка	35,5
3 ребенка	9,7
4 ребенка	2,1
Более 4 детей	0,8

СКОЛЬКО ДЕТЕЙ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ИМЕТЬ, ЕСЛИ БЫ У ВАС БЫЛИ ВСЕ НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ?

Не хочу детей	0,7
1 ребенок	11,2
2 ребенка	45,0
3 ребенка	24,0
4 ребенка	5,8
Более 4 детей	13,3

Приложение 2

ЛИНЕЙНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОСЫ АНКЕТЫ «КАК ЖИВЕШЬ, РОССИЯ?»[1]

РФ, июнь 2009 г.
Население от 18 лет и старше, N=1852,. % от числа опрошенных, средний балл

КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕСПОКОЯТ ВАС В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ? *(разрешалось отметить не более 5 позиций)*

Дороговизна жизни	50
Повышение тарифов на жилье и комм. Услуги	36
Повышение цен на продукты питания	34
Безработица	32
Экологическая обстановка	31
Преступность	28
Произвол чиновников	28
Падение нравов, культуры	26
Безопасность Ваша и Ваших близких	22
Алкоголизм	22
Наркомания	22
Разделение общества на богатых и бедных	20
Высокая инфляция	19
Мировой экономический кризис	16
Закрытие, простой предприятий	15
Задержка выплаты зарплаты, пенсий	11
Терроризм	9
Обострение межнациональных отношений	9
Замена льгот денежными выплатами	3

С КАКИМ ИЗ НИЖЕПЕРЕЧИСЛЕННЫХ СУЖДЕНИЙ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ НАШЕГО ОБЩЕСТВА ВЫ СОГЛАСНЫ В БОЛЬШЕЙ МЕРЕ?

Меня полностью устраивает политическая система нашего общества	8
В политической системе нашего общества много недостатков, но их можно устранить путем постепенных реформ	49
Меня не устраивает политическая система нашего общества, ее необходимо радикально изменить	26
Затруднились ответить	17

[1] Руководитель исследования – д.с.н.В.К. Левашов.

ОПРЕДЕЛИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, СВОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЙСТВУЮЩИМ В СТРАНЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ СТРУКТУРАМ И ИНСТИТУТАМ ВЛАСТИ

Президенту РФ

Доверяют	56
Не доверяют	25
Затруднились ответить	19

Правительству РФ

Доверяют	42
Не доверяют	35
Затруднились ответить	24

Совету Федерации

Доверяют	20
Не доверяют	35
Затруднились ответить	44

Государственной Думе

Доверяют	19
Не доверяют	51
Затруднились ответить	30

Администрации Президента РФ

Доверяют	30
Не доверяют	33
Затруднились ответить	38

Совету Безопасности

Доверяют	29
Не доверяют	30
Затруднились ответить	41

Общественной палате

Доверяют	17
Не доверяют	33
Затруднились ответить	50

Милиции, суду, прокуратуре

Доверяют	15
Не доверяют	68
Затруднились ответить	17

Армии

Доверяют	40
Не доверяют	34
Затруднились ответить	26

Профсоюзам

Доверяют	18
Не доверяют	40
Затруднились ответить	41

Церкви

Доверяют	47
Не доверяют	22
Затруднились ответить	30

Политическим партиям, движениям

Доверяют	11
Не доверяют	58
Затруднились ответить	31

Общественным организациям

Доверяют	20
Не доверяют	38
Затруднились ответить	42

Руководителям регионов

Доверяют	24
Не доверяют	51
Затруднились ответить	24

Средствам массовой информации

Доверяют	23
Не доверяют	48
Затруднились ответить	28

Банковским, предпринимательским кругам

Доверяют	10
Не доверяют	60
Затруднились ответить	29

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К КУРСУ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ, ПРОВОДИМЫХ РУКОВОДСТВОМ СТРАНЫ?

В основном положительно	31
В основном отрицательно	31
Безразлично	18
Затруднились ответить	21

КАКУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ, ДВИЖЕНИЕ ВЫ ПОДДЕРЖИВАЕТЕ В НАСТОЯЩИЙ ПЕРИОД?

«Гражданская сила» (Барщевский М.)	1
«Единая Россия» (Путин В.)	38
КПРФ (Зюганов Г.)	9
ЛДПР (Жириновский В.)	7
«Патриоты России» (Семигин Г.)	0
«Союз правых сил»	1
«Справедливая Россия» (Миронов С.)	4
«Яблоко» (Митрохин С.)	1
Никакую из названных	29
Другую	0
Затруднились ответить	9

КТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ ЛИДЕРОВ СПОСОБЕН ВЫВЕСТИ РОССИЮ ИЗ КРИЗИСА?

Путин В.	51
Медведев Д.	28
Нет такого лидера	27
Жириновский В.	9
Шойгу С.	8
Зюганов Г.	7
Лукашенко А.	6
Лужков Ю.	5
Миронов С.	3
Ходорковский М.	3
Грызлов Б.	2
Другой	2
Явлинский Г.	2
Собянин С.	1
Кудрин А.	1
Каспаров Г.	1
Касьянов М.	1
Чубайс А.Б.	0

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ОБЕСПЕЧИВАЮТСЯ ЛИ ГОСУДАРСТВОМ СЛЕДУЮЩИЕ НОРМЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В НАШЕЙ СТРАНЕ?

Равенство всех граждан перед законом

Да	14
Нет	86

Личная безопасность

Да	20
Нет	80

Соблюдение прав человека

Да	21
Нет	79

Социальные гарантии

Да	32
Нет	68

Свобода политического выбора

Да	58
Нет	42

Терпимость к чужому мнению

Да	37
Нет	63

Свобода слова

Да	52
Нет	48

ПРОЧИТАЙТЕ НИЖЕПРИВЕДЕННЫЕ СУЖДЕНИЯ О ЖИЗНИ В НАШЕМ ОБЩЕСТВЕ И В КАЖДОЙ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ПАР ОТМЕТЬТЕ ТО СУЖДЕНИЕ, С КОТОРЫМ ВЫ СОГЛАСНЫ

Сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие	35
Сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь	48
Затруднились ответить	17

Власти заботятся о жизни простых людей	9
Людям у власти нет никакого дела до простых людей	69
Затруднились ответить	22

Главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счет областей и республик России	48
Центр проводит политику в интересах регионов	13
Затруднились ответить	39

Большинство из нас могут повлиять на политические процессы в стране	11
Большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране	72
Затруднились ответить	17

НАСКОЛЬКО ЗНАЧИТЕЛЬНЫ СЕГОДНЯ ПРОТИВОРЕЧИЯ, НЕПРИЯЗНЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ?

Противоречия между народом и властью

Значительны	54
Не значительны	33
Затруднились ответить	13

Противоречия между бедными и богатыми

Значительны	70
Не значительны	19
Затруднились ответить	11

Противоречия между низшими и высшими классами

Значительны	65
Не значительны	19
Затруднились ответить	16

Противоречия между работодателями и работниками

Значительны	50
Не значительны	34
Затруднились ответить	16

Противоречия между начальниками и подчиненными

Значительны	47
Не значительны	34
Затруднились ответить	19

Противоречия между предпринимателями и чиновниками

Значительны	32
Не значительны	33
Затруднились ответить	35

Противоречия между младшим и старшим поколениями

Значительны	37
Не значительны	52
Затруднились ответить	10

Противоречия между верующими и неверующими

Значительны	16
Не значительны	60
Затруднились ответить	24

Противоречия между верующими различных религий

Значительны	25
Не значительны	43
Затруднились ответить	32

Противоречия между людьми различных национальностей

Значительны	42
Не значительны	32
Затруднились ответить	26

ОЦЕНИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕДВЕДЕВА Д.А. НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПУТИНА В.В. НА ПОСТУ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ? *(1 означает самую низкую, а 10 – самую высокую оценку деятельности)*

	Средний балл по 10-балльной системе
Медведев Д.А. на посту Президента РФ	5,56
Путин В.В. на посту Председателя Правительства РФ	6,75

ЧТО ВЫ ГОТОВЫ ПРЕДПРИНЯТЬ В ЗАЩИТУ СВОИХ ИНТЕРЕСОВ? *(разрешалось отметить не более 3 позиций)*

Подпишу обращение к властям	28
Ничего из перечисленного не буду делать	24
Выйду на митинг, демонстрацию	23
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	17
Затруднились ответить	14
Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады	13
Мои интересы достаточно защищены	10
Другое	1

ЧЬИ ИНТЕРЕСЫ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ВЫРАЖАЕТ И ЗАЩИЩАЕТ СЕГОДНЯ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО? *(разрешалось отметить не более 3 позиций)*

Богатых слоев	47
Государственной бюрократии	44
Затруднились ответить	18
Всех граждан России	12
Средних слоев	9
Другое	3
Бедных слоев	2

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ОТВЕЧАЮТ ИЛИ НЕТ ПРОВОДИМЫЕ В СТРАНЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ИНТЕРЕСАМ БОЛЬШИНСТВА НАСЕЛЕНИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ?

Да, отвечают	16
Нет, не отвечают	61
Затруднились ответить	23

СУЩЕСТВУЕТ ДВА ИЗВЕСТНЫХ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛИЗМ» И «КАПИТАЛИЗМ». ЧТО КАЖДОЕ ИЗ НИХ ДЛЯ ВАС ОЗНАЧАЕТ?

Социализм – это прежде всего *(разрешалось отметить не более 5 позиций)*

Коллективизм	50
Патриотизм	45
Порядок	38
Справедливость	32
Нравственность	24
Права человека	18
Народовластие	18
Подавление личности	18
Власть узкой группы людей	16
Духовность	16
Бедность	15
Гуманизм	13
Экономическая отсталость	13
Высокий уровень жизни	12
Технический прогресс	11
Свобода	10
Социальная незащищенность	9
Нет ответа	3
Частная собственность	2
Преступность	2

Капитализм – это прежде всего *(разрешалось отметить не более 5 позиций)*

Частная собственность	61
Социальная незащищенность	40
Власть узкой группы людей	37
Преступность	34
Бедность	29
Технический прогресс	26
Свобода	25
Подавление личности	19
Высокий уровень жизни	18
Права человека	12
Экономическая отсталость	8
Порядок	7
Справедливость	5
Коллективизм	4
Нет ответа	4
Нравственность	3
Патриотизм	3
Гуманизм	3
Духовность	3
Народовластие	3

ИСХОДЯ ИЗ СВОЕГО ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛИЗМЕ И КАПИТАЛИЗМЕ, В КАКОМ ОБЩЕСТВЕ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ЖИТЬ?

В социалистическом	34
В капиталистическом	20
В каком-то другом	10
Затруднились ответить	36

ПРОШЛО ПОЧТИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ С МОМЕНТА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ С КАРТЫ МИРА ГОСУДАРСТВА СССР. КАКИЕ ИЗ НИЖЕ ПРИВЕДЕННЫХ ШИРОКО РАСПРОСТРАНЕННЫХ СУЖДЕНИЙ НАИБОЛЕЕ ПОЛНО СООТВЕТСТВУЮТ ВАШИМ МЫСЛЯМ И ЧУВСТВАМ? *(разрешалось отметить не более 3 позиций)*

Распад СССР – это продуманная политика, проводимая из-за рубежа, с целью захвата отечественных источников сырья и рынков	43
Распад СССР – результат ошибочной недальновидной политики Центра	37
Распад СССР – следствие политических амбиций лидеров в Центре и на местах	34
Распад СССР закономерен – это распад нежизнеспособного государства	18
Распад СССР закономерен, так как его сохранение противоречило жизненным устремлениям, воле народов	14
Другое мнение	2

НУЖНО ЛИ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ИЗМЕНИТЬ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ РОССИИ?

Да, нужно сократить количество регионов, укрупнив их	13
Да, изменить, отказавшись от национально-территориального деления	12
Нет, оставить все, как есть	46
Изменить иначе	1
Затруднились ответить	28

КАК ОТРАЗИЛСЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС НА МАТЕРИАЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ ВАШЕЙ СЕМЬИ?

Материальное положение улучшилось	3
Материальное положение ухудшилось	58
Материальное положение не изменилось	33
Затруднились ответить	6

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ДОСТАТОЧНО ЭФФЕКТИВНОЙ ПРОГРАММА АНТИКРИЗИСНЫХ МЕР ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ?

Да, является эффективной	12
Нет, не является эффективной	48
Затруднились ответить	39

КАКОВЫ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ГЛАВНЫЕ ПРИЧИНЫ РАЗРАЗИВШЕГОСЯ В РОССИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА? *(разрешалось отметить не более 3 позиций)*

Слабость российской экономики	47
Кризис мировой финансовой системы	41
Последствия кризиса финансовой системы США	32
Ошибки и неправильные действия высшего российского политического руководства	26
Результат экономической стратегии, осуществляемой руководством страны	18
Действия российского финансового капитала	14
Затруднились ответить	10
Месть Америки за действия России на Кавказе	6
Другие причины	2

КАКОЙ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПУТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАИБОЛЕЕ ПРИЕМЛЕМ ДЛЯ РОССИИ?

Свободная рыночная экономика, как в США, Великобритании, ФРГ, Франции	11
Социально-ориентированная экономика наподобие Швеции	13
Экономика с преобладанием государственных форм собственности по образцу Китая	11
У России должен быть свой особый путь развития, основанный на традиционных представлениях россиян об отношениях людей и земной справедливости	48
Другое мнение	1
Затруднились ответить	17

КАК БЫ ВЫ ОПРЕДЕЛИЛИ СВОИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ? *(разрешалось отметить не более двух позиций)*

Демократические	24
Коммунистические	9
Либеральные	11
Социалистические	13
Патриотические	22
Консервативные	5
Социал-демократические	7
Националистические	3
Затруднились ответить	26

УКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАКУЮ РЕЛИГИЮ ВЫ ИСПОВЕДУЕТЕ?

Я неверующий	18
Православие	64
Ислам	8
Другую	1
Верю в существование сверхъестественной силы, но ни к какой церкви не принадлежу	8

КАКАЯ ИЗ ПРИВЕДЕННЫХ НИЖЕ ОЦЕНОК НАИБОЛЕЕ ТОЧНО ХАРАКТЕРИЗУЕТ ВАШИ ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ?

Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	2
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей	14
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	50
Денег хватает только на приобретение продуктов питания	27
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания	7

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Нет ответа	4
Русские	84
Татары	6
Украинцы	2
Другие	5

НА КАКОМ ПРЕДПРИЯТИИ ИЛИ ОРГАНИЗАЦИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ ВЫ РАБОТАЕТЕ?

Нет ответа	30
Государственное	22
Муниципальное	7
Частное	26
Общественная организация	1
Акционерное предприятие	13
Предприятие в иностранной собственности	0
Предприятие в совместной российской и иностранной собственности	0

Приложение 3

СЕДЬМОЙ ПОХОД ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК[1]

Российская академия наук является главной формой институционализации фундаментальной науки в стране и играет системообразующую роль в интеллектуальной сфере. Именно «большая» Академия сохраняет целостность научного сообщества России и преемственность традиций, достижений мирового уровня. В своих обращениях к участникам недавней встречи, посвященной 50-летию подписания договора о сотрудничестве между РАН (АН СССР) и Национальной академией наук США, президенты двух стран, Дмитрий Медведев и Барак Обама, высоко оценили вклад академий в мировую науку.

Российская Академия наук располагает широкой социальной поддержкой, доверием большинства граждан: по данным ИСПИ РАН, коэффициент доверия (сумма положительных ответов «доверяю» и отрицательных ответов «не доверяю») к ней в 2007 г. составлял 28 процентных пунктов (п.п.), а в 2009 г. – 34 п.п. Для сравнения: коэффициент доверия, например, к профсоюзам в 2009 году равнялся минус 17 п.п., к предпринимательским кругам – минус 27 п.п. Большинство россиян (до 70%) даже в тяжелые годы реформ выступали за то, чтобы государство выделяло все необходимые средства для развития академии, понимая, что без науки не может быть развития общества.

И при этом, по словам президента РАН академика Юрия Осипова, уже с 1991 г. началась широкая кампания дискредитации Академии наук в глазах общества, неоднократно предпринимались попытки «распустить Академию по аналогии с ликвидацией союзных структур под предлогом борьбы с тоталитаризмом». Миновало шесть походов на Академию наук в 1991–2007 гг.[2]. В 2009 г. фактически был объявлен седьмой поход против Российской Академии наук.

Анонимные авторы седьмого проекта уничтожения академии под названием «Проект Академии наук при Администрации президента Российской Федерации и Международного комитета научного аудита», судя по тексту, принадлежат к тем «реформаторам», чья некомпетентность сопоставима только с их же амбициозностью. Очевидно, что появление подобных опусов означает **очередной этап спланированной дискредитации Российской академии наук, рассчитанной на ее упразднение и захват собственности.**

Кто заинтересован в развале Академии наук? Оставим за скобками властный триумвират «бюрократия-бизнес-криминалитет», давно нацеленный на земельно-имущественный комплекс академии. В данном контексте важен социально-психологический тип антиакадемических сил. Назовем этот тип – «свободные радикалы», по аналогии с аномальными молекулами, которые способны в силу своей аномальности разрушать вещества всех биохимических классов, создавать клетки-мутанты, что приводит к заболеваниям или гибели организма. Это своего рода биохимические деструкторы. В обществе также

[1] Статья д.с.н. В.В.Локосова опубликована в газете «Поиск», 2009, 15 июня, и «Российской философской газете», 2009, №8 (34), август.

[2] Академик Г.В.Осипов в работе, посвященной деятельности РАН, определил шесть походов против РАН. См. *Осипов Г.В*. Российская академия наук – великое национальное достояние. Социология и общество. М., 2007. С.452–542.

существует социально-психологический тип свободных радикалов. Есть даже объединения, движения под таким названием.

Мотивы деятельности свободных радикалов разнообразны: от искреннего желания «раздавить гадину» до выполнения заданий «пятой колонны». Свободный радикализм, как правило, далек от пассионарного порыва или харизматического вождизма, это скорее современный вид социального нигилизма, зачастую переплетенный с постмодернистскими потугами на тотальную деконструкцию. Для свободных радикалов Российская Академия наук – пустой звук, или Карфаген, который должен быть разрушен. Для этого типа людей преемственность, сохранение традиций, консерватизм не только не ценность, а скорее ретроградный атавизм.

Почему Карфаген должен быть разрушен? Главный из доводов – неэффективность деятельности РАН. Согласно данным социологического опроса «Оценка состояния Российской Академии наук» (2005) в гуманитарном секторе академической науки «кадровый балласт» якобы составлял 90%, а в негуманитарном – 53%. Отсюда делался вывод о неэффективности самой академии. На самом деле, методическая несостоятельность исследования не позволяла сделать подобных заключений[1]. Однако тезис о неэффективности академии был и остается главным в походах свободных радикалов против нее.

В доказательство эффективности деятельности РАН приводятся различные статистические данные, математические расчеты. Например, расчеты специалистов ЦЭМИ РАН, согласно которым затраты на научные исследования в трех экономически ведущих странах (США, Япония, Германия) на душу населения в 7–11 раз выше, чем у нас, а отдача от этих затрат находится примерно на том же уровне, что и в России.

Суть предложений по повышению эффективности Академии наук во время предыдущих походов была примитивно проста: академики – плохие менеджеры, их надо отстранить от руководства и передать РАН под внешнее управление в лице менеджерского совета. А уж новая власть сумеет более эффективно распорядиться академической собственностью и брэндом. В мотивации седьмого похода фактически сохранились эти доводы, но аргументация стала законченно откровенной. Свободные радикалы вынесли академии суровый приговор: оставаясь рудиментом советской науки, РАН в принципе не в состоянии адаптироваться к рыночным механизмам, более того, она ориентирована на иждивенчество; для создания инновационной экономики ее деятельность бесполезна, если не вредна. **В отличие от прежних походов свободные радикалы теперь намерены не просто задушить Академию наук в своих менеджерских объятиях, а создать условия, в которых «старые структуры будут естественно отмирать».**

Поскольку академия не пригодна к реформированию, а разогнать ее трудно, то предлагается проект создания параллельных структур **под вывеской Академии наук при Администрации Президента РФ**. На эти параллельные структуры предполагается переориентировать поток государственного финансирования научных исследований.

Цели, разумеется, самые чистые – «создание неангажированной среды научного обсуждения с постепенной выработкой соответствующих практик внутри российского сообщества», превращение российской науки «из маргинальной области в полноправного участника формирующегося мирового научного сообщества». Нетрудно понять, что за подобными декларациями стоят обычные корыстные интересы вполне конкретных людей.

Для свободных радикалов есть лишь один образец организации науки – западный. А посему предлагается сформировать международный научный аудит, «предполагающий привлечение сил

[1] *Локосов В.В.* Эффективность РАН: экзерсисы псевдосоциологов. Российское сообщество: трансформация целей, интересов, ценностей. М., 2006. С.186–196.

ученых разных стран – в первую очередь российского происхождении, но работающих за рубежом, – для оценки актуальности работ российских ученых».

Традиционный тон нападок на академию – авангардно-агрессивный, призванный отразить молодую энергию борцов с мракобесием за светлое будущее российской науки. Стиль изложения – подчеркнуто безапелляционный. Нам как бы свысока преподносят окончательные истины, уверяя, что иного не дано.

К новациям седьмого похода следует отнести причисление к мифам фактов, которые ранее свободные радикалы не оспаривали. Прежде всего, отнесен к мифам факт недофинансирования отечественной науки. Министр науки и технологий (1996–2000) академик Владимир Фортов отмечал, что наука «была выведена из числа стратегических приоритетов государства. Доля ассигнований в гражданскую науку была в конце 1991 г. обвальным образом сокращена в четыре раза. Тарифные ставки оплаты сотрудников академических институтов высшего восемнадцатого разряда были ниже прожиточного минимума». Именно недофинансирование привело к серьезным проблемам: деградации научно-технической базы, утечке умов и падению престижа научной деятельности среди молодежи, и «старению» науки. Надежды на участие бизнеса в финансировании научных исследований были утопичны в силу характера отечественного бизнеса и способов его становления. И до сих пор Россия вместо необходимых для эффективного развития науки 3% ВВП расходует на нее 1%. Отрицать многолетнее издевательство над наукой со стороны государства значит умышленно искажать факты.

Еще одна новация седьмого похода на Академию наук – это его политизированность. Авторы отчета о состоянии РАН не преминули указать на политическую неблагонадежность академических ученых, якобы слабо голосующих за Владимира Путина и «Единую Россию». На деле политические ориентации академических ученых прямого отношения к их научной эффективности не имеют и указание на оппозиционность ученых по отношению к «партии власти» было связано с тем же желанием дискредитировать РАН любыми способами, включая уже проверенный на практике способ политического доноса.

Критика сотрудников академических институтов в неэффективности сочетается с грубыми обвинениями ученых в коррумпированности, местечковости, клановости и «рентополучательстве». Правда, доказательная база свободных радикалов не выдерживает научной критики. Но свободным радикалам и не нужна доказательная база.

Надо отдать должное противникам академии: они умело и последовательно используют реальные проблемы в ее деятельности, взаимоотношениях с бизнесом и обществом. Слабый менеджмент, низкая инновационная активность и другие проблемы действительно существуют. Они требуют изучения и решения, в том числе и с помощью репрезентативных социологических исследований. Необходима профессиональная оценка реального состояния Академии наук и доведение ее до широкой общественности. Для сохранения целостности и конкурентоспособности РАН в агрессивной среде нужно более оперативно разрабатывать программу повышения эффективности ее деятельности, отвечающую целям формирования общества знания и стратегическим национальным интересам.

Свободные радикалы предлагают модернизацию науки путем ее разрушения до основания. Способ очень простой и хорошо знакомый. Но в стратегическом плане – это трагический тупик. Очевидно, что в современных социально-экономических и политических условиях организация деятельности РАН нуждается в определенных изменениях. Но не менее очевидно и то, что поспешное и дилетантское реформирование Академии наук, а тем более, ее отмирание, приведет к необратимым для отечественной фундаментальной науки негативным последствиям. Перефразируя известное изречение, можно сказать, что у России сегодня только три союзника – армия, флот и Академия наук, и этими союзниками надо дорожить.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Становление общества знания как условие развития России ……. 6

I. РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ КРИЗИС

Динамика массового сознания …….. 16
Потенциал социальной активности и протеста населения ……. 44
Изменение механизма социальной регуляции развития молодежи …….. 62
Законодательство как фактор обеспечения прав человека …… 76
Факторы преодоления кризиса в сельском хозяйстве …… 82
Преодоление коррупционной среды рейдерства ……. 98
Движущие силы инновационного развития

II. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Оценки миграционного потенциала населения стран ближнего зарубежья …… 123
Современная российская диаспора: особенности формирования и потенциал ... 132
Стационарные миграции как фактор формирования трудоспособного населения …… 149
Региональные вариации воспроизводства населения ……. 160
Миграционные процессы в Краснодарском крае …… 169
Европейский и российский опыт адаптации иммигрантов …… 179

III. СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РЕГИОНАХ

Социальная ситуация в Республике Северная Осетия–Алания …… 204
Субъективные факторы инновационного развития в Республике Татарстан ….. 215
Социальная ситуация в Вологодской области ……. 225
Социальная ситуация в городе Рязани ……. 239
Социальная ситуация в городе Березники Пермского края ……... 253

IV. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Социальное конструирование исторического знания …… 261
Социокультурные общности кризисной России ……. 277
Ценности образования и науки в жизненных стратегиях студенческой молодёжи 298
Изменения религиозности и этнической толерантности ……... 317
Ценностные ориентации в обществе периода трансформаций ……. 327

Приложение 1. Линейное распределение ответов на вопросы анкеты «Основания консолидации российского общества». РФ, апрель–май 2009 г. …. 346

Приложение 2. Линейное распределение ответов на вопросы анкеты «Как живешь, Россия?» РФ, июнь 2009 г. …… 361

Приложение 3. В.В.Локосов. Седьмой поход против Российской академии наук. Статья …….. 372

УДК 323/ 324(470+571)
ББК 66.3(2Рос)3
Р76
ISBN 978-5-7556-0431-4

Россия: субъективные и объективные факторы в преодолении кризиса. *Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2009 году: анализ и прогноз.* – М.: ИСПИ РАН, 2010. – 376 с.

РОССИЯ:
СУБЪЕКТИВНЫЕ И ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ
В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА
Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2009 году: анализ и прогноз

Научное издание

Подписано в печать 5.03.2010
Ответственный за выпуск – *Дейниченко О.В.*
Оригинал-макет – РИО ИСПИ РАН

Объем 23,5 уч.-изд. л.; 23,5 усл.п.л.
Тираж 1000 экз.

119991, Москва, Ленинский пр., 32А
8(495) 938 19 10